

АЛЬБЕР КАМЮ

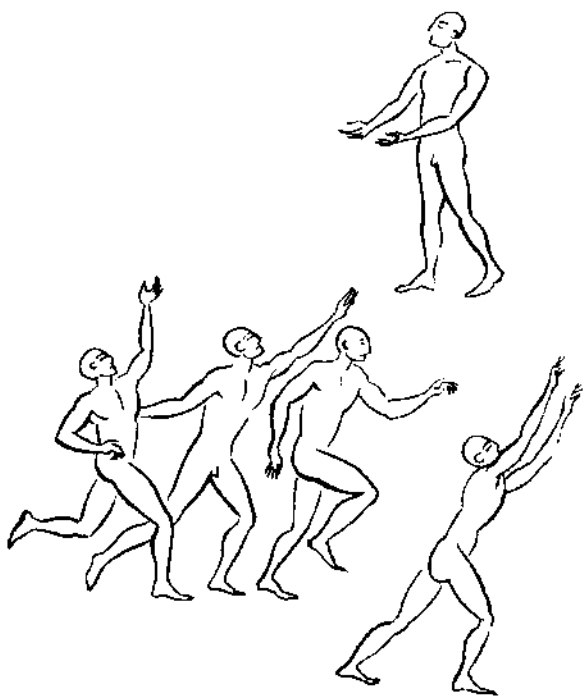

Belmont

ALBERT CAMUS

OEUVRES

АЛЬБЕР КАМЮ

СОЧИНЕНИЯ В ПЯТИ ТОМАХ

5

ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ

Перевод с французского

Харьков «Фолио»
1998

Серия «Вершины»
основана в 1995 году

Комментарии
С. Зенкина

Художники
М. Квитка, О. Квитка

Cet ouvrage publié dans le cadre
du programme de participation à la publication,
bénéficie du Soutien du Ministère
des Affaires Etrangères, du Centre de Coopération
Culturelle et Linguistique de l'Ambassade de France
en Ukraine

Дане видання здійснено
у межах програми підтримки видавничої діяльності
за сприяння Міністерства Закордонних Справ Франції
та Центру Культури і Лінгвістичних Зв'язків
Посольства Франції в Україні

Издание осуществлено
в рамках программы поддержки издательской деятельности
при содействии Министерства Иностранных Дел Франции
и Центра Культуры и Лингвистических Связей
Посольства Франции в Украине

К 4703010100—201 Без объявл.
98

- © Editions Gallimard
- © Издательство «Радуга», перевод на русский язык, комментарии, 1990
- © М. Квитка, О. Квитка, художественное оформление, 1998
- © Издательство «Фоллио», текст на русском языке, марка серии, 1998

ISBN 966-03-0282-7 (т. 5)

ISBN 966-03-0277-0

CARNETS

ТЕТРАДЬ № I
МАЙ 1935 ГОДА — СЕНТЯБРЬ 1937 ГОДА

Май 35-го г.

Вот что я хочу сказать:

Что можно чувствовать — не будучи романтиком — тоску по утраченной бедности. Годы, прожитые в нищете, определяют строй чувств. В данном случае *строй чувств исчерпывается* странным отношением сына к матери. Самые разные проявления этих чувств вполне объясняются подспудной, вещественной памятью детства (как смола, вьезшейся в душу).

Отсюда — для того, кто это замечает, — благодарность и, следовательно, угрызания совести. Отсюда же, при сравнении, чувство утраченного богатства, если попадаешь в другую среду. Для людей богатых небо, дарованное в придачу к земным благам, — вещь сама собой разумеющаяся. Для людей бедных небо обретает свое исконное значение величайшей милости.

Угрызания совести вынуждают к признанию. Произведение есть признание; я обязан свидетельствовать. В сущности, сказать я хочу одну-единственную вещь. Именно в этой нищенской жизни, среди этих людей, смиренных либо тщеславных, мне удалось глубже всего ощутить то, что кажется мне истинным смыслом жизни. Произведений искусства для этого недостаточно. Искусство для меня не все. Пусть оно будет хотя бы средством.

Не надо забывать и о ложном стыде, малодушии, безответном уважении к другому миру (миру денег). Я думаю, мир бедняков — редкий, если не единственный мир, замкнутый в себе, отъединенный от остального общества, как остров. Здесь хорошо играть в Робинзонов. Тот, кто окунается в эту жизнь, начинает говорить о квартире врача, находящейся в двух шагах, «там, у них».

Все это должно быть выражено в рассказе о матери и сыне.

Это в общих чертах.

При уточнении все усложняется:

1) Окружение. Квартал и его жители.

2) Мать и ее поступки.

3) Отношение сына к матери.

Какой выход. Мать? Последняя глава: символическое значение, переданное тоской сына???

*

Гренье: мы вечно себя недооцениваем. Но приходят бедность, болезнь, одиночество: мы осознаем свое бессмертие. «Когда нас припрут к стенке».

Так оно и есть, ни больше ни меньше.

*

Бессмысленное слово «опытность». Опытность не зависит от опыта. Ее не приобретают. Она приходит сама. Не столько опытность, сколько терпение. Мы терпим — вернее, претерпеваем.

Всякая практика: опыт делает человека не мудрым, а сведущим. Но в чем?

*

Две подруги: обе очень больны. Но у одной нервы: выздоровление все же возможно. У другой — поздняя стадия туберкулеза. Никакой надежды.

Как-то днем. Больная туберкулезом у постели подруги. Та говорит:

— Знаешь, до сих пор даже во время самых страшных приступов у меня не было чувства, что все потеряно. Еще теплилась надежда на спасение. Сегодня мне кажется, что надеяться больше не на что. Я так обессилела, что, наверно, уже не оправлюсь.

В глазах обреченной мелькает дикая радость; она берет подругу за руку: «О! Мы отправимся в дальний путь вместе!»

Те же — умирающая от туберкулеза и ее выздоравливающая подруга. Она вернулась из Франции, где прошла курс лечения по новому методу.

И обреченная упрекает ее в этом. Вслух она корит подругу за то, что та ее бросила. На самом же деле умирающая страдает оттого, что видит подругу здоровой. В душе ее теплилась безумная надежда, что она умрет не одна — что удастся увлечь с собой самую близкую подругу. А придется умереть в одиночестве. Поэтому в ее сердце закрадывается черная ненависть к подруге.

*

Грозовое небо в августе. Знойные ветры. Черные тучи. А на востоке голубая полоска, тонкая, прозрачная. На нее больно смотреть. Ее появление — пытка для глаз и души. Ибо зрелище красоты нестерпимо. Красота приводит нас в отчаяние, она — вечность, длящаяся мгновение, а мы хотели бы продлить ее навсегда.

*

Искренность дается ему без труда. Большая редкость.

*

Важна также тема комедии. От самых страшных мук нас спасает чувство, что мы одиноки и всеми покинуты, однако не настолько одиноки, чтобы «другие» не уважали нас в нашем несчастье. Именно в этом смысле мы испытываем порой счастливые мгновения, когда в безысходной печали чувство заброшенности переполняет и возвышает нас. В этом же смысле счастье часто есть не что иное, как чувство сострадания к собственному несчастью.

Поразительно у бедняков: Господь поместил рядом с отчаянием самолюбование, словно лекарство рядом с болезнью.

*

В молодости я требовал от людей больше, чем они могли дать: постоянства в дружбе, верности в чувствах.

Теперь я научился требовать от них меньше, чем они могут дать: быть рядом и молчать. И на их чувства, на их дружбу, на их благородные поступки я всегда смотрю как на настоящее чудо — как на дар Божий.

...Они успели слишком много выпить и хотели есть. Но дело было под Рождество, и в зале не было мест. Получив вежливый отказ, они не унялись. Их выставили за дверь. Они стали пинать ногами беременную хозяйку. Тогда хозяин, тщедушный молодой блондин, схватил ружье и выстрелил. Пуля попала в правый висок. Убитый лежал, повернув голову и прижавшись раной к земле. Товарищ его, пьяный от вина и ужаса, начал плясать вокруг тела.

Ничем не примечательное происшествие, которое должно было завершиться заметкой в завтрашней газете. Но пока что в этом отдаленном уголке квартала тусклый свет, льющийся на мостовую, грязную и осклизлую после недавнего дождя, несмолкающее шуршание мокрых шин, звонки проезжающих время от времени ярко освещенных трамваев придавали этой потусторонней сцене нечто тревожное: неотвязная сусальная картинка — этот квартал под вечер, когда улицы заполняются тенями, вернее, когда одна-единственная тень, безымянная, угадываемая по глухому шарканью и невнятному гулу голосов, возникает в кровавом свете красного аптечного фонаря.

Январь 36-го г.

За окном сад, но я вижу только его ограду. Да редкую листву, сквозь которую струится свет. Выше тоже листва. Еще выше — солнце. Я не вижу, как ликует на дворе ветерок, не вижу этой радости, разлитой в мире, я вижу только тени листьев, пляшущие на белых занавесках. Да еще пятки солнечных лучей, которые постепенно наполняют комнату светлым запахом сена. Порыв ветерка, и тени на занавеске приходят в движение. Стоит солнцу зайти за тучу, а затем выглянуть снова — и из тени ярко-желтым пятном выплывает ваза с мимозами. Довольно одного этого проблеска — и меня уже переполняет смутное дурманящее чувство радости.

Пленник пещеры, я остался один на один с тенью мира. Январский день. Правда, по-прежнему холодно. Все подернуто солнечной пленкой — она тонка и непрочна, но озаряет все вокруг вечной улыбкой. Кто я и что мне делать — разве что вступить в игру листвы и света. Быть

этим солнечным лучом, сжигающим мою сигарету, этой нежностью и этой сдержанной страстью, которой дышит воздух. Если я стараюсь найти себя, то ищу в самой глубине этого света. А если я пытаюсь постичь и вкусить этот дивный сок, выдающий тайну мира, то в глубине мироздания я обретаю самого себя. Себя, то есть это наивысшее чувство, которое очищает от всего внешнего, наносного. Скоро меня вновь обступят другие вещи и люди. Но дайте мне вырвать это мгновение из ткани времен и сохранить его в памяти, как другие хранят цветок в книге. Они прячут между страниц прогулку, где к ним пришла любовь. Я тоже гуляю, но меня ласкает божество. Жизнь коротка, и грешно терять время. Я теряю время целыми днями, а люди говорят, что я весьма деятелен. Сегодня передышка — сердце мое идет навстречу самому себе.

Тоска снова охватывает меня, оттого что я чувствую, как этот неуловимый миг выскользывает из рук, словно шарики ртути. Не мешайте же тем, кто хочет отгородиться от мира. Я уже не жалуясь, ибо наблюдаю за собственным рождением. Я счастлив в этом мире, ибо мое царство от мира сего. Облако уплывает, мгновение тает. Я умираю для себя самого. Книга раскрывается на любимой странице. Как ничтожна сегодня эта страница по сравнению с книгой мира. Какое имеет значение, страдал я или нет, если страдание пьянит меня, ибо оно — в этом солнце и этих тенях, в этом тепле и в этом холоде, идущем откуда-то издалека, из глубины морозного воздуха. К чему мне гадать, умирает ли что-нибудь в людях и страдают ли они, — ведь все написано в этом окне, куда врывается бескрайнее небо. Я могу сказать и сразу скажу, что важно быть человеческим, простым. Нет, важно быть самим собой, это включает в себя и человечность, и простоту. А когда я становлюсь самим собой, когда я становлюсь чист и прозрачен, как не тогда, когда я сливаюсь с миром?

Миг восхитительной тишины. Люди молчат. Но раздастся песнь мира, и все мои желания, желания человека, обреченного влачить жизнь в глубокой пещере, сбываются прежде, чем я успел их загадать. Вот она, вечность, на которую я уповал. Теперь я могу говорить. Не знаю, что может быть лучше, чем это постоянное присутствие во мне моего подлинного «я». Теперь я жажду не счастья, но лишь осознания. Человек мнит себя отрезанным от мира,

но стоит оливе подняться в золотящейся пыли, стоит слепящему утреннему солнцу осветить песчаные отмели — и человек чувствует, как его непреклонность смягчается. Так и со мной. Я осознаю возможности, за которые несу ответственность. В жизни каждая минута таит в себе чудо и вечную юность.

*

Мыслить можно только образами. Если хочешь быть философом, пиши романы.

*

Свят.: Молчать. Действовать. Социализм
Приобретение и осуществление
По сути: героические качества

II ЧАСТЬ

А. в настоящем

Б. в прошлом

Гл. А₁ — Дом перед лицом Мира. Знакомство.

Гл. Б₁ — Его воспоминания. Связь с Люсьеной.

Гл. А₂ — Дом перед лицом Мира. Его юность.

Гл. Б₂ — Люсьена рассказывает о своих изменах.

Гл. А₃ — Дом перед лицом Мира. Приглашение.

Гл. Б₃ — Сексуальная ревность. Зальцбург. Прага.

Гл. А₄ — Дом перед лицом Мира. Солнце.

Гл. Б₄ — Бегство (письмо). Алжир. Простуда, болезнь.

Гл. А₅ — Ночь под звездами. Катрин.

Патрис рассказывает свою историю об осужденном на смерть: «Я его вижу, этого человека. Он во мне. И каждое слово, которое он произносит, сжимает мне сердце. Он живой, он дышит, когда дышу я. Ему страшно, когда страшно мне.

...И тот, другой, который хочет смягчить его. Я вижу и его тоже. Он во мне. Я каждый день посылаю к нему священника, чтобы увещевать его.

Я знаю, теперь я буду писать. Приходит время, когда дерево после долгих страданий должно принести плоды. Зима всегда заканчивается весной. Мне нужно свидетельствовать. Потом все начнется сначала.

...Я не стану говорить ни о чем, кроме своей любви к жизни. Но я расскажу о ней по-своему...

Другие пишут под диктовку неудовлетворенных желаний. Из каждого своего разочарования они создают произведение искусства, ложь, сотканную из обманов, наполняющих их жизнь. Но мои книги явятся плодом счастливых мгновений моей жизни. Хотя они будут жестокими. Мне необходимо писать, как необходимо плавать: этого требует мое тело».

III часть (все в настоящем).

Гл. I. — «Катрин, — говорит Патрис, — я знаю, теперь я буду писать. История осужденного на смерть. Я вернулся к моему истинному призванию, оно заключается в том, чтобы писать».

Гл. II — Путь из Дома перед лицом Мира вниз, в порт и т.д. Тяга к смерти и солнцу. Любовь к жизни.

Шесть историй:

История блестящей игры. Роскошь.

История бедного квартала. Смерть матери.

История Дома перед лицом Мира.

История сексуальной ревности.

История осужденного на смерть.

История пути к солнцу.

На Балеарских островах: Прошлым летом.

Ценность путешествию придает страх. Потому что в какой-то момент, вдали от родной страны, родного языка (французская газета на вес золота. А вечера в кафе, когда стараешься ощутить локоть соседа!), нас охватывает смутный страх и инстинктивное желание вернуться к спасительным старым привычкам. Это самая очевидная польза путешествий. В это время мы лихорадочно возбуждены, впитываем все, как губка. Ничтожнейшее событие потрясает нас до глубины души. В луче света мы прозреваем вечность. Поэтому не следует говорить, что люди путешествуют для собственного удовольствия. Путешествие вовсе не приносит удовольствия. Я скорее склонен видеть в нем аскезу. Люди путешествуют ради культуры, если понимать под культурой извлечение из-под спуда самого глубокого нашего чувства — чувства вечности. Удовольствия отдаляют нас от себя самих, как у Паскаля развлечения отдаляют нас от Бога. Путешествие как самая великая и серьезная наука помогает нам вновь обрести себя.

Балеарские острова.

Бухта.

Сан-Франциско — монастырь.

Бельвер.

Богатый квартал (тень и старые женщины).

Бедный квартал (окно).

Собор (дурной вкус и шедевр).

Кафешантан.

Берег Мирамара.

Вальдемоза и террасы.

Соллер и юг.

Сан Антонио (монастырь). Феланиткс.

Полленса: город. Монастырь. Пансион.

Ивиса: бухта.

Ла-Пенья: оборонительные сооружения.

Сан Эулалия: пляж. Праздник.

Кафе на пристани.

Деревни: каменные стены и мельницы.

*

13 февраля 36-го г.

Я требую от людей больше, чем они могут мне дать. Бессмысленно утверждать обратное. Но какое заблуждение и какая безысходность. Да и я сам, быть может...

*

Искать связей. Всяких связей. Если я хочу писать о людях, мыслимо ли отворачиваться от пейзажа? А если меня притягивают небо или свет, разве забуду я глаза и голоса тех, кого люблю? Каждый раз мне дарят кусочки дружбы, клочки чувства, и никогда — все чувство, всю дружбу.

Иду к другу, который старше меня, чтобы рассказать ему обо всем. По крайней мере о том, что камнем лежит на сердце. Но он торопится. Разговор обо всем и ни о чем. Время идет. И вот я еще более одинок и более опустошен, чем прежде. Эта шаткая мудрость, которую я пытаюсь сколотить, может рухнуть от любого слова, случайно оброненного спешащим другом! «Non ridere, non lugere»¹... И сомнения в себе и в других.

*

Март.

День то облачный, то солнечный. Мороз в желтых блестках. Мне стоило бы вести дневник погоды. Вчера солнце сияло так ясно. Бухта дрожала, залитая светом, словно влажные губы. А я весь день работал.

*

Заглавие: Надежда мира.

*

Гренье о коммунизме: «Весь вопрос вот в чем: надо ли во имя идеала справедливости соглашаться с глупостями?» Можно ответить «да» — это прекрасно. Можно ответить «нет» — это честно.

---

¹ Не смеяться, не плакать (лат.).

При всех различиях: проблема христианства. Смущают ли верующего противоречия в евангелиях и черные дела церковников? Что значит верить в Бога: значит ли это верить в Ноев ковчег, значит ли это защищать Инквизицию или суд, осудивший Галилея?

Но, с другой стороны, как примирить коммунизм с чувством отвращения? Если я впадаю в крайности, доходящие до абсурда и не приносящие пользы, я отрицаю коммунизм. А тут еще религия...

*

В смерти игра и героизм обретают свой подлинный смысл.

*

Вчера. Освещенные солнцем набережные, арабские акробаты и сияющий порт. Можно подумать, что на прощанье этот край расцвел и решил щедро одарить меня. Эта чудная зима искрится морозом и солнцем. Голубым морозом.

Трезвое опьянение и улыбающаяся нищета — отчаянное мужество греческих стел, принимающих жизнь как она есть. Зачем мне писать и творить, любить и страдать? Утраченное мною в жизни, по сути, не самое главное. Все теряет смысл.

Мне кажется, что перед лицом этого неба и исходящего от него жаркого света ни отчаяние, ни радость ничего не значат.

*

16 марта.

Долгая прогулка. Холмы на фоне моря. И ласковое солнце. Белые соцветия шиповника. Крупные, насыщенно-лиловые цветы. И возвращение, сладость женской дружбы. Серьезные и улыбающиеся лица молодых женщин. Улыбки, шутки, планы. Игра начинается вновь. И все делают вид, будто подчиняются ее правилам, с улыбкой принимая их на веру. Ни одной фальшивой ноты. Я связан с миром каждым моим движением, с людьми — всей

моей благодарностью. С вершины холмов видно, как после недавних дождей под лучами солнца над землей поднимается туман. Даже спускаясь вниз по лесистому склону и погружаясь в это ватное марево, среди которого чернели деревья, я чувствовал, что этот чудесный день озарен солнцем. Доверие и дружба, солнце и белые домики, едва различимые оттенки. О, мгновения полного счастья, которые уже далеко и не могут рассеять меланхолию, одолевающую меня по вечерам; теперь они значат для меня не больше, чем улыбка молодой женщины или умный взгляд понимающего друга.

*

Время течет так быстро из-за отсутствия ориентиров. То же и с луной в зените и на горизонте. Годы юности тянутся так медленно потому, что они полны событий, годы старости бегут так стремительно оттого, что заранее predetermined. Отметить, например, что почти невозможно смотреть на стрелку часов в течение пяти минут — так это долго и безысходно.

*

Март.

Серое небо. Но свет все же просачивается. Только что упали несколько капель. Там, внизу, бухта уже заволакивается дымкой. Зажигаются огни. Счастье и те, кто счастливы. Они имеют лишь то, что заслуживают.

*

Март.

Радость моя безгранична.

*

Dolorem exprimit quia movit amorem.

*

Март.

Клиника над Алжиром. Довольно сильный ветер бежит по склону, взьерошивая траву, освещенную солнцем.

И весь этот нежный и светлый порыв стихает, не доходя до гребня холма, у подножия черных кипарисов, которые, сомкнув ряды, штурмуют вершину. С неба льется дивный свет. Внизу морская гладь сверкает синезубой улыбкой. Под солнцем, которое греет мне только одну половину лица, я стою на ветру и, не в силах вымолвить ни слова, смотрю, как текут эти неповторимые мгновения. Но появляется сумасшедший в сопровождении санитаров. Он держит под мышкой коробку, выражение лица — самое серьезное.

— Добрый день, мадемуазель (обращаясь к молодой женщине, стоящей рядом со мной).

Затем ко мне:

— Разрешите представиться: господин Амброзино.

— Господин Камю.

— А! Я знал одного Камю. Грузовые перевозки в Мос-таганеме. Наверно, ваш родственник.

— Нет.

— Неважно. Позвольте мне немного побыть с вами. Мне каждый день разрешают выходить на полчаса. Но приходится ползать на брюхе перед санитаром, чтобы он согласился меня сопровождать. Вы родственник мадемуазель?

— Да, сударь.

— А! Тогда я объявляю вам, что на Пасху мы обручимся. Моя жена согласна. Мадемуазель, примите этот маленький букет. И письмо, оно тоже вам. Посидите со мной. У меня только полчаса.

— Нам пора уходить, господин Амброзино.

— Уже! Но когда же я вас снова увижу?

— Завтра.

— Ах! Ведь у меня всего полчаса, и я пришел, чтобы немного помузицировать.

Мы уходим. На дороге чудесно сверкают красные герани. Сумасшедший достал из коробки тростинку с продольной прорезью, затянутой тонкой резиной. Он извлекает из нее странную музыку, жалобную и задушевную: «Дорога под дождем...» Мы слышим музыку, идя мимо гераней, мимо расстилающихся ковром ромашек, вдоль моря, улыбающегося своей невозмутимой улыбкой.

Я открыл письмо. В нем были рекламные объявления, вырезанные и аккуратно пронумерованные карандашом.

*

М. — Каждый вечер он клал это оружие на стол. Закончив работу, он убирал бумаги, брался за револьвер и приставлял его ко лбу, прикладывал к вискам, прижимался к холодному металлу горящими щеками. Он долго сидел так, водя пальцами по курку, ошупывая предохранитель, пока все вокруг не затихало и он не задремывал, ощущая только одно — холодный солоноватый металл, несущий смерть.

Тот, кто не убивает себя, должен молчать о жизни. И, просыпаясь с горькой слюной во рту, он лизал ствол револьвера, всовывал в него язык и, хрипя от бездонного счастья, с восхищением повторял: «Радость моя безбрежна».

М. — 2-я часть.

Цепь катастроф — его мужество — жизнь его соткана из несчастий. Он привыкает к этому суровому полотну, он весь день ждет, когда же наступит вечер и он вернется наконец домой, к своему одиночеству, недоверию, отращиванию. Его считают терпеливым и стойким. Если присмотреться, все идет как нельзя лучше. Однажды случается пустяк: приятель невнимательно слушает его и отвечает рассеянно. Он возвращается домой. И убивает себя.

*

31 марта.

У меня такое чувство, будто я постепенно поднимаюсь со дна.

Нежная и сдержанная дружба женщин.

*

Социальный вопрос решен. Равновесие восстановлено. Через две недели я поставлю точку. Ни на секунду не забывать о книге. Не откладывая, начать работу прямо с воскресенья.

После долгого периода беспокойства и отчаяния переделать все заново. Наконец-то вышло солнце, и тело мое оживает. Молчать — верить самому себе.

*

Апрель. Первые жаркие дни. Духота. Все живое в полном изнеможении. Когда день клонится к закату, над городом какой-то странный воздух. Звуки поднимаются и исчезают в вышине, как воздушные шары. Деревья и люди неподвижны. Мавританки болтают на террасах, ожидая, когда наступит вечер. В воздухе стоит запах жареного кофе. Нежная и безнадежная пора. Не к чему прижаться губами. Не перед кем броситься на колени в порыве благодарности.

*

Жара на набережных — страшная, изнуряющая, от нее перехватывает дыхание. Тяжелый запах гудрона дерет горло. Упадок сил и желание смерти. Вот подлинная атмосфера трагедии, а вовсе не ночь, как принято считать.

*

Чувства и мир. Желания смешиваются. Сжимать в объятиях тело женщины — то же, что вбирать в себя странную радость, которая с неба нисходит к морю.

*

Солнце и смерть. Грузчик со сломанной ногой. Капли крови, тянущиеся по пылающим камням набережной. Похрустывание камешков. В кафе он рассказывает мне свою жизнь. Все разошлись, на столе остались шесть стаканов. Домик в пригороде. Жил один, возвращался к себе только под вечер, чтобы приготовить еду. Собака, кот, кошка, шестеро котят. У кошки нет молока. Котята умирают один за другим. Каждый вечер окоченевший дохлый котенок и нечистоты. А также смесь двух запахов: мочи и мертвечины. Вчера вечером (он потихоньку вытягивает руки, медленно отодвигая стаканы на край стола) подох последний котенок. Но мать сожрала половину. Значит, полкотенка! И как всегда нечистоты. Возле дома воеет ветер. Где-то очень далеко играют на рояле. Он сидит среди развалин и нищеты. И весь смысл существования вдруг комом подступает к горлу. (Стаканы падают один за другим, а он все продолжает раздвигать руки.) Сидит так не-

сколько часов, сотрясаясь от бешеной ярости, без слов, с мокрыми от мочи руками и думает о том, что пора варить обед.

Все стаканы разбиты. А он улыбается. «Ничего, — успокаивает он хозяина, — мы за все заплатим».

*

Сломанная нога грузчика. В углу молодой мужчина молча улыбается.

*

«Это пустяки. Больше всего зла мне всегда причиняли общие идеи». Погоня за грузовиком, скорость, пыль, скрежет. Безумный ритм лебедек и механизмов, танец матч на горизонте, бортовая качка судов. На грузовике: тряска по булыжникам набережной. Гигантская и фантастическая декорация порта, солнце и кровь, белая меловая пыль, а в ней — двое молодых людей удаляются на полной скорости и хохочут безудержно.

*

Май.

Не отгораживаться от мира. Когда живешь на виду, нет опасности, что жизнь сложится неудачно. В любой ситуации, в несчастье, в разочарованиях я прежде всего стараюсь восстановить контакты. И даже в печали своей я полон желанья любить и испытываю упоение при одном только виде холма в вечерней дымке.

Прикоснуться к истине, прежде всего природа, потом искусство посвященных, и мое собственное искусство, если я способен его создавать. А если нет — все же останутся и свет, и вода, и упоение, и влажные от желанья губы.

Улыбка отчаяния. Безысходного, но тщетно пытающегося подчинить меня себе. Главное: не потерять себя и не потерять то сокровенное, что дремлет в мире.

*

Май.

Все контакты — культ моего «я»? Нет.

Культ «я» предполагает любительство или оптимизм. И то и другое вздор. Не выбирать свою жизнь, но расширять ее.

Внимание: Киркегор, источник наших бед — это сравнение.

Отрезать себе путь к отступлению. Затем в равной мере принять и «да», и «нет».

*

Май.

Как красивы женщины в Алжире на склоне дня.

*

Май.

На пределе. И сверх того: игра. Я говорю «нет», я труслив и слаб, а поступаю так, как если бы я говорил «да», как если бы я был силен и смел. Вопрос воли = доводить абсурд до конца = я способен на...

Следовательно, воспринимать ход игры трагически, а ее результат (который, пожалуй, безразличен) комически.

Но не терять на это времени. Искать высший опыт в одиночестве. Совершенствовать игру завоеванием самого себя — зная, что это абсурдно.

Сближение мудрого индуса и западного героя.

«Больше всего зла мне всегда причиняли общие идеи».

От этого высшего опыта всегда следует отказываться во имя дружбы. Чтобы затем продолжить. Рука дружбы — редкость.

*

Бог — Средиземное море: постройки — ничего природного.

Природа = равновесие.

*

Против нового падения и слабости: усилие — Внимание.

демон: культура — тело

воля — труд (фил.)

Но с другой стороны: заступники — каждый день
мое произведение (эмоции)
высший опыт.

Философское произведение: абсурд.

Литературное произведение: сила, любовь и смерть под
знаком завоевания.

И там, и тут смешивать оба жанра, сохраняя особый
тон. Написать однажды книгу, которая даст разъяснение.

И об этом умственном напряжении: бесстрашие —
Презирать сравнение.

*

Эссе о смерти и Философии — Мальро. Индия.

Эссе о химии.

*

Май.

То, что жизнь сильнее всего, — истина, но она лежит
в основе всех подлостей. Нужно открыто утверждать про-
тивоположное.

И вот они уже вопят: я имморалист.

Смысл: Мне нужно определить для себя, что хорошо
и что дурно. Признай же это, глупец. Мне тоже.

*

Другой недотепа: надо быть простым, надо быть самим
собой, долой литературу — надо принимать жизнь и отда-
ваться ей. Да ведь мы только это и делаем.

Если вы закоренели в своем отчаянии, поступайте так,
как если бы вы не утратили надежды, — или убейте себя.
Страдание не дает никаких прав.

*

Интеллектуал? Да. И никогда не отречься. Интел-
лектуал — тот, кто раздваивается. Это мне по душе. Мне
приятно, что во мне два человека. «Могут ли они слиться
воедино?» Практический вопрос. Надо попробовать. «Я пре-
зираю интеллект» на самом деле означает: «Я не в силах
выносить свои сомнения».

Я предпочитаю жить с открытыми глазами.

*

Ноябрь.

Вспомним Грецию. Дух и чувство, любовь к *выражению* как доказательства упадка. Греческая скульптура приходит в упадок, когда появляются улыбка и взгляд. Итальянская живопись тоже, включая XVI век «колористов».

Парадокс — судьба грека, ставшего великим художником поневоле. Дорические Аполлоны восхитительны, потому что лишены выражения. Только живопись (к сожалению) привнесла выражение. — Но живопись «проходит», а шедевр остается.

*

Национальности возникают как знак распада. Едва нарушилось религиозное единство Священной Римской империи — национальности. Восток хранит цельность.

Интернационализм пытается вернуть Западу его истинное значение и призвание. Но основа уже не христианская — греческая. Нынешний гуманизм: он лишь углубляет пропасть между Востоком и Западом (вспомним Мальро). Но он восстанавливает силу.

*

Протестантизм. Нюанс. В теории позиции, достойные восхищения: Лютер, Киркегор. А на практике?

*

Январь.

Калигула, или Смысл смерти. 4 действия.

- I а) Приход к власти. Радость. Добродетельная речь (ср. Светония)
б) Зеркало
II а) Его сестры и Друзилла
б) Презрение к великим
в) Смерть Друзиллы. Бегство Калигулы.

III

Конец: Калигула раздвигает занавес и выходит на авансцену: «Нет, Калигула не умер. Он тут и там. Он в каждом из вас. Если бы у вас была власть, если бы у вас было гордое сердце, если бы вы любили жизнь, вы увиде-

ли бы, как неистовствует это чудовище или ангел, которого вы носите в себе. Наша эпоха умирает оттого, что верила в нравственные ценности, верила, что все может быть прекрасным и при том неабсурдным. Прощайте, я возвращаюсь в Историю, где меня уже давно замуровали те, кто боятся слишком сильно любить».

*

Январь.

Эссе: Дом перед лицом Мира.

— В округе его называли домом трех студентов.

— Его покидают, чтобы жить затворником.

— Дом перед лицом Мира не дом, где развлекаются, это дом, где живут счастливо.

*

— «Здесь одни девушки», — произносит М. в ответ на грубости, которые говорит Х.

М. и любовь:

— Вы вступили в возраст, когда радуются, узнавая себя в чужом ребенке.

— Ему надо изучить теорию относительности Эйнштейна — тогда он сможет заниматься любовью.

— Боже меня упаси, — говорит М.

*

Тропинка настолько крутая, что всякий раз, поднимаясь к дому, его приходится завоевывать.

*

Февраль.

Цивилизация заключается не в большей или меньшей утонченности. Но в сознании, общем для целого народа. И это сознание никогда не бывает утонченным. Наоборот, оно вполне здоровое. Представлять цивилизацию творением элиты — значит отождествлять ее с культурой, меж тем как это совершенно разные вещи. Существует средиземноморская культура. Но существует также и средиземноморская цивилизация. С другой стороны, не надо путать цивилизацию и народ.

*

Гастроли (театр).

Утренняя нежность и прозрачность окрестностей Орана, таких суровых и резких в солнечном свете дня: сверкающие русла пересохших рек, окаймленные олеандрами, почти неправдоподобные краски неба в лучах восходящего солнца, лиловые горы с розовым обрамлением. Все предвещает лучезарный день. Но чувствуется, что сдержанность и мягкость уже на исходе.

*

Апрель 37-го г.

Любопытно: Неумение оставаться в одиночестве, неумение быть на людях. Терпишь и то, и другое. И то, и другое приносит пользу.

*

Самый опасный соблазн: не походить ни на кого.

*

Касба: всегда наступает момент, когда человек отгораживается от самого себя. Угольки в костре, который потрескивает посреди темной грязной улочки.

*

Безумие — за окном сияющее утро — Солнце. Небо и скелеты. Музыка. Палец по оконному стеклу.

*

Стремление всегда быть правым — признак вульгарного ума.

*

Рассказ: человек, который не хочет оправдываться. Он предпочитает мнение, которое о нем сложилось. Он умирает, так и не открыв никому правды о себе. Слабое утешение.

*

Апрель.

Женщины, которые предпочитают мысли ощущениям.
Для эссе о развалинах:

Сухой — Старый человек, высохший, как олива Сахеля.

1) Эссе о развалинах: ветер в развалинах или смерть на солнце.

2) Вернуться к теме «смерть в душе». Предчувствие.

3) Дом перед лицом Мира.

4) Роман — работать над ним.

5) Эссе о Мальро.

6) Диссертация.

*

В чужой стране солнце золотит дома на холме. Впечатление более сильное, чем от такого же зрелища на родине. Солнце здесь другое. Уж я-то доподлинно знаю, что солнце здесь другое.

*

Вечером мир над бухтой затихает. Бывают дни, когда мир лжет, и дни, когда он говорит правду. Сегодня вечером он говорит правду — и как настойчиво, печально и прекрасно.

*

Май.

Психология, сводящаяся к копанию в мелочах, ошибочна. Люди ищут себя, изучают. Чтобы познать себя, чтобы самоутвердиться. Психология есть действие, а не самокопание. Человек пребывает в поиске в течение всей жизни. Познать себя до конца — значит умереть.

*

1) Чарующая поэзия, предвестница любви.

2) Человек, которому не удалось ничего, даже умереть.

3) В молодости легче сживаешься с пейзажем, чем с человеком. Потому что пейзаж не мешает фантазировать.

*

Май.

Набросок предисловия к «Изнанке и лицу».

В своем теперешнем виде эти эссе по преимуществу бесформенны. Что происходит не от удобного для автора презрения к форме, но единственно от недостаточной зрелости. От читателей, которые примут эти страницы за то, чем они являются на самом деле, а именно за эссе, можно требовать лишь одного — чтобы они следили за их постепенным развитием. Быть может, если читать их подряд, удастся заметить подспудное движение мысли, которое их объединяет, я бы сказал — оправдывает, если бы оправдание не казалось мне бессмысленным и если бы я не знал, что люди всегда предпочитают верить не человеку, а представлению, которое о нем сложилось.

*

Писать — значит действовать бескорыстно. Своего рода самоотречение в искусстве. Переписывать. Усилие всегда приносит хоть какую-то пользу. Если ты потерпел неудачу, виновата лень.

*

Лютер: «В тысячу раз важнее твердо верить в отпущение грехов, чем быть его достойным. Эта вера делает вас достойным и приносит истинное удовлетворение».

(Проповедь об оправдании верой, прочитанная в Лейпциге в 1519 году.)

*

Июнь.

Священник каждый день навещает приговоренного к смерти. При мысли о том, что ему отрубят голову, колени подгибаются, губы пытаются произнести имя, всем существом овладевает безумное желание броситься на землю и укрыться в «Господи, Господи!».

Но каждый раз человек сопротивляется, не хочет этой легкости и хочет подавить свой страх. Он умирает молча, с глазами, полными слез.

*

Философия значит столько, сколько значит философ. Чем больше величия в человеке, тем больше правды в его философии.

*

Цивилизация против культуры.

Империализм есть чистая цивилизация. Ср. Сесил Родс. «Экспансия — это все» — цивилизации суть островки — культура неизбежно превращается в цивилизацию (ср. Шпенглер).

Культура: вопль человека перед лицом судьбы.

Цивилизация, ее упадок: жадность человека перед лицом богатств. Ослепление.

О политической теории касательно Средиземноморья. «Я говорю о том, что знаю».

*

1) Экономические очевидности (марксизм).

2) Духовные очевидности (Священная Римская империя).

*

Трагическая борьба страждущего мира. Никчемность проблемы бессмертия. Нас волнует прежде всего наша судьба, да. Но не «после» — «до».

*

Утешительная сила Ада.

1) С одной стороны, бесконечное страдание непостижимо для нас — мы воображаем передышки.

2) Мы глухи к слову вечность. Оно для нас — абстракция. Разве что когда мы говорим о «вечном мгновении».

3) Ад — это жизнь с этим телом, которая все же лучше, чем небытие.

*

Логическое правило: единичное имеет значение универсального.

Алогическое: трагическое противоречиво.

Практическое: человек может быть умен в какой-то одной области и глуп в других.

*

Быть глубоким благодаря неискренности.

*

«Крошка» глазами Марсея. «Ее муж в этом деле не силен. Как-то раз она мне говорит: "С мужем все совсем не так"».

*

Сражение под Шарлеруа глазами Марсея.

«Нам, зуавам, велели растянуться цепью. Командир говорит: «Вперед!» Мы спустились в какой-то овраг с деревьями. Говорят: «Вперед!» А впереди никого не видать. И мы идем себе, идем. Вдруг пулеметы как начали по нам строчить. Все попадали друг на друга. Столько было раненых и убитых, на дно оврага столько натекло крови, что хоть на лодке плыви. Вот тут один закричал «Мама!», так было страшно».

*

— О Марсель, сколько у тебя медалей, где же ты все это заработал?

— Где заработал? Да на войне.

— Как на войне?

— Тебе что, грамоты принести, где про это написано? Хочешь прочесть своими глазами? Ты что же думаешь?

Приносит «грамоты».

«Грамоты» выписаны на весь полк, в котором служил Марсель.

*

Марсель. Мы люди небогатые, но едим вдоволь. Видишь моего внука — ест больше отца. Его отцу хватает фунта хлеба, а этому целый килограмм подавай. И знай

себе уплетает за обе щеки, знай себе наворачивает. Как проглотит, отдышитесь и ест дальше.

*

Июль.

Вид квартала Мадлен. Красота, пробуждающая любовь к бедности. Я так далек от моего лихорадочного возбуждения — я почти не способен ничем гордиться, кроме своей любви. Держаться поодаль. Надо высказать, и высказать поскорее, что у меня на сердце.

*

«Никакого отношения». Настоящий роман. Ревностный поборник веры. Его мать умирает. Он от всего отказывается. Но вера его не пошатнулась. Никакого отношения, в этом-то все и дело.

*

Гидросамолет: величие металла, сверкающего в бухте и среди голубого неба.

*

Сосны, желтизна пыльцы и зелень листьев.

*

Христианство, как и Жид, требует от человека смирения страстей. Но Жид видит в этом лишь удовольствие. Христианство же считает это умерщвлением плоти. В этом смысле оно более «естественно», чем интеллеktуал Жид. Но менее естественно, чем народ, который утоляет жажду из источников и знает, что удовольствие кончается пресыщением («Апология пресыщения»).

*

Прага. Бегство от себя.

— Я хотел бы комнату.

— Разумеется. На одну ночь?

— Нет. Не знаю.

— У нас есть номера по 18, 25 и 30 крон.

(Никакого ответа.)

— Какой номер вы желаете, месье?

— Любой (смотрит на улицу).

— Портье, отнесите вещи в номер 12.

(Очнувшись.)

— Сколько стоит этот номер?

— Тридцать крон.

— Это слишком дорого. Я хотел бы номер за 18 крон.

— Портье, номер 34.

*

1) В поезде, который уносил его в «...», Х рассматривал свои руки.

2) Тип, который постоянно торчит там. Но это просто совпадение.

*

Лион.

Форарльберг-Халле.

Купштейн. Часовня и поля вдоль Инна в дождь. Все более и более глухие места.

Зальцбург. Ильдерман. — Кладбище Святого Петра. Сад Мирабель и его гордость. Дожди, флоксы — озеро и горы — поход на плато.

Линц. Дунай и рабочие предместья. Врач.

Бутвайс. Предместье. Маленький готический монастырь. Глушь.

Прага. Первые четыре дня. Монастырь в стиле барокко. Еврейское кладбище. Барочные церкви. Посещение ресторана. Голод. Безденежье. Покойник. Огурец в уксусе. Однорукий человек играет на аккордеоне, подложив его ремень под задницу.

Дрезден. Живопись.

Баутцен. Готическое кладбище. Герань и множество солнц в кирпичных арочках.

Бреслау. Морозящий дождь. Церкви и заводские трубы. Трагический пейзаж.

Равнины Силезии: безжалостные и неблагодарные — дюны — стая птиц, пролетающая промозглым утром над слякотной землей.

Ольмюц. Тихие и просторные равнины Моравии. Кислые сливы и волнующие дали.

Брно. Бедные кварталы.

Вена. Цивилизация — пышные громады в окружении садов. Сокровенная тоска, которая прячется в этих шелковых складках.

*

Италия.

Церкви вызывают особое чувство: Ср. Андреа дель Сарто.

Живопись: суровый и застывший мир, доверие и т.д.

Отметить: итальянская живопись и ее упадок.

*

Интеллектуал перед выбором: присоединиться или нет (фрагмент).

*

Июль.

Есть что-то невыносимое для женщин в привязанности без любви, которой жалуется их мужчина.

Для мужчины — горькая нежность.

*

Супружеские пары: мужчина пытается перед кем-нибудь блеснуть. Жена тут же: «А сам-то ты...» — и старается его принизить, выставить такой же посредственностью, как и она сама.

*

В поезде. Мать говорит ребенку:

— Не соси пальцы, грязнуля.

Или: — Если не перестанешь, ты у меня получишь.

То же. Супружеские пары: жена в переполненном поезде встает с места.

— Дай, — говорит она.

Муж роется в кармане и протягивает ей клочок бумаги, который она просит.

*

Июль 37-го г.

Для Романа об игроке.

Ср. «Плеяды»: захватывающий ритм. Вести игру.

Душа, созданная для роскоши. Искатель приключений.

*

Июль 37-го г.

Игрок. Революция, слава, любовь и смерть. Что стоят они по сравнению с серьезностью и глубиной того, что я ношу в себе?

— Что же?

— Груз подступающих слез, — говорит он, — питающих мою любовь к смерти.

*

Июль 37-го г.

Искатель приключений. Отчетливо чувствует, что в искусстве делать уже нечего. Ничто великое, ничто новое невозможно — во всяком случае, в западной культуре. Остается только действовать. Но тот, в ком есть величие души, начнет действовать не иначе, как с отчаянием.

Июль.

Когда аскеза добровольна, можно поститься шесть недель, обходясь одной водой. Когда она вынужденна (голод), то не больше десяти дней.

Запас истинной жизненной силы.

*

Система дыхания тибетских йогов. Следовало бы привести в подобные опыты нашу позитивную методологию. Иметь «откровения», в которые сам не веришь. *Что мне нравится:* сохранять трезвость ума даже в исступлении.

*

Женщины на улице. Зверь, сгорающий от желания, затаился внутри и дрожит, охваченный яростью и нежностью.

*

Август.

Парижское шоссе: кровь стучит в висках, мир и люди внезапно и странно отдаляются. Бороться со своим телом. Я сидел на ветру, опустошенный, выпотрошенный, и все время думал о К. Мэнсфилд, об этой длинной трогательной и горестной истории борьбы с болезнью. В Альпах наряду с одиночеством и с мыслью о том, что я приехал лечиться, меня ждет *сознание*, что я болен.

*

Идти до конца — значит не только сопротивляться, но также дать себе волю. Мне необходимо чувствовать свою личность, поскольку в ней живет ощущение того, что выше меня. Иногда мне необходимо писать вещи, которые мне самому до конца не ясны — но именно они и доказывают, что есть во мне что-то сильнее меня.

*

Август.

Приветливость и волнение Парижа. Кошки, дети, всеобщая непринужденность. Серые тона, небо, большой парад камня и воды.

*

Арль.

*

Август 37-го г.

Он каждый день уходил в горы и возвращался, не говоря ни слова, с запутавшимися в волосах травинками, весь в царапинах. И каждый раз повторялось одно и то же: покорение без обольщения. Мало-помалу он преодолевал сопротивление этого неприветливого края. Ему удавалось слиться с круглыми белыми облаками, на фоне которых над гребнем возвышалась одинокая пихта, слиться с полями розоватого кипрея, с рябиной и колокольчиками. Он вращался в этот благоуханный каменистый мир. Когда он взбирался на далекую вершину и перед ним вне-

запно открывался величественный пейзаж, он не чувствовал в душе умиротворения любви, он заключал с этой чужой природой своего рода договор — то было перемирие между двумя заклятыми врагами, особая близость двух противников, а не дружеское общение двух старых знакомых.

*

Умиротворенность Савойи.

*

Август 37-го г.

Человек, который искал жизнь в том, что обычно называют жизнью (женитьба, положение в обществе и т.д.), и который, листая каталог модных вещей, вдруг обнаруживает, насколько ему чужда эта жизнь (такая, какой она предстает в каталоге модных вещей).

I часть. Его жизнь до этого момента.

II часть. Игра.

III часть. Отказ от компромиссов и правда в природе.

*

Август 37-го г.

Последняя глава? Париж — Марсель. Путь к Средиземному морю.

И он вошел в воду и смыл с себя черные уродливые отпечатки, оставленные миром. Вдруг, играя мускулами, он вновь почувствовал запах собственной кожи. Быть может, он никогда так не ощущал своего слияния с миром, согласованности своего бега с бегом солнца. В этот час, когда тьма наполнилась звездами, движения его явственно вырисовывались на фоне безмолвного лика неба. Шевельнув рукой, он очерчивает пространство, отделяющее это сверкающее светило от того, которое временами исчезает из виду, он увлекает за собой снопы звезд, шлейф облаков. И вот — небесная влага, плещущая под его рукой, и город вокруг него, словно плащ с переливчатыми ракушками.

*

Два героя. Самоубийство одного из них?

*

Август 37-го г.

Игрок.

— Это будет трудно, очень трудно. Но это не повод.

— Конечно, — говорит Катрин, поднимая глаза к солнцу.

*

Игрок.

Госпожа Х., вообще-то старая дура, была прирожденной музыкантшей.

Для романа.

I часть: передвижной театр. Кино. История большой Любви (коллеж Сент-Шанталь).

*

Август 37-го г.

Проект плана. Сочетать игру и жизнь.

I часть.

А — Бегство от себя.

Б — М. и бедность (все в настоящем времени). Главы серии А описывают игрока. Главы серии Б — жизнь до смерти матери (смерть Маргариты — различные занятия: маклерство, автодетали, префектура и т.д.).

Последняя глава: Путь к солнцу и смерть (самоубийство — естественная смерть).

II часть.

Наоборот. А в настоящем: вновь обретенная радость.

Дом перед лицом Мира. Связь с Катрин.

Б в прошлом. Обманут. Сексуальная ревность. Бегство.

III часть.

Все в настоящем. Любовь и солнце. Нет, говорит мальчик.

*

Август 37-го г.

Всякий раз, как я слышу или читаю речи наших политиков, я с ужасом обнаруживаю, что в них нет ни единого

человеческого слова. Вечно одни и те же фразы, повторяющиеся одну и ту же ложь. И если люди к этому привыкают, если народ еще не растерзал марионеток, это, по моему убеждению, доказывает только одно: люди ни в грош не ставят свое правительство и превращают в игру — да-да, именно в игру — немалую часть своей жизни и своих так называемых жизненных интересов.

*

А₂ или А₅ части I.

Я в отчаянии от того, какое огромное значение люди придают душевным порывам. Если вы меланхолик, жизнь вдвоем становится невыносимой. Ибо, если вы родились с благородным сердцем, вам не снести бесчисленных вопросов, которыми вас засыпают. А ведь к этому можно отнестись почти так же, как к чувству голода или желянию...

*

Август 37-го г.

План. Три части.

I часть: А в настоящем.

Б в прошлом.

Гл. А₁ — День г-на Мерсо, взгляд со стороны.

Гл. Б₁ — Бедный квартал Парижа. Лавка, где торгуют кониной. Патрис и его семья. Немой. Бабушка.

Гл. А₂ — Беседа и парадоксы. Гренье. Кино.

Гл. Б₂ — Болезнь Патриса. Доктор. «Эта высшая точка...»

Гл. А₃ — Месяц передвижного театра.

Гл. Б₃ — Занятия (маклерство, автодетали, префектура).

Гл. А₄ — История великой любви: «С вами такого больше не случилось?» — «Случилось, сударыня, когда я увидел вас». Тема револьвера.

Гл. Б₄ — Смерть матери.

Гл. А₅ — Встреча с Раймондой.

*

Или:

I А — Сексуальная ревность.

Б — Бедный квартал — мать.

II А — Дом перед лицом Мира — звезды.

Б — Бьющая через край жизнь.

III Бегство — Катрин, которую он не любит.

*

Сокращать и уплотнять. История сексуальной ревности, которая приводит к отъезду в чужие края. Возвращение к жизни.

«Мудрость, за которой он ездил так далеко, сохраняла, конечно, свою ценность, но только по возвращении в царство света».

*

Приезд в Прагу — до самого отъезда — болезнь.
Объяснение — Люсиль — Бегство.

*

Август.

Отсутствие испанских философов.

*

Роман: человек, понявший, что для того, чтобы жить, надо быть богатым, всецело предается погоне за деньгами, добивается успеха, живет и умирает *счастливым*.

*

Сентябрь.

Тот август был чем-то вроде затишья — глубокий вдох, прежде чем неистовым усилием все разрешить. Прованс и что-то во мне, чему приходит конец. Прованс подобен женщине, которая опирается на вашу руку.

Надо жить и созидать. Жить до слез — как перед этим крытым круглой черепицей домом с синими ставнями, который стоит на поросшем кипарисами склоне.

*

Монтерлан: Со мной всегда что-нибудь случается.

*

В Марселе, счастье и грусть — я на пределе. Любимый мною живой город. Но в то же время — горечь одиночества.

*

8 сентября.

Марсель, гостиничный номер. Обои — желтые цветы на сером фоне. География грязных пятен. Загаженные, закопченные углы позади огромного радиатора. Кровать с сеткой, разбитый выключатель... Та свобода, которую чувствуешь при виде чего-то сомнительного и темного.

*

М. 8 сентября.

Долгий заход ослепительного солнца. Цветущие олеандры в Монако и Генуе. Синие вечера на лигурийском побережье. Моя усталость и подступающие к горлу слезы. Одиночество и жажда любить. Наконец Пиза, живая и строгая, ее зелено-желтые дворцы, ее купола и дивные берега сурового Арно. Сколько благородства в этом отказе распахнуть свою душу. Город стыдливый и чувствительный. В ночном безлюдьи он так близок мне — и, гуляя один, я даю наконец волю слезам. Какая-то незаживающая рана в моей душе начинает зарубцовываться.

*

На стенах Пизы: Alberto fa l'amore con la mia sorella¹.

*

Четверг 9.

Пиза и ее жители, отдыхающие на площади перед Дуомо. Кампо Санто с его прямыми линиями и кипарисами по углам. Становятся понятными распри XV и XVI веков. Каждый город здесь имеет свое лицо и свою сокровенную правду.

Нет другой жизни, кроме той, чье уединение нарушал мерный звук моих шагов по берегу Арно. А также той, что волновала меня в поезде, идущем во Флоренцию. Женщины с такими серьезными лицами вдруг разражались смехом. Особенно хохотала одна, с длинным носом и горделивым ртом. В Пизе я долго предавался лени на поросшей травой Пьяцца дель Дуомо. Я пил из фонтанчиков,

---

¹ Альберто занимается любовью с моей сестрой (итал.).

и вода была тепловатой, но бежала так быстро. По пути во Флоренцию я подолгу любовался лицами, упивался улыбками. Счастлив я или несчастен? Неважно. Я живу так яростно.

Вещи, живые существа ждут меня, и я, конечно, тоже жду их и тянусь к ним всеми силами моей печальной души. Но здесь я добываю себе средства к существованию, храня молчание и тайну.

Как чудесно, когда не нужно говорить о себе.

*

Гоццоли и Ветхий завет (костюмированный).

*

Фрески Джотто в церкви Санта Кроче. Потаенная улыбка святого Франциска, любящего природу и жизнь. Он оправдывает тех, кто стремится к счастью. Мягкий нежный свет над Флоренцией. Небо набухает, медля пролиться дождем. «Положение во гроб» Джоттино: Мария скорбит, стиснув зубы.

*

Флоренция. На углу возле каждой церкви горы цветов с плотными блестящими лепестками, в капельках росы, таких простодушных.

*

Mostra Giottesca¹.

Требуется время, чтобы заметить, что ранние флорентийские мастера изображали лица, которые каждый день встречаются на улицах. Потому что мы утратили привычку видеть в лице главное. Мы уже не смотрим на своих современников, мы лишь берем от них то, что помогает нам ориентироваться (во всех смыслах). Раннехристианские мастера не искажают, они «воплощают».

Над монастырским кладбищем Сантиссима Аннунциата серое небо с нависшими тучами; архитектура строгая, но ничто здесь не напоминает о смерти. Есть над-

---

¹ Выставка Джотто (итал.).

гробные плиты и надписи: этот был нежным отцом и верным мужем, тот был лучшим из супругов и предприимчивым торговцем, молодая женщина, образец всех добродетелей, говорила по-французски и по-английски, *si come il nativo*¹. (Все ревностно исполняли свой долг, а сегодня на плитах, призванных увековечить их совершенства, дети играют в чехарду.) Вон там лежит девушка, бывшая единственной надеждой своих родных. *Ma la gioia e pellegrina sulla terra*². Однако все это меня не убеждает. Почти все, судя по надписям, покорились вышней воле, вероятно, оттого, что ревностно выполняли свой долг в этом, как и во всем прочем. Я не покорюсь. Я буду безмолвно протестовать до конца. Нечего говорить «надо». Я прав в своем бунте, и я буду шаг за шагом идти к радости, этой вечной страннице на земле.

Тучи сгущаются, и ночь постепенно погружает во мрак надгробные плиты, на которых высечена мораль, приписанная мертвым. Если бы я был моралистом и писал книгу, то из сотни страниц девяносто девять оставил бы чистыми. На последней я написал бы: «Я знаю только один долг — любить». Всему прочему я говорю *нет*. Решительное *нет*. Плиты утверждают, что это бесполезно и что жизнь идет: *col sol levante, col sol cadente*³. Но бесполезность нисколько не ослабляет моего бунта, наоборот, она его разжигает.

Я сидел на земле, прислонившись к колонне, и думал об этом, а дети смеялись и резвились. Священник улыбнулся мне. Женщины смотрели на меня с любопытством. В церкви глухо играл орган, и его мягкий звук доносился порой сквозь крики детей. Смерть! Если продолжать в том же духе, я мог бы умереть счастливым. Я растранижил бы всю свою надежду.

*

Сентябрь.

Если вы говорите: «Я не понимаю христианства, мне не нужны утешения», значит, вы человек ограниченный и пристрастный. Но если, живя без утешения, вы говорите: «Я понимаю позицию христианства и восхищаюсь ею», значит, вы легкомысленный дилетант. Что до меня, я на-

¹ Как на своем родном языке (*итал.*).

² Но радость — странница на земле (*итал.*).

³ То возвышая нас, то губя (*итал.*).

чинаю утрачивать чувствительность к общественному мнению.

*

Монастырь Сан Марко. Солнце среди цветов.

*

Раннее Возрождение в Сиене и Флоренции. Художники постоянно изображали здания маленькими, а людей большими, не потому, что не знали законов перспективы, но потому, что упорно верили в человека и святых, которых изображали. Брать с них пример в работе над театральными декорациями.

*

Поздние розы в монастыре Санта Мария Новелла и флорентийские женщины в это воскресное утро. Пышные груди, глаза и губы, от которых у вас начинается сильнее биться сердце, пересыхает во рту и по всему телу разливается жар.

*

Фьезоле.

Приходится вести трудную жизнь. Не всегда удается поступать так, как того требует мой взгляд на вещи. (И стоит мне только завидеть абрис моей судьбы, как он уже ускользает от моего взгляда.) Приходится упорно трудиться и бороться за то, чтобы вновь обрести одиночество. Но в один прекрасный день земля озаряется своей первозданной и наивной улыбкой. Тогда борьба и жизнь в нас сразу словно бы затихают. Миллионы глаз созерцали этот пейзаж, а для меня он словно первая улыбка мира. Он выводит меня из себя в глубинном смысле слова. Он убеждает меня, что вне моей любви все бесполезно и даже любовь моя, если она утратила невинность и беспредметность, бессильна. Он отказывает мне в индивидуальности и не откликается на мои страдания. Мир прекрасен, и в этом все дело. Он терпеливо разъясняет нам великую истину, состоящую в том, что ум и даже сердце — ничто. А камень, согретый солнцем, или кипарис, который ка-

жется еще выше на фоне ясного неба, очерчивают единственный мир, где понятие «быть правым» обретает смысл, — природу без человека. Этот мир меня уничтожает. Он стирает меня с лица земли. Он отрицает меня без гнева. А я, смирившийся и побежденный, устремляюсь на поиски мудрости, которой все уже подвластно, — только бы слезы не застилали мне взор и только бы громкое рыдание поэзии, распирающее мне грудь, не заставило меня забыть о правде мира.

*

13 сентября.

Запах лавра, который растет во Фьезоле на каждом шагу.

*

15 сентября.

В монастыре Сан Франческо во Фьезоле есть маленький дворик, окруженный аркадами, полный красных цветов, солнца и черно-желтых пчел. В углу стоит зеленая лейка. Повсюду жужжат мухи. Маленький садик тихо курится под палящим солнцем. Я сижу на земле, думаю о францисканцах, чьи кельи только что видел, чьи вдохновенные порывы мне теперь понятны, и отчетливо сознаю, что если они правы, то и я прав. Я знаю, что за стеной, к которой прислоняюсь, есть холм, а у подножия его раскинулась, принося себя в дар, вся Флоренция с ее кипарисами. Но величие мира словно бы оправдывает этих людей. Я призываю на помощь всю мою гордость, чтобы уверовать, что оно оправдывает и меня, и всех подобных мне — тех, кто знает, что крайняя бедность всегда смыкается с роскошью и богатством мира. Если мы сбрасываем покровы, то лишь для более достойной (а не для иной) жизни. Это единственный смысл, который я вкладываю в слово «голь» (*dénuement*). «Быть голым» всегда означает физическую свободу, близость руки к цветам, любовное согласие земли и человека, освободившегося от человеческих свойств, — ах, если бы я не уверовал во все это раньше, то несомненно уверовал бы теперь.

Нынче я чувствую себя свободным по отношению к своему прошлому и к тому, что я утратил. Я жажду лишь этой сосредоточенности да замкнутого пространства —

этого ясного и терпеливого горения. Я хочу одного: держать свою жизнь в руках, как тесто, которое изо всех сил мнут и месят, прежде чем посадить хлебы в печь, — и уподобиться людям, сумевшим провести всю жизнь между цветами и колоннами. То же и эти долгие ночи в поезде, когда можно разговаривать с самим собой, наедине с собой строить планы и с восхитительным терпением возвращаться к уже обдуманному, останавливать свои мысли на бегу, затем снова гнать их вперед. Сосать свою жизнь, как леденец, лепить, оттачивать, наконец, любить ее — так подыскивают окончательное слово, образ, фразу, заключительные, западающие в память, те, что мы уносим с собой и что будут отныне определять наш угол зрения. Можно на том и остановиться и положить конец целому году мятежной и изнурительной жизни. Я силюсь довести свое присутствие в себе самом до конца, сохранить его во всей моей многоликой жизни — даже ценой одиночества, нестерпимость которого я теперь узнал. Главное — не поддаваться. Не соглашаться, не предавать. Все мое исступление помогает мне в этом, и в наивысшей точке его я обретаю любовь, а вместе с нею — неистовую страсть жить, которая составляет смысл моего существования.

Всякий раз, когда человек («я») уступает своему тщеславию, всякий раз, когда человек думает и живет, чтобы «казаться», он совершает предательство. Желание «казаться» — это большое несчастье, которое всегда принижало меня перед лицом истины. Нет необходимости открывать душу всем, откроем ее лишь тем, кого мы любим. Ибо в этом случае мы желаем не казаться, а лишь дарить. Сильный человек — тот, кто умеет казаться только тогда, когда надо. Идти до конца — значит уметь хранить свою тайну. Я страдал от одиночества, но, чтобы сохранить свою тайну, я преодолел страдание, причиняемое одиночеством. И сегодня я убежден, что самая большая заслуга человека в том, чтобы жить в одиночестве и безвестности. Писать — вот что приносит мне глубокую радость! Жить в согласии с миром и наслаждаться — но только быть при этом голым и босым. Я не был бы достоин любить наготу пляжей, если бы не умел оставаться нагим перед самим собой. Впервые слово «счастье» не кажется мне двусмысленным. Пожалуй, я понимаю под ним не совсем то, что обычно имеют в виду люди, говорящие: «Я счастлив».

Некоторое постоянство в отчаянии рано или поздно рождает радость. И у каждого из тех, кто в монастыре Сан

Франческо окружили себя красными цветами, стоит в келье череп, дающий пищу для размышлений. За окном Флоренция, а на столе смерть. Что до меня, то если я чувствую, что в жизни моей происходит перелом, то не благодаря тому, что я приобрел, а благодаря тому, что утратил. Я чувствую в себе необъятные, глубокие силы. Именно они позволяют мне жить так, как я считаю нужным. Если сегодня я так далек от всего, то вот почему: у меня есть силы только на любовь и восхищение. Мне кажется, я готов приложить все силы любви и отчаяния, чтобы лелеять жизнь с ее залитым слезами или сияющим лицом, жизнь среди соленых волн и раскаленных камней, жизнь, как я ее люблю и понимаю. Сегодня не похоже на перевалочный пункт между «да» и «нет». Оно — и «да», и «нет». «Нет» — и бунт против всего, что не есть слезы и солнце. «Да» — моей жизни, которая впервые сулит мне что-то хорошее впереди. Кончаются бурный, мятежный год и Италия; грядущее неопределенно, но я совершенно свободен по отношению к прошлому и к себе самому. Вот моя бедность и мое единственное богатство. Я как бы начинаю все сначала — не более и не менее. Но с сознанием собственных сил, с презрением к собственному тщеславию, с ясным, хоть и возбужденным умом, который торопит меня навстречу судьбе.

15 сентября 37-го г.

ТЕТРАДЬ № II
СЕНТЯБРЬ 1937 ГОДА — АПРЕЛЬ 1939 ГОДА

22 сентября.

«Счастливая смерть».

— Видите ли, Клер, это довольно трудно объяснить. Важно одно: знать, чего ты стоишь. Но для этого надо выбросить из головы Сократа. Чтобы узнать себя, надо действовать, хотя это вовсе не значит, что человек сможет понять себя до конца. Культ «я»! Не смещите меня. Какое «я» и какая личность? Когда я смотрю на свою жизнь и ее сокровенный лик, все во мне сотрясается от рыданий. Я — и эти губы, которые я целовал, и эти ночи в «доме перед лицом Мира», я — этот бедный ребенок и эта безумная жажда жизни и власти, которая охватывает меня в иные минуты. Многие из тех, кто меня знает, порой не узнают меня. А я чувствую себя во всем похожим на этот бесчеловечный мир, сколок которого — моя собственная жизнь.

— Да, — говорит Клер, — вы играете в двух планах одновременно.

— Вероятно. Но, когда мне было двадцать лет, я, как все, читал о том, что жизнь может обернуться комедией и т.д. Но я не об этом. Несколько жизней, несколько планов — да, конечно. Но когда актер на сцене, он принимает условия игры. Нет, Клер, мы прекрасно знаем, что это всерьез, — что-то подсказывает нам это.

— Почему? — спрашивает Клер.

— Потому что, если бы актер играл, не зная, что он играет пьесу, его слезы были бы настоящими слезами, а жизнь настоящей жизнью. И всякий раз, когда я думаю о том, какой путь проходят во мне боль и радость, я понимаю, и еще как понимаю, что моя роль самая серьезная и волнующая.

А я хочу быть этим превосходным актером. Я отказываюсь от своей индивидуальности и не желаю ее разви-

вать. Я хочу быть тем, что делает из меня моя жизнь, а не превращать эту жизнь в эксперимент. Я сам — эксперимент, а жизнь лепит и ведет меня. Я знаю, до какой идеальной безликости я дошел бы, как силен был бы мой порыв к деятельному небытию, если бы у меня достало силы и терпения. Что меня всегда останавливало, так это мое тщеславие. Сегодня я понимаю, что действовать, любить, страдать — это и значит жить настоящей жизнью, но жить в той мере, в какой это означает абсолютную чистоту и принятие своей судьбы как единственного отражения радуги радостей и страстей.

Путь и т.д. ...

Но для этого нужно время: оно у меня теперь есть.

Клер долго молчала, затем взглянула Патрису в лицо и медленно произнесла:

— Много горестей ждет тех, кто вас любит.

В глазах Патриса промелькнуло отчаяние, он встал и отрезал:

— Я ничем не обязан тем, кто любит меня.

— Вы правы, — сказала Клер. — И тем не менее это так. (Однажды вы останетесь один.)

*

23 сентября, К<иркегор> в ФП (Философских пустыях).

«Язык, подчеркивающий в слове «страсть» его родство со страданием, прав, хотя в повседневном употреблении, говоря «страсть», мы подразумеваем скорее судорожный порыв, удивляющий нас, и забываем, что речь идет о душевном страдании (гордыня — вызов)».

Там же. Превосходный актер (в жизни) есть тот, кто «претерпевает действие» — и сознает это — пассивная страсть.

*

«Он проснулся в поту, ничего не соображая, вскочил и побродил по квартире. Потом зажег сигарету и стал тупо разглядывать складки на своих помятых брюках. Во рту скопилась горечь сна и сигареты. Вокруг него хлюпал мягкий и влажный, словно болотная тина, день».

*

Рамакришна по поводу торгашей:
«Истинный мудрец не брезгает ничем».
Не путать слабоумие и святость.

*

23 сентября.
Уединение, роскошь богачей.

*

26 сентября.

1) Поместить перед романом отрывки из дневника (конец).

2) Сохранять трезвость ума даже в исступлении.

Подробное описание: Исчезновение друзей.

Трамвай (в конце рабочего дня?).

Идеи — лейтмотив.

Он все больше и больше погружался в молчание, замыкался в себе...

...Дошел до точки, где ясность ума может помрачиться. Гигантское усилие: возвращается к жизни — капли пота — думает о раздвинутых ногах женщины — идет к балкону и извергает семя в мир плоти и огня. «Это полезно для здоровья».

Затем принимает душ и делает упражнения с эспандером.

*

(«Теолого-политический трактат».)

*

У Жоржа Сореля. Это следовало бы посвятить «левым гуманистам», которые выдают нам Гельвеция, Дидро и Гольбаха за вершину французской литературы.

Идея прогресса, которая отравляет рабочие движения, — идея буржуазная, ведущая свое начало от XVIII века. «Мы должны всеми силами стараться помешать буржуазным идеям отравлять сознание становящегося класса: поэтому надо любой ценой разорвать всякую связь между народом и литературой XVIII века» («Иллюзия прогресса», с. 285 и 286).

30 сентября.

Рано или поздно мне всегда удается изучить человека досконально. Надо только не жалеть времени. Всегда наступает момент, когда я чувствую разлад. Любопытно, что это происходит в ту минуту, когда мое внимание что-то отвлекает и мне становится »неинтересно».

*

Диалог.

— А чем вы занимаетесь в жизни?

— Я считаю, месье.

— Что?

— Я считаю. Я говорю: один, море, два, небо (ах, какая красота!), три, женщины, четыре, цветы (ах, какая прелесть!).

— Получается довольно глупо.

— Бог ты мой, ваше мнение совпадает с мнением вашей утренней газеты. А мое мнение совпадает с мнением мира. Вы думаете, как «Эко де Пари», а я думаю, как мир. Когда он залит светом, когда припекает солнце, меня охватывает желание любить и обнимать, сливаться с телами и светом, принимать плотские и солнечные ванны. Когда мир хмур, я полон меланхолии и нежности. Я чувствую, что становлюсь лучше, что могу влюбиться всей душой и даже жениться. Впрочем, ни то ни другое не имеет значения.

После его ухода:

1) — Это дурак.

2) — Человек с претензиями.

3) — Циник.

— Нет, — говорит учительница, — он балованный ребенок; это же сразу видно. Маменькин сынок, который не знает жизни.

(Поскольку все больше и больше утверждается мнение, что считать жизнь легкой и прекрасной может лишь тот, кто ее не знает.)

*

30 сентября.

Люди хотят поскорее прославиться и потому не желают переписывать. Достоинство презрения. Начать сначала.

2 октября.

«Он шел, не останавливаясь, по грязным улицам; моросил дождь. В нескольких шагах уже ничего не было видно. Но он продолжал идти в полном одиночестве по этому городку, такому далекому от всего. От всего и от него самого. Нет, это было невыносимо. Плакать перед собакой, на виду у всех. Он имел право на счастье. Он не заслужил этого».

4 октября.

«До последних дней я жил с убеждением, что надо что-то делать в жизни, в частности — что бедняку надо зарабатывать на жизнь, приобрести положение, устроиться. Должно быть, мысль эта, которую я пока еще не решаюсь назвать предрассудком, крепко укоренилась во мне, она не оставляла меня, сколько бы я ни иронизировал и ни принимал окончательные решения. Так вот, как только я получил назначение в Бель-Аббес, все вдруг нахлынуло снова — так значителен был этот шаг. Я отказался от назначения — вероятно, благополучие не имело для меня цены в сравнении с надеждами на подлинную жизнь. Я отступил перед унылым оцепенением такого существования. Если бы я переждал несколько дней, я бы, конечно, согласился. Но тут-то и крылась опасность. Я испугался одиночества и определенности. Я по сей день не знаю, сила или слабость двигала мной, когда я отверг эту жизнь, закрыл себе путь к тому, что называют «будущим», обрек себя на безвестность и бедность. Но по крайней мере я знаю, что если я веду борьбу, то за дело, которое того стоит. Хотя, если как следует посмотреть... Нет. Вероятно, я бежал не просто от определенности, но от определенности уродливой.

А вообще-то способен ли я быть, как говорят люди, «серьезным»? Может, я лентяй? Не думаю, и я это себе доказал. Но имеет ли человек право отказываться от работы под тем предлогом, что она ему не нравится? Я полагаю, что праздность разлагает только тех, кому не хватает темперамента. И если бы мне его не хватало, у меня оставался бы только один выход».

10 октября.

Иметь значение или не иметь. Созидать или не созидать. В первом случае все оправдано. Все, без исключения. Во втором случае — полный Абсурд. Остается выбрать наиболее эстетичное самоубийство: женитьба + 40-часовая рабочая неделя или револьвер.

*

По дороге к кварталу Мадлен — снова эта жажда все отринуть перед лицом природы — такой прекрасной.

*

15 октября.

Жироду (в кои-то веки): «Невинность существа есть полная приспособленность к миру, в котором оно живет».

Напр.: невинность волка.

Невинен тот, кто ничего не стремится доказать.

*

17 октября.

На дорогах, поднимающихся от города Блида, ночь разливает молоко и покой, даруя благость и сосредоточенность. Утро на горе с ее коротко остриженной шелвелюрой, взьерошенной безвременниками, — ледяные источники — тень и солнце — мое тело, сначала всеприемлющее, затем отвергающее. Сосредоточенное усилие при ходьбе, воздух режет легкие, как раскаленный железный прут или острая бритва, — упорные попытки превзойти себя и одолеть склон — или познать себя, познать свое тело. Тело, истинный путь культуры, показывает нам предел наших возможностей.

*

Деревушки жмутся к возвышенностям и живут каждая своей жизнью. Мужчины в длинных белых одеждах — их простые и точные движения вырисовываются на фоне вечно голубого неба. Дорожки обсажены фиговыми деревьями, оливами, церапониями и ююбами. По пути нам

встречаются ослы, груженные маслинами. У погонщиков лица смуглые, а глаза светлые. И между человеком и деревом, между жестом и горой рождается своего рода согласие, трогательное и радостное разом. Греция? Нет, Кабилия. Кажется, будто вся Эллада перенеслась сюда через века и возродилась в своем античном великолепии между морем и горами, и лишь лень да почтение к судьбе выдают в этом краю соседство с Востоком.

*

18 октября.

В сентябре над всем Алжиром плывет запах любви, источаемый цератониями, — кажется, будто вся земля отдыхает после совокупления с солнцем и лоно ее увлажнено семенем, благоухающим миндалем.

На этой дороге, ведущей в Сиди-Брахим, после дождя от цератоний исходит запах любви, тяжелый и гнетущий, давящий всем своим водяным грузом. Потом, когда солнце откачивает воду, краски снова расцветают и запах любви становится легким, едва уловимым ноздрями. Кажется, будто, проведя целый день в духоте, вы выходите на улицу вместе с любовницей и она смотрит на вас, прижимаясь к вам плечом, среди огней и толпы.

*

Хаксли: «В конечном счете достойнее быть хорошим буржуа, не лучше и не хуже других, чем плохим художником, или псевдоаристократом, или второсортным интеллектуалом...»

*

20 октября.

Потребность в счастье и его терпеливый поиск. Нет нужды изгонять меланхолию, но есть необходимость изжить в себе пристрастие к трудному и роковому. Радоваться общению с друзьями, пребывать в согласии с миром и добиваться счастья, следуя путем, который, впрочем, ведет к смерти.

«Вы будете в страхе ожидать смерти».

«Да, но я неукоснительно выполню свою миссию, а моя миссия — жить». Не соглашаться с условностями,

не соглашаться на сидение в конторе. Никогда не сдаваться — всегда требовать большего. И сохранять ясный ум, даже просиживая долгие часы в конторе. Стремиться к нагоде, к которой мир возвращает нас, как только мы оказываемся с ним наедине. Но прежде всего не стараться казаться, а только — быть.

*

21 октября.

Тому, кто путешествует очень скромно, нужно гораздо больше энергии, чем тому, кто строит из себя спешащего пассажира. Плыть на палубе, прибывать к месту назначения усталым и опустошенным, долго ехать третьим классом, зачастую есть всего один раз в день, считать каждый грош и каждую минуту бояться, что какой-нибудь несчастный случай вдруг задержит вас в пути, и без того тяжело, — все это требует мужества и воли, поэтому невозможно принимать всерьез проповеди о «перемене мест». Путешествовать — занятие не из веселых и не из легких. И надо не бояться трудностей и любить неизвестность, чтобы осуществить свою мечту о путешествии, когда ты беден и не имеешь денег. Но если посмотреть как следует, безденежье предостерегает от дилетантства. Конечно, я не стану утверждать, что Жид и Монтерлан много потеряли оттого, что не ездили по железной дороге со скидкой и не застревали в каждом городе на неделю в ожидании билета. Но я хорошо знаю, что в глубинном смысле не могу смотреть на вещи, как Монтерлан или Жид, — ибо езжу по железной дороге со скидкой.

*

25 октября.

Что невыносимо и постыдно, так это суесловие.

*

5 ноября.

Кладбище в Эль-Кеттар. Хмурое небо и бурное море у подножия холмов, усеянных белыми могилами. Мокрые деревья и земля. Голуби меж белых плит. Одинокий розово-красный куст герани и безмерная, безнадежная и немая

печаль, которая роднит нас с прекрасным чистым ликом смерти.

*

6 ноября.

Дорога к кварталу Мадлен. Деревья, кусочек земли и небо. Ах! Как далеко до этой первой звезды, которая ожидала нас на обратном пути, но какое тайное согласие царит между нею и моими движениями.

*

7 ноября.

Персонаж. А. М. калека — ампутированы обе ноги — одна сторона парализована.

«Мне помогают справлять мои естественные потребности. Меня умывают. Меня вытирают. Я почти ничего не слышу. Но при этом я никогда не решусь оборвать жизнь, в которую так верю. Я согласился бы и на худшее. Быть слепым и лишенным всякой чувствительности, быть немым и не иметь контактов с внешним миром — только бы чувствовать в себе этот мрачный, сжигающий меня огонь, ибо он и есть я, я живой — благодарный жизни за то, что она позволила мне гореть».

*

8 ноября.

В ближайшем кинотеатре продают мятные леденцы с надписями: «Вы на мне женитесь?», «Вы меня любите?» И там же ответы: «Сегодня вечером», «Очень» и т. д. Их передают соседке, и она отвечает тем же манером. Совместная жизнь начинается с обмена леденцами.

*

13 ноября.

Квиклински: «Я всегда действовал под влиянием минуты. Теперь потихоньку переучиваюсь. Действовать так, чтобы быть счастливым? Если мне суждено где-то обосноваться, почему бы не сделать это в той стране, которая мне по душе? Но, предвосхищая свои чувства, мы всегда ошибаемся — всегда. Так что надо жить так, как легче. Не

принуждать себя, даже если это кого-то шокирует. Это немного цинично, но так же рассуждает и самая красивая девушка в мире».

Все так, но я не уверен, что, предвосхищая свои чувства, мы обязательно ошибаемся. Мы просто поступаем неразумно. Во всяком случае, единственный эксперимент, который меня интересует, это тот, где абсолютно все ожидания оправдались бы. *Сделать что-либо, чтобы быть счастливым, и действительно стать таковым.* Меня привлекает связь между миром и мной, двойное отражение, позволяющее моему сердцу вмешаться и даровать мне счастье, которое, однако, за определенной чертой полностью зависит от мира, властного либо довершить это счастье, либо его разрушить.

Aedificabo et destruam¹, сказал Монтерлан. Мне ближе другое: Aedificabo et destruat². Цикл не исчерпывается мной одним. В цикле существует взаимосвязь между мной и миром. Все дело в том, чтобы знать свое место.

*

16 ноября.

Он говорит: «В жизни должна быть любовь — одна великая любовь за всю жизнь, это оправдывает беспричинные приступы отчаяния, которым мы подвержены».

*

17 ноября.

«Воля к счастью».

3-я часть. Достижение счастья.

Несколько лет. Смена времен года, и ничего больше.

1-я часть (конец). Калека говорит Мерсо: «Деньги. Пытаться убедить себя, что можно быть счастливым, не имея денег, — своего рода духовный снобизм».

По пути домой М. рассматривает события своей жизни в новом свете. Ответ: «Да».

Для человека «благороднорожденного» быть счастливым — значит разделять судьбу всего человечества не из стремления к самоотречению, но из стремления к счастью. Чтобы быть счастливым, нужно время, много време-

---

¹ Я построю и разрушу (лат.).

² Я построю, и он разрушит (лат.).

ни. Ведь счастье — это тоже терпение. А нужда в деньгах крадет у нас время. Время покупается. Все покупается. Быть богатым — значит иметь время быть счастливым, если вы того достойны.

*

22 ноября.

Совершенно естественно пожертвовать небольшой частью своей жизни, чтобы не потерять ее целиком. Шесть или восемь часов в день, чтобы не подохнуть с голоду. Да и вообще, все идет на пользу тому, кто этой пользы ищет.

*

Декабрь.

Густой, как масло, дождь на стеклах, гулкий стук лошадиных копыт и глухой шум затяжного ливня — все принимало облик прошлого, и гнетущая печаль проникала в сердце Мерсо, как вода проникала в его башмаки, а холод — в колени, плохо защищенные тонкой тканью. Из самых недр неба одна за другой набегали черные тучи, быстро уплывая и уступая место новым. Эта невесомая вода, которая лилась вниз, не похожая ни на туман, ни на дождь, легким прикосновением освежала лицо М. и промывала его глаза, обведенные большими кругами. Складка на его брюках исчезла, а с нею теплота и доверие, с которым нормальный человек смотрит на мир, созданный для него.

(В Зальцбурге.)

*

Иронизирует над Мартой — расстается с ней.

*

Человек, который подавал большие надежды, а теперь работает в конторе. Больше он ничего не делает, вернувшись домой, ложится и покуривает в ожидании ужина, затем снова ложится и спит до следующего дня. По воскресеньям он встает очень поздно и садится у окна, глядя на дождь или на солнце, на прохожих или на тишину.

И так весь год. Он ждет. Ждет смерти. Что толку в надеждах, если все равно...

*

Политика страны и судьбы людей находятся в руках личностей, лишенных идеала и благородства. Те, в ком есть благородство, политикой не занимаются. И так во всем. Но теперь необходимо воспитать в себе нового человека. Необходимо, чтобы люди действия имели идеалы, а поэты были людьми дела. Необходимо воплощать мечты в жизнь — приводить их в действие. Прежде от них отрекались или в них погружались. Не надо ни погружаться, ни отрекаться.

*

У нас не хватает времени быть самими собой. У нас хватает времени только на то, чтобы быть счастливыми.

*

Освальд Шпенглер («Закат Европы»):

1. Форма и реальность:

«Понимать мир значит для меня быть его достойным».

«Тот, кто дает определения, не ведает судьбы».

«Помимо причинной необходимости — которую я буду называть логикой пространства — в жизни существует также органическая необходимость судьбы — логика времени...»

Отсутствие исторического чувства у греков. «История от древности до персидских войн есть продукт мысли, по сути своей мифической».

Изначально египетская колонна была каменной, дорическая колонна — деревянной. Таким образом аттическая душа выражает свою глубинную неприязнь к долговечности. «Египетская культура — воплощение заботы о будущем». Греки, счастливый народ, не имеют истории.

Миф и его антипсихологическое значение. Духовная история Запада, напротив, начинается с самоанализа внутренней жизни — это западня *Vita nuova*¹. (Ср. наобо-

---

¹ Новая жизнь (лат.).

рот: фрагменты мифов о Геракле: одни и те же от Гомера до трагедий Сенеки. Тысячелетие. То есть древнее-нынешнее.)

Напр.: «Немцы изобрели механические часы, грозный символ быстротекущего времени, и бой их, денно и нощно раздававшийся с бесчисленных башен Западной Европы, есть, быть может, самое грандиозное выражение исторического чувства во всем мироздании».

«Мы, люди западноевропейской культуры, наделенные историческим чувством, являем собой не правило, а исключение».

Бессмысленность схемы: Античность — Средние века — Новое время.

«Что означает тип сверхчеловека для мусульманского мира?»

«Удел культуры — цивилизация. На смену эллину приходит римлянин. Греческая душа и римский ум. Переход от культуры к цивилизации совершился в древности в IV веке, на Западе в XIX веке.

Наша литература и наша музыка созданы для горожан.

А единственным предметом всякой философии становится у нас История философии.

Главный вопрос:

противопоставление истории и природы

Математика. История.

и картины (еще раз обдумать).

*

Декабрь.

Его волновала ее манера цепляться за его одежду, идти рядом, сжимая его руку, ее непринужденность и доверчивость — все это трогало его и возбуждало. А еще ее молчание, благодаря которому она вкладывала всю себя в каждое свое движение, и в этом, а равно и в серьезности, которой были исполнены ее поцелуи, чудилось что-то кошачье.

Ночью он почувствовал под пальцами выдающиеся скулы, холодные, как лед, и мягкие, дышащие теплом губы. И глубины его существа потряс вопль, отрешенный и страстный. Перед лицом ночи, усеянной звездами, и города, полного рукотворных огней и похожего на опроки-

нудое небо, под горячим и глубоким дыханием порта, которому он подставлял лицо, им овладело влечение к этому теплему источнику, неистовое желание прильнуть к этим живым губам, чтобы постичь весь смысл мира, жестокого и сонного, как немота, сковавшая ее уста. Он наклонился, и ему почудилось, будто он приник губами к птице. Марта застонала. Он впился в ее губы и несколько минут, не отрываясь, вдыхал эту теплоту, пьянившую его так, словно он сжимал в объятиях весь мир. А она при этом цеплялась за него, как утопающая, и, вынырнув на мгновение из своей бездонной пропасти и оттолкнув его губы, затем ловила их вновь и вновь, погружаясь в черные ледяные воды, которые обжигали ее, как сонм богов.

*

Декабрь.

Тому, кто создан для игры, всегда хорошо в женском обществе. Женщины — благодарная публика.

*

Вещи утомительные утомляют лишь поначалу. Дальше смерть. «Такая жизнь не для меня», но, живя этой жизнью, мы в конце концов смиряемся с нею.

*

Роман. I ч. Карточная партия («марьяж»). Разговоры.
«Мы, зуавы...»

«С моим мужем...»

Черномазый: «Ты мне противен. Ты мне противен. Счас узнаешь, почему. Потому что ты зануда. А я не люблю зануд. *Ты не умеешь жить*».

(Парк Сен-Рафаэль.)

Роман. Заглавия: Чистое сердце
Счастливыцы на земле
Золотой луч.

*

— Много ли вы знаете «любящих» мужчин, которые отказались бы от красивой и доступной женщины? А если кто и откажется, значит, ему недостает темперамента.

— Вы называете темпераментом отсутствие всякого серьезного чувства?

— Именно. (Во всяком случае, в том смысле, какой вы вкладываете в слово «серьезный».)

*

Роман. I ч.

Жилище Загря в пригороде. Убийство. В комнате жарко натоплено. У Мерсо горят уши, он задыхается. Выйдя на улицу, он простужается (отсюда болезнь, которая его подкосит).

Гл. IV: разговор с З. начинается с «общих соображений».

— Да, — говорит З., — но вы не можете этим заниматься, работая.

— Нет, потому что все во мне восстает, и это плохо.... — В сущности, — говорит М., — я человек взбалмошный и потому опасный.

*

Роман. IV ч. Пассивная женщина.

«Неправда, — говорит М., — что надо выбирать, что надо делать то, что хочешь, что существуют условия счастья. Счастье либо есть, либо нет. Важна воля к счастью. Своего рода глубокое убеждение, никогда не покидающее нас. Все остальное: женщины, искусство, успехи в обществе — не более чем повод. Канва, по которой нам предстоит вышивать».

*

Роман. III ч.

Через некоторое время Мерсо объявил о своем отъезде. Он собирался сначала попутешествовать, а затем обосноваться в окрестностях Алжира. Через месяц он вернулся, убедившись, что путешествия для него заказаны. Путешествие казалось ему тем, чем оно, в сущности, и является: беспокойным счастьем. М. стремился к другому, он искал осознанного блаженства. Вдобавок он чувствовал себя больным и знал, чего он хочет. Он готовился вторично покинуть Дом у моря.

Февраль 38-го г.

Здесь люди чувствуют судьбу. Вот что их отличает.

*

Страдание оттого, что не все общее, и несчастье оттого, что все общее.

*

Февраль 38-го г.

Весь революционный дух заключается в протесте человека против условий человеческого существования. В этом смысле он является в той или иной форме единственной вечной темой искусства и религии. Революция всегда направлена против Богов — начиная с революции Прометея. Это протест человека против судьбы, а буржуазные паяцы и тираны — не более чем предлог.

И, вероятно, можно уловить революционный дух в его историческом проявлении. Но тогда требуется вся душевная энергия Мальро, чтобы избежать соблазна приводить доказательства. Проще рассматривать этот дух вне истории, как суть и судьбу. Поэтому произведение искусства, которое изображало бы завоевание счастья, было бы произведением революционным.

*

Открыть чрезмерность в умеренности.

*

Апрель 38-го г.

Сколько гнусности и ничтожества в существовании работающего человека и в цивилизации, базирующейся на людях труда.

Но тут все дело в том, чтобы устоять и не сдаваться. Естественная реакция — в нерабочее время всегда разбрасываться, искать легкого успеха, публику, предлог для малодушия и паясничанья (по большей части люди для того и живут вместе). Другая неизбежная реакция заключается в том, чтобы разлагольствовать. Впрочем, одно не

исключает другого, особенно если учесть плотскую распушенность, отсутствие культуры тела и слабоволие.

Все дело в том, чтобы молчать — упразднить публику и научиться судить себя. Сочетать в равной мере заботу о своем теле с заботой об осознанном существовании. Отбросить всякие претензии и отдаться двойной работе — по освобождению от власти денег и от собственного тщеславия и малодушия. Жить упорядоченно. Не жалко потратить два года на размышления над одним-единственным вопросом. Надо покончить со всеми прежними занятиями и постараться ничего не забыть, а потом приняться терпеливо запоминать.

Поступив так, вы имеете один шанс из десяти избежать самого гнусного и ничтожного из существований — существования человека работающего.

*

Апрель.

Доделать два эссе. «Калигула». Ни малейшей значительности. Недостаточно зрело. Издать в Алжире.

Продолжить занятия: философия и культура. Ради этого все бросить: диссертация

или биология + экзамен на право преподавания в институте

или Индокитай.

Каждый день делать записи в этой тетради: через два года написать книгу.

*

Апрель 38-го г.

Мелвилл ищет приключений и кончает жизнь конторским служащим. Он умирает в бедности и безвестности. Если человек живет одиноко и обособленно (это не одно и то же), даже завистники и клеветники в конце концов унимаются и оставляют его в покое. Но надо ежесекундно пресекать зависть и клевету в себе самом.

*

Май.

Нищез. Осуждение Реформации, освобождающей христианство от принципов жизни и любви, которые привив-

вал ему Цезарь Борджиа. Борджиа, ставший папой, оправдал наконец христианство.

*

В любой идее меня привлекает прежде всего ее острота и оригинальность — новизна и внешний блеск. Надо честно признаться.

*

С. строит из себя обольстителя, он раздает направо и налево обещания, которые никогда не держит. Он испытывает потребность покорять, завоевывать любовь и дружбу, сам не будучи способен ни на то, ни на другое. Прекрасный персонаж для романа и безотрадный пример друга.

*

Сцена: муж, жена и зрители.

Муж не лишен достоинств и любит блеснуть в обществе. Жена молчит, но короткими сухими репликами сводит на нет все потуги обожаемого супруга. Таким образом она постоянно выказывает свое превосходство. Он сдерживает себя, но страдает от унижения — так рождается ненависть.

Напр.: С улыбкой: «Не выставляйте себя большим глупцом, чем вы есть, друг мой».

Зрители мнутя и смущенно улыбаются. Муж краснеет, подходит к жене, с улыбкой целует ей руку: «Вы правы, дорогая».

Приличия соблюдены, а ненависть растет.

*

Я до сих пор не могу забыть охватившего меня отчаяния, когда мать объявила мне, что «я уже вырос и буду теперь получать к Новому году полезные подарки». Меня до сих пор коробит, когда мне дарят подарки такого рода. Конечно, я прекрасно знал, что ее устами говорит любовь, но почему любовь избирает порой столь жалкий язык?

*

Об одной и той же вещи утром мы думаем одно, вечером другое. Но где истина — в ночных думах или в дневных размышлениях? Два ответа, два типа людей.

*

Май.

В богадельне умирает старая женщина. Подруга ее, с которой она познакомилась три года назад, плачет, «потому что у нее никого не осталось». Сторож маленького морга — парижанин, живет здесь вместе с женой. «Кто бы мог подумать, что в семьдесят четыре года придется доживать свой век в богадельне в Маренго!» Сын его — человек с положением. Старики приехали из Парижа. Невестка их невзлюбила. Скандалы. Старик не выдержал и «поднял на нее руку». Вот сын и отправил их в богадельню. Могильщик дружен с покойной. По вечерам они иногда ходили в деревню. Маленький старичок обязательно хотел проводить гроб в церковь и на кладбище (два километра). Он калека, ему трудно поспеть за катафалком, и он идет метрах в двадцати позади всех. Но он знает местность и идет самым коротким путем, поэтому два или три раза он нагоняет процессию и идет вместе со всеми, куда снова не отстанет.

У сиделки-мавританки, которая заколачивает гроб, язва на носу, поэтому она никогда не снимает повязки.

Друзья покойной: маленькие старички-мифотворцы. Как славно жилось в доброе старое время! Старичок — старушке: «Ваша дочь вам не писала? — Нет. — Могла бы вспомнить, что у нее есть мать».

Смерть одного обитателя богадельни — предвестие и угроза для всех остальных.

*

Июнь.

Для «Счастливой смерти»: несколько прощальных писем. Старая песня: хочу порвать, потому что слишком сильно тебя люблю.

И последнее письмо: шедевр трезвости. Но и тут не обошлось без притворства.

*

Конец. Мерсо пьет.

«Ну! — говорит Селест, вытирая стойку. — Ты стареешь, Мерсо».

Мерсо вздрогнул и поставил стакан. Он поглядел на себя в зеркало позади стойки. Так и есть.

*

Лето в Алжире.

По чью душу эта стая черных птиц в зеленом небе? Постепенно все поглощает слепое и глухое лето, и тем пронзительнее делаются призывы стрижей и крики разносчиков газет.

*

Июнь.

На лето:

- 1) Закончить Флоренцию и Алжир.
- 2) Калигула.
- 3) Летний экспромт.
- 4) Эссе о театре.
- 5) Эссе о 40-часовой неделе.
- 6) Переписать Роман.
- 7) Абсурд.

*

Для летнего экспромта:

- Зритель!
- Ну!
- Зритель!
- Ну!
- Ты редкость, зритель.
- Как редкость? (Оборачивается.)
- Конечно, редкость! Таких, как ты, немного. Такие, как ты, наперечет.
- Уж какой есть.
- Конечно. Ты нам подходишь.

*

Роман.

— Что греха таить, есть у меня серьезные недостатки, говорит Бернар. — Например, я лжец.

— ?

— О! Я это прекрасно знаю. Одни недостатки люди тщательно скрывают. Другие с легкостью за собой признают. Разумеется, с притворным смирением! «Да, я вспыльчив, да, я люблю поест». В каком-то смысле это им льстит. Но лживость, тщеславие, зависть — в этом не признаются. Этим грешит кто угодно, только не мы. К тому же признание в своей вспыльчивости помогает избежать разговора обо всем прочем. Вы ведь не станете искать в человеке, который сам повинился в своих грехах, еще каких-то недостатков?

У меня нет заслуг. Я принимаю себя таким как есть. Поэтому все так просто.

*

Калигула: «Вы никак не поймете, что я человек простой».

*

Эссе о 40-часовой неделе.

У нас в семье: работа по десять часов в день. Сон. Воскресенье — понедельник. — Безработица: человек плачет. Вся беда человека в том, что ему приходится плакать и молить о том, что его унижает (помощь).

*

«Нынче много говорят о достоинствах труда, о его необходимости. Г-н Жинью, в частности, имеет весьма определенное мнение на этот счет.

Но это обман. Достойным может быть только добровольный труд. Одна праздность имеет нравственную ценность, ибо позволяет судить о людях. Она пагубна лишь для посредственностей. В этом ее урок и ее величие. Труд, наоборот, одинаково губителен для всех. Он не развивает способность суждения. Он пускает в ход метафизику унижения. Самые достойные не выдерживают этого рабства, навязываемого им обществом благонамеренных людей.

Я предлагаю перевернуть классическую формулу и сделать труд плодом праздности. Достойный труд заключается в игре в «бочонок» по выходным. Здесь труд смыкается с игрой, а игра, подчиненная технике, поднимается до произведения искусства и творчества в самом широком смысле слова...

Одних это приводит в восторг, других — в негодование.

Что ж такого! Мои работники зарабатывают по сорок франков в день...»

В конце месяца мать с ободряющей улыбкой говорит: «Сегодня вечером будем пить кофе с молоком. День на день не приходится...»

Но по крайней мере они смогут там заниматься любовью...

*

Единственное возможное в наше время братство, единственное, какое нам предлагают и позволяют, — это гнусное и сомнительное солдатское братство перед лицом смерти.

*

Июнь.

В кино молоденькая жительница Орана плачет горячими слезами, глядя на несчастья героя. Муж умоляет ее перестать. Она говорит сквозь слезы: «Дай же мне, в конце концов, всласть поплакать».

*

«Счастливая смерть»:

В поезде Загрей сидит напротив него. Только вместо черного шейного платка, который он обычно носил, на нем очень светлый летний галстук. (После убийства возвращается в свою квартиру. Ничего в ней не меняет. Только вешает новое зеркало.)

*

Искушение, одолевающее все умы: цинизм.

*

Ничтожество и величие этого мира: в нем совсем нет истин, только любовь.

Царство Абсурда, спасение от которого — в любви.

*

Романы-фельетоны не грешат против психологии. Но психология здесь великодушна. Она не считается с деталями. Она строится на доверии. И тем самым грешит против истины.

*

Старая женщина в ответ на новогодние пожелания: мне много не надо: работы да здоровья.

*

Удивительно, как тщеславен человек, который хочет внушить себе и другим, что он стремится к истине, между тем как он просит только любви.

*

Нелегко прийти к заключению, что можно быть выше многих, не будучи при этом существом высшим. И что истинное превосходство...

*

Август.

Комната окнами во двор — из нее дверь в другую комнату, в которой нет окна, но в свою очередь есть дверь в третью, где окна также нет. В этой последней комнате три матраса. Три спящих человека. Но, поскольку ширина комнаты меньше длины матраса, концы матрасов загнуты сверху и люди спят, согнувшись в три погибели.

*

Два слепца выходят на улицу между часом и четырьмя ночи. Потому что они уверены, что никого не встретят на

улицах. Если они наткнутся на фонарь, они смогут встать посмеяться. Они и смеются. А днем чужая жалость мешает им веселиться.

«Писать, — говорит один из слепцов. — Но это никого не трогает. Трогает в книге только отпечаток волнующей жизни. А с нами ничего волнующего не случается».

*

Пишущему лучше недоговорить, чем сказать лишнее. Во всяком случае, никакой болтовни.

«Реальное» переживание одиночества более чем далеко от литературы — оно совершенно не похоже на то, которое описывают в книгах.

Ср. унижительность любых страданий. Не дать себе докатиться до полной опустошенности. Пытаться преодолеть и «заполнить». Время — не терять его.

*

Единственная возможная свобода есть свобода по отношению к смерти. Истинно свободный человек — тот, кто, принимая смерть как таковую, примет при этом и ее последствия, то есть переоценку всех традиционных жизненных ценностей. «Все дозволено» Ивана Карамазова — единственное последовательное выражение свободы. Но надо постичь суть этой формулы.

*

21 августа 1938 г.

«Только тот, кто познал «настоящее», понимает, что такое ад» (Якоб Вассерман).

Закон Ману:

«Уста женщины, грудь юной девы, молитва ребенка, жертвенный огонь всегда чисты».

*

О сознательной смерти, ср. Ницше, «Сумерки идолов», с. 203.

Ницше: «Самые мучительные трагедии суждено пережить существам самым одухотворенным, при условии,

что они обладают самым большим мужеством. Но именно оттого, что жизнь обходится с ними самым жестоким образом, они чтут ее» («Сумерки идолов»).

*

Ницше: «Чего же мы желаем, если говорить о красоте? Быть красивым Мы воображаем, что красота приносит много счастья, но это заблуждение» («Человеческое, слишком человеческое»).

*

Воздух населен жестокими и страшными птицами.

*

Чем больше счастья в жизни человека, тем трагичнее его свидетельство. Подлинно трагическим произведением искусства (если считать произведение искусства свидетельством) окажется произведение человека счастливого. Потому что оно будет полностью сметено с лица земли смертью.

*

Метеорологический метод. Температура меняется каждую минуту. Это слишком зыбкие данные, чтобы вывести математическую формулу. Наблюдателю здесь доступен произвольный срез реальности. И только понятие среднего арифметического позволяет создать образ этой реальности.

*

Работы об этрусках:

А. Гренье: Этрусские изыскания в «Ревю дез Этюд Ансьен», IX, 1935 — 219 и сл.

Б. Ногара: Этрусски и их цивилизация — Париж, 1936.

Фр. де Рюит: Харон, этрусский демон смерти. (Выходные данные?)

*

Белькур.

Молодая женщина охраняет послеобеденный сон мужа, не позволяя детям шуметь. Две комнаты. Она стелет на пол в столовой одеяло и бесшумно забавляет детей, чтобы дать мужчине поспать. Жарко, и она оставляет дверь на лестницу открытой. Временами ее одолевает дремота, и, проходя мимо, можно увидеть, как она лежит, а вокруг тихо играют дети, поглядывая на ее легонько вздымающуюся грудь.

*

Белькур.

Уволен. Не решается ей сказать. Говорит.

— Ну что ж, будем по вечерам пить кофе. День на день не приходится.

Он смотрит на нее. Он часто читал истории о том, как женщина «мужественно переносит бедность». Она не улыбнулась. И снова ушла на кухню. Мужественно? Нет, смиренно.

*

Бывший боксер потерял сына. «Что мы значим на земле? А все суетимся, суетимся».

*

Белькур.

История Р. «Я знал одну даму... она была, так сказать, моя любовница... Я заметил, что дело тут нечисто: история с лотерейными билетами (Ты купила мне лотерейный билет?). История с костюмом и с сестрой. История с браслетами и «Уликой».

Трачу 1300 франков. А ей все мало. «Почему бы тебе не работать полдня? Избавила бы меня от мелких расходов. Я купил тебе костюм, я даю тебе по 20 франков в день, я плачу за комнату, а ты среди дня распиваешь кофе с подружками. Подаешь им и кофе, и сахар. А деньги тебе даю я. Я с тобой по-хорошему, а ты как поступаешь?».

Просит совета. Он по-прежнему «не прочь спать с ней». Он хочет послать ей такое письмо, чтоб она «знала свое место» и чтоб она «пожалела о том, что было».

Напр.: «Ты только и знаешь, что забавляться с кем попало». А дальше: «Я-то думал, что...» и т.д.

«Не видишь, что люди-то завидуют тебе, не ценишь своего счастья».

«Я ее поколачивал, но, так сказать, любя. Она кричала, я закрывал ставни».

То же самое и с подружкой.

Он хочет, чтобы она вернулась. Он трагичен в своем стремлении унижить обманщицу. Он поведет ее в гостиницу и вызовет «полицию нравов».

История с друзьями и пивом. «Вы говорите, вы по этой части». «Они сказали, что, если я захочу, они поставят ей на роже метку».

История с пальто. История со спичками.

«Ты поймешь, как тебе было хорошо со мной».

Эта женщина — арабка.

*

Тема: мир смерти. Трагическое произведение — счастливое произведение.

...— Но, судя по вашему тону, эта жизнь вам не по душе, Мерсо.

— Она мне не по душе, потому что скоро я лишусь ее — вернее, она мне слишком по душе, поэтому я чувствую весь ужас предстоящей утраты.

— Не понимаю.

— Не хотите понять.

— Быть может.

Патрису пора уходить.

— Но, Патрис, а как же любовь?

Он оборачивается, лицо его искажено отчаянием.

— Любовь существует, — говорит Патрис, — но ведь она принадлежит этому миру.

*

Богадельня для стариков (старик идет полем напрямик). Похороны. Солнце расплавляет гудрон на дороге — ноги вязнут и оставляют черные вмятины. Открывается

сходство между этой черной грязью и клеенчатой шляпой кучера. И вся эта чернота, липкая чернота расплавленного гудрона, тусклая чернота одежды, блестящая чернота катафалка — солнце, запах кожи и лошадиного навоза, лака, ладана. Усталость. А тот идет напрямик через поля.

Он идет на похороны, потому что покойница была единственным близким ему человеком. В богадельне им говорили, как детям: «Жених и невеста». И он смеялся. Ему было приятно.

*

Персонажи.

А) Этьен, «физический» персонаж; его внимание к собственному телу:

1) арбуз

2) болезнь (колики)

3) естественные потребности — хорошо — тепло и т.д.

4) Смеется от радости, когда ест что-то вкусное.

Б) Мари К. Ее родственник, их совместная жизнь, «он платит за жилье».

В) Мари Эс. Детство, роль в семье. Ее непорочность, о которой все толкуют. Святой Франциск Ассизский. Страдание и унижение.

Г) Госпожа Лека. Ср. выше.

Д) Марсель, шофер — и старуха из кафе.

*

Чувства, которые мы испытываем, не преобразуют нас, но подсказывают нам мысль о преображении. Так любовь не избавляет нас от эгоизма, но заставляет нас его осознать и напоминает нам о далекой родине, где этому эгоизму нет места.

*

Вернуться к работе над Плотиним.

Тема: ум у Плотина.

1) Ум — понятие неоднозначное.

Интересно рассмотреть его положение в истории в тот момент, когда ему предстоит либо приспособиться, либо погибнуть.

Ср. Диплом.

Это тот же самый ум, но и не совсем тот же.

Ибо есть два ума:

один этический, другой эстетический.

Тщательно изучить: платиновский образ как силлогизм этого эстетического ума.

Образ подобен притче: это попытка выразить непостижимость чувства в очевидной непостижимости конкретного.

Как во всех описательных науках (статистика, которая коллекционирует факты), главная проблема в метеорологии есть проблема практическая: проблема замены недостающих наблюдений. Поэтому при восполнении пробела всегда прибегают к понятию среднего арифметического, для чего необходимо обобщение и осмысление опыта, разумное содержание которого как раз и нуждается в выявлении.

*

Белькур. Торговец, спекулирующий сахаром, кончает с собой в туалете.

*

Немецкая семья в 14-м году. Четыре месяца передышки. Потом за отцом приходят. Концлагерь. Четыре года нет вестей. Жизнь в течение этих четырех лет. Он возвращается в 19-м году. У него туберкулез. Через несколько месяцев он умирает.

Дочки в школе.

*

Художник и произведение искусства. Подлинное произведение искусства сдержанно. Существует некоторое соотношение между опытом художника в целом, его мыслью + его жизнью (в каком-то смысле его системой — исключая все, что это слово подразумевает систематического) — и произведением, которое отражает этот опыт. Это соотношение неверно, когда в произведении искусства воплощается весь жизненный опыт автора в некотором литературном обрамлении. Это соотношение верно, когда произведение искусства есть часть, отсеченная от опыта,

алмазная грань, вбирающая в себя весь внутренний блеск. В первом случае произведение громоздко и литературно. Во втором — жизнеспособно, ибо за ним угадывается богатейший опыт.

Проблема заключается в том, чтобы обрести (вернее, выстрадать) умение жить, а это труднее, чем приобрести умение писать. В конечном счете великий художник прежде всего тот, кто постиг великое искусство жизни (при условии, что в понятие жизни входит и ее осмысление — более того, жизнь и есть это едва уловимое соотношение между опытом и его осознанием).

*

Чистая любовь — мертвая любовь, если понимать под любовью любовную жизнь, создание определенного жизненного уклада, — в такой жизни чистая любовь превращается в постоянную отсылку к чему-то иному, о чем и нужно условиться.

*

Мысль всегда впереди. Она видит слишком далеко, дальше, чем тело, не выходящее за рамки настоящего.

Лишить человека надежды — значит свести мысль к телу. А телу суждено сгнить.

*

Лежа, он смущенно улыбнулся, и глаза его сверкнули. Она почувствовала, как вся ее любовь подступила к горлу, а на глаза навернулись слезы. Она впиалась в его губы и омочила своими слезами его лицо. Ее слезы текли ему в рот, и он пил из этих соленых губ всю горечь их любви.

*

Черствое сердце творца.

*

«Если бы я хоть умела читать! Ведь вечерами, при свете я не могу вязать. Поэтому я лежу и жду. Лежу, лежу, а время так медленно тянется. Ах! Была бы со мной внуч-

ка, я бы с ней разговаривала. Но я слишком стара. Может, от меня плохо пахнет. Внучка никогда ко мне не приходит. Вот так и живу совсем одна».

*

2-я ч.

Сегодня умерла мама. Или, может, вчера, не знаю. Получил телеграмму из дома призрения: «Мать скончалась. Похороны завтра. Искренне соболезнуем». Не поймешь. Возможно, вчера...

Как говорит привратник: «На равнине жарко. Стараятся похоронить побыстрее. Особенно здесь». Он рассказал, что сам он из Парижа и с трудом привык. Потому что в Париже покойника хоронят через два, а то и через три дня. А здесь нет времени, не успеешь свыкнуться с мыслью, что человек умер, как уже надо поспешать за дрогами».

Вот процессия и торопилась что есть сил. Только солнце жарило нестерпимо. Верно заметила сиделка, которую отрядили на похороны: «Медленно идти опасно, может случиться солнечный удар. А если заторопишься, бросает в пот, и тогда в церкви можно простыть». Она была права. Положение безвыходное.

Служащий похоронного бюро что-то мне сказал, но я не расслышал.

Одной рукой он приподнял шляпу, а другой вытирал лысину носовым платком. Я спросил его: «Что-что?» Он повторил, показывая на небо: «Ну и шпарит». «Да», — сказал я. Немного погодя он спросил: «Вы покойнице кто — сын?» Я опять сказал: «Да». — «Старая она была?» — «В общем, да», — сказал я, потому что не знал точно, сколько ей было лет. Тогда он замолчал.

*

Декабрь 38-го г.

Для «Калигулы»: анахронизм — самое неудачное, что можно придумать для театра. Поэтому Калигула не произносит в пьесе ту единственную разумную фразу, какую мог бы произнести: «Стал мыслить лишь один — и мир весь опустел».

*

Калигула: «Мне нужно, чтобы все вокруг молчали. Мне нужно, чтобы умолкли люди и чтобы затихли ужасные сердечные смуты».

*

15 декабря.

Каторга. Ср. репортаж.

*

На митинге. Старый железнодорожник, опрятный, гладко выбритый, с перекинутым через руку плащом, тщательно сложенным клетчатой подкладкой вверх, в начищенных башмаках, спрашивает, «не здесь ли состоится собрание», и говорит, как он волнуется, когда думает о судьбе рабочих.

*

В больнице. Больной туберкулезом; врач сказал, что через пять дней он умрет. Он решает сократить срок и перерезает себе горло бритвой. Он не может ждать пять дней, это очевидно.

«Не пишите об этом в ваших газетах, — говорит санитар журналисту. — Он и так настрадался».

*

Он любит *здесь, на земле*, а она любит его с уверенностью, что они соединятся в вечности. Их любовь нельзя мерить одной меркой.

*

Смерть и творчество. На пороге смерти он просит почитать ему вслух его последнее произведение. Это не совсем то, что он хотел сказать. Он просит сжечь его. И умирает без утешения — что-то оборвалось у него в груди, словно лопнула струна.

*

Воскресенье.

Ветер бушевал в горах и мешал нам идти вперед, не давал говорить, свистел в ушах. Весь лес снизу доверху извивается. От горы к горе над долинами летят красные листья папоротника. И эта прекрасная птица, рыжая как апельсин.

*

История солдата Иностранного легиона, который убивает свою любовницу в задней комнате. Потом берет тело за волосы и тащит его в зал, а оттуда на улицу, где его и арестовывают. Хозяин кафе-ресторана взял его в долю, но запретил ему приводить любовницу. А она возьми да и приди. Он велел ей убираться. Она не захотела. Поэтому он ее убил.

*

Пара в поезде. Оба некрасивы. Она льнет к нему, хочет, кокетничает, завлекает его. Он хмурится, он смущен: все видят, что его любит женщина, которой он стыдится.

*

Светское общество или два старых журналиста, которые бранятся в комиссариате, на радость полицейским. Старческая ярость двух мужчин, не имеющих сил для драки, выливается в сплошной поток ругани: «Дерьмо — Рогач — Мудак — Скотина — Сутенер».

— Я человек чистый!

— Ты себя со мной не равняй!

— Ни за что! Ведь ты последний мудак.

— Заткнись, не то я тебе так двину по роже — от тебя мокрое место останется!

— На такого силача, как ты, я кладу с прибором! Потому что я человек чистый.

*

Испания. Член партии. Хочет пойти добровольцем в армию. При опросе выясняется, что причина — неудача в личной жизни. *Его не берут.*

В жизни всякого человека мало великих чувств и много мелких. Если совершаешь выбор — две жизни и две литературы.

*

Но *на самом деле* это два чудовища.

*

Удовольствие, которое приносит общение мужчины с женщиной. То самое, мимолетное, которое испытываешь, когда даешь прикурить или просишь об этом, — сообщничество, масонское братство курильщиков.

*

П. заявляет, что может предложить «миниатюру с изображением беременной девы в рамке из ключиц тореадора»

*

Плакат на казарме: «Алкоголь усыпляет человека и будит зверя» — чтобы люди знали, почему они любят выпить.

*

«Земля была бы великолепной клеткой для животных, чуждых всего человеческого».

*

Среди самых чистых моих радостей многие связаны с Жанной. Она частенько говорила мне: «Глупыш». Это было ее выражение, она произносила его со смехом, но как раз в эти минуты она любила меня сильнее всего. Оба мы из бедных семей. Она жила через несколько улиц, в центре. Ни она, ни я никогда не покидали родного квартала, где прошла вся наша жизнь. И у нее, и у меня дома было одинаково тоскливо и гадко. Наша встреча была по-

пыткой от всего этого освободиться. Но, когда теперь, через столько лет, я вспоминаю ее лицо усталого ребенка, я понимаю, что нам не удавалось освободиться от этого убогого существования и что наша любовь доставляла нам радость, какую не купишь ни за какие деньги, именно потому, что мы любили друг друга среди этого мрака.

Наверно, я очень страдал, когда она ушла. И все же я не устраивал сцен. Потому что никогда не чувствовал себя победителем. Мне и сейчас кажется более естественным сожалеть об упущенном. И хотя я не заблуждаюсь на собственный счет, я всегда считал, что Жанна больше принадлежит мне в такой день, как сегодня, чем когда она вставала на цыпочки, чтобы дотянуться до моей шеи и обвить ее руками. Я уже не помню, как я с ней познакомился. Но помню, что повадился ходить к ней. И что ее отец и мать посмеивались, глядя на нас. Ее отец был железнодорожником, в свободные часы он обычно сидел в уголке и задумчиво смотрел в окно, положив на колени свои огромные лапищи. Мать с утра до ночи хлопотала по хозяйству. Жанна ей помогала, но делала это так легко и весело, что, глядя на нее, я забывал, что она работает. Она была среднего роста, но рядом со мной казалась маленькой. Когда я видел, как она, такая тоненькая, такая легкая, переходит улицу перед грузовиками, сердце у меня сжималось. Теперь я понимаю, что ума у нее, конечно, было немного. Но в то время я не задавался подобными вопросами. Она умела так неподражаемо разыгрывать обиду, что восхищала меня до слез. А это неуловимое движение, каким она оборачивалась ко мне и бросалась в мои объятия, если я умолял ее простить меня, — даже теперь, через столько лет, оно не может оставить равнодушным мое сердце, ставшее бесчувственным к стольким вещам. Я уже не помню, желал ли я ее. Я помню, что все перемешалось. Помню, что все мои переживания разрешались нежностью. Если я и желал ее, то забыл об этом в первый же раз, когда в коридоре она подставила мне губы в благодарность за крошечную брошку, которую я ей подарил. Со своими зачесанными назад волосами, больше-рогая, с крупноватыми зубами, ясными глазами и прямым носиком, она предстала мне в этот вечер ребенком, которому я подарил жизнь для ласк этого мира. Я надолго сохранил это чувство; Жанна поддерживала его, неизменно называя меня «старшим другом».

У нас были свои радости. Когда мы решили пожениться, мне было двадцать два года, ей — восемнадцать. Больше всего радовала нас и настраивала на серьезный лад узаконенность нашей любви. Жанна пришла к нам в дом, мама поцеловала ее и назвала: «Моя девочка» — все это приводило нас в шенячий восторг, которого мы и не думали скрывать. Но воспоминание о Жанне связано для меня с ощущением, которое я до сих пор не могу объяснить. Я каждый раз испытываю его, когда мне грустно и я иду по улице и вдруг встречаю трогательное женское личико, а потом вижу красиво украшенную витрину — тут у меня перед глазами встает лицо Жанны, живое, знакомое до боли, и она оборачивается ко мне со словами: «До чего ж красиво!» Это бывало в праздники. Магазины в нашем квартале ярко светились огнями. Мы останавливались перед витринами кондитерских. Шоколадные человечки, гирлянды из серебряной и золотой фольги, снежные хлопья из ваты, позолоченные тарелки и пирожные всех цветов радуги — все восхищало нас. Мне было немного стыдно. Но я не мог сдержать радости, переполнявшей меня и блестящей в глазах Жанны.

Когда я сегодня пытаюсь понять это странное чувство, я различаю в нем многое. Конечно, больше всего я радовался присутствию рядом Жанны — запаху ее духов, ее руке, сжимавшей мое запястье, ее надутым губкам. Но я радовался еще и витринам, внезапно засиявшим в квартале, где обычно так темно, торопливым прохожим, нагруженным покупками, детям, весело играющим на улицах, — всему, что помогало нам вырваться из нашего пустынного мира. Серебристые фантики шоколадных конфет были знаком, что для простых людей наступает еще неясное, но шумное и золотое время, и мы с Жанной теснее прижимались друг к другу. Быть может, мы смутно испытывали тогда особое счастье, какое испытывает человек, видящий, что жизнь оправдывает его ожидания. Зачарованную пустыню нашей любви обычно окружал мир, где нет места любви. А в эти дни нам казалось, что огонь, который вспыхивает в нас, когда руки наши соединяются, — тот же самый, что пляшет в витринах, в сердцах рабочих, глядящих на своих детей, и в вышине ясного и морозного декабрьского неба.

*

Декабрь.

Фауст наоборот. Молодой человек просит у черта богатств этого мира. Черт (который носит спортивный костюм и не скрывает, что цинизм — великое искушение для ума) мягко замечает ему: «Ведь богатства этого мира тебе и так принадлежат. Того, чего тебе не хватает, ты должен просить у Бога. Ты заключишь сделку с Богом и за богатства мира иного продашь ему свое тело».

Помолчав, дьявол закуривает английскую сигарету и добавляет: «И это будет тебе вечной карой».

*

Петер Вольф. Сбегает из концлагеря, убивает часового и переходит границу. Скрывается в Праге, где пытается начать новую жизнь. После Мюнхенского сговора пражское правительство выдает его нацистам. Осужден на смерть. Через несколько часов ему отрубают голову.

*

На двери записка: «Входите. Я повесился». Входят — так и есть. (Он говорит «я», но его «я» уже не существует.)

*

Яванские танцы. Неспешность, принцип индийского танца. Постепенное разворачивание. В общем движении не пропадает ни одна деталь. Детали играют такую же важную роль, как в архитектуре. Жестов становится все больше. Все разворачивается постепенно, неторопливо. Не поступки и не жесты. Причастность.

Наряду с этим в некоторых жестоких танцах — прорывы в трагизм. Использование пауз в аккомпанементе (который, впрочем, есть лишь призрак музыки). Здесь музыка не следует рисунку танца. Она составляет его основу. Она включает в себя и жест, и звук. Она обтекает тела и их бесчувственную геометрию.

(Отелло в танце голов.)

*

Для окончания «Брачного пира».

Земля! Это гигантский храм, покинутый богами, и задача человека — населить его идолами по своему образу

и подобию, неопишутыми, с влюбленными лицами и глиняными ногами.

...эти чудовищные идола радости, с влюбленными лицами и глиняными ногами.

*

Депутат от Константины, избранный в третий раз. В день выборов, в полдень, он умирает. К вечеру у его дома собирается толпа, чтобы приветствовать его. Жена выходит на балкон и говорит, что он слегка нездоров. Вскоре труп избран депутатом. Этого и добивались.

*

Об Абсурде?

Есть только один случай чистого отчаяния. Это отчаяние приговоренного к смерти (да будет нам позволено прибегнуть к сравнению). Можно спросить у безнадежно влюбленного, хочет ли он, чтобы завтра его гильотинировали, и он ответит «нет». Из-за ужаса перед казнью. Да. Но ужас проистекает здесь из уверенности — вернее, из математической составляющей, лежащей в основе этой уверенности. Абсурд здесь налицо. Это противоположность иррациональному. Он имеет все признаки очевидности. Что иррационально, что было бы иррационально, так это призрачная надежда, что опасность минует и смерти можно будет избежать. Но не абсурд. Очевидность в том, что ему, находящемуся в здравом уме и твердой памяти, отрубят голову — более того, весь его здравый ум сосредоточивается на том факте, что ему ее отрубят.

Кирилов прав. Убить себя — значит доказать свою свободу. А проблема свободы решается просто. У людей есть иллюзия, что они свободны. У осужденных на смерть этой иллюзии нет. Весь вопрос в том, насколько эта иллюзия реальна.

До: «Как представить себе, что этот стук, неразлучный со мною с незапамятных времен, вдруг оборвется, а главное — как представить себе сердце в ту самую секунду, когда...»

«Ах, каторга, какая благодать!»

(Мать: «А теперь они мне его возвращают... Вот что они с ним сделали... Они отдают мне его разрубленным на части».)

«В конце концов я стал спать совсем мало, и то лишь днем, и все ночи напролет терпеливо ждал, когда же наступит рассвет и с ним забрезжит истина нового дня. Я знал, когда *они* обычно приходят, и в сумеречный час я был... словно зверь... Потом наступало утро, у меня был впереди еще один день...

Я хотел все рассчитать. Я пытался взять себя в руки. Ведь есть еще просьба о помиловании. Я всегда предполагал самое худшее: она отвергнута. Значит, я умру. Может, чуть раньше, чем другие. Но жизнь столько раз казалась мне абсурдной, когда я вспоминал о смерти. Раз все равно суждено умереть, то какая разница, как и когда. Значит, надо смириться. И только тогда я *получал право* допустить другую возможность. Я помилован. Я пытался укротить бурный ток крови, разливавшийся по всему телу, и бешенную радость, от которой темнело в глазах. Я заглушал этот крик, старался не придавать ему значения, чтобы вернее покориться той, первой возможности. Но зачем? Приходил рассвет, а вместе с ним тот сумеречный час...

...Они идут. Но ведь еще совсем темно. Они пришли раньше времени. Меня обокрали. Говорю вам, меня обокрали...

...Бежать. Все поломать. Но нет, я остаюсь. Сигарету? Почему бы и нет. Целая минута. Но в то же время он отрезает воротник от моей рубашки. В то же время. В то же самое время. Я не выиграл времени. Говорю же вам, меня обкрадывают.

...Какой длинный коридор, но как быстро они идут... Пусть их будет много, пусть они встретят меня криками ненависти. Пусть их будет много, только бы не быть одному...

...Мне холодно. Как холодно! Почему меня оставили без пиджака? Правда, все это уже не имеет значения. Бо-

лезни мне уже не грозят. Я потерял право на рай страдания, я теряю его, теряю счастливую возможность харкать кровью или утасать от рака на глазах любимого существа.

...И это небо без звезд, эти окна без огней, и эта кишачная народом улица, и этот человек в первом ряду, и нога этого человека, который...»

Конец

*

Абсурд. Гурвич. Трактат об отчаянии. Власть ключей...

*

Мерсо.

Калигула.

Специальный номер журнала «Риваж», посвященный театру. Вернуться к постановкам. Комментарий к плану Микеля. Оформление. Все, что имеет отношение к театру.

Сад Мирабель в Зальцбурге.

Группа уехала на гастроли в Бордж-бу-Арреридж.

*

1939 г.

Гореть для меня отдых. Огонь горит в душе, не только когда нам выпадает радость. Но также и когда нас ждет постоянство в труде, браке или желании.

*

Порядок работы:

Лекция о театре.

Абсурд в чтении.

Калигула.

Мерсо.

Театр.

«Риваж» — в понедельник у Шарло.

Урок.

Газета.

*

Февраль.

Жизни, которые смерть не захватывает врасплох. Которые готовы к ней. Которые ее учли.

*

Когда умирает писатель, начинают переоценивать его творчество. Точно так же, когда умирает человек, начинают переоценивать его роль среди нас. Значит, прошлое полностью сотворено смертью, которая населяет его иллюзиями.

*

Любовь, которая не выдерживает столкновения с реальностью, — это не любовь. Но в таком случае неспособность любить — привилегия благородных сердец.

*

Роман. Эти ночные разговоры, эти бесконечные признания вслух...

«И эта жизнь в постоянном ожидании. Я жду ужина, жду сна. Я думаю о пробуждении со смутной надеждой — на что? Не знаю. Я просыпаюсь и жду обеда. И так весь день... Без конца говорить себе: сейчас он у себя в конторе, он завтракает, он у себя в конторе, он свободен — и эта дыра в его жизни, которую надо заполнить с помощью воображения, и ты напрягаешь воображение, едва не крича от боли...» «...Испытать радость, чтобы завтра снова проститься с ней и до чего же отчаяние близко к радости! Мысленно возвращаюсь к этим двум дням. Они были прекрасны и утопают в слезах».

*

Алжир, страна одновременно соразмерная и несоразмерная. Соразмерные линии, несоразмерный свет.

*

Смерть «Капрала». Ср. документ.

*

Сумасшедший в книжной лавке. Ср. документ.

*

Трагедия — замкнутый мир, где люди упираются в стену, сшибаются лбами. В театре она должна рождаться и гибнуть на узком пространстве сцены.

*

Ср. Стюарт Милль: «Лучше быть недовольным Сократом, чем довольной свиньей».

*

Это солнечное утро: теплые улицы, на которых полно женщин. На каждом углу продают цветы. А девушки улыбаются.

*

Март.

«Когда я оказался в купе первого класса, освещенном, натопленном, я закрыл за собой дверь и опустил все шторы. Я уселся, и вот тут, во внезапно наступившей тишине, почувствовал себя свободным. Свободным в первую очередь от последних суматошных дней, от судорожных попыток подчинить себе свою жизнь, от всех этих тревожностей. Было тихо. Вагон мягко покачивался. И когда за окном, в ночи, слышался шорох дождя, он тоже казался мне тишиной. Несколько дней я мог ни о чем не думать, а просто ехать и ехать. Я был пленником расписаний, гостиниц, своего человеческого призвания. Наконец-то я принадлежал себе, не принадлежа себе. И я с наслаждением закрыл глаза, чувствуя, как разливается покой вместе с только что родившимся миром безмятежности — без тирании, без любви, без меня.

*

Оран. Мерс-эль-Кебирская бухта за садиком, где растут красные герани и ирисы. Погода не очень хорошая: то

тучи, то солнце. Край с абсолютным слухом. Достаточно большого просвета на небе — и тревога стихает, в сердце возвращается покой.

*

Апрель 39-го г.

В Оране «сюфоко» — худшее оскорбление. Сюфоко нельзя стерпеть. Надо требовать удовлетворения, и немедленно. У оранцев горячая кровь.

Великолепие пейзажа не обязательно предполагает его величие. Более того, его может лишить величия какой-нибудь пустяк. Так, алжирскую бухту лишает величия избыток красоты. Мерс-эль-Кебир, увиденный из Санта-Круса, наоборот, дает полное представление о том, что есть величие. Великолепен и неласков.

*

В ближнем предместье Орана сразу за последними домами открываются нескончаемые просторы невозделанной земли, где в эту пору цветут яркие дроки. За ними первое поселение колонистов. Бездушное, пересеченное единственной улицей, с возвышающейся посередине символической эстрадой для уличного оркестра.

*

Высокие плато и Джебель-Надор.

Нескончаемые просторы пшеничных полей, ни деревьев, ни людей. Редкие хижины, да на горизонте шагает поживающаяся от холода фигурка. Несколько ворон и тишина. Никакого прибежища — ни одной зацепки для радости или для меланхолии, которая могла бы принести плоды. От этой земли исходят только тоска и бесплодность.

В Тиарете несколько преподавателей сказали мне, что им все «осточертело».

— И что же вы делаете, когда чувствуете, что вам все осточертело?

— Надираемся.

— А потом?

— Идем в бордель.

Я пошел с ними в бордель. Сыпал мелкий снег, он забивался всюду. Все они были навеселе. Сторож потребовал с меня два франка за вход. Огромный, прямоугольный зал, стены в косую черно-желтую полоску. Танцы под патефон. Девицы не красотки и не дурнушки.

Одна говорила: «Ну, ты идешь со мной?»

Мужчина вяло отбивался.

— Я, — не унималась девица, — очень хочу, чтоб ты сделал это со мной.

Когда мы уходили, по-прежнему шел снег. Временами снегопад стихал, и тогда можно было разглядеть окрестности. Все те же унылые просторы, но на сей раз белые.

*

В Трезеле — мавританское кафе. Чай с мятой, разговоры. Улица проституток называется «Улицей Правды». Такса три франка.

*

Толпа и драки.

«Я человек не злой, но нрав у меня горячий. Тот фрукт мне говорит: «Выходи из трамвая, если ты мужчина». Я говорю: «Да ладно, отстань». А он мне: «Ты, мол, не мужчина». Ну, я вышел с ним из вагона и говорю: «Лучше отвяжись, не то получишь». А он отвечает: «Черта с два!» Ну, тут я ему врезал. Он свалился. Я хотел его поднять. А он лежит и отбивается ногами. Я ему наподдал коленом и еще по морде — раз, раз! В кровь разбил. Спрашиваю: «Ну как, мол, хватит с тебя?» Он говорит: «Хватит»».

*

Мобилизация.

Старший сын идет на фронт. Он сидит против матери и говорит: «Это ничего». Мать не отвечает. Она берет со стола газету. Складывает ее вдвое, потом еще раз вдвое, потом еще.

*

На вокзале толпа провожающих. Битком набитые вагоны. Какая-то женщина плачет. «Я никогда не думала,

что такое возможно, что может быть так плохо». Другая: «Поразительно, как все торопятся на верную смерть». Девушка плачет, прижавшись к жениху. Он стоит серьезный, молчаливый. Дым, крики, толкотня. Поезд трогается.

*

Лица женщин, наслаждение солнцем и водой, вот чему грозит смерть. И если мы не приемлем убийство, мы должны выстоять. Наша жизнь состоит из противоречий. Вся эпоха задыхается, тонет в противоречиях, не в силах проронить ни единой слезы, несущей избавление. Нет не только решений, нет и проблем.

ТЕТРАДЬ № III
АПРЕЛЬ 1939 ГОДА — ФЕВРАЛЬ 1942 ГОДА

В Провансе и в Италии кипарисы выделяются на фоне неба черными пятнами, а здесь, на кладбище Эль-Кеттар, кипарис золотился на солнце и сочился светом. Казалось, кипящий в его черном сердце золотой сок переливается через край коротких ветвей и стекает длинными золотистыми струями на зеленую листву.

*

...Словно книги, где подчеркнуто столько фраз, что начинаешь поневоле сомневаться в уме и вкусе читателя.

*

Диалог между Европой и Исламом.

— Когда мы смотрим на ваши кладбища и на то, во что вы их превратили, нас охватывает смесь восхищения и жалости, почтительный ужас перед людьми, которые живут, имея такое представление о смерти...

—...Нам тоже случается жалеть себя. Это чувство помогает нам жить. Вам оно совершенно неведомо, вы, пожалуй, сочли бы его малодушным. Меж тем его испытывают даже самые мужественные из нас. Ибо мы называем мужественными тех, кто трезво смотрит на вещи, мы против силы, которая слепа. Вы же, наоборот, возводите в добродетель слепое послушание.

*

На войне. Люди, рассуждающие о степени опасности того или иного фронта. «Я воевал на самом страшном участке фронта». Все рушится, а они устанавливают иерархию. Так они спасаются от хаоса.

*

— Да, — говорит ассенизатор, — видели бы вы туалеты, которые «они» себе отгрохали внизу, в Морском ведомстве! Обидно отдавать такие туалеты таким людям!

*

Женщина живет со своим мужем, ни о чем не задумываясь. Однажды он произносит речь по радио. Она наблюдает за ним через застекленную дверь. Слов не слышно, ей видны только жесты. Впервые она воспринимает его как плотское существо и — как паяца. Она бросает его.

«И эта марионетка каждую ночь на меня ложится!»

*

Сюжет для пьесы. Человек в маске.

После долгого путешествия он возвращается домой в маске. Он никогда ее не снимает. Почему? Таков сюжет.

В конце концов он снимает маску. Он надел ее просто так. Чтобы смотреть на мир из-под маски. Он еще долго бы ее не снимал. Он был счастлив, если это слово имеет смысл. Но страдания жены побуждают его открыть лицо.

«До сих пор я любил тебя всем своим «я», а теперь буду любить тебя всего-навсего так, как ты того хочешь. Но похоже, тебе легче сносить мое презрение, чем любить, не понимая. Это разные вещи».

(Или разные женщины. Одна любит его в маске, потому что он ее интригует. Когда он снимает маску, любовь ее проходит. «Ты любила меня умом. Надо было любить меня *еще* и нутром». Другая любит его *несмотря* на маску и продолжает любить и без нее.)

Своеобразный, хотя и естественный механизм: она объясняла страдания человека, которого любила, как раз теми обстоятельствами, которые были для нее наиболее мучительны. Она так свыклась с безнадежностью, что, когда пыталась понять жизнь этого человека, всегда видела в ней только то, что было не в ее пользу. А его как раз это и раздражало.

*

Исторический ум и ум вечный. Один наделен чувством прекрасного. Другой — чувством бесконечного.

*

Ле Корбюзье: «Видите ли, художника отличает то, что в его жизни бывают минуты, когда он ощущает себя больше чем человеком».

*

Пиа и документы, которые пропадут. Добровольное исчезновение. Перед лицом небытия — гедонизм и постоянные разъезды. Исторический ум превращается таким образом в географический.

В трамвае. Ко мне пристаёт какой-то метис. «Если ты мужчина, дай мне двадцать су. Ты ведь мужчина. Видишь ли, я вышел из госпиталя. Я даже не знаю, где мне сегодня ночевать. Но если ты настоящий мужчина, я пойду пропущу стаканчик и обо всем забуду. Горе мне, у меня никого нет».

Я даю ему пять франков. Он берет меня за руку, глядит на меня, бросается мне на грудь и разражается рыданиями. «Ты славный парень. Ты меня понимаешь. У меня никого нет, понимаешь, никого». Я выхожу, трамвай трогается, а он остается внутри, растерянный и все еще плачущий.

*

Человек, много лет живущий один, усыновляет ребенка. Он обрушивает на него все свое одинокое прошлое. И в своем замкнутом мирке, один на один с этим существом он чувствует себя хозяином ребенка и великолепного царства, находящегося в его власти. Он его тиранит, пугает, сводит с ума своими фантазиями и придирами. В конце концов ребенок убегает, и он снова остается в одиночестве, плача и сгорая от любви к утраченной игрушке.

*

«Я ждал минуты, когда мы выйдем на улицу и она обернется ко мне. И когда это случилось, я увидел блед-

ное сияющее лицо, с которого поцелуи стерли всю краску и едва ли не выражение. Ее лицо было незащищенным. После долгих часов борьбы и вожделения я видел ее. Мое любовное терпение было наконец вознаграждено. Мои губы вытащили на свет из оболочки румян и улыбок это лицо с побледневшими губами и белыми скулами, и тогда мне открылась ее глубинная суть».

*

Эдгар По и четыре условия счастья:

- 1) Жизнь на свежем воздухе
- 2) Сознание, что тебя любят
- 3) Отказ от всякого честолюбия
- 4) Созидание.

*

Бодлер: «В Декларации прав человека забыты два права: право противоречить себе и право уходить из жизни».

Он же: «Бывают соблазны настолько сильные, что они поневоле превращаются в добродетели».

*

Госпожа дю Барри на эшафоте: «Положите еще минутку, господин палач».

*

14 июля 1939 г. Прошел год.

*

На пляже человек, раскинувший руки, — распятый на солнце.

*

У Пьера сквернословие — форма отчаяния.

*

«Эти ужасные годы сомнений, когда он ждал женитьбы или еще чего-нибудь — когда он уже обдумывал фило-

софию отречения, которая оправдала бы его поражение и малодушие».

*

«Со своей женой. Спрашивал себя, может ли такой человек, как он, хранить достоинство, живя с этой изолгавшейся женщиной».

*

Август.

1) Эдип побеждает сфинкса и рассеивает тайны благодаря своему знанию человека. Греческое мироздание ясно.

2) Но судьба, слепая судьба с безжалостной логикой зверски растаптывает этого же самого человека. Незамутненная ясность трагического и тленного.

*

См. Эпикур (эссе).

Грот Аглавры на Акрополе. Статуя Минервы, раз в год сбрасывающая одежды. Возможно, другие статуи тоже были одеты. Греческая нагота — плод нашего воображения.

*

В Афинах был храм, посвященный старости. Туда водили детей.

Корес и Калироя (пьеса).

Приносит себя в жертву вместо нее. Она закаляется, видя это доказательство любви.

*

Легенды о божествах, переодетых нищими, призывали к милосердию. Оно не свойственно человеку от природы.

*

В Меконе Прометей обманул Зевса. Две бычьи шкуры, одна наполнена мясом, другая — костями. Зевс выбрал

вторую. Потому-то он и отнял у людей огонь. Из низкой мстительности.

*

Дочь горшечника Дибутада увидела на стене тень своего возлюбленного и обвела его профиль кинжалом. Благодаря этому рисунку ее отец изобрел стиль росписи, украшающей греческие вазы. В основе всех вещей лежит любовь.

*

В Коринфе рядом стоят два храма: храм силы и храм нужды.

*

Диметос питал преступную страсть к своей племяннице. Девушка повесилась. Однажды волны выбросили на песчаную отмель тело красивой молодой женщины. Увидев его, Диметос пал на колени, стораю от любви. Но на его глазах это восхитительное тело начало разлагаться, и Диметос сошел с ума. Такова была месть его племянницы. Это и символ существования, которому следовало бы дать определение.

*

В Паллантионе, в Аркадии, есть жертвенник «Чистым богам».

*

«Я с радостью умру за нее, — сказал П. — Но пусть она не требует от меня, чтобы я продолжал жить».

*

Сентябрь 39-го г. Война.

Люди срочно ложатся на операцию к известному алжирскому врачу, опасаясь, что его могут отправить на фронт.

Гастон: «Главное — выкрутиться, пока меня не мобилизовали».

На перроне вокзала мать — молодому (тридцатилетнему) запаснику: «Будь осторожен».

В трамвае: — А Польша-то не поддается.

— Пакту крышка.

— Гитлеру палец в рот не клади.

На рынке: — Вы знаете, в субботу будет ответ.

— Какой ответ?

— Ответ Гитлера.

— И что?

— И мы узнаем, будет война или нет.

— Какое безобразие!

На вокзале запасники дают оплеухи служащим: «Тыловые крысы!»

*

Война разразилась. Где война? Где, кроме сводок новостей, которым приходится верить, да плакатов, которые приходится читать, искать проявлений этого абсурдного события? В этом синем небе над синим морем, в этом звоне стрекоз, в кипарисах на холмах ее нет. Нет ее и в пляшущих солнечных бликах на улицах Алжира.

Люди стремятся поверить в нее. Ищут ее лицо, но она прячется от нас. Вокруг царит жизнь с ее великолепными лицами.

Прожить всю жизнь в ненависти к этой твари, а теперь, когда она перед нами, не узнавать ее. Почти ничего не изменилось. Позже, конечно, придут грязь, кровь и страшное омерзение. Но пока люди видят лишь одно: начало войны похоже на начало мира — ни природа, ни сердце ничего не замечают.

*

...Вспоминать о первых днях войны, несущей с собой столько бедствий, как о днях величайшего счастья — странный и поучительный удел... Я пытаюсь оправдать свой бунт, который пока не имеет никакого фактического обоснования.

*

Одни созданы для того, чтобы любить, другие — для того, чтобы жить.

*

Мы всегда преувеличиваем важность жизни отдельного человека. Есть множество людей, не знающих, что делать с жизнью, — не так уж безнравственно лишить их ее. С другой стороны, все приобретает новое значение. Но это уже известно. То, что эта катастрофа абсурдна по своей сути, ничего в ней не меняет. Ее абсурдность — часть еще более абсурдной жизни. Абсурдность жизни делается благодаря ей более явной и убедительной. Если нынешняя война повлияет на человечество, то влияние это будет следующим: люди укрепятся в своих представлениях о жизни и в своем о ней мнении. Как только война становится реальностью, всякое мнение, не берущее ее в расчет, отдает фальшью. Человек мыслящий занимается обычно тем, что старается сообразовать свое представление о вещах с новыми фактами, которые его опровергают. В этом-то сдвиге, в этом повороте мыслей и заключается истина, то есть урок, преподаваемый жизнью. Поэтому, как ни отвратительна нынешняя война, невозможно оставаться непричастным к ней. Невозможно ни мне — это разумеется само собой и с самого начала — я могу рисковать жизнью и без страха смотреть в лицо смерти, — ни всем тем, безымянным и покорным, что идут на эту непростибельную бойню, — в ком я чувствую своих братьев.

*

В окно дует холодный ветер.

Мама: — Погода начинает меняться.

— Да.

— Что ж теперь, всю войну свет будет таким тусклым?

— Да, наверно.

— Зимой-то как будет худо.

— Да.

*

Все предали: те, кто подстрекал к сопротивлению, и те, кто проповедовал мир. Они все налицо, такие же послушные и более виновные, чем остальные. И никогда отдельный человек не был более одинок перед машиной, фабрикующей ложь. Он еще может презирать и бороться с помощью своего презрения. Если у него нет права быть в стороне и презирать, он сохраняет право судить. Ничего не выйдет из покорности человеческой массе, толпе. Думать иначе было бы предательством. Каждый умирает в одиночку. Всем предстоит умереть в одиночку. Пусть по крайней мере отдельный человек сохранит способность презирать и выбирать в ужасном испытании то, что представляет ему человеческого величия.

Пойти на испытание и принять все, что с ним связано. Но поклясться совершать на самом неблагородном поприще только самые благородные поступки. В основе благородства (подлинного, идущего от сердца) — презрение, храбрость и полное безразличие.

*

Быть созданным, чтобы творить, любить и побеждать, — значит быть созданным, чтобы жить в мире. Но война учит все проигрывать и становится тем, чем мы не были. Теперь все дело в стиле.

*

Я мечтал, как мы с победой войдем в Рим. И размышлял о вторжении варваров в Вечный город. Но сам я был одним из варваров.

*

Совмещать в произведении описание и объяснение. Придать описанию его истинный смысл. Само по себе оно восхитительно, но ничего не несет с собой. В таком случае достаточно дать почувствовать, что мы намеренно остаемся в границах описания. Границы рушатся, и произведение начинает «звучать».

*

«С одной стороны, — говорит освобожденный от воинской повинности, вызванный на медицинскую комиссию, — мне все это осточертело. Но с другой стороны — я то и дело слышу всякие шуточки. «Ты еще не на фронте?» — «Ты все еще тут?» В нашем доме больше сорока мужчин. Остался я один. Вот и приходится возвращаться поздно ночью и уходить рано утром».

*

Другой запасник, которому сделали рентген желудка: «Они влили в меня литра три известки, не меньше. Раньше дерьмо у меня было черное, а теперь — белое. Вот она, война».

*

7 сентября.

Люди все хотели понять, где война — и что в ней гнусного. И вот они замечают, что знают, где она, что она в них самих, что она в этой неловкости, в этой необходимости выбирать, которая заставляет их идти на фронт и при этом терзаться, что не хватило духу остаться дома, или оставаться дома и при этом терзаться, что они не пошли на смерть вместе с другими.

Вот она, она здесь, а мы искали ее в синем небе и в равнодушии окружающего мира. Она в страшном одиночестве того, кто сражается, и того, кто остается в тылу, в позорном отчаянии, охватившем всех, в том одичании, которое со временем проступает на лицах. Наступило царствие зверей.

*

В людях начинают пробуждаться ненависть и слепая сила. В них не осталось ничего чистого. Ничего неповторимого. Каждый думает, как все. Кругом одни звери, звериные лица европейцев. Омерзительный мир, всеобъемлющая трусость, насмешка над храбростью, мнимое величие, упадок чести.

*

Ошеломительное зрелище: видеть, с какой легкостью рушится достоинство некоторых людей. Но если как следует подумать, ничего странного тут нет, ведь достоинство, о котором идет речь, держалось в них только за счет неустанной борьбы с их собственной природой.

*

Неизбежно только одно: смерть, всего остального можно избежать. Во временном пространстве, которое отделяет рождение от смерти, нет ничего предопределенного: все можно изменить, можно даже прекратить войну и жить в мире, если желать этого как следует — очень сильно и долго.

*

Правило: в каждом человеке видеть прежде всего то, что в нем есть хорошего.

*

Ср. Гретюизен по поводу Дильтея: «Таким образом, признав фрагментарный характер нашего существования и наличие в каждой отдельной жизни массы случайного и ограниченного, мы будем искать то, чего не находим в себе, в совокупности жизней».

*

Если верно, что абсурд дошел до предела (вернее, его беспредельность стала очевидной), то верно и то, что никакой опыт сам по себе не имеет цены и что все поступки в равной мере поучительны. Воля — ничто. Смирение — все. При условии, что человек «всегда готов» к любому унижению и мучению и перетерпит их, не слагая оружия, призвав на помощь всю свою трезвость.

*

Стремление отгородиться — от глупости ли, от жестокости ли других — всегда бессмысленно. Невозможно

сказать: «Я об этом ничего не знаю». Приходится либо сотрудничать, либо бороться. Нет ничего менее простительного, чем война и призыв к ненависти между народами. Но если уж война началась, бессмысленно и малодушно оставаться в стороне под тем предлогом, что не мы в ней виноваты. Башни из слоновой кости рухнули. Никакой снисходительности ни к себе, ни к другим.

Судить событие извне невозможно и безнравственно. Только находясь в лоне этого абсурдного бедствия, мы сохраняем право презирать его.

Реакция одного человека сама по себе не имеет никакого значения. От нее может быть какой-нибудь прок, но она ничего не доказывает. Дилетантское желание парить над схваткой и порвать со своим окружением есть самое жалкое проявление свободной воли. Вот почему я стремился на фронт. А если меня не берут, мне надо смириться с положением тыловой крысы. В обоих случаях мое мнение может остаться непреложным, а отвращение — безоговорочным. В обоих случаях я не уклоняюсь от войны и имею право судить о ней. Судить и действовать.

*

Смиряться. И видеть, например, хорошее в дурном. Если меня не берут на фронт, значит, мне суждено вечно оставаться в стороне. И именно эта борьба за то, чтобы оставаться нормальным человеком в исключительных условиях, всегда давала мне больше всего сил и позволяла приносить больше всего пользы.

*

Гёте (Эккерману): «Дай я себе волю, я очень скоро разорился бы сам и разорил всех своих близких...» Самое важное — научиться владеть собой.

*

О Гёте: «Он терпим без снисходительности».

*

Прометей как революционный идеал.

«Все, что не убивает меня, придает мне силы» (Ницше).

*

«Воля к системе есть недостаток честности.» («Сумерки идолов»).

*

«Трагический художник — не пессимист. Он говорит «да» всему неясному и ужасному» («Сумерки идолов»).

*

Что такое война? Ничто. Совершенно все равно — быть штатским или военным, вести войну или бороться с ней.

Человек глазами Ницше («Сумерки идолов»).

«Г. представлял себе, каким должен быть человек: сильный, развитый, закаленный, прекрасно владеющий собой, уважающий собственную индивидуальность, не боящийся развернуться в полную силу, показывая все свои природные дарования, способный познать свободу; терпимый не от слабости, а от силы, ибо наделен умением извлекать пользу даже из того, что было бы пагубно для натур заурядных, не знающий ничего запретного, кроме одной только вещи — слабости, как бы она ни называлась: пороком или добродетелью... Такой ум, обретший свободу, пребывает в центре вселенной, полный счастливой и доверчивой надежды на судьбу, верящий, что осуждению подлежит лишь то, что существует обособленно, и что в целом все искупается и утверждается. *Он уже не отрицает...*»

*

Преодолеть еще и это? Придется. Но эти бесконечные усилия оставляют горький осадок. Неужели нельзя было избавить нас хотя бы от этого? Но и усталость тоже необходимо преодолеть. И это тоже не пройдет бесследно. Однажды вечером, подойдя к зеркалу, мы обнаруживаем, что морщина, кривящая уголки губ, стала чуть глубже. Что это? Это результат моей борьбы за счастье.

У Жарри перед смертью спросили, чего он хочет. «Зубочистку». Ему ее дали, он поднес ее ко рту и умер довольный. Жалкие люди, вы смеетесь над этим и не извлекаете ужасного урока. Всего-навсего зубочистка, только зубочистка, обычная зубочистка — вот цена этой пленяющей нас жизни.

*

«Но этот малыш очень болен, — сказал лейтенант. — Мы не можем его взять». Мне двадцать шесть лет, я прожил целую жизнь и знаю, чего хочу.

*

Куча людей, а за ними и Полан на страницах «Нувель ревью франсез», поражаются, что война 1939 г. началась не в такой обстановке, как война 14-го. Наивные люди, они думают, что ужас всегда имеет одно лицо, наивные люди, они не могут расстаться с запасом привычных образов.

*

Весна в Париже: предвестие ее — почки на каштане, и сердце замирает. В Алжире переход более резкий. Здесь однажды утром у нас захватывает дух не от одного бутона розы, а от тысячи розовых бутонов. И не мимолетное волнение ощущаем мы, а мощный и отчетливый наплыв тысячи ароматов и тысячи ярких красок. Это не пробуждение чувств, но покорение тела.

*

Ноябрь 39-го г.

Что помогает вести войну?

- 1) то, что общеизвестно
- 2) отчаяние тех, кто не хочет воевать
- 3) самолюбие тех, кто идут на фронт по доброй воле, чтобы не отстать от других
- 4) голод тех, кто идут на фронт, потому что лишились работы
- 5) множество благородных чувств, таких, как:
  - а) солидарность в страдании
  - б) молчаливое презрение

в) отсутствие ненависти.

Всем этим подло пользуются, и все это ведет к смерти.

*

Смерть Людовика XVI. Он написал жене письмо и просит человека, который ведет его на казнь, передать его ей. В ответ он слышит: «Я здесь не для того, чтобы выполнять ваши поручения, я здесь для того, чтобы вести вас на эшафот».

*

В итальянских музеях есть маленькие расписные экранчики, которые священник держал перед лицом осужденных, чтобы загородить от них эшафот.

Экзистенциальный скачок — это маленький экранчик.

*

Письмо к отчаявшемуся человеку.

Вы пишете, что война вас удручает, что вы готовы умереть, но не в силах выносить вселенскую глупость, жестокую трусость и преступную наивность людей, которые все еще верят, что кровь может разрешить все встающие перед человечеством проблемы.

Я читаю ваше письмо и понимаю вас. Мне особенно понятен ваш выбор и противоречие между вашей готовностью умереть и отвращением при виде того, как умирают другие. Значит, вы человек достойный. Это ставит вас в ряд тех, с кем можно говорить. И правда, как не впасть в отчаяние? Не один раз судьба тех, кого мы любим, оказывалась под угрозой. Болезнь, смерть, безумие, но оставались мы, и оставалось то, во что мы верили! Не один раз ценности, которыми мы жили, оказывались на грани крушения. Но никогда еще гибель не грозила одновременно и всем нашим близким, и всем нашим ценностям без исключения. Никогда мы не были обречены на поголовное уничтожение.

Я понимаю вас, но не разделяю ваших чувств, когда вы собираетесь сделать свое отчаяние правилом жизни и, решив, что все бесполезно, замыкаетесь в своем отвращении. Ибо отчаяние есть чувство, а не состояние. Жизнь не

может сводиться к отчаянию. И чувство не должно вытеснять трезвый взгляд на вещи.

Вы говорите: «А как же быть? И что я могу?» Но изначально вопрос стоит не так. Вы, конечно, еще не утратили веру в отдельную личность, потому что прекрасно чувствуете, сколько хорошего есть в тех, кто вас окружает, и в вас самом. Но эти отдельные люди бессильны — и вы отчаиваетесь в обществе. Учтите, однако, что вы уже порвали с этим обществом задолго до катастрофы, что вы и я знали, что это общество неизбежно придет к войне, что вы и я выступали против нее и, наконец, что мы чувствовали полную свою несовместимость с этим обществом. С тех пор оно не изменилось. Оно пришло к своему естественному концу. И, право, если посмотреть на вещи беспристрастно, нынче у вас не больше поводов для отчаяния, чем было в 1928 г. Да, у вас их ровно столько же.

А если как следует все взвесить, у тех, кто воевал в 1914 г., было больше причин для отчаяния, потому что они хуже понимали, что происходит. Вы скажете: какой мне прок знать, что в 1928 г. было столько же поводов для отчаяния, сколько в 1939-м? И будете неправы. Ибо в 1928 г. отчаяние ваше не было беспросветным, меж тем как теперь все вам кажется напрасным. Если ничто не изменилось, значит, суждение ваше неверно. Оно неверно, как и всегда, когда правда, вместо того чтобы явиться нам в итоге размышлений, предстает во плоти жизни. Вы предвидели войну, но надеялись ее предотвратить. И потому отчаяние ваше не было беспросветным. Сегодня вы думаете, что ничего уже не способны предотвратить. В этом все дело.

Но прежде всего следует спросить вас, все ли вы сделали, чтобы предотвратить войну? Если да, то война могла бы показаться вам неизбежной и вы могли бы рассудить, что тут уже ничего не поделаешь. Но я уверен, что вы сделали не все, что никто из нас не сделал всего, что надо. Предотвратить войну было не в ваших силах? Нет, это не так. Нынешняя война, как вы знаете, не была неизбежной. Достаточно было вовремя пересмотреть Версальский договор. Он пересмотрен не был. Вот и все, вы сами видите, что дела могли пойти совсем по-иному. Но этот договор, или что-либо другое, еще можно пересмотреть, еще можно добиться, чтобы Гитлер отступил от

своего слова. Еще можно отказаться от этих несправедливостей, вызвавших ответные несправедливости, и потребовать, чтобы те также были уничтожены. Есть еще полезное дело, которое предстоит выполнить. Вы полагаете, что ваша роль отдельного человека практически сводится к нулю. Но на это я скажу вам, возвращаясь к моему предыдущему рассуждению, что она осталась такой же, какой была в 1928 г. Впрочем, я знаю, что вы не слишком держитесь за понятие бесполезности. Ибо я думаю, что вы вряд ли одобряете отказ от военной службы по религиозно-этическим соображениям. И не потому, что у вас не хватает смелости выступить в его защиту. Просто вы не видите в таком отказе никакой пользы. Значит, некоторую долю полезности вы уже допускаете, и это позволяет вам следить за моей мыслью.

Вам есть, что делать, не беспокойтесь. У всякого человека есть более или менее широкая сфера влияния. Этому способствуют и его недостатки, и его достоинства. Как бы там ни было, влияние существует, и его можно незамедлительно использовать. Никого не подстрекайте к бунту. Надо беречь чужую кровь и свободу. Но вы можете убедить десять, двадцать, тридцать человек, что эта война не была неизбежной и не является таковой и поныне, что существуют средства прекратить ее, которые до сих пор еще не пущены в ход, что об этом надо говорить, когда можно — писать, если потребуется — кричать. Десять или тридцать человек, которых вы убедите, в свою очередь скажут об этом десятку других, те передадут дальше. Если им помешает лень, тем хуже, начните все сначала с другими людьми. Вот когда вы сделаете то, что должны сделать, в своей сфере, на своем участке, тогда предавайтесь отчаянию сколько угодно. Поймите, что можно отчаяться в смысле жизни вообще, но не в ее отдельных проявлениях, можно отчаяться в существовании, потому что мы не имеем над ним власти, но не в истории, где отдельный человек может все. Ведь на смерть нас сегодня посылают отдельные люди. Почему же отдельным людям не постараться подарить миру мир? Надо только начать, не замахиываясь на столь великие дела. Поймите же, что в войне участвует не только энтузиазм тех, кто ее приветствует, но и отчаяние тех, кто ненавидит ее всей душой.

*

Выражение, процитированное Грином в его «Дневнике»:

«Не надо бояться смерти — слишком много чести для нее».

*

Грин и его «Дневник».

Записывает много снов. Пересказ снов всегда наводит на меня тоску.

*

Смерть Лепуатвена, друга Флобера.

«Закройте окно! Это слишком прекрасно».

*

Собор в Бордо. В уголке:

«Святой Павел, сделай так, чтобы я попала в первую десятку!»

«Святой Павел, сделай так, чтобы он пришел на свидание!»

*

Монтерлан поставил эпитафией к «Бесполезному служению» замечательные слова монсеньора Дарбуа: «Напрасно вы думаете, что человек создан, чтобы что-нибудь сделать на земле». И он извлекает отсюда замечательные и горькие уроки героизма. Но отсюда же можно извлечь и прямо противоположный урок, оправдывающий Диогена и Эрнеста Ренана. Только великие мысли способны на такую противоречивую плодотворность.

*

Я не устаю поражаться «развеселому» виду, который принимает в Алжире все, что имеет отношение к смерти. Ничто не кажется мне более оправданным. Что может быть смехотворнее события, обычное сопровождение ко-

тогого — бульканье в горле и пот градом. Что может быть глупее благоговейного отношения к этому событию. Нет ничего презреннее, чем уважение, основанное на страхе. Отсюда следует, что смерть достойна не большего почтения, чем император Нерон или полицейский комиссар моего округа.

*

Лоуренс: «Трагическое должно быть как крепкий пинок несчастьем» (ср. его аристократический коммунизм).

Там же: «Революцию надо совершать не ради того, чтобы дать власть какому-то классу, но ради того, чтобы пробудить в жизни надежду».

*

М. «Мужчины мне не ровня. Они на меня смотрят и меня судят; те, кто мне ровня, любят меня не глядя, любят меня несмотря ни на что, любят меня, несмотря на низости, подлость, предательство, меня, а не то, что я делаю или сделаю, они готовы любить до тех пор, пока я сам буду себя любить вплоть до самоубийства включительно».

...«только с ней (Мей) меня роднит эта любовь, то мучительная, то нет, как других роднят общие дети, которые больны и могут умереть».

*

Абсурдные персонажи.

Калигула. Меч и кинжал.

«Я полагаю, меня недостаточно хорошо поняли третьего дня, когда я убил жреца палкой, которой он должен был забить телку. А между тем все очень просто. В кои-то веки мне захотелось изменить порядок вещей — по правде говоря, просто для того, чтобы посмотреть, что будет. И я увидел, что ничего не изменилось. Немного удивления и ужаса у зрителей. А солнце все равно зашло в урочный час. Отсюда я заключил, что менять порядок вещей или не менять его — все едино».

Но почему бы солнцу не взойти однажды на западе?

*

Там же (Птоломей): Я приказал убить его, потому что он не имел оснований щеголять в более красивом плаще, чем я. Безусловно, не имел. Разумеется, и я не имел оснований рассчитывать, что мой плащ будет самым красивым. Но он этого не сознавал, и, поскольку я был единственным, кто вник в суть дела, преимущество, естественно, было на моей стороне.

*

Дон Кихот и Ла Палис.

Ла Палис: За четверть часа до смерти я был еще жив. Это меня и прославило. Но славу мою отняли самозванцы. Истинная моя философия заключается в том, что через четверть часа после смерти я уже не буду жив.

*

Дон Кихот: Да, я сражался с ветряными мельницами. Ибо совершенно все равно, сражаться с ветряными мельницами или с великанами. Настолько все равно, что их можно перепутать. Моя метафизика — метафизика близорукого.

*

Веды. О чем человек думает, тем он и становится.

*

Жизель и война. «Нет, я газет не читаю. Единственное, что меня интересует, это погода. В воскресенье я собираюсь за город».

*

«Знаете, Фонтан, что меня больше всего поражает? Что сила бессильна что-либо сохранить. В мире есть только два владыки — меч и дух. И в конце концов дух всегда одерживает победу над мечом». Наполеон.

*

Людовик XIV. «Дитя мое, вы станете великим королем; не повторяйте моей ошибки, старайтесь поменьше воевать. Попробуйте облегчить жизнь вашему народу... Мое несчастье в том, что я не смог этого сделать».

*

Оран.

Тлелат как преддверие Орана. Нагота и свобода перед тем, как окунуться в мир чувственности, сосредоточение перед тем, как спуститься в сладостный ад.

В Оран можно ехать дневным или ночным поездом. Дневным я не ездил. Но когда едешь ночью, то под утро приезжаешь в Сент-Барб-дю-Тлелат, минуя дрожащие эвкалипты Перрего в тот час, когда утро еще не наступило, а ночь уже кончилась. В Тлелате есть маленький вокзал с зелеными ставнями, с большими башенными часами...

...Теперь о Тлелате во время дождя...

...Святая Варвара Тлелатская, воплощенное безразличие, уравновешенность и воля, охрани нас от слишком поспешного выбора и оставь нам эту неограниченную свободу, именуемую бедностью. Через несколько минут мы приедем в Оран, где на нас обрушится бремя плотской, безнадежной жизни. Неподвижная громада Санта-Крус и запах анисовки на улицах Меро-эль-Кебира. Нас ждет «Вьей кюр», который в кафе «Сентра» подают со льдом, — и оранские женщины с толстоватыми лодыжками, вечно ходящие с непокрытой головой. Святая Варвара, храни оранских женщин до старости и приведи им на смену множество таких же оранок, которые будут так же прогуливаться под деревьями старой префектуры. Святая Варвара, отведи мысли оранок от Алжира и Парижа и научи их правде этого мира, которая заключается в том, что правды в нем нет. Святая Варвара, ты, подобная перрону, где мы, погрузившись в мечтания, курим сигарету в ожидании свистка, который вернет нас к земным пейзажам, ты знаешь, что я редко бываю религиозен. Но ты знаешь, что, если это со мной случается, мне не нужен Бог, что религиозность моя — лишь игра, длящаяся до той поры, пока поезд не тронется с места, и молитва моя

мимолетна. Святая Варвара, ты, подобная точке в пространстве на пути из Орана в Алжир, ближе к Орану, совсем рядом с Ораном, и остановке во времени, которое приближает меня к Орану, ты, такая плотская и ясная, такая земная и надежная, стань на несколько секунд заступницей безбожника и наставницей простака.

*

Оран. Экстравагантный город, где обувные лавки выставляют напоказ страшные муляжи уродливых ног, где игрушки с сюрпризом соседствуют в витринах с трехцветными бумажниками, где еще встречаются необыкновенные кафе со стойкой, отполированной жиром и усеянной лапками и крылышками мух, кафе, где все стаканы щербатые. Благословенные кафе благословенного края, где маленькая чашечка кофе стоит 12 су, а большая — 18. В антикварном магазине вам с наглым видом улыбается деревянная дева Мария — скверное творение безымянной знаменитости. Под ней хозяева на всякий случай повесили табличку: «Деревянная дева Мария, работы майя». В витринах фотоателье выставлены странные физиономии, начиная с оранского моряка, облокотившегося на столик с гнутыми ножками, и кончая барышней на выданье в немыслимом наряде, красующейся на фоне леса; достойную компанию им составляет молодой красавец с прилизанными волосами и оскалом, вызывающим в памяти траншею.

Город, не имеющий себе равных, доступный, полный неоформившихся девушек, на которых нельзя смотреть без волнения, город с лицом без грима, не умеющий скрывать чувства, так неловко изображающий кокетство, что хитрость тотчас выходит наружу.

Кафе «Аполлон», кафе «У Мило», маленькие бары, трамваи, похожие на лодочки, постели XVIII века рядом с заводным плюшевым осликом, прованская водичка для приготовления зеленых оливок, патриотические букеты цветов — Оран, Чикаго нашей абсурдной Европы!

Вырастающая из скалы крепость Санта-Крус, горы, морская гладь, сильный ветер и солнце, большие подъемные краны и гигантские сходни, взбирающиеся на утес,

где стоит город, трамваи, мосты и ангары — что ни говори, во всем этом чувствуется величие.

*

Я часто слышал, как оранцы жалуются на свой город: «Нет интересного общества!» Но, черт возьми, вы сами виноваты. Есть род величия, не способствующий возвышению. Оно по сути своей неплодотворно. Оно делает человека зависимым от его положения. Так что оставьте общество и выходите на улицу (но Оран не создан для оранцев).

*

Оран. Канастель и неподвижное море у подножия красных скал. Два дремлющих массивных мыса в прозрачной воде. Приближающийся глухой рокот мотора. И корабль береговой охраны, который незаметно плывет вперед в сверкающем море, омываемый ярким светом. Избыток безразличия и красоты — призыв нечеловеческих сил. На плато растут безвременники — изысканные цветы на волокнистых стеблях.

*

Мерс-эль-Кебирская бухта и дорога под цветущими миндальными деревьями; совершенный рисунок бухты — ее *соразмерность* — вода, словно голубая металлическая пластина. Безразличие.

Там же над черепичной фабрикой. Красное и голубое. Прозрачность вещей. Безразличие.

*

Ноябрь.

Перед Борджиа, избранным папой, трижды зажигают паклю, чтобы напомнить этому владыке мира, что мирская слава недолговечна.

Он вершил суд «достойным восхищения» образом (Бурхард).

*

Иннокентий VIII, которому медиум-еврей дал выпить женского молока, смешанного с человеческой кровью.

Фердинанд Неапольский, бальзамирующий трупы своих казненных врагов, чтобы «украшать ими свои покои».

Александр и Лукреция Борджиа всегда покровительствовали евреям. Александр делит мир между испанцами и португальцами, проведя прямую линию от Азорских островов до Южного полюса. Большого мир не стоит.

*

По Бурхарду.

После убийства герцога Ганди, его сына.

Александр VI оцепенел от страшного горя. Он вперил взор в недвижные окровавленные останки, потом заперся в своей спальне, откуда доносились его рыдания.

Не ел и не пил с четверга до субботы и не спал до воскресенья.

Цезарь Борджиа. Крепкий, был подвержен «приступам хвори», страдал нарывами и не вставал с постели, «скорбные предчувствия омрачали жизнь этого славного юноши». И он иступленно предавался развлечениям. Днем спал — ночью трудился. *Aut Caesar, aut nihil*¹.

*

29 ноября.

Роман. У него ничего не получается и не получится, потому что он разбрасывается, потому что он не умеет выбирать между своими обязанностями, а произведение искусства невозможно создать, если не... Все дело в его привычках. Самая пагубная — валяться в постели. Это сильнее его. А влечет его, манит и восхищает противоположное. Он хочет, чтобы произведение родилось из отступления от привычки, — и принимает решения.

*

29 ноября.

Прославление разнообразия, изобилия, в частности чувственной жизни, и призыв отдаться порыву страсти оправданны только в том случае, если человек доказал свое бескорыстие по отношению к предмету этой страсти.

---

¹ Или Цезарь, или ничто (*лат.*).

Существенно также погружение в материю — ведь множество людей прославляют чувственность только потому, что они ее рабы. Здесь также прячется корысть.

Отсюда железная необходимость пройти испытание, например, испытание целомудрием, обращаться с самим собой по всей строгости. Перед тем, как начать какое бы то ни было теоретическое предприятие, имеющее целью прославление сиюминутного, нужен *месяц* полной аскезы.

Сексуальное целомудрие.

Целомудрие в мыслях — не давать желаниям сбиваться с пути истинного, мыслям — рассеиваться.

Единственный, постоянный предмет размышлений — отказать от остального.

Трудиться по часам, не прерываясь, не отвлекаясь и т.д. и т.п. (нравственная аскеза также).

Одно-единственное отклонение — и все пропало: практика и теория.

*

В Ферраре дворец Скифаноя, построенный Альберто д'Эсте, чтобы «спастись от скуки».

Род Эсте.

Ипполито приказывает вырвать глаза своему брату Джулио, потому что женщина, которую он любит, сказала, что «глаза Джулио ей милее, чем тело Ипполито».

Джулио и Фернандо хотят убить Ипполито и Альфонсо д'Эсте. Заговор раскрыт, они осуждены на смерть, затем садистски помилованы на эшафоте. Однако Фернандо проводит в тюрьме тридцать пять лет и умирает в темнице, а Джулио остается в заключении пятьдесят четыре года и выходит на свободу с помутившимся рассудком.

Альфонсо д'Эсте приказывает расплавить статую Юлия II работы Микеланджело и отлить из нее пушку.

Ср. Гонзаг Трюк. «Они строили только для себя и, вместо того чтобы склонить голову перед творением искусства, вместо того чтобы смиренно отыскать ему место в таинственной мироздании (?), напитать его вечными ценностями (?), они обрекали его на немедленное уничтожение. От них самих до нас дошли только высокомерные и проклятые имена». *Вот именно.*

*

Библиография по Борджиа.

Луи де Вильфосс («Макиавелли и мы», 1937).

Рафаэль Сабатини («Цезарь Борджиа», 1937).

Фред Беренс («Лукреция Борджиа», 1937).

Габ. Брюне («Живые тени», 1936).

Л. Коллисон-Морлей («История рода Борджиа»).

Шарль Бенуа («Макиавелли»).

«Дневник» Иоганна Бурхарда (изд. «Тюрмель», 1933)

и т.д.

*

1940 г.

Вечера на террасе Двух Чудес. Дыханье моря, которое угадывается в ночи. Трепет олив и испарения, поднимающиеся от земли.

Скалы в море, усеянные белыми чайками. Их серая громада, освещенная белыми крыльями, словно сверкающее плавучее кладбище.

*

Роман.

Эта история началась под палящим солнцем на голубом пляже: загорелые тела двух молодых существ — купанье, игры в воде и на солнце, — летние вечера на дорогах вдоль пляжей, напоенные ароматом фруктов и испарениями, поднимающимися в глубокой тени, — расслабившееся тело в легких одеждах. Влечение, тихое тайное упоение в сердце семнадцатилетнего юноши.

Закончилась в Париже: холод или серое небо, голуби на черных камнях Пале-Руаяля, город и его огни, торопливые поцелуи, нервная беспокойная нежность, желание и благоразумие, овладевающее сердцем двадцатичетырехлетнего мужчины, — «останемся друзьями».

То же. Другая история, начавшаяся холодной ненастной ночью, на земле среди кипарисов, перед лицом неба, испещренного звездами и облаками;

продолжавшаяся на алжирских холмах или перед бухтой таинственного и широкого порта.

Касба — жалкая и величественная, кладбище Эль-Кеттар, низвергающее свои могилы в море, горячие мягкие губы среди цветов граната над какой-то могилой — деревья, холмы, подъем к высохшей и чистой Бузареа и возвращение к морю, вкус губ и сияние солнца в глазах.

Все начинается не с любви, но с желания жить. Далеко ли до любви, когда в большом квадратном доме над морем два существа, поднявшиеся сюда, в эту оторванную от мира комнату, под завыванье ветра и глухое дыхание моря, слышные во тьме, приникают друг к другу и сливаются воедино? Чудесная ночь, когда надежда на рождение любви неотделима от дождя, неба и безмолвия земли. Точка равновесия двух существ, соединившихся телесно и породнившихся душевно благодаря общему безразличию ко всему в мире, кроме этого мига.

И другое мгновение, что-то вроде танца, она в стильном платье, он в костюме танцора.

*

Первые миндальные деревья в цвету на дороге, у моря. Всего за одну ночь они покрылись этим белоснежным покровом, таким хрупким, что не верится, как он может выдержать холод и дождь, который мочит все лепестки.

*

В троллейбусе.

Старая дама с лицом сводни, меж едва заметных грудей у нее болтается крест:

«Порядочные женщины умеют себя блюсти. Не то что эти, для которых от войны — одни выгоды. Муж на фронте, а она получает пособие и изменяет ему. Я одну такую знаю, она мне говорит: «Хоть бы он там подох. Дома был злой как пес! Не война же его исправит». Я ее убеждаю: «Теперь, когда он на фронте, надо его простить». Никакого толку. Нет, месье, этих женщин не исправишь. Это у них в крови, говорю вам, это у них в крови».

*

Февраль.

Оран. Издалека, от Вальми, из поезда видна гора Санта-Крус, глубоко вросшая в землю, и сам собор, словно каменный перст, устремленный в синее небо.

В десять утра нужно непременно отправиться на бульвар Галлиени к чистильщику обуви. Свежий ветерок, яркое солнце, спешащие мужчины и женщины и необычайное довольство, которое ощущаешь, забравшись в высокое кресло и наблюдая за работой чистильщика. Дело сделано, все вычищено, отполировано, доведено до совершенства. В какой-то момент, видя, как чистильщик манипулирует мягкими щетками, и любясь безукоризненным глянцем башмаков, думаешь, что изумительная операция закончена. Но тут неугомонная рука снова проходит по сверкающей поверхности, снимает с нее блеск, трет ее, яростно втирает ваксу внутрь, и из-под щетки начинает бить двойной и в самом деле безукоризненный блеск, исторгнутый из глубин кожи.

*

Дом колониста — воплощенная метафизика, мораль и эстетика. Торт, увенчанный египетским пскентом. Занятая мозаика, неведомо почему в византийском стиле, где очаровательные сестры милосердия в сандалиях несут корзины винограда, а длинная вереница рабов, одетых на античный манер, спешит к приветливому колонисту в колониальном шлеме и в галстук бабочкой.

*

Аустерлицкая улица и ее столетние евреи. Что ни разговор, то забавная сценка.

*

Такие костюмы, как от Мари-Кристин, «not only fashionable, but always up to date»¹. Слабительные «только на крайний случай. Насилие над кишечником — это не дело».

*

С дороги, тянущейся высоко в горах, открывается такая теснота скал, что пейзаж кажется вычурным и почти

¹ Не только модно, но всегда к сроку (англ.).

нереальным. Человеку в нем совершенно нет места, и эта тяжеловесная красота выглядит потусторонней.

*

Маленькая площадь Перл, где в два часа дня играют дети. Мечеть, минареты, скамейки, кусочек неба. Дребезжащий голос испанского радио. Я люблю эту площадь не в этот час, а в другой — я его хорошо себе представляю, — когда летнее небо уже не пышет жаром и на маленькой площади становится легче дышать; по ней прогуливаются женщины в обществе военных, мужчины, привлекаемые запахом анисовки, спешат в бары.

*

Женский роман. Единственная тема — искренность.

*

«Душа, не стремись к вечной жизни, но постарайся исчерпать то, что возможно».

*

Персонажи.

Старик и его собака. Восемь лет ненависти.

Другой человек и его привычка говорить: «Он был прелестен, более того, приятен».

«Оглушительный, более того, умопомрачительный шум».

«Это черта вечная, более того, общечеловеческая». А.Т.Р.

*

Солнечное утро и голые тела. Душ, потом жара и свет.

*

Февраль.

Это флорентийское лицо, говорящее о том, что его любовь и его прошлое были несчастными. Какова здесь доля игры? Какова доля волнения, порой столь сильного, столь бурного, а порой столь сдержанного?

М. — подобная душе Парижа. Это солнечное утро и город, полный света, — ее глаза, подобные городу

и этой легкой жизни. «O dolore dei tuoi martiri, o diletto del tuo amore»¹.

«Она являет собой не любовь, но надежду на удачу, — все, что не связано с изгнанием, все, что дышит приятием жизни. И никогда еще надежда не имела такого волнующего лица. Кто может быть уверен, что любит? Но волнение все узнают сразу. Эта песня, это лицо, этот грудной льющийся голос, эта наполненная и независимая жизнь — вот все, чего я жду, на что уповаю. И если я откажусь от своих чаяний, они все равно останутся как предчувствие освобождения и как тот образ меня самого, с которым я не могу расстаться».

*

Март.

Что означает это внезапное пробуждение — посреди этой темной комнаты, в шуме города, ставшего вдруг чужим? И все мне чужое, все, ни одного близкого существа и негде залечить рану. Что я делаю здесь, к чему эти жесты, эти улыбки? Я не из этих краев — и не из других. И окружающий мир — всего лишь незнакомый пейзаж, где сердце мое уже не находит опоры. Посторонний: кто в силах понять, что значит это слово.

*

Чуждо, признать, что все мне чуждо.

Теперь, когда все стало ясно, ждать и ничего не жалеть. По крайней мере, работать так, чтобы научиться до конца и молчать и творить. Все прочее, все прочее в любом случае неважно.

*

Вечер: События. Люди. Индивидуальные реакции.

*

Трувиль. У моря — плато, поросшее асфоделями. Маленькие виллы с верандами за зелеными или белыми за-

---

¹ О, горечь причиняемых тобою мук, о, сладость твоей любви (итал.).

борами — одни спрятаны в зарослях тамариска, другие стоят открыто среди камней. Море тихо рокочет внизу. Но солнце, легкий ветерок, белизна асфodelей, яркая синь неба — все напоминает о лете, о его золотой поре, о загорелых девочках и мальчиках, зарождающихся страстях, долгих часах под солнцем и неожиданной мягкости вечеров. Какой еще смысл искать в нашей жизни, если не этот, и какой урок, если не урок этого плато: рождение и смерть, а между ними красота и печаль.

*

Р.С. Один из тех типов, которые, как говорится, стесняются пойти в туалет у всех на виду, но потом оказывается, что у них такая теория и, согласно этой теории, величие человека — в том, чтобы чувствовать унижительность некоторых вещей. И тут уже выходит, что брезгливы не они, а мы.

*

С. Хочет написать дневник романа, так и не написанного автором.

*

Единственной реакцией на человеческое общество все чаще и чаще становится индивидуализм. Человек сам себе цель. Все, что пытаются сделать ради общего блага, оканчивается провалом. А тому, кто все таки хочет сделать попытку, подобает делать ее с нарочитым презрением. Полностью устранить и блюсти собственные интересы. (Идиот.)

*

Мужчина получает письмо от мужа своей любовницы. В этом письме муж вопиет о своей любви и говорит, что, прежде чем дать волю ярости, он хочет в открытую поговорить со своим соперником. Ярости-то любовник и боится больше всего на свете. Поэтому великодушие мужа приводит его в восхищение. И чем сильнее он боится, тем громче говорит о своем восхищении. Он без устали твердит об этом и, значит, с виду преисполнен благородства.

Он готов отказаться от всего, хотя бы из признательности мужу за его великодушие, он готов принести себя в жертву — безропотно, он не стоит своего соперника. Впрочем, во все это он верит лишь отчасти. Ведь немалую роль играет тут и страх получить по физиономии.

*

Собака на вилле. С. взял ее в дом, несмотря на протест матери. Собака крадет двух анчоусов. Видя, как мать гонится за убегающей в страхе собакой, С. кричит: «Стой, стой. Не сходи с ума».

Потом С.: Бедный пес, он уже верил в райскую жизнь.

Мать: Я тоже верила в райскую жизнь, но сроду ее не видела.

С.: Да, но он-то успел побывать в раю.

*

Спуск к морю над Мерс-эль-Кебиром. Цепь холмов и скал, окружающих бухту. Глухое ко всему сердце.

*

Марсель. Ярмарка: «Жизнь? Небытие? Иллюзии? И все-таки правда». Большой барабан. Бум, бум, входите в Небытие.

*

На заре нового времени: «Совершилось!» Ладно, тогда начинаем жить.

*

Париж, март 1940 г.

Что отвратительно в Париже: нежность, чувство, мерзкая сентиментальность, которая называет прекрасное хорошеньким, а хорошенькое прекрасным. Нежность и отчаяние этого хмурого неба, мокрых блестящих крыш, этого бесконечного дождя.

Что замечательно: страшное одиночество. Слово лекарство от жизни в обществе: большой город. Теперь это единственная настоящая пустыня. Тело здесь уже не

в цене. Оно скрыто, запрятано под бесформенными шкурами. Только душа, душа со всеми ее порывами, хмелем, слезливыми переживаниями и прочим. Но еще и со своим единственным величием: молчаливым одиночеством. Когда смотришь на Париж с вершины Холма, он кажется ужасной, запотевшей под дождем серой, бесформенной опухолью, вспучившей землю, если же повернуться к церкви Святого Петра на Монмартре, чувствуешь единство страны, искусства и религии. Все прожилки этих камней дрожат, все распяты и подвергшиеся бичеванию тела ввергают душу в такое же беспмятство и скверну, как и сам город.

Но с другой стороны — душа никогда не бывает права, и здесь она неправа особенно. Ибо самые великолепные лица, которые она подарила этой религии, столь пекущейся о душе, высечены из камня по образу лиц из плоти и крови. И здешний Бог трогает нас прежде всего своим человеческим лицом. Странная ограниченность человеческого существования, которая мешает ему выйти за пределы человеческого, которая являет в плотском облике символы, отрицающие тело. Они отрицают его, но пользуются его очарованием. Только тело великодушно. Римский легионер выглядит как живой благодаря огромному носу или сторбленной спине, Пилат — благодаря выражению беспредельной скуки, которое увековечено в камне.

Христианство это поняло. И если оно затронуло нас так глубоко, то именно благодаря тому, что его Бог принял облик человека. Но правда и величие этого Бога кончаются на кресте, в тот миг, когда он вопит о своей покинутости. Вырвем последние страницы из Евангелия, и перед нами окажется человеческая религия, культ одиночества и величия. Конечно, она невыносимо горька. Но в этом ее правда, а все остальное — ложь.

Отсюда следует, что год одинокой жизни в убогой камерке в Париже учит человека большему, чем сотня литературных салонов и сорок лет опыта «парижской жизни». Это существование суровое, страшное, порой мучительное, постоянно балансирующее на грани безумия. Но это соседство должно либо закалить и укрепить мужество человека, либо сломить его. Впрочем, если мужество оставит вас, значит, оно не было жизнестойким.

*

Эйзенштейн и празднества Смерти в Мексике. Мрачные маски на забаву детям, сахарные черепа, которыми они с наслаждением хрустят. Смерть смешит детей, она веселая, сладкая, сахарная. Отсюда «покойнички». И в конце — «Наша подружка Смерть».

*

Париж. Женщина с верхнего этажа покончила с собой, выбросившись из окна. Ей был тридцать один год, сказал один из жильцов, — этого довольно, и если она успела пожить, то можно и умереть. В доме еще бродит тень драмы. Иногда она спускалась и просила у хозяйки позволения поужинать с ней. Внезапно она принималась целовать ее — из потребности в общении и теплоте. Кончилось все это шестисантиметровой вмятиной на лбу. Перед смертью она сказала: «Наконец-то!»

*

Париж.

Черные деревья на фоне серого неба и голуби цвета этого неба. Статуи в траве и это томное изящество...

Взлет голубей, словно хруст разворачиваемого белья. Воркование в зеленой траве.

*

Париж.

Маленькие кафе в пять утра — запотевшие окна — дымящийся кофе — посетители Центрального рынка и торговцы — утренняя рюмочка и божоле.

Часовня Сент-Шапель. Туманы — воздушные пути и фонари.

*

Леже. Этот дух — эта метафизическая живопись, которая переосмысляет материю. Занятно: когда начинают переосмысливать материю, постоянным остается лишь то, что представлялось *видимостью*, — цвет.

*

Тип в пивной, который слышит, как дама звонит по телефону, называя его номер и его имя. Он отвечает. Она

говорит с *ним* так, словно он находится на другом конце провода (семья, все подробности и т.д.). Он не понимает. Вот так.

*

Безнадежно.

«Произведения, о которых говорит здесь Ж.М., были сожжены. Но совершенно ясно, что он с таким же успехом мог их опубликовать, и встретил бы только безразличие или возражения, что, в сущности, одно и то же». С.Л.

*

Чтобы передать пульсацию жизни и дыхание, писать всю жизнь. «Сегодня мне двадцать семь лет» и т.д.

*

Использовать систему примечаний (или вкратце все изложить в предисловии).

*

Испанский солдатик в ресторане. Ни одного слова по-французски, обращается ко мне, страдая без человеческого участия. Эстремадурский крестьянин, борец за республику, концентрационный лагерь в Аржелесе, вступил во французскую армию. Когда он произносит слово «Испания», ее небо отражается в его глазах. У него недельный отпуск. Он приехал в Париж, и город в несколько часов раздавил его. Не зная ни слова по-французски, блуждая в метро, чужой, чуждый всему, кроме родной земли, он мечтает о встрече с однополчанами. И даже если ему суждено слохнуть под низким небом среди грязных луж, пусть это хотя бы будет рядом с земляками.

*

Апрель.

В Гааге. Человек живет в пансионе, не подозревая, что это бордель. В столовой никогда ни души. Он спускается в халате. Входит какой-то господин в визитке и цилиндре. Он чопорен, степенен и чернокож. Он заказывает самые

дорогие блюда. В столовой воркует голубка. Пообедав, господин удаляется, оставив плату на столе. Внезапно наступает тишина. Официант возвращается и приходит в ужас: негр унес в своем шапокляке голубку.

*

Роман (часть вторая — последствия).

Человек (И.Х.) назначил себе такой-то день для смерти — довольно близкий. И сразу получил удивительное превосходство над всеми общественными и прочими силами.

*

В метро коротышка военный. Лет сорока. Пытается пригласить на свидание довольно молодую девушку. «Быть может, вы позволите мне зайти к вам через несколько дней, когда я снова буду в городе?» — «Нет, меня брат будет ругать». — «Да, конечно, вы правы. А можно вам написать?» — «Нет, давайте лучше где-нибудь встретимся». Он теряется, слыша, что она впрямую соглашается на то, чего он пытался добиться окольными путями. «Да, конечно, конечно. Вы правы, совершенно правы, так лучше. Ну-ка, посмотрим. Завтра у нас понедельник... Да, понедельник. Посмотрим, в котором часу. Я пытаюсь сообразить, знаете ли, потому что при моей работе... Да, так завтра понедельник. Давайте в пять?»

Она (с прежней прямоотой): Вы не можете попозже?

Он (по-прежнему в смятении): Да, да, вы опять правы.

Она: В восемь.

Он: Да, да, в восемь. В «Террасе», если вы не против.

Она: Хорошо.

Он молчит. Но чувствуется, что его внезапно охватил страх, который он тщательно скрывает. Он хочет принять меры предосторожности, чтобы свидание, которого он так легко добился и которое для него так много значит, не сорвалось. «А если вы вдруг не сможете, я вам напишу?» — «Нет, лучше не надо». «Тогда давайте на всякий случай договоримся о другой встрече, если вы вдруг не сможете завтра». — «Хорошо, в четверг в восемь на том же месте». Он доволен, но вдруг пугается, как бы это второе свидание не обесценило первое, завтрашнее. «Но завтра мы встречаемся непременно, не так ли? Это только на всякий случай». «Да», — отвечает она. Она выходит на площади Согласия, а он у вокзала Сен-Лазар.

*

Художник отправляется в Пор-Кро, чтобы делать зарисовки. Там так красиво, что он покупает дом, убирает свои картины и больше к ним не притрагивается.

*

Почувствовать в «Пари-Суар» все сердце Парижа и его гнусный дешевый дух. Мансарда Мими превратилась в небоскреб, но сердце осталось прежним. Оно развращено. Сентиментальность, тяга к ярким цветам, самолюбование, все эти сомнительные прибежища человека в городе, столь суровом к человеку.

*

Вы не писали бы столько об одиночестве, если бы умели извлекать из него все возможное.

*

«Я, — говорит он, — человек обоняния. А это чувство не годится ни для какого искусства. Только для жизни».

*

Новелла. Священник в провансальской деревне, довольный своей участью. По случайности присутствует при последних минутах приговоренного к смерти. Утрачивает веру.

*

Апрель.

Предисловие к Террачини. ...Многие из нас тоже тоскуют по изгнанничеству, питают к нему пристрастие. Земли Италии и Испании воспитали столько европейских душ, что стали достоянием Европы, всей мыслящей Европы, которая всегда будет одерживать верх над Европой, выкованной оружием. В этом, быть может, значение этих стран. Но так обстояло дело уже двести лет назад. Так оно обстоит и сейчас. И ни в коем случае не надо терять надежду, что дух ее будет по-прежнему юным, когда на руинах в конце концов распускаются цветы.

*

2-я серия. Для Дон Жуана. Смотри «Ларусс»: монахи-францисканцы убили его и распустили слух, что Командор его испепелил. Последний акт. Обращение францисканцев к народу: «Дон Жуан уверовал» и т.д. «Слава Дон Жуану».

Предпоследний акт: вызов Командору, который не приходит. Горечь от сознания собственной правоты.

*

2-я серия. Для Дон Жуана.

(Святой отец и Дон Жуан выходят из покоев Дон Жуана, и тот провожает монаха к двери.)

Начало I.

Монах-францисканец: Так вы ни во что не верите, Дон Жуан?

Дон Жуан: Напротив, святой отец, верю в три вещи.

Монах: Можно узнать, в какие?

Дон Жуан: Я верю в храбрость, ум и женщин.

Монах: В таком случае мне остается лишь пожалеть о вас.

Дон Жуан: Да, если счастливый человек достоин жалости. Прощайте, святой отец.

Монах (в дверях): Я буду молиться за вас, Дон Жуан.

Дон Жуан: Благодарю вас, святой отец. Я вижу в этом проявление отваги.

Монах (мягко): Нет, Дон Жуан, здесь проявляются два чувства, которых вы упорно не признаете: милосердие и любовь.

Дон Жуан: Мне ведомы только нежность и великодушные, мужественные формы этих женских добродетелей. Но прощайте, святой отец.

Монах: Прощайте, Дон Жуан.

*

Май.

«Посторонний» закончен.

*

Дивный «Мизантроп» с его грубыми контрастами и типическими характерами.

Альцест и Филинт
Селимена и Элианта

Однообразие Альцеста — абсурдное следствие характера, доведенного до крайности, — вот и весь сюжет. И стих, «дурной стих», почти такой же монотонный, как и характер.

*

Исход.

Клермон. Сумасшедший дом и его странные башенные часы. Гнусные рассветы в пять утра. Слепцы — местный безумец, который весь день рычит, — наша земля в миниатюре. Здесь всё обращено к двум полюсам — к морю и Парижу. Именно в Клермоне можно узнать Париж.

*

Сентябрь.

Закончена первая часть Абсурда.

Человек стирает с лица земли свой дом, сжигает свои поля и посыпает их солью, чтобы они не достались другим.

*

Мелкий служащий Французского банка. Когда его переводят в Клермон, пытается сохранить верность старым привычкам. Это ему почти удается. Но есть неуловимая разница.

*

Октябрь 1940 г. Лион.

Святой Фома Аквинский (будучи подданным Фридриха) признает за подданными право на бунт. Ср. Бауманн. «Политика святого Фомы», с. 136.

*

В Падуе, опустошенной чумой и осажденной венецианцами, последний из рода Каррара с воплями метался по

залам своего дворца: он призывал дьявола и молил его о смерти.

Где-то, кажется в Сиене, один кондотьер спас город. Он требует награды. Мнение народа: «Ничто и никогда не будет ему достойной наградой, даже высшая власть. Убьем его. А после будем ему поклоняться». Так они и сделали.

Джан-Паоло Бальоне, о котором Макиавелли говорит, что, упустив случай убить папу Юлия II, он упустил случай обессмертить свое имя.

Бурхард: «Коварство, нечестивость, воинская доблесть и обширные познания — все эти качества слились в Дж. Малатесте» (умер в 1417 г.).

Филиппо Мария Висконти, миланский кондотьер, не желал слышать о смерти и отсылал с глаз долой своих умирающих фаворитов. Тем не менее, по словам Бурхарда, «он встретил смерть благородно и достойно».

В Равенне народ забирал свечи с алтаря и ставил их перед могилой Данте: «Ты больше достоин их, чем тот, распятый».

*

Новелла: Рона, Сона, вниз по течению, одна скачет, другая запинаясь и в конце концов, слившись с первой, исчезает в ее волнах. По ним плывут двое: параллель.

*

Новелла: история Y.

*

Терне. Маленькая деревушка, пустынная и холодная, возвышается над Роной. Серое небо и ледяной ветер, словно облегающее платье. Земли под паром. Несколько черных борозд, а над ними вороны. Маленькое кладбище, сливающееся с небом: все они были примерными супру-

гами и примерными отцами. Все они оставили по себе вечную память.

*

Старая церковь с копией картины Буше. Служительница, сдающая напрокат стулья: она так испугалась, когда налетели немецкие бомбардировщики. В последнюю войну община потеряла тридцать человек. Нынче всего восемнадцать человек в плену, но и это немало. Сейчас состоится венчанье молодой пары. Учительница, беженка из Эльзаса, потерявшая связь с родными. «Как вы думаете, месье, это скоро кончится?» Сын ее погиб в 14-м году, он был тяжело ранен, она поехала к нему и видела, как наши отступали на Марне. Она увезла его с собой, он умер дома. «Я там такого навидалась, ввек не забуду».

На дворе все то же небо и все тот же холод. Распаханная земля и ровная, сверкающая река, которая течет внизу, время от времени покрываясь легкой рябью. Чуть подалее зал ожидания на вокзальчике в Серрезене. Освещение, соответствующее военному времени; афиши, приглашающие счастливо жить в Бандоле, — в полутьме. Печка погасла, ее холодные плитки все в разводах от поливки дезинфицирующими средствами. Предстоит час ожидания под гул далеких поездов и вой вечернего ветра над долиной. Так близко и так одиноко. Здесь приближаешься вплотную к своей свободе, и до чего же она ужасна! Единство, единство с этим миром, где цветам и ветру никогда не искупить всего остального.

*

Декабрь.
(Египет).

Греки — Этруски — Рим и его упадок — Александрия и христиане — Священная Римская империя и дерзость мысли Прованс и провансальские еретики — итальянский Ренессанс — елизаветинцы — Испания — от Гёте до Ницше — Россия.

Индия, Китай, Япония.

Мексика — Соединенные Штаты.

Стили — от дорической колонны через готику и барокко к цементной арке.

*

Декабрь.

Греки. История — Литература — Искусство — Философия.

*

Сознательно или бессознательно женщины всегда пользуются чувством чести и верности данному слову, которое так сильно развито у мужчин.

*

Сыны Каина — во всей красе. Господь видит убийство Авеля, но ничему не препятствует. Но страдание закаляет Каина. Господь готов простить его, но Каин отвергает прощение: «От лица твоего я скроюсь».

(Или стихотворение — там же, Иуда.)

*

Оран. Январь 41-го г.

История II. Старичок, бросающий из окна второго этажа обрывки бумаги, чтобы привлечь кошек. Потом он на них плюет. Когда плевок попадает в одну из кошек, старик смеется.

*

Нет ни одного места, которое оранцы не испоганили бы какой-нибудь мерзкой постройкой, способной перечеркнуть любой пейзаж. Город, который отворачивается от моря и строится, вертясь вокруг своей оси, как улитка. Люди блуждают по этим неприветливым и уродливым улицам, ища море, как нить Ариадны. Но из этого лабиринта выхода нет. В конце концов оранцев пожирает Минотавр — это скука.

Но все напрасно: одна из самых могущественных земель на свете разрушает злосчастные декорации, которые

на ней понастроили, и между домами и над крышами раздаются ее громкие стоны. А жизнь, которую можно вести в Ороне вопреки скуке, достойна его земли. Оран доказывает, что в людях есть нечто более сильное, чем их творения.

Тот, кто не бывал в Ороне, не знает, что такое камень. В этом городе, одном из самых пыльных на свете, булыжник и камень правят бал. В других местах арабские кладбища славятся своей умиротворенностью. Здесь, у моря, над дорогой Раз-эль-Аин, белые россыпи меловых камней на фоне синего неба слепят глаза. Среди этих останков местами, подобная свежей крови и жизни, алеет герань.

*

О Флоренции и Афинах пишут книги. Раз эти города воспитали столько европейских умов, значит, в них что-то есть. Они способны растрогать и возвысить. Они утоляют голод души, питающейся воспоминаниями. Но никому бы не пришло в голову писать о городе, где нет пищи для ума, где царит уродство, где нет места прошлому. А между тем это бывает весьма заманчиво.

Почему люди проявляют привязанность и интерес к тому, что ничего не может дать взамен? Эта пустота, это уродство, эта скука под великолепным неумолимым небом — что в них соблазнительного? Я могу ответить: творение. Для определенного типа людей творение всюду, где оно прекрасно, — отечество с тысячью столиц. Оран — одна из них.

Кафе. Лангустины, вертела, улитки под обжигającym рот соусом. Их запивают отвратительным сладким мускатом. Такого не придумаешь. Рядом слепой поет фламенко.

*

Холмы над Мерс-эль-Кебиром — совершенство пейзажа.

*

«Неволя и величие солдата». Чудесная книга, которую стоит перечитать в зрелом возрасте.

«Монтекукулли, который после гибели Тюренна отступил, не пожелав продолжать игру против посредственного партнера».

Честь — «это добродетель исключительно человеческая, словно рожденная самою смертью, не сулящая небесного венца после смерти; добродетель эта неотделима от жизни».

*

Оран. Лощина в Нуазе: низкий путь меж двух склонов, выжженных и пыльных. Земля трескается под солнцем. Мастиковые деревья цвета камней. Небо наверху исправно расходует свои запасы жары и огня. Понемногу мастиковые деревья крепнут и зеленеют. Растительность входит в силу, поначалу незаметно, потом с ошеломляющей быстротой. В конце долгого пути мастиковые деревья постепенно сменяются дубами, все разом увеличивается в размерах и смягчается, а затем за поворотом вдруг открывается поле цветущего миндаля: словно прохладная вода для глаз. Маленькая долина кажется потерянным раем.

Дорога по склону холма над морем. Проезжая, но заброшенная. Сейчас она заросла цветами. Она стала бело-желтой от маргариток и лютиков.

*

21 февраля 1941 г.

Окончен «Сизиф». Все три Абсурда завершены.

Начатки свободы.

*

15 марта 1941 г.

В поезде.

— Вы ведь знали Кана?

— Кана? Такой высокий, худой, с черными усиками?

— Да, который был стрелочником в Бель-Абессе.

— Конечно, знал.

— Он умер.

— Надо же! От чего?

— От чахотки.

— Смотри-ка, кто бы мог подумать.

— Да, но ведь он еще играл в духовом оркестре. Вечно дул в трубу — это его и свело в могилу.

— Да, наверно. Когда человек болен, надо беречь себя. Нечего дудеть на корнет-а-пистоне.

*

Дама, имеющая такой вид, словно она уже три года страдает запором: «Представляете, эти арабы закрывают лица своим девушкам. Они совершенные дикари!»

Слово за слово, она излагает нам свой идеал культурной жизни: муж, получающий 1200 франков в месяц, двухкомнатная квартира, с кухней и подсобными помещениями, кино по воскресеньям, а в будние дни — жизнь среди мебели из галереи Барбес.

*

Абсурд и Власть — тщательно изучить (ср. Гитлер).

*

18 марта 41-го г.

Возвышенности над Алжиром весной утопают в цветах. Медовый запах желтых роз течет по улочкам. На верхушках гигантских черных кипарисов вдруг распускаются глицинии, стебли которых незаметно ползут вверх, скрытые хвоей. Легкий ветерок, огромный спокойный залив. Простое и сильное желание — и как же нелепо покидать все это.

*

Санта-Крус и путь вверх меж сосен. Чем выше поднимаешься, тем огромнее кажется залив — и так до самой вершины, где взор теряется в безбрежности. Безучастность — мне тоже случается совершать паломничества.

*

19 марта.

Каждый год на пляжах расцветает множество девушек. Они цветут только один сезон. На следующий год их сменяют другие красавицы, прошлым летом бывшие еще маленькими девочками. Для человека, который на них смотрит, они как волны, ежегодно обрушивающиеся всем своим грузом и великолепием на желтый песок.

*

20 марта.

Об Ороне. Написать биографию ничтожную и абсурдную. Кстати о Каине: неизвестное ничтожество, изваявшее ничтожных львов на площади Оружия.

*

21 марта.

Весенние купания в ледяной воде. Мертвые медузы на отмелях: желе, постепенно увязающее в песке. Гигантские бледные дюны. Море и песок — две пустыни.

*

Еженедельник «Гренгуар» требует переброски лагерей для испанских беженцев на крайний юг Туниса.

*

Освободиться от этого рабства — влечения к женщинам.

*

Розанов: «Строил Микеланджело, Леонардо да Винчи: но революция всем им «покажет прозаический кукиш» и задушит еще в младенчестве, лет 11—13, когда у них вдруг окажется «свое на душе».

*

«Без *грешного* человек не проживет, а без *святого* — слишком проживет». Бессмертие — идея бесперспективная.

*

Шакья-Муни долгие годы провел среди пустыни, в неподвижности, устремив взор в небо. Сами боги завидовали его мудрости и окаменению. В его оцепеневших протянутых руках свили гнездо ласточки. Но однажды они улетели навсегда. И тот, кто убил в себе желание и волю,

жажду славы и боль, заплакал. Так на камнях вырастают цветы.

«They may torture, but shall not subdue me»¹.

*

«Аббат: Зачем не жить, не действовать иначе?

Манфред: Затем, что я всегда гнушался жизни»².

*

Чем руководствуется сердце? Любовью? Что может быть ненадежнее? Можно знать, что такое любовное страдание, но не знать, что такое любовь. Тут и утрата, и сожаление, и пустые руки. Пусть я не буду стогать от страсти, при мне останется тоска. Ад, где все сулит рай. И все-таки это ад. Я называю жизнью и любовью то, что меня опустошает. Отъезд, принуждение, разрыв, мое беспросветное сердце, разорванное в клочья, соленый вкус слез и любви.

*

Ветер, одна из немногих чистых вещей на свете.

*

Апрель. II серия.

Мир трагедии и дух мятежа — Будеёвице (3 действия).

Чума или приключение (роман).

*

Чума-избавительница.

Счастливым город. Люди живут каждый по-своему. Чума ставит всех на одну доску. И все равно все умирают. Дважды бесполезно. Философ пишет там «антологию незначительных поступков». Ведет, в этом свете, дневник чумы. (Другой дневник, в патетическом свете. Преподаватель греческого и латыни. Обнаруживает, что до сих пор не понимал Фукидида и Лукреция.) Его любимая фраза «По всей вероятности». «Трамвайная компания имела в своем

¹ Они могут меня мучить, но не заставят покориться (англ.).

² Перевод И.А. Бунина.

распоряжении только 760 рабочих вместо 2130. По всей вероятности, в этом повинна чума».

Черный гной, сочащийся из язв, убивает веру в молодом священнике. Он хочет бежать. «Если я уцелею...» Но ему не удается спастись. За все приходится платить.

Тела увозят на трамваях. Целые составы, груженные трупами и цветами, идут вдоль моря. Кондукторов увольняют: пассажиры не платят за проезд.

Агентство «Инфдок-СВП» дает все справки по телефону. «Сегодня двести жертв, месье. Мы запишем два франка на ваш телефонный счет». «Невозможно, месье, гробы поступят не раньше, чем через четыре дня. Позвоните в Трамвайную компанию. Мы запишем...» Агентство рекламирует свою деятельность по радио: «Вы желаете знать ежедневно, еженедельно, ежемесячно число жертв чумы? Обратитесь в «Инфдок» — пять телефонных номеров: 353-91 и следующие».

Город закрывают. Люди умирают скопом, вдали от остального мира. Однако находится господин, не расстающийся со своими привычками. Он продолжает переодеваться к обеду. Члены семьи один за другим исчезают из-за стола. Он умирает, глядя в свою тарелку, при полном параде. Как говорит служанка: «Хоть какой-то прок. Нет нужды его обрывать». Покойников уже не хоронят, их выбрасывают в море. Но их слишком много, они напоминают чудовищную пену на синеве моря.

Один мужчина видит на лице любимой женщины следы чумы. Никогда он не будет любить ее так сильно. Но никогда она не была ему так противна. Он борется с собой. Но верх все таки одерживает тело. Его обуревают отвращение. Он хватается за руку, стаскивает с кровати, тащит через комнату, прихожую, коридор, по двум улочкам, потом по главной улице. Он бросает ее у сточной канавы. «В конце концов, есть и другие женщины».

Напоследок берет слово самый незначительный персонаж. «В каком-то смысле, — говорит он, — это бич Божий».

*

Тем временем: брошюрка об Оране. Греки.

Все старания западного искусства сводятся к тому, чтобы предложить воображению разные типы. И история европейской литературы кажется не чем иным, как цепью вариаций на заданные темы и бесконечным развитием этих типов. Расиновская любовь — вариация такого типа любви, который, быть может, не встречается в жизни. Это упрощение — стиль. Запад не изображает свою будничную жизнь. Он вечно рисует великие образы, которые вдохновляют его. Он их ищет. Он хочет быть Манфредом или Фаустом, Дон Жуаном или Нарциссом. Но приблизиться к ним не удастся. Всегда побеждает стадное чувство. С горя Запад изобрел киногероя.

Дюны у моря — теплый рассвет и обнаженные тела в первых, еще черных и горьких волнах. Вода давит. Мы погружаем в нее тело, а потом бежим по пляжу в первых лучах солнца. Все летние утра на пляжах кажутся первозданными. Все летние вечера похожи на величественный конец света. Вечера на море были безграничны. Солнечные дни среди дюн были изнурительны. В два часа дня невозможно пройти по раскаленному песку и сотни метров. Жара пьянит. Ни шагу больше. Солнце убивает. По утрам красота коричневых тел на светлом песке. Страшная невинность игр и обнаженных тел в слепящем свете.

Ночью при луне дюны кажутся белыми. Незадолго до того, в вечерних сумерках, все цвета становятся гуще, ярче. Ультрамариновое море, красная, цвета запекшейся крови, дорога, желтый пляж. Все меркнет вместе с зеленым солнцем, и дюны мерцают в лунном свете. Ночи безмерного счастья под звездным дождем. Что прижимаем мы к себе, тело или теплую ночь?

А эта грозовая ночь, когда молнии мчались вдоль дюн, бледнели, оставляя на песке и в глазах оранжевые или белесые отсветы. Эти незабываемые свадебные торжества. Возможность написать: я был счастлив целую неделю.

Приходится платить и мारаться в низком человеческом страдании. Грязный, отвратительный и липкий мир боли.

*

«Стон по морю и дикий разносился крик, доколе черным оком Ночь не глянула»¹ (Персы — битва при Саламине).

*

В 477 году, чтобы закрепить Делосский союз, в море были брошены железные слитки. Клятва о союзе должна была длиться так же долго, как долго железо пролежит в глубине вод.

*

Политики не сознают, насколько равенство враждебно свободе. В Греции были свободные люди, потому что были рабы.

*

«Лишать народ свободы под предлогом того, что он не умеет ею пользоваться, — тяжкое преступление» (Токвиль).

*

Проблема искусства есть проблема перевода. Плохие писатели те, кто пишут, считаясь с внутренним контекстом, неизвестным читателю. Нужно писать как бы вдвоем: главное здесь, как и везде, — научиться владеть собою.

*

Рукописи о войне — пленных, фронтовиков. Немыслимый опыт ничему не научил их. Полгода службы в почтовом ведомстве были бы для них столь же поучительны. Они вторят газетам. То, что они в них прочли, поразило их гораздо больше, нежели то, что они видели собственными глазами.

---

¹ Перевод В. Иванова.

*

«Пришла пора доказать делами, что достоинство человека не уступает величию богов» («Ифигения в Тавриде»).

*

«Я хочу власти, обладания. Действие — — все, слава — ничто» («Фауст»).

*

Для человека мудрого в мире нет тайн, какая ему нужна блуждать в вечности?

*

Воля — тоже одиночество.

*

Лист о Шопене: «Отныне искусство стало для него лишь средством стать зрителем собственной трагедии».

*

Сентябрь.

Все можно устроить: это просто и очевидно. Но вмешивается человеческое страдание и разрушает все планы.

*

Искушение погубить себя и все отринуть, не быть ни на кого похожим, навсегда уничтожить то, что нас определяет, предаться одиночеству и небытию, найти единственную точку опоры, где судьбы всякий раз могут начаться сначала. Искушение это постоянно. Поддаться ему или нет? Можно ли вносить одержимость произведением в глубь кипучей жизни, или надо, наоборот, равнять по нему свою жизнь, подчиняться мгновенным озарениям? Красота — главная моя забота, так же как и свобода.

*

Ж. Копо: «В великие эпохи не ищите драматического поэта в его кабинете. Он на театре, среди своих актеров. Он актер и режиссер».

Мы не принадлежим великой эпохе.

*

О греческом театре:

Г. Мотис: Эсхил и его трилогия.

Афинская аристократия.

Наварр: Греческий театр.

*

В пантомиме бродячие артисты говорят на непонятном языке (фарсовое эсперанто) — главное для них не смысл, а сама жизнь.

Шансерель справедливо настаивает на важности пантомимы. Тело в театре: весь современный французский театр (кроме Барро) забыл о нем.

*

Состав Zibaldone¹ в комедии дель арте. (Луи Молан: «Мольер и итальянская комедия») (Лоскутный занавес).

Умиравший Мольер просил принести его в театр, чтобы не лишать платы за представление актеров, музыкантов, рабочих сцены, «у которых нет иного заработка».

Книга Шансереля интересна, несмотря на один недостаток: она способна навеять уныние. Знаменательно также видеть, как человек, занятый влиянием театра на нравы, рекомендует репертуар, где фигурируют елизаветинцы. Мы уже отвыкли от такого склада ума.

*

Мнение Никола Клемана, библиотекаря Людовика XIV, о Шекспире: «Этот английский поэт обладает довольно богатым воображением, он изъясняется остроум-

---

¹ Смесь, мешанина (итал.).

но, но эти достоинства омрачает сквернословие, которым он грешит в своих комедиях».

Великий век был великим единственно благодаря уродованию души и ума, очевидному на примере Клемана. В те же годы английский поэт замечательно писал в трагедии о Ричарде II:

«Поговорим о смерти, о червях. Нам прах земной взамен бумаги будет»¹. А Уэбстер: «Человек словно кассия; чтобы услышать его вонь, его надо растолочь».

*

Маски, дивертисменты на случай. Танцоры своими движениями чертили на полу инициалы молодоженов, в чью честь давался праздник.

*

«Oh! no, there is not the end, the end is death and madness»² (Кид. «Испанская трагедия»), а Марло в тридцать лет умирает от удара кинжала в лоб, убитый сыщиком.

Пятьдесят три рукописных пьесы из собрания Уорбертона (Филип Мессинджер и Флетчер), сожженные искусной поварихой, которая обкладывала ими формы для своих пирогов. Таков итог.

*

Ср. Жорж Конн: «Тайна Шекспира» (Буавен).
«Современное шекспироведение»
(Дидье).

*

Октябрь.

Чума. Бонзельс, с. 144 и 222.

1342 — Черная чума над Европой. Убивают евреев.

1481 — Чума опустошает юг Испании. Инквизиция горит: евреи. Но от чумы гибнет один из инквизиторов.

¹ Перевод М.А. Донского.

² О нет, это не конец, конец — это смерть и безумие (англ.).

*

Во II веке шли споры о физическом облике Иисуса. Святой Кирилл и Святой Юстин: чтобы воплощение обрело весь свой смысл, облику Христа надлежало быть мерзким и отвратительным (Святой Кирилл: «самый ужасный из сынов человеческих»).

Но греческий дух: «Если он не прекрасен, то он не Бог». Победили греки.

*

О катарах — Дуэ: «Еретики на Юге в XIII веке».

*

Красавица Сембра. Доносит на своего отца, который участвует в заговоре против инквизиции, потому что у нее есть возлюбленный кастилец и они «*conversos*»¹. Она уходит в монастырь. Снедаемая похотью, покидает его. Рождает нескольких детей. Дурнеет. Умирает под покровительством одного бакалейщика — требует, чтобы ее череп повесили над входной дверью как напоминание о ее беспутной жизни. В Севилье.

*

Александр Борджиа был первым, кто воспротивился Торквемаде. Слишком мудрый и «благовоспитанный», чтобы смириться с этим зверством.

*

Смотри Гердера: «Идеи к философии истории человечества».

*

Те, кто творили во времена смуты: Шекспир, Мильтон, Ронсар, Рабле, Монтень, Малерб.

¹ Новообращенные (*исп.*).

*

В Германии национальное чувство изначально отсутствовало. Его заменяло расовое сознание, измышленное интеллектуалами. *Оно гораздо более агрессивно.* Немца волнует внешняя политика, француза — внутренняя.

*

Об однообразии. Однообразие последних произведений Толстого. Однообразие индуистских книг — однообразие библейских пророчеств — однообразие Будды. Однообразие Корана и всех религиозных книг. Однообразие Ницше — Паскаля — Шестова — ужасное однообразие Пруста, маркиза де Сада и т.д.

*

При осаде Севастополя Толстой выскакивает из траншеи и бежит к бастиону под непрерывным огнем противника: он увидел крысу, а крыс он страшно боялся.

*

Политика никогда не бывает предметом поэзии (Гёте). Добавить к Абсурду цитату из Толстого как образец логической непоследовательности:

Если все земные блага, ради которых мы живем, если все наслаждения, которые дает нам жизнь, богатство, славу, почести, отнимает у нас смерть, то эти блага не имеют никакого смысла. Если жизнь не бесконечна, она просто-напросто нелепа — в таком случае жить не стоит и надо поскорее покончить с собой и избавиться от жизни («Исповедь»).

Но дальше Толстой поправляет себя:

Существование смерти обязывает нас либо добровольно уйти из жизни, либо придать жизни *«такой смысл, который не уничтожается смертью».*

*

Страх и боль: самые мимолетные из эмоций, говорит Бёрд. На Севере в полном одиночестве он замечает, что существуют телесные потребности, не менее настоятель-

ные, чем духовные: «Тело не может обходиться без звуков, запахов и голосов».

*

Т.Э. Лоуренс, вновь завербовавшийся после войны *простым солдатом* и вдобавок под чужим именем. Следует проверить, принесет ли анонимность то, чего не смогла дать слава. Он отвергает королевские награды, отдает свой военный крест собаке. Он анонимно посылает свои рукописи издателям, и те их отвергают. Несчастный случай на мотоцикле.

Отсюда определение А. Фабр-Люса: сверхчеловек узнается по суровости, с какой он замыкается в истории, и по внутренней свободе, какую он обретает по отношению к ней.

*

После повторного чтения: «Записки Мальте Лауридса Бригге» — книга незначительная. Виноват Париж. Это парижское поражение. Парижская зараза, которую не удалось побороть. Напр.: «Мир считает одиночку врагом». Наверно, миру на него наплевать, и это его право.

Единственная стоящая вещь: история Арвера, которого смерть застаёт в момент, когда он исправляет ошибку во французской фразе: «Надо говорить "Коридор"».

*

Как говорит Ньютон: думая об этом непрестанно.

*

Жан Итье о драматурге: «Он делает, что хочет, при условии делать то, что нужно».

*

Для Монтерлана (упадок рыцарства по вине женщин). «Жан из Сентре», с. 108. МА.ЛФ.

Пьер де Лариве: переводчик. «Духи», перевод из Лоренцино Медичи — Сент-Эвремон.

*

Все мысы побережья похожи на готовую к отплытию флотилию. Эти скалистые и лазурные корабли покачиваются на своих килях, словно готовясь отплыть к залитым светом островам. Вся Оранская область готова отправиться в путь, и ежедневно в полдень ее охватывает лихорадочная жажда приключений. Быть может, настанет утро, когда мы отплывем вместе.

*

В разгар жары над гигантскими дюнами мир сжимается и сокращается. Это жаркая кровавая клетка. Он ограничен моим телом. Но стоит вдаль зареветь ослу, и дюны, пустыня, небо вновь обретают свое бытие в пространстве. А пространство это бесконечно.

*

Эссе о трагедии.

I. Молчание Прометея.

II. Елизаветинцы.

III. Мольер.

IV. Дух мятежа.

*

«Чума». «Мне хочется чего-нибудь справедливого». — «Справедливое требование. Пожалуйста — вот чума».

*

«Ночь», «настоящая ночь», скольким людям она ныне ведома? Вода и земля, вновь наступившая тишина. «И душа моя тоже подобна чистому ключу». Ах! Пусть мир удалится, пусть мир замолкнет. Там, над Польенсой...»

Покончить с этой пустотой в сердце — отринуть все, что его иссушает. Если здесь нет живой воды, чего ради хранить верность себе?

*

В какой-то момент перестаешь испытывать любовное волнение. Остается только трагизм. Жить ради кого-то или чего-то становится уже бессмысленно. Смысл обретает только *мысль* о том, чтобы можно было за что-то умереть.

*

В Спарте один человек навлек на себя публичное порицание эфора за то, что имел слишком большой живот. Афинская поговорка называла последним человеком того, кто не умел ни плавать, ни читать.

Смотри у Плутарха об Алкивиаде:

«В Спарте он не выходил из гимнасия, был непритязателен и угрюм, в Ионии — изнежен, сластолюбив, беспечен, во Фракии беспробудно пьянствовал, в Фессалии не слезал с коня, при дворе сатрапа Тиссаферна в роскоши, спеси и пышности не уступал даже персам».

*

Однажды, когда народ рукоплескал ему, Фокион заметил: «Верно, я сказал какую-нибудь глупость».

*

Упадок! Речи об упадке! III век до нашей эры — век упадка для Греции. Он дал миру геометрию, физику, астрономию и тригонометрию стараниями Евклида, Архимеда, Аристарха и Гилпарха.

*

Еще встречаются люди, которые путают индивидуализм и личностное начало. Это значит смешивать два плана: социальный и метафизический. «Вы разбрасываетесь». Переходить от одного образа жизни к другому — значит не иметь своего лица. Но иметь свое лицо — эта

мысль свойственна определенному уровню цивилизации. Иным это может показаться худшим из несчастий.

*

Противоречивость современного мира. В Афинах народ мог по-настоящему осуществлять свою власть только потому, что он посвящал этому большую часть своего времени, а рабы с утра до вечера трудились. С тех пор как рабство отменили, работать приходится всем. И именно в эпоху, когда европейцы дальше всего продвинулись по пути пролетаризации, на первое место выходит идеал суверенитета народа — это невозможно.

*

В греческом театре только три актера: нет речи о создании *персонажа*.

В Афинах театр — вещь серьезная: представления устраиваются два-три раза в год. А в Париже? И они хотят вернуться к тому, что умерло! Лучше создайте свои собственные формы.

*

«Самое невинное занятие люди могут сделать преступным» (Мольер. Предисловие к «Тартюфу»).

*

Заглянуть в последнюю сцену I акта «Тартюфа»: «возбуждает интерес и держит публику в напряжении»; продолжение в ближайшую пятницу.

Солон создает известное творение, а в старости обеспечивает ему бессмертие с помощью поэзии.

*

Фукидид говорит устами Перикла, что афинянам свойственна «высшая храбрость, которая не мешает им хорошо обдумывать свои предприятия».

В битве при Саламине гребцами на победоносных триерах были *самые ничтожные* из афинян.

Ср. Коэн: «Театр, достойный этого имени, появился в Афинах лишь тогда, когда они лишились поэта, достойного их одушевлять».

*

О. Флаке о Саде: «Ни одна ценность не прочна для того, кто не преклоняется перед ней. Сад не видит причины преклоняться, он долго искал эту причину и не мог найти. Согласно Саду, человек, лишенный благодати, не отвечает за свои поступки».

Ср. математику зла в «Жюльетте».

Одержимый идеей бунта против основополагающего закона, он признает одинаковое право на существование за духом и сексуальностью. Кончает жизнь в Шарантоне, куда в здравом уме заключен врагами; под его руководством умалишенные разыгрывают поставленные им спектакли: Картина.

«Он измыслил жестокости, которых ему не доводилось и не хотелось бы испытать, — чтобы приобщиться к великим проблемам».

*

«Моби Дик» и символ, с. 120, 121, 123, 129, 173 — 177, 203, 209, 241, 310, 313, 339, 373, 415, 421, 452, 457, 460, 472, 485, 499, 503, 517, 520, 522.

Чувства, образы удесятеряют смысл философии.

*

В Афинах покойниками занимались только во время антестерий. А как только они кончались: «Прочь, души, антестерии закончились».

Изначально греческая религия утверждала, что все ждет Преисподняя. Ни награды, ни кары не существует — и в иудейской религии тоже. Идея награды — плод общественного сознания.

*

404 год. После того, как Афины сдались Лисандру, он под звуки флейт срыл городские стены; так была закончена Пелопоннесская война.

*

Замечательная история Тимолеона, сиракузского тирана (он схватил своего отца, чтобы предать его смерти как изменника родины) (П., 251,2,3).

*

В IV веке в некоторых греческих городах олигархи давали такую клятву:

«Клянусь быть всегда врагом народа и советовать то, что, по моему разумению, принесет ему вред».

Бегство Дария, преследуемого Александром (293 — 4). Свадебное пиршество в Сузах: 10 000 солдат, 80 полководцев, и Александр заключает союз с персами.

*

Деметрий Полиоркет — то на вершине власти, то бродит от селения к селению.

Антисфен: «Удел царей — творить добро и слышать в свой адрес хулу».

*

Ср. Марк Аврелий: «Везде, где можно жить, можно жить хорошо».

«То, что мешает завершить задуманное произведение, само становится произведением».

Преград на пути заставляет прокладывать дорогу.

Закончено в феврале 1942 г.

ТЕГРАДЬ № IV
ЯНВАРЬ 1942 ГОДА — СЕНТЯБРЬ 1945 ГОДА

Январь — февраль.

«Все, что не убивает меня, придает мне силы». Да, но... И как трудно мечтать о счастье. Тяжкий гнет всего этого. Самое лучшее — замолчать навеки и обратиться к остальному.

*

Дилемма, говорит Жид: быть нравственным или быть искренним. И еще: «Прекрасны только те вещи, что продиктованы безумием и написаны разумом».

*

Со всем порвать. Раз нет пустыни, пусть будет чума или маленькая станция, как у Толстого.

*

Гёте: «Я чувствовал себя в достаточной степени Богом, чтобы снизойти к дочерям человеческим».

*

Нет такого тяжкого преступления, на которое умный человек не чувствовал бы себя способным. Согласно Жиду, великие умы не поддаются этому искушению, *потому что это бы их ограничило.*

*

Рец с легкостью усмиряет первое волнение в Париже, потому что настает время ужина: «Самые горячие головы не хотят, что называется, опоздать к столу».

Иностранные
ориентиры

*
{ Толстой;
Мелвилл;

Д. Дефо;
Сервантес.
}

*
Рец: «Г-н герцог Орлеанский обладал всем, что необходимо человеку порядочному, за исключением храбрости».

*
Во время Фронды дворяне, встречая похоронную процессию, разят шпагами распятие с криками: «Вот враг!»

*
Есть множество официальных мотивов для враждебного отношения к Англии (обоснованных и необоснованных, политических и неполитических). Но принято замалчивать один из худших мотивов: ярость и низменное желание увидеть, как гибнет тот, кто смеет сопротивляться силе, растоптавшей нас самих.

*
Французы сохранили революционные привычки и традиции. Им не хватает только решительности: они превратились в чиновников, мелких буржуа, мидинеток. Гениальный ход — сделать их легальными революционерами. Они готовят заговоры с позволения властей. Они переделывают мир, не отрывая задницы от кресла.

*
Эпиграф к «Орану, или Минотавр».

Жид. Непредвзятый ум. «Я представляю его при дворе царя Миноса: он с тревогой ожидает, каким чудовищем

окажется Минотавр; так ли он ужасен, как говорят, или просто лишен очарования».

*

В античной драме расплачивается всегда тот, кто прав, Прометей, Эдип, Орест и т.д. Но это неважно. Все равно все они, и правые и виноватые, в конце концов оказываются в преисподней. Нет ни кары, ни награды. Поэтому в нашем восприятии, помраченном столетиями христианского извращения, античные драмы выглядят несерьезными — и выспренними.

Сопоставить: «Главная опасность — подчиниться навязчивой идее» (Жид) и «послушание» (Ницше). И снова Жид, на сей раз по поводу обездоленных: «Не отнимайте у них вечную жизнь или дайте им революцию». Для моего эссе о бунте. «Не выгоняйте меня из моей милой пещерки», — сказала Отшельница из Пуатье, жившая там в дерьме.

*

Тяга некоторых умов к правосудию и его абсурдной деятельности. Жид, Достоевский, Бальзак, Кафка, Мальро, Мелвилл и т.д. Искать объяснения.

*

Стендаль. Можно вообразить себе историю Малатесты или рода Эсте, рассказанную сначала Барресом, а потом уже Стендалем. Стендаль изберет стиль хроник, репортажа о «великом». Именно в несоответствии тона и истории и заключается секрет Стендаля (ср. некоторых американских писателей). Точно такое же несоответствие существует между Стендалем и Беатриче Ченчи. Если бы Стендаль избрал патетический тон, он проиграл бы. (Что бы ни говорили историки литературы, Тиртей смешон и отвратителен.) «Красное и черное» имеет подзаголовок «Хроника 1830 года». Итальянские хроники (и т.д.).

*

Март.

Люцифер Мильтона. «Подальше от Него!.. Дух в себе обрел свое пространство, и создать в себе из Рая — Ад

и Рай из Ада Он может. ...Лучше быть Владыкой Ада, чем слугою Неба!»¹

Вкратце психология Адама и Евы: он создан для созерцания и отваги, она для мягкости и соблазнительной грации: он только для Бога, она для Бога в нем.

*

Шиллер умирает, успев «спасти все, что могло быть спасено».

*

Песнь X «Илиады». Вожди, не в силах заснуть, страшась поражения, скитаются, не находя себе места, сходятся на совет и решают отправиться во враждебный стан, «чтоб не бездействовать».

Кони Патрокла плачут во время боя, в котором гибнет их хозяин. И (песнь XVIII) троекратный крик Ахилла, вернувшегося на поле боя, — он грозно высится над рвом в своих сверкающих доспехах. И троянцы отступают. Песнь XXIV. Горе Ахилла, плачущего в ночь после победы. Приам: «Я испытую, чего на земле не испытывал смертный: / Мужа, убийцы детей моих, руки к устам прижимаю!»²

(Нектар был красным!)

*

Высшая похвала «Илиаде» заключается в том, что, зная заранее исход битвы, читатели тем не менее разделяют смятение ахейцев, отступающих под натиском троянцев. (То же относится и к «Одиссее»: известно ведь, что Улисс убьет женихов.) С каким же волнением, должно быть, внимали рассказу первые слушатели!

*

К вопросу о великодушной психологии.

Для человека больше пользы, когда его изображают в выгодном свете, чем когда его без конца попрекают недостатками. Всякий человек, естественно, старается похо-

¹ Перевод Арк. Штейнберга.

² Перевод Н. Гнедича.

дять на свой лучший образ. Это правило распространяется на педагогику, историю, философию, политику. Мы, к примеру, — плод двадцативекового созерцания евангельских образов. Две тысячи лет человек видел сам себя униженным. Результат налицо. Кто знает, что случилось бы с нами, если бы все эти двадцать веков мы видели перед собой идеал античности с его прекрасным человеческим лицом?

*

С точки зрения психоаналитика, «я» разыгрывает перед самим собой бесконечное представление, но либретто этого спектакля лжет.

Ф. Александер и Х. Штауб. «Преступник». В прежние времена осуждали на смерть истериков, придет время, когда будут лечить преступников.

*

«Жить и умирать перед зеркалом», — сказал Бодлер. Все как-то забывают о том, что «и умирать». Жить перед зеркалом готов каждый. А самое-то трудное — стать хозяином собственной смерти.

*

Навязчивый страх ареста. Он прилежно посещал аристократические заведения — концертные залы, дорогие рестораны. Связать себя узами солидарности с этими людьми — уже защита. И потом там тепло, там рядом люди. Он мечтал издать блистательные книги, которые прославили бы его и сделали бы неуязвимым. В его представлении было достаточно, чтобы сыщики прочли его книги. Они сказали бы: «Этот человек не лишен чувствительности. Это художник. Человека с такой душой осудить нельзя». Но иногда он чувствовал, что точно так же его защитила бы болезнь, увечье. И как некогда преступники бежали в пустыню, он собирался сбежать в клинику, санаторий, сумасшедший дом.

Он нуждался в общении, тепле. Он перебирал в памяти своих знакомых. «Невозможно, чтобы так поступили с приятелем г-на X, с гостем г-на Y». Но связей всегда оказывалось недостаточно, чтобы удержать занесенную над

ним неумолимую руку. Тогда мысль его обращалась к эпидемиям. Ведь может же начаться тиф, чума, ведь такое бывает, такое случалось. До какой-то степени это правдоподобно. И тогда все меняется, пустыня сама идет к вам. Теперь им уже не до вас. А ведь дело именно в этом: в сознании, что кто-то без вашего ведома занят вами и неизвестно, каковы его намерения — что он решил и решил ли. Значит, выбираем чуму — а без землетрясения пока обойдемся.

Так это дикое сердце призывало своих ближних и молило их о тепле. Так эта сморщенная заскорузлая душа просила пустыню о прохладе и с надеждой вглядывалась в болезни, катастрофы, стихийные бедствия. (Развить эту мысль.)

*

Дед А.Б. в пятьдесят лет счел, что с него довольно. Он лег на кровать в своем домике в Тлемсене и вставал только в крайних случаях — так он дожил до восьмидесяти четырех лет. Из скупости он никогда не покупал часов. Он узнавал время, и прежде всего время еды, с помощью двух кастрюль, в одну из которых был насыпан горошек. Он исправно пересыпал его в другую кастрюлю, и это помогало ему ориентироваться во времени.

Он и прежде проявлял признаки этой безучастности ко всему: ничто его не интересовало, ни работа, ни дружба, ни музыка, ни кафе. Он ни разу не выезжал из города, а когда однажды ему понадобилось съездить в Оран, он вышел на ближайшей к Тлемсену станции, испугавшись того, что ему предстоит, и с первым же поездом вернулся домой. Тем, кто удивлялся его тридцатичетырехлетнему лежанию в постели, он объяснял, что по христианскому вероучению половина жизни человека — путь вверх, а другая — путь вниз и что во время этого пути вниз жизнь человека уже не принадлежит ему. Впрочем, он противоречил себе, замечая, что Бога нет, а коли так, то и священники ни к чему, но это философское убеждение, вероятно, объяснялось досадой, которую он испытывал от частых сборов пожертвований в своем приходе.

Его облик довершает страстное желание, о котором он говорил всем и каждому: он надеялся дожить до глубокой старости.

*

Бывает ли трагическое дилетантство?

*

Осознав абсурдность жизни и пытаясь жить *соответственно*, человек всегда замечает, что труднее всего уберечь цельность сознания. Обстоятельства почти всегда этому препятствуют. Речь идет о том, чтобы сохранить ясность в мире, где все застилает туман.

Он замечает также, что подлинная проблема, *даже без Бога*, — это проблема психологического единства (осознание абсурда ставит, по сути дела, только вопрос о метафизическом единстве мира и духа) и душевного покоя. Он замечает также, что этот покой недостижим без послушания, которое трудно примирить с миром. *Суть проблемы в этом*. Надо именно примирить послушание с миром. Надо суметь *жить по монастырскому уставу в миру*.

Препятствием служит *прошлая жизнь* (профессия, женитьба, прежние воззрения и т.д.), то, что уже произошло. Не уклоняться ни от одного аспекта этой проблемы.

*

Отвратительно, когда писатель говорит, пишет о том, чего он не пережил. Но постойте, ведь убийца не самый подходящий человек, чтобы рассказывать о преступлении. (Однако не самый ли он подходящий человек, чтобы рассказывать о *своем* преступлении? Даже в этом уверенности нет.) Следует помнить, какое расстояние отделяет творчество от поступка. Настоящий художник находится на полпути между своими вымыслами и своими поступками. Он — человек, «способный на». Он мог бы быть тем, кого он описывает, пережить то, что он описывает. Только поступок ограничил бы его, и он стал бы тем, кто его совершил.

*

«Высшие никогда не прощают низшим величавой наружности» («Сельский священник»).

Там же. «Больше не осталось хлеба». Вероника и долина Монтиньяк растут *одновременно*. Тот же символизм, что и в «Лилии».

Тем, кто говорит, что Бальзак плохо пишет, следует напомнить эпизод смерти г-жи Грален: «Все в ней очистилось, просветлело, и на лице ее забрезжил отблеск пылающих шпаг ангелов-хранителей, которые ее окружали».

«Этюд о женщине»: рассказ безличен — но это рассказывает Бьяншон.

Ален о Бальзаке: «Гений его заключается в умении избрать посредственное и возвысить его, не изменяя». Бальзак и кладбища в «Феррагусе».

Барокко у Бальзака: страницы об органе в «Феррагусе» и «Герцогине де Ланже».

Этот огонь, пылающий и смутный отблеск которого видит герцогиня в глазах Монриво, пламенеет во всем творчестве Бальзака.

*

Два стиля: г-жа де Лафайет и Бальзак. Первый стиль совершенен в мелочах, второй более озабочен целым, и четырех глав едва хватает, чтобы дать представление о его напоре. Бальзак хорошо пишет *не вопреки*, а *даже* со своими ошибками во французском.

*

Тайна моего мира: вообразить Бога без человеческого бессмертия.

*

Чарльз Морган и единство духа: блаженство единственного намерения — неизменная способность достигать совершенства — «гений — это умение умирать», противостояние женщине и ее трагической любви к жизни — одно печальнее другого.

*

Сонеты Шекспира:

«Я вижу тьму, что и слепому зрима...»¹

«Чтоб боле ясным быть — ссылаюсь на дела / Погибших за добро и живших лишь для зла»².

¹ Перевод С. Маршака.

² Перевод Н. Гербеля.

*

Край, где находит прибежище красота, труднее всего оборонять — так хочется его пощадить. Поэтому народы художественно одаренные непременно пали бы жертвою неблагодарных, если бы любовь к свободе не перевешивала в сердцах людей любовь к красоте. Это инстинктивная мудрость — ведь свобода есть источник красоты.

*

Калипсо предлагает Улиссу выбор между бессмертием и отечеством. Он отвергает бессмертие. В этом, быть может, весь смысл «Одиссеи». В песни XI Улисс и мертвецы перед ямой, полной крови, — и Агамемнон говорит ему: «Слишком доверчивым быть, Одиссей, берегися с женою; /Ей открывать простодушно всего, что ты знаешь, не должно»¹.

*

Следует также отметить, что Одиссей говорит о Зевсе как о родителе-творце. Голубка разбивается об утес, но родитель создает другую голубку, чтобы восполнить утрату.

XVII. Пес Аргус.

XXII. Вешают женщин, которые отдавались мужчинам, — неслыханная жестокость.

*

Снова о хрониках Стендаля — См. Дневник, с. 28 — 29.

«Вершина страсти может состоять в том, чтобы убить муху ради возлюбленной». «Только женщины с сильным характером могут составить мое счастье».

И такая деталь: «Как часто случается с людьми, сосредоточившими свою энергию на одной или двух жизненных целях, вид у него был безразличный и запущенный».

Т. II: «Я так много перечувствовал сегодня вечером, что у меня болит желудок».

Стендаль, который не ошибался относительно собственного литературного будущего, совершенно неверно судил о будущем Шатобриана: «Бьюсь об заклад, что в 1913 году все и думать забудут о его писаниях».

¹ Перевод В. Жуковского.

*

Эпитафия Г. Гейне: «Он любил розы Бренты».

*

Флобер: «Я умер бы со смеху, глядя, как один человек судит другого, если бы это зрелище не внушало мне жалость».

Что он увидел в Генуе: «Город весь из мрамора и сады, полные роз».

И еще: «Глупости свойственно делать выводы».

*

Письма Флобера.

Том II. «Успех у женщин, как правило, является признаком посредственности» (?).

Там же. «Жить как буржуа и думать как полубог»? Ср. историю солитера.

«Шедевры глупы, у них невозмутимый вид, как у жвачных животных».

«Если бы я был любим, когда мне было семнадцать лет, каким художником стал бы я теперь!»

*

«В искусстве никогда не надо бояться *преувеличения*... Но преувеличение должно быть последовательным — пропорциональным самому себе».

Его цель: ироническое приятие существования и полное его преображение посредством искусства. «Жить — не наше дело».

Объяснить характер человека этим далеко идущим высказыванием: «Я утверждаю, что цинизм граничит с целомудрием».

Там же. «Мы ничего не совершили бы в этом мире, не будь мы движимы ложными идеями» (Фонтенель).

На первый взгляд жизнь человека интереснее его произведений. Она образует крепкое и напряженное целое. В ней царит единство духа. Все его годы проходят на одном дыхании. Это целое и есть роман. Конечно, над этим еще следует подумать.

*

Малодушие всегда найдет себе философское оправдание.

*

Боясь быть принятым за литературу, искусствоведение пытается говорить языком живописи — и тут-то как раз и становится литературой. Надо вернуться к Бодлеру. Описание с точки зрения человека — но *объективное*.

*

Г-жа В. Среди запахов тухлого мяса. Три кошки. Две собаки. И рассуждения о музыке в душе. Кухня заперта. В ней ужасная жара.

Небо и жара всей своей тяжестью нависают над бухтой. Все пронизано светом. Но солнца нет.

*

Надо рассмотреть все трудности одиночества.

*

Монтень; жизнь ускользающая, мрачная и немая.

*

Современный ум в полном смятении. Область знания до такой степени расширилась, что мир и дух утратили все точки опоры. Не подлежит сомнению, что мы страдаем нигилизмом. Но замечательнее всего — проповеди о «возврате». Возврат к средневековью, к первобытному мышлению, к земле, к религии, к арсеналу старых решений. Чтобы счесть эти лекарства хоть сколько-нибудь полезными, нам пришлось бы полностью пренебречь нашими знаниями — словно мы ничему не научились, притвориться, будто мы начисто забыли то, что не забывается. Пришлось бы зачеркнуть многовековой вклад и несомненное богатство духа, который в конце концов (это его последнее достижение) по собственному почину возвра-

шает мир к хаосу. Это невозможно. Чтобы выздороветь, нужно свыкнуться с новоприобретенной трезвостью суждения, с новоприобретенной прозорливостью. Надо учесть внезапно посетившее нас осознание нашего изгнанничества. Ум в смятении не оттого, что знание перевернуло мир. Он в смятении оттого, что не может смириться с этим переворотом. Он «не привык к этой мысли». Пусть же он привыкнет к ней, и тогда смятение пройдет. Останется только переворот и ясное осознание его духом. Надо переделать целую культуру.

*

Ощутимы должны быть только доказательства.

*

«Европу, — говорит Монтескьё, — погубят военные».

*

Кто может сказать: я прожил прекрасную неделю. Свидетельство тому — мои воспоминания, а я знаю, что они не обманывают. Да, эта картина прекрасна, как были прекрасны эти долгие дни. Радости мои были чисто физическими, но полученными с благословения духа. В этом и заключается совершенство, согласие с судьбой, признательность и уважение человека.

Длинные девственно-чистые дюны! Праздник воды, такой черной по утрам, такой прозрачной в полдень, такой теплой и золотистой вечером. Долгое утро на дюне среди обнаженных тел, изнуряющий полдень, а потом следовало бы повторить все сначала, снова сказать то, что уже было сказано. Это была молодость. Молодость, и в тридцать лет я ничего так не хочу, как продлить эту молодость. Но...

*

Книги Коперника и Галилея оставались под запретом до 1822 года. Три века упрямства, это мило.

*

Смертная казнь. Преступника убивают, потому что преступление истощает в человеке весь запас жизненных сил. Он все прожил, раз он убил. Он может умереть. Убийство исчерпывает.

*

Чем литература XIX и особенно XX века отличается от литературы классических веков? Как вся французская литература, она моралистична. Но классическая мораль есть мораль критическая (за исключением Корнеля) — мораль негативная. Мораль XX века, напротив, позитивна: она определяет *стили жизни*. Взгляните на романтического героя, на Стендаля (он вполне принадлежит своему веку, но именно поэтому), на Барреса, Монтерлана, Мальро, Жида и др.

*

Монтескьё: «Бывают мелкие глупости, которые хуже больших».

*

Начинаешь лучше понимать, что такое «Вечное возвращение», если представляешь его себе как повторение великих событий — как если бы все имело целью воспроизвести или подчеркнуть кульминационные события в истории человечества. Итальянские мастера раннего Возрождения или Страсти по Иоанну воскрешают, воссоздают, бесконечно толкуют тот миг, когда на Голгофе было сказано: «Совершилось!» Во всех поражениях есть нечто от Афин, сданных римским варварам, все победы напоминают о Саламине, и т.д. и т.п.

*

Брюлар: «Я всегда относился к своим сочинениям так же целомудренно, как и к своим любовным приключениям».

Там же. «Для меня гостиная, где собрались восемь или десять человек, где все женщины имеют любовников, где

ведут веселую беседу и в половине первого ночи пьют легкий пунш, — самое приятное место на свете».

*

Навязчивый страх ареста: посылая сыну месячное содержание, он добавил лишних сто франков. Потому что он стал мягче, великодушнее. Ужас делает его альтруистом.

Поэтому, когда два человека, целый день метавшиеся по городу, наконец заговаривают друг с другом, они сразу становятся мягче. Один со слезами говорит о жене, которую не видел два года. Вообразите вечера в городе, где гонимый блуждает в одиночестве.

*

А.Ж.Т. о «Постороннем».

Это очень продуманная книга, и тон ее... выбран намеренно. Правда, он пять или шесть раз повышается, но лишь для того, чтобы избежать монотонности и наметить переходы. Мой Посторонний не оправдывается перед священником. Он приходит в ярость, а это совсем другое дело. Но в таком случае, скажете вы, я сам беру слово. Да, я много об этом думал. Я решился на это, потому что хотел, чтобы мой персонаж подошел к единственно серьезной проблеме будничным и естественным путем. Надо было обозначить этот великий момент. С другой стороны, обратите внимание, что мой персонаж остается верен себе. В этой главе, как и во всей книге, он довольствуется тем, что *отвечает на вопросы*. Прежде это были вопросы, которые мир ставит перед нами ежедневно, — теперь это вопросы священника. Таким образом, я даю моему персонажу определение через отрицание.

Все это, разумеется, касается художественных средств, а не цели. Смысл книги заключается именно в параллельности двух частей. Вывод: обществу нужны люди, которые плачут на похоронах матери; или: человека всегда осуждают не за то преступление, какое он, по его мнению, совершил. Впрочем, я вижу еще десяток возможных выводов.

*

Великие слова Наполеона: «Счастье — наивысшее развитие моих способностей».

До ссылки на остров Эльба: «Живой слуга лучше мертвого императора».

«Подлинно великий человек всегда будет выше событий, которые явились следствием его действий».

«Нужно хотеть жить и уметь умирать».

*

Критика о «Постороннем». Сплошной «Моралин». Глупцы, они думают, будто отрицание — свидетельство беспомощности, а это осознанный выбор. (Летописец Чумы показывает героическую сторону отрицания.) Для человека, лишённого Бога — а таковы все люди, — другая жизнь невозможна. Воображать себе, что мужественность сводится к суетливым пророчествам, а величие — к духовному позерству! Но эта борьба посредством поэзии, нередко столь темной, это так называемое восстание духа — *самый легкий* выход. Все это не достигает цели, о чем прекрасно знают тираны.

*

Безнадежно.

«Каков предмет моих размышлений, превосходящий меня самого, то чувство, которое я не умею определить? Своего рода тернистый путь к святости отрицания — героизм без Бога — наконец чистый человек. Все человеческие добродетели, в том числе одиночество в отношении Бога.

Что составляет превосходство (единственное) христианского образца? Христос и его апостолы — поиск *стиля жизни*. В этом произведении будет столько же форм, сколько этапов на пути к совершенству (не требующему награды). Посторонний — нулевая точка. *Как и* миф. Чума — шаг вперед, прогресс, не от нуля к бесконечности, но к более глубокой сложности — ее еще предстоит определить. Последней точкой будет святой, но у него появится собственное числовое значение — по человеческим меркам».

О критике.

Три года, чтобы написать книгу, пять строчек, чтобы ее осмеять — перевирая при цитировании.

Письмо к А.Р., литературному критику (не для отправки).

...Одна фраза из вашей критической статьи меня особенно поразила: «Я не принимаю в расчет...» Как просвещенный критик, знающий о том, что во всяком художественном произведении все заранее продумано, может не принимать в расчет *единственный момент* в изображении героя, когда тот говорит о себе и приоткрывает читателю часть своей тайны? И как вы не почувствовали, что этот финал еще и точка, где сходятся все линии, где описанное мною раздробленное существование обретает наконец единство...

Вы приписываете мне стремление воссоздать реальность. Реализм — слово, лишенное смысла («Госпожа Бовари» и «Бесы» — реалистические романы, но между ними нет ничего общего). Меня это вовсе не волновало. Если бы понадобилось сформулировать мою цель, я, напротив, заговорил бы о символе. Впрочем, вы это прекрасно почувствовали. Но вы наделяете этот символ смыслом, какого он не имеет. Да что тут говорить! Вы без всяких оснований приписали мне смехотворную философию. Ведь ничто в моей книге не указывает на то, что я верю в природного человека, что я отождествляю человеческое существо с растением, что человеческая природа чужда морали и т.д. и т.п. Главный герой моей книги никогда не проявляет инициативы. Вы не заметили, что он всегда ограничивается тем, что *отвечает на вопросы*, поставленные жизнью или людьми. Таким образом, он никогда ничего не утверждает. И я дал всего лишь его негативное изображение. Ничто не позволяло вам судить о его внутреннем состоянии, кроме той последней главы. Но вы «не принимаете ее в расчет».

Объяснять причины моего стремления «как можно меньше высказывать» было бы слишком долго. Во всяком случае, мне жаль, что поверхностный взгляд побудил вас приписать мне философию лавочника, которой я не могу разделить. Вы лучше поймете, что я хочу сказать, если я замечу вам, что единственная цитата из моего романа, которую вы приводите в своей статье, неверна (привести ее и исправить) и, следовательно, выводы ваши также невер-

ны. Быть может, в книге есть другая философия, и вы коснулись ее, рассуждая о слове «бесчеловечность». Но стоит ли об этом говорить?

Вы, быть может, подумаете: не слишком ли много шума из-за маленькой книжечки неизвестного автора? Но я полагаю, что дело здесь касается не только меня. Ибо вы избрали позицию блюстителя морали, которая помещала вам судить с присущими вам — если верить отзывам — проницательностью и талантом. Такая позиция шатка, и вы знаете это лучше всех. Граница между вашей критикой и той, которая существовала не так давно и скоро появится вновь благодаря управляемой литературе, дабы судить о моральном характере того или иного произведения, весьма зыбкая. Это отвратительно, говорю вам об этом без гнева. Ни вы, ни кто-либо другой не вправе судить, пойдет произведение на пользу народу или во вред ему в данный момент или когда бы то ни было. Я, во всяком случае, отказываюсь подчиняться подобным приговорам, и именно это явилось поводом для моего письма. Уверяю вас, что я с радостью выслушал бы более суровый критический отзыв, если бы он не отдавал такой косностью.

Как бы там ни было, я хотел бы, чтобы мое письмо не породило нового недоразумения. Мои слова продиктованы вовсе не чувствами обиженного автора. Я прошу вас не предавать мое письмо огласке даже частично. Вам нечасто доводилось видеть мое имя в печати, несмотря на то что двери журналов нынче широко открыты. Дело в том, что мне нечего сказать читателям журналов, а приносить жертвы рекламе я не люблю. В данный момент я публикую книги, плод многолетнего труда, по той единственной причине, что закончил их и работаю над новыми, которые явятся их продолжением. Я не жду от них ни материальной, ни моральной выгоды. Я надеялся только на внимание и терпение, которых заслуживает дело, предпринятое с чистым сердцем. Похоже, что даже и это требование было чрезмерным. При всем том — примите уверения в моем искреннем почтении.

*

Три персонажа являются действующими лицами «Постороннего»: двое мужчин (один из которых я) и одна женщина.

Брис Парен. Эссе о платоновском логосе. Изучает логос как язык. Приходит к тому, что наделяет Платона философией выражения. Описывает поиски Платоном разумного реализма. В чем «трагизм» проблемы? Если наш язык не имеет смысла, то ничто его не имеет. Если правы софисты, значит, весь мир безрассуден. Решение Платона не психологическое, а космологическое. В чем оригинальность позиции Парена: он рассматривает проблему языка как метафизическую, а не социальную и психологическую... и т.д. и т.п. См. Примечание.

*

Французские рабочие — единственные, рядом с кем я хорошо себя чувствую, единственные, кого я хочу узнать и в кого «перевоплотиться». Мы похожи.

*

Конец августа 42-го г.

Литература. Остерегаться этого слова. Не торопиться произносить его. Если у великих писателей отнять литературу, то, вероятно, они лишатся того, что было для них самым сокровенным. Литература-ностальгия. Сверхчеловек Ницше, бездна Достоевского, бессмысленный поступок Жида и т.д. и т.п.

*

Этот шум источников на протяжении моей жизни. Они текут вокруг меня, через залитые солнцем луга, они приближаются ко мне, и скоро я услышу их шум в себе, этот источник забьет в моем сердце, и я буду думать под его шум. Это забвение.

*

«Чума». Невозможно с ней покончить. В этом варианте слишком много «случайностей». Надо полностью слиться с идеей. «Посторонний» описывает наготу человека перед лицом абсурда. «Чума» — глубинное равенство точек зрения отдельных людей перед лицом того же аб-

сурда. Это шаг вперед, который разъяснится в других произведениях. Кроме того, «Чума» показывает, что абсурд ничему не учит. И это решительный шаг вперед.

*

Панелье. Перед восходом солнца сосны на высоких холмах неотличимы от увалов, на которых они растут. Потом далекое-далекое солнце золотит верхушки деревьев. И кажется, будто целая армия дикарей в перьях появляется из-за холма на фоне еле тронутого красками неба. По мере того, как солнце всходит и небо светлеет, сосны тянутся вверх, будто варварская армия, покачивая перьями, смыкает ряды перед наступлением. Потом, когда солнце поднимается уже довольно высоко, оно вдруг освещает сосны, несущиеся со склона. И это похоже на бег дикарей к долине, на начало короткой трагической схватки, в которой варвары дня заставят отступить пугливую армию ночных мыслей.

*

У Джойса волнует не само произведение, а тот факт, что он взялся за его создание. Таким образом, следует различать восхищение поступком художника — которое не имеет никакого отношения к искусству — и восхищение самим художественным произведением.

*

Утвердиться в мысли, что произведение искусства есть вещь рукотворная, что создателю нечего ждать «подсказки» свыше. «Обитель», «Федра», «Адольф» могли быть написаны иначе — и не менее прекрасно. На все воля автора — безраздельного властелина.

*

Еще много лет те, кто станут писать о Франции, не смогут обойтись без упоминаний современной эпохи. Эта мысль пришла мне в голову в пригородном поезде при виде проплывавших мимо лиц и силуэтов французов, сгрудившихся на небольших станциях: я не скоро смогу забыть их, этих старых крестьян и крестьянок; она вся

сморщенная, он с гладким лицом, на котором выделяются светлые глаза и седые усы; две зимы лишений пригнули их к земле, латаная-перелатаная одежда лоснится. Народу, познавшему нищету, не до эlegantности. В поездах потрепанные, перевязанные веревками и кое-как заделанные картонками чемоданы. Все французы похожи на эмигрантов.

То же в промышленных городах — в окне мелькает лицо старика рабочего; нацепив очки и благонаравно положив раскрытую книгу на ладони вытянутых вперед рук, он использует остатки дневного света, чтобы почитать.

На вокзале толпы народа безропотно поглощают отравительную пищу, потом выходят в темный город, толкаясь локтями, но оставаясь чужими друг другу, и возвращаются в гостиницу, комнатушку и т.д. Отчаянная молчаливая жизнь, которую в ожидании лучшего ведет вся Франция.

10, 11 и 12 числа каждого месяца все курят. 18-го не у кого прикурить. В поездах толкуют о засухе. Здесь она не такая жестокая, как в Алжире, но от этого не менее трагична. Старый рабочий рассказывает о своей нищенской жизни: две комнатки в часе езды от Сент-Этьенна. Два часа на дорогу, восемь часов на работе — дома нечего есть, а на черном рынке все слишком дорого. Молодая женщина зарабатывает стиркой белья, потому что у нее двое детей, а муж вернулся с войны с язвой желудка. «Ему нужно белое мясо, хорошо прожаренное. Откуда его взять! Получил бумагу на диетическое питание. И выдают ему три четверти литра молока, но только снятого. Где это видано, чтобы мужчину кормили молоком?» Бывает, у нее крадут белье клиентов, и ей приходится платить.

Тем временем дождь заливает грязный промышленный район — едкий запах нищеты — беспросветная тоска этой жизни. А другие произносят речи.

Сент-Этьенн в утреннем тумане, гудки призывают на работу посреди беспорядочного нагромождения башен, зданий и толстых труб, устремляющих к сумеречному небу фабричные отходы, словно дым от чудовищного жертвенного костра.

*

Будеёвице, действие III. Сестра возвращается после самоубийства матери.

Сцена с женщиной:

— От чьего имени вы говорите?

— От имени моей любви.

— Что это такое?

Сестра наконец уходит. Женщина навзрыд плачет. Услышав рыдания, входит молчаливая служанка.

— Ах, это вы, помогите мне хоть вы!

— Нет.

(Занавес.)

*

У всех великих добродетелей абсурдное лицо.

*

Ностальгия по чужой жизни. Потому что, если смотреть извне, она образует единое целое. А собственная жизнь, при взгляде изнутри, кажется разорванной. Мы все еще гонимся за призраком цельности.

*

Наука объясняет то, что функционирует, а не то, что *есть*. Напр.: почему существуют различные сорта цветов, а не один-единственный?

*

Роман. «Он ждал ее утром на краю луга под большими ореховыми деревьями. Дул холодный осенний ветер. Жужжанье ос, ветер в листве, упрямо поющий за холмами петух, глухой лай, изредка воронье карканье. Над ним было мрачное сентябрьское небо, под ним — сырая земля, и ему казалось, что он ждет одновременно и зиму, и Марту».

*

При совокуплении с животными отсутствует сознание *другого*. В нем «свобода». Вот почему оно привлекало столько умов, вплоть до Бальзака.

*

Панелье. Первый сентябрьский дождь, легкий ветерок ворошит желтые листья, смешивая их с ливнем. Секунду они парят, а потом вода своим весом резко прижимает их к земле. Когда природа невзрачна, как здесь, лучше замечаешь смену времен года.

*

Бедное детство. Плащ на несколько размеров больше — сиеста. Канет Венга — воскресенья у тетушки. Книги — муниципальная библиотека. Возвращение рождественским вечером и труп перед рестораном. Игры в подвале (Жанна, Жозеф и Макс). Жанна подбирает все пуговицы, «так становятся богачами». Скрипка брата и уроки пения — Галуфа.

*

Роман. Не ставить в заглавии «Чума». Лучше что-нибудь вроде «Пленники».

*

Аввакум и его жена идут пешком среди сибирских снегов. Протопопица: «Долго ли муки сея, протопоп, будет?» Аввакум: «Марковна, до самых до смерти». Она, со вздохом: «Добро, Петрович, ино еще побредем».

*

I послание к Коринфянам, VII, 27: «Соединен ли ты с женой? Не ищи развода. Остался ли без жены? Не ищи жены».

Лука, VI, 26: «Горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо».

В качестве апостола Иуда творил чудеса (Святой Иоанн Златоуст).

*

Чжуан-Цзы — третий из великих даосов (2-я половина IV века до н.э.) — разделяет точку зрения Лукреция:

«Большая птица поднимается при ветре на высоту 90 000 ли. Оттуда видит она табуны диких лошадей, скачущие галопом».

*

До христианской эры Будда не проявлял себя, потому что был погружен в нирвану, то есть лишен облика.

*

Согласно Прусту, дело не только в том, что природа подражает искусству. А в том, что великий художник учит нас видеть в природе то, что его произведение одному ему присущим образом сумело в ней выделить. Все женщины становятся ренуаровскими.

«У подножия кровати, сотрясаемая всеми вихрями этой агонии, не рыдая, но порой заливаясь слезами, моя мать впала в безотчетное отчаяние, как листва, которую хлещет дождь и кружит ветер». Г[ерманты].

«Существа, сыгравшие в нашей жизни большую роль, редко исчезают из нее внезапно и насовсем». Г[ерманты].

«В поисках утраченного времени» — произведение героическое и мужественное:

1) благодаря постоянству созидательной воли;

2) благодаря усилию, которого оно потребовало от больного человека.

«Когда из-за приступов я несколько дней и ночей подряд не мог не только спать, но даже лежать, не мог ни есть ни пить, то в момент наивысшего изнурения и страдания, когда мне казалось, что мучения мои никогда не кончатся, я сравнивал себя с путешественником: выброшенный на песчаный берег, отравленный ядовитыми растениями, он трясется от лихорадки в мокрой одежде, но через два дня ему становится лучше, и он наудачу продолжает свой путь, пытаясь отыскать какое-нибудь местное племя, которое может оказаться и людоедским. Его пример укреплял меня, возвращал мне надежду, и мне становилось стыдно, что я на мгновение утратил присутствие духа» («Содом и Гоморра»).

*

Не идет к проститутке, которая к нему пристает и возбуждает в нем желание, потому что у него при себе только тысячефранковый билет, а попросить сдачу ему неловко.

*

Чувство, противоположное прустовскому: восхищаться новизной города, каждого нового дома, каждого человека, каждой розы и каждым любовным порывом и воображать себе, чем они станут для нас со временем, когда сделаются привычными и «родными», отправляться на поиски времени, которое еще не наступило.

Пример:

Ночь, одиночество, приезд в незнакомый город — это ощущение удушья, собственной ничтожности рядом с организмом в тысячу раз более сложным. Достаточно на следующее утро отыскать главную улицу, и все приходит в порядок; мы обживаем новое место. Коллекционировать ночные приезды в города, где ты никогда не был, черпать силы из незнакомых гостиничных номеров.

*

В трамвае: «Родился он нормально. Но через неделю его веки склеились. И тут, само собой, глазки загноились».

*

Когда к некоторым городам (как правило, к тем, где мы уже были) или некоторым людям нас влекут сексуальные мечтания, мы оказываемся в дураках. Ибо даже самые бездуховные из нас никогда не живут, повинувшись сексуальному влечению, во всяком случае, в повседневной жизни слишком много вещей, не имеющих ни малейшего отношения к сексу. Так что, когда нам время от времени с грехом пополам удастся воплотить одно из этих мечтаний или воскресить одно из таких воспоминаний, в жизни нашей открываются огромные пустоты, словно омертвелые участки кожи. И тогда приходится вожделеть другие города.

*

Критики о «Постороннем». Говорят: бесстрастность. Неудачное слово. Точнее было бы сказать: доброжелательность.

*

Будеёвице (или Господь не отвечает). Вместо молчаливой служанки — старый слуга.

Женщина в последней сцене: «Господи, сжался надо мной. Взгляни на меня, услышь меня, Господи. Протяни мне руку. Господи, сжался над теми, кто любят друг друга и живут в разлуке».

Входит старик.

— Вы звали меня?

Женщина: Да.. Нет... Не знаю. Но помогите мне, помогите, ибо мне нужна помощь. Сжальтесь надо мной и помогите мне.

Старик: Нет.

(Занавес.)

Поискать детали, усиливающие символику.

*

Отчего лицо ее, напоминающее о стольких страданиях, все-таки кажется мне счастливым?

*

Роман. Женщина, которую он любит, при смерти. «Я не могу, не могу позволить тебе умереть. Ибо я знаю, что забуду тебя и ничего не сумею сберечь. Я хочу удержать тебя в этом мире, единственном, где я могу сжать тебя в объятиях», и проч., и проч.

Она: «О! Как ужасно умирать, зная, что тебя забудут».

Все время держать в памяти и выражать *одновременно* обе точки зрения.

*

Уяснить себе, что я хочу сказать в «Чуме».

Октябрь.

В еще зеленой траве уже пожелтевшие листья. Короткие, но сильные порывы ветра бьют солнечным молотом по зеленой наковальне лугов, выковыывая слиток света, и пчелиное гудение этой кузницы доносится до меня. Алая красота.

Роскошная, ядовитая и одинокая, как мухомор.

В Спинозе можно увидеть культ поклонения тому, что есть, а не тому, что может или должно быть, — ненависть к делению на черное и белое, к нравственной иерархии — некоторое равновесие добра и зла в лучах божественного света. «Люди ставят порядок выше беспорядка, как если бы порядок составлял в природе что-либо независимое от нашего представления» (Прибавление к кн. I).

Что Бог одновременно с совершенством создал несовершенство, ничуть его не удивляет — ему было бы удивительнее другое: что Бог вовсе не создал несовершенства. Ибо, будучи в силах создать весь ряд от совершенства до несовершенства, он не мог этого не сделать, и это огорчительно лишь с нашей точки зрения, а она ошибочна.

Этот Бог, этот мир незыблемы и не противоречат друг другу. Все задано раз и навсегда. Мы можем сколько угодно отыскивать причины и следствия (отсюда геометрическая форма). Но этот мир ни к чему не стремится и ниоткуда не происходит, ибо он уже завершен и всегда был таковым. Он не знает трагедии, ибо не знает истории. Он предельно бесчеловечен. Это мир для отважных.

[А также мир без искусства — ибо без случайностей (прибавление к книге I отрицает существование уродства или красоты)].

Ницше говорит, что математическая форма у Спинозы оправдана лишь как средство *эстетическое*.

См. Этика, кн. I. Теорема XI дает четыре доказательства существования Бога. Теорема XIV и пространная схолия к теореме XV, судя по всему, отрицающая творение.

Значит, правы те, кто толкуют о пантеизме Спинозы? Но ведь у него есть постулат (слово, которого Спиноза из-

бегают на протяжении всей «Этики»): пустоты не существует (впрочем, доказательства даны в предыдущих произведениях).

XVII теореме можно противопоставить XXIV: одна обосновывает понятие необходимости, другая позволяет снова ввести понятие случайности. Теорема XXV трактует о соотношении субстанции и модусов. Наконец, в XXXI теореме отрицается свобода воли человека. А также и Бога, скованного его собственной природой. XXXIII теорема еще жестче ограничивает и без того скованный мир. Можно было бы подумать, что для Спинозы природа Бога сильнее его самого, — но в теореме XXXIII он заявляет (споря со сторонниками Верховного Добра), что нелепо подчинять Бога фатуму.

Это мир данного раз и навсегда, мир, существующий по принципу «так заведено», — необходимость здесь всемогуща — самобытности и случайности здесь места нет. Здесь царит однообразие.

*

Любопытно. Умные историки, излагая историю какой-либо страны, наперебой расхваливают определенную — например, реалистическую — политику, которой эта страна, как им кажется, обязана величайшими эпохами своего существования. Однако они сами признают, что это положение дел никогда не было долговечным, потому что очень скоро к власти приходил новый правитель либо изменялась форма правления. Тем не менее историки продолжают отстаивать политику, не выдерживающую замены одного человека другим, хотя политика по сути своей сводится именно к замене одних людей другими. Все дело в том, что эти историки думают и пишут в расчете лишь на свою эпоху. Альтернатива историков: скептицизм или политическая теория, не зависящая от смены людей (?).

*

Эти потуги так же ничтожны в сравнении с гениальностью, как судорожные скачки саранчи в сравнении с полетом ласточки.

*

«Иногда, после долгих дней, когда всем распоряжалась воля, когда час за часом я трудился, запретив себе развлечения и слабости, стараясь забыть и о чувствах, и о мире, я предавался — о, с каким самозабвением, с каким облегчением! — той тоске, что сопутствовала мне все эти дни. Как сладостно, как соблазнительно было прекратить переделывать себя и бросить этот труд и эту маску, которую мне так нелегко было вылепить. Я любил, я скорбел, я желал, одним словом, я был человеком...

...пустынное летнее небо, море, которое я так любил, и эти ждущие поцелуя губы».

*

Сексуальная жизнь была дана человеку, дабы сбить его с пути истинного. Это его опиум. Она погружает человека в сон. Без нее он вновь просыпается. С другой стороны, воздержание препятствует продлению рода — в этом, быть может, и заключается истина.

*

Писатель не должен говорить о сомнениях, посещающих его в связи с его творчеством. Он рискует услышать в ответ: «Кто же заставляет вас творить? Если это так ужасно, зачем этим заниматься?» Сомнения — самая потаенная часть нашей души. Никогда не говорить о своих сомнениях — *каковы бы они ни были.*

*

«Грозовой перевал» — один из величайших романов о любви, ибо он кончается поражением и бунтом — иначе говоря, смертью без надежды. Главный герой — дьявол. Такая любовь может держаться лишь финальным поражением, то есть смертью. Она может продолжаться только в аду.

*

Октябрь.

Высокий красный лес под дождем, усыпанные желтой листвой дуга, запах сушеных грибов, лесные костры (обуг-

лившиеся шишки сверкают, как адские бриллианты), ветер. воющий над домом, — где еще найдешь такую традиционную осень? Крестьяне нынче ходят чуть наклонившись вперед — из-за ветра и дождя.

В осеннем лесу буки светятся золотистыми пятнами или желтеют на опушках, словно огромные соты, из которых сочится светлый мед.

*

23 октября. Начало.

«Чума» имеет социальный смысл и смысл метафизический. Они полностью совпадают. Подобная двойственность присутствует также и в «Постороннем».

*

Говорят: мухи не обидит — как будто можно обидеть бессловесную муху. Но посмотрим, как умирают мухи на липкой бумаге — той, что изготовлена специально для борьбы с ними, и мы поймем, что создатель этого выражения долго следил за их ужасной и незаметной агонией — этой медленной смертью, почти не издающей запаха тления. (Общие места — творение гения.)

*

Идея: он отвергает все предложения, все возможности счастливой жизни, оттого что ему необходимо нечто более серьезное. Он рвет с женой, завязывает сомнительные знакомства, ждет, надеется. «Я не смогу объяснить, что именно мне нужно, но я это чувствую». И так до конца жизни. «Нет, объяснить этого я никогда не смогу».

*

Секс ни к чему не ведет. Он не безнравствен, но бесплоден. Им можно заниматься, пока не захочешь творить. Но совершенствоваться может лишь личность целомудренная.

Секс приносит победу, если человек освобождает его от нравственных императивов. Но очень скоро победа оборачивается поражением, истинной же победой становится победа над сексом — целомудрие.

*

Подумать о комментарии к «Дон Жуану» Мольера.

*

Ноябрь 42-го г.

Осенний пейзаж расцвечен листьями — вишни краснеют, клены желтеют, буки словно покрываются бронзой. На плато загораются тысячи огней второй весны.

*

Отречение от юности. Не я отрекаюсь от людей и вещей (я бы не смог), люди и вещи отрекаются от меня. Моя юность бежит меня: это и есть болезнь.

*

Главное, что должен уметь писатель, — претворять те чувства, которые он испытывает, в те, которые он хочет внушить. Поначалу ему это удастся случайно. Но затем на место случая должен прийти талант. Значит, у истоков гения стоит случайность.

*

Он всегда вставляет: «Как говорят у нас на родине...» — и добавляет банальные фразы, не имеющие родины. Напр.: «Как говорят у нас на родине: «волшебная погода» (или «блестящая карьера», или «примерная барышня», или «феерическое освещение»».

*

11 ноября. Точь-в-точь как крысы!

*

Утром все покрыто инеем, небо сияет над гирляндами и хоругвями светлого праздника. В десять часов, когда уже пригревает солнце, воздух наполняется звонкой музыкой оттепели: легкий шорох — словно вздыхают деревья, падение инея на землю, словно валятся друг на друга

белые мухи, полет запоздалых листьев, непрерывно осыпающихся под тяжестью льда и едва заметных на поверхности земли, словно истлевший прах. Кругом — тающие в дымке холмы и долины. Стоит взглянуть повнимательнее, и замечаешь, что, утратив все свои краски, этот пейзаж сразу постарел. За одно утро из глубины тысячелетий всплывает очень древний край... Этот волнорез, поросший деревьями и папоротником, устремляется, словно нос корабля, к месту слияния двух рек. С первыми лучами солнца он освобождается от белого покрова и кажется единственным живым местом среди этой равнины, седой, как вечность. По крайней мере в этом месте неясный гул двух потоков противостоит окружающему безмолвию. Но постепенно и журчание воды растворяется в пейзаже. Не затихая ни на миг, оно, однако, обращается в молчание. И лишь тройки дымчатых ворон, пролетающие время от времени в небе, возвращают пейзажу признаки жизни.

Сидя на краю волнореза, я совершаю неподвижное плавание по равнодушному краю. Только вся природа и этот белый покой, который зима дарует чересчур пылким сердцам, — только они могут смирить сердце, терзаемое горькой любовью. Я вижу, как разрастается в небе светлое пятно, рассеивающее предчувствие смерти. Наконец-то мне, которому теперь все говорит только о прошлом, является свыше знамение будущего. Замолкни, легкое! Пей этот бледный, ледяной воздух, который питает тебя. Молчи. Как хочу я не слышать больше твоего медленного гниения — как хочу обратиться наконец к...

*

Сент-Этьенн.

Я знаю, что такое воскресенье для бедного человека, который работает. Главное, я знаю, что такое воскресный вечер, и если бы я смог передать и выразить то, что знаю, я смог бы сообщить воскресенью бедняка общечеловеческий смысл.

*

Мне не следовало бы писать: если бы мир был ясен, искусства бы не существовало. Но если бы мир казался

мне осмысленным, я не стал бы писать. Есть случаи, когда следует говорить о себе — из скромности. К тому же, четкое определение потребовало бы от меня гораздо больших умственных усилий, и в конце концов я не написал бы его. Это истина блестящая, но безосновательная.

*

Разнузданная чувственность приводит к убеждению, что мир бессмыслен. Целомудрие, напротив, возвращает миру смысл.

*

Киркегор. Эстетическая ценность брака. Мысли продуманные, но слишком много словословия.

Роль этики и эстетики в формировании личности: гораздо более основательно и волнующе. Апология *всеобщего*.

Для Киркегора эстетическая мораль ведет к самобытности, а на самом деле главное — прийти к всеобщему. *Киркегор — не мистик*. Киркегор критикует мистицизм за то, что он отстраняется от мира, — именно за то, что он не достигает всеобщего. Если Киркегор и совершает скачок, то это скачок в области ума. Скачок в чистом виде. Я говорю об этической стадии. Но на стадии религиозной все меняется.

*

Когда именно жизнь становится судьбой? Когда человек умирает? Но это судьба *для других*, для истории или для его родственников. В сознании? Но ум человеческий сам творит образ жизни как судьбы, вводит связность туда, где ее нет. В обоих случаях перед нами иллюзия. Что же из этого следует? Что судьбы не существует?

*

Злоупотребление образом Евридики в литературе 40-х годов. Ибо никогда еще столько любовников не жили в разлуке.

*

Все искусство Кафки состоит в умении заставлять читателя *перечитывать*. Его развязки — или отсутствие таковых — подсказывают истолкование, но подсказывают весьма неопределенно и принуждают возвращаться к началу, чтобы, перечитав книгу под новым углом зрения, примерить к ней это истолкование. Иногда возможны две или три трактовки, из чего вытекает необходимость второго и третьего чтения. Но не следует искать объяснения для каждой детали в книгах Кафки. Символ — всегда обобщение, и художник переводит его, не разрушая его цельности. Дословный перевод здесь невозможен. Можно восстановить лишь общий смысл. А остальное — дело случая, которому платит дань всякий творец.

*

В этом краю, где зима стерла все краски, потому что кругом все бело, отменила все звуки, потому что снег их приглушает, уничтожила все запахи, потому что холод отбивает обоняние, первое благоухание весенних трав воспринимается, должно быть, как радостный зов, трубный глас чувств.

*

Болезнь — монастырь со своим уставом, своей аскезой, своим молчанием и своими прозрениями.

*

Ночью в Алжире лай собак разносится в десять раз дальше, чем в Европе. От этого в нем слышится тоска, неведомая тесным европейским странам. Собачий лай — язык, который звучит сегодня только в моей памяти.

*

Развитие абсурда:

1) является ли потребность в единстве главной заботой;

2) может ли мир (или Бог) удовлетворить ее.

Человек должен сам создать для себя единство, либо внутри мира, либо отвернувшись от него. Так восстанавливаются в правах нравственность и аскеза, которым еще предстоит найти точное определение.

*

Жить своими страстями — значит также и жить своими страданиями, в которых — противовес страстям, поправка к ним и плата за них, Когда человек умеет — и не на словах, а на деле оставаться один на один со своим страданием, преодолевать свое желание спастись бегством, умеет не доверять иллюзии, будто другие способны «разделить» с ним страдание, ему уже почти ничему не надо учиться.

*

Вообразим себе мыслителя, который, опубликовав несколько книг, заявляет в своем новом сочинении: «До сих пор я шел по неверному пути. Теперь я начну все сначала. Я понял, что был не прав», — после этого никто никогда не станет принимать его всерьез. А между тем он доказал бы таким поступком свое право мыслить.

*

Вне любви женщина скучна. Она ничего не понимает. Надо жить с одной из них и молчать. Или спать со всеми и делать свое дело. Самое важное — не в этом.

*

Паскаль: Мы всегда совершаем ошибку, исключая что-то из своего поля зрения.

*

Уравнение в «Макбете», но уравнение дьявольское по своей природе: «Fair is foul and foul is fair»¹. «And nothing is but what is not.»² И далее, акт II, сцена III: «For from this in-

---

¹ Прекрасное гнусно, а гнусное прекрасно (англ.).

² Не существует ничего, кроме того, что не существует (англ.).

stant there is nothing serious in mortality»¹. В серии Гарнье перевод: «The night is long that never finds the day» — «всякой долгой ночи приходит на смену день» (?).

Да — «it is a tale told by an idiot, full of sound and fury, signifying nothing»².

*

Боги наградили человека великими, блистательными добродетелями, позволяющими ему достичь всего, чего он пожелает. Но одновременно они наградили его и добродетелью более горькой, внушающей ему презрение ко всему, чего он достиг.

...Вечно наслаждаться невозможно, в конце концов наступает усталость. Превосходно. Но отчего? На практике невозможно наслаждаться вечно, потому что невозможно наслаждаться всем. При мысли обо всех тех наслаждениях, которые тебе совершенно недоступны, ощущаешь такую же усталость, как при мысли о тех, которые ты уже испытал. Если бы и в самом деле можно было объять все наслаждения, почувствовали бы мы усталость?

*

Вот вопрос: любите ли вы идеи — всей душой, всем существом? Может ли идея лишить вас сна? Чувствуете ли вы, что готовы отдать за нее жизнь? Сколько мыслителей отступились бы!

*

Для публикации пьес: Калигула — *трагедия*; Изгнанник (или Будеёвице) — *комедия*.

*

15 декабря.

Согласиться на испытание, чтобы достичь единства. Если Другой не откликнется, умереть, не преодолев различий.

¹ С этого мгновения в жизни не осталось ничего серьезного (*англ.*).

² Это бессмысленная история, рассказанная идиотом, где есть и шум, и ярость (*англ.*).

*

Красота, говорит Ницше вслед за Стендалем, — это обещание счастья. Но если сама она не является счастьем, что может она обещать?

*

...Только когда все вокруг занесло снегом, я заметил, что двери и окна синие.

*

Если правда, что преступление отнимает у человека весь запас жизненных сил (см. выше)... Значит, преступление Каина (а вовсе не Адама, которое сравнительно с Каиновым грехом кажется мелким проступком) истощило наши силы и отняло у нас любовь к жизни. В той мере, в какой мы принадлежим к племени Каина и несем на себе его проклятие, мы страдаем от этой странной пустоты и тоскливого ощущения собственной никчемности, которое возникает вслед за слишком бурными взрывами страсти и слишком смелыми поступками. Каин разом лишил нас всякой возможности деятельной жизни. Это и есть ад. Но находится он, безусловно, на земле.

*

«Принцесса Клевская». Не такая уж простая вещь. Она разветвляется на несколько повествований. В конце единство, но в начале — сложность. По сравнению с «Адольфом» это запутанный роман.

Подлинная простота здесь в понимании любви: г-жа де Лафайет видит в любви опасность. Это ее постулат. Вся книга, как, впрочем, и «Принцесса де Монпансье», и «Графиня де Танд», исполнена недоверия к любви (что, разумеется, есть полная противоположность равнодушию).

«Он ждал смерти, его помиловали, но им овладел столь сильный страх, что через несколько дней он умер, не приходя в сознание». (Всех героев Лафайет, которые умирают, убивает чувство. Понятно, отчего чувства так страшат ее.)

«Я сказал ему, что, пока печаль его знала предел, я одобрял и разделял ее; но если он всецело предастся отчаянию и утратит разум, я не стану его жалеть». Великодушно. Вот целомудрие наших великих эпох. Оно мужественно. Но лишено черствости. Ибо тот самый человек (принц Клевский), который произносит эти слова, умрет именно от отчаяния.

«Шевалье де Гиз... решился не помышлять более о любви госпожи де Клев. Но, дабы отказаться от этого предприятия, казавшегося ему столь трудным и славным, ему потребна была какая-либо иная великая цель. И он замыслил взять Родос».

«Слова госпожи де Клев о его портрете возвратили ему жизнь, ибо показали, что он — тот самый, *кого она не ненавидит*». Эти слова жгут ему уста.

*

Только у бедняков щедрость великодушна.

*

Бедное детство. Главное отличие дядиного дома: у нас вещи были безымянны, у нас говорили: глубокие тарелки, тот горшок, что стоит на камине, и проч. У него: вогезская керамическая ваза, кемперовский сервиз и проч. — Я узнавал, что такое выбор.

*

Грубое физическое желание вспыхивает мгновенно. Но желание вкупе с нежностью требует времени. Приходится пройти через всю страну любви, чтобы загореться желанием. Не потому ли вначале так нехотя вожделеешь ту, которую любишь?

*

Эссе о бунте. Тоска по «началам». Там же тема относительности — но относительности страстной. Напр.: разрываясь между миром, который его не удовлетворяет, и Богом, которого он не знает, абсурдный ум страстно при-

вызывается к миру. Там же: колеблясь между относительным и абсолютным, он пылко предается относительному.

*

Теперь, когда он знает этому цену, он нищ. Условие обладания — незнание. Даже в физическом плане: обладать до конца можно лишь незнакомкой.

*

Будеёвице (или Изгнанник).

I

Мать: Нет, не сегодня. Дадим ему время, передышку. Воспользуемся этим промежутком. Быть может, мы успеем спастись?

Дочь: Что, по-твоему, значит спастись?

Мать: Получить отпущение грехов.

Сестра: Тогда я уже спасена. Ибо я на вечные времена заранее отпустила себе все грехи.

II

Там же, см. выше.

Сестра: Во имя чего?

Женщина: Во имя моей любви.

Сестра: Что означает это слово?

(Проход по сцене.)

Женщина: Любовь — это моя бывшая радость и моя нынешняя боль.

Сестра: Вы говорите как раз на том языке, которого я не понимаю. Любовь, радость и боль, я никогда не слышала этих слов.

III

— Ах! — говорит он перед смертью. — Значит, этот мир создан не для меня и дом этот не мой.

Сестра: Мир создан для того, чтобы умирать, а дома — чтобы в них спать.

2-й акт. Рассуждение о гостиничных номерах. Он звонит. Тишина. Шаги. Появляется немой старик. Стоит на пороге, неподвижный и безмолвный.

— Ничего, — говорит позвонивший. — Ничего. Я просто хотел узнать, есть ли кто-нибудь в доме, работает ли звонок.

Старик секунду стоит неподвижно, потом уходит. Шаги.

Сестра: Молите Бога, чтобы он сделал вас бесчувственными как камень. Вот истинное счастье, вот участь, которую он избрал для самого себя.

Он глух, говорю я вам, и нем, как гранит. Уподобьтесь ему, и вас не будет волновать ничего, кроме журчания ручья и солнечного света. Станьте как камень, пока еще есть время (развить).

*

Оправдание абсурдного мира может быть только эстетическим.

*

Ницше: Ничто окончательное не создается без «не-смотря ни на что».

*

Метафизические романы Мориса Бланшо.

Загадочный Тома. Анну влечет к Тома смерть, живущая в его душе. Любовь ее метафизична. Поэтому она расстается с ним перед смертью. Ибо в этот миг она *знает*, а мы предпочитаем не знать. Следовательно, истинным знанием наделяет одна лишь смерть. Но она же делает любое знание бесполезным: ее достижения бесплодны.

Тома понимает, что несет в себе смерть, и прозревает свое будущее. Ключ к книге — в главе XIV. Прочтя ее,

нужно вернуться к началу, и тогда весь роман озарится тем тусклым светом, что омывает асфодели у гробового входа. (Около фермы странное дерево — два сросшиеся ствола, один из которых давно высох и даже не касается земли, ибо корни его сгнили. Он обвиняется вокруг другого ствола, и оба они похожи на Тома. Но живой ствол не дал себя задушить. Он сам сдавил своей толстой корой мертвый ствол — он простер ветки вширь и ввысь — он устоял.)

Аминадаб, несмотря на кажущуюся простоту, более загадочен. Это новое воплощение мифа об Орфее и Эвридике (заметьте, что в обоих книгах усталость, которую, кажется, испытывает герой и которая передается читателю, рождена искусством).

*

«Чума». Второй вариант.

Библия: Второзаконие, XXVIII, 21; XXXII, 24. Левит, XXVI, 25, Амос, IV, 10. Исход, IX, 4; IX, 15; XII, 29. Иеремия, XXIV, 10; XIV, 12; VI, 19; XXI, 7 и 9. Иезекииль, V, 12; VI, 12; VII, 15. «Каждый ищет свой крест, а когда находит, чувствует, что он чересчур тяжел. Да не будет сказано, что я не сумел снести свой крест».

*

Изначально три первые части, составленные из газет, дневников, записных книжек, проповедей, трактатов и объективных описаний, должны были подсказывать, увлекать и открывать глубинное значение книги. Последняя часть, изображающая только ход событий, должна была выражать общий смысл с их, и только с их, помощью.

Каждая часть должна была также все теснее сближать персонажей — воздействовать посредством постепенного слияния всех газет в одну, — а в 4-й части следовало довершить это впечатление.

*

Второй вариант.

Живописность и описательность в «Чуме» — маленькие документальные куски и рассуждение о бедствиях.

Стефан — глава 2-я: он проклиная эту любовь, лишившую его всего остального.

Изложить все не от себя (проповеди, газеты и пр.) и так, чтобы описания Чумы приносили однообразное облегчение?

Это непременно должен быть отчет, хроника. Но как это нелегко.

Быть может: переписать с начала до конца все, что касается Стефана, исключив тему любви. Стефану недостает развития. Продолжение ожидалось более значительным.

Довести до конца тему разлуки.

Дать общий отчет о чуме в О.?

Люди, нашедшие на себе блоху.

Глава о нищете.

Для проповеди: «Замечали ли вы, братья, как однообразен Иеремия?»

Еще один персонаж: разлученный, изгнанник, которому, несмотря на все его старания, не удастся покинуть город. Его действия: он хочет получить пропуск под тем предлогом, что он «нездешний». Если он умрет, показать, что он страдает прежде всего от невозможности воссоединиться с близким существом, от множества незавершенных дел. В этом — самая суть чумы.

Не забыть: астма не требует столь частых осмотров.

Ввести оранскую атмосферу.

Ничего «вымученного», естественность.

Гражданский героизм.

Больше социальной критики и бунта. Вот чего им недостает: воображения. Они ведут себя в эпопее, как на пикнике.

Они упускают из виду масштаб бедствия. Предлагаемые ими средства годятся разве что против насморка. Они обречены (развить).

Глава о болезни. «Они лишней раз убеждались в том, что физическая боль никогда не приходит одна и всегда сопровождается нравственными страданиями (семья — несчастная любовь), которые усугубляют ее. Так — в противовес общепринятому мнению — они постигали, что, если одно из жестоких преимуществ человека — возможность умереть в одиночестве, не менее жестокая и глубокая истина заключается в том, что умереть в подлинном одиночестве человеку как раз и не дано».

Мораль чумы: она не послужила никому и ничему. Стали мудрее только те, кто видели смерть совсем близко или лишились родственников. Но истина, которая им при этом открылась, касается только их одних. Она обречена.

Событийная, хроникальная сторона должна выразить социальный смысл чумы. Персонажи должны придать изображению смысл более глубокий. Но все это в общем.

Социальная критика. Столкновение администрации, являющейся величиной абстрактной, и чумы, конкретной из всех возможных сил, неминуемо приводит к последствиям комическим и скандальным.

Разлученный спасается бегством, потому что, *если он будет медлить, она постареет.*

Глава о родственниках, оказавшихся в *лагерях.*

Конец первой части. Распространение заболеваний чумой должно повторять распространение этой болезни у крыс. Шире. Еще шире.

Странная чума?

Первая часть — экспозиция, которая должна в целом развиваться очень стремительно, даже в газетных сообщениях.

Одна из возможных тем — борьба медицины и религии: преимущества относительного (и какого относительного!) против мощи абсолютного. Побеждает, или, точнее, не остается в проигрыше, относительное.

«Конечно, мы знаем, что у чумы есть и положительная сторона, она раскрывает глаза, она заставляет думать. В этом отношении она подобна всякому злу в земном мире и самому этому миру. Но то, что справедливо применительно к злу земного мира и самому этому миру, справедливо и применительно к чуме. На какую бы высоту она ни поднимала отдельных людей, только безумец, преступник или трус может, видя страдания своих братьев, примириться с чумой; единственный ответ ей, достойный человека, — бунт».

Все ищут покоя. Отметить это.

?Рассказать о Коттаре в *обратном порядке*: описать его поведение и открыть *под конец*, что он боялся ареста.

Газеты пишут теперь только о чуме. Люди говорят: в газете ничего нет.

Приглашают врачей из других городов.

Наиболее характерным для этого периода мне кажется состояние *разлуки*. Все разлучены с внешним миром, со своими возлюбленными или своими привычками. И в этом уединении одни — те, кто на это способен, — поневоле начинают размышлять, а другие — вести жизнь загнанных зверей. Середины тут нет.

Изгнанник в конце заболевает чумой, взбирается на холм и громко кричит, зовя свою жену, которую отделяют от него стены города, поля, три деревни и река.

?Предисловие рассказчика с соображениями относительно объективности и подлинности.

Под конец все жители чумного города становятся похожи на эмигрантов.

Побольше деталей «эпидемии».

Тарру — человек, который способен все понять — и страдает от этого. Он не способен никого судить.

Каков идеал человека, ставшего жертвой чумы? Вы будете смеяться: это порядочность.

Убрать: «В начале — на самом деле — в действительности в первые дни — приблизительно в то же время» и т.п.

?На протяжении всей книги намекать средствами детектива, что рассказчик Риэ. В начале: запах сигареты.

Дикость и потребность в тепле разом. Выход: кино, где незнакомые люди сидят бок о бок.

Островки света в темном городе, к которым призрачные фигуры тянутся, словно одноклеточные во власти гелиотропизма.

Об изгнаннике: вечерами в кафе, хозяева которых, чтобы сэкономить электроэнергию, стараются включать свет как можно позже, полумрак, словно серая вода, заливают зал, лучи заходящего солнца почти не проникают сквозь стекла, мраморные столешницы и спинки стульев слегка поблескивают. В этот час он осознает свое одиночество.

Разлученные во второй части: «Они были потрясены тем, что на свете есть множество мелочей, для них столь важных, но ничего не значащих для других. Так они открыли существование частной жизни». «Они прекрасно знали, что нужно кончать с этим — во всяком случае, что они должны желать конца, и, стало быть, они его желали — однако уже без прежнего пыла, но лишь с ясным со-

знанием причин, по которым им следует его желать. От великих первоначальных порывов в их душах осталась лишь угрюмая подавленность, заслонившая сам источник этой тоски. Они вели себя как люди удрученные и несчастные, но остроты несчастья не ощущали. По сути, это и было самое страшное. Прежде они были всего-навсего во власти отчаяния. Вот отчего многие были неверны. Ибо от любовных страданий у них остался только вкус к любви и потребность в ней, и, постепенно отдаляясь от тех, кто когда-то были предметом этих чувств, они почувствовали свою слабость и откликнулись на первый же ласковый призыв. Таким образом, они были неверны из любви». «Издали им казалось, что жизнь их составляет единое целое. И тогда они окунались в нее с новой силой. Так чума возвращала им единство. Следовательно, эти люди не умели жить в единстве, когда единство это существовало, — или, точнее, для того, чтобы научиться жить в единстве, им нужно было однажды его потерять». «Иногда они замечали, что находятся еще на первой стадии, когда то и дело собираешься показать какую-нибудь вещь другу, которого нет рядом. Тогда они еще питали надежду. Вторая стадия вступила в свои права, когда на все их мысли наложила свой отпечаток чума». «Но иногда глубокой ночью рана их раскрывалась вновь. И, внезапно пробудившись, они дотрагивались до ее воспаленных краев, боль возвращалась к ним во всей остроте, а вместе с ней — потрясенный лик их любви».

Говоря о чуме, я хочу показать ту удушливую и грозную атмосферу изгнания, в которой мы жили и от которой страдали. Одновременно я хочу распространить эту картину на все существование в целом. Чума поможет изобразить тех, кому во время последней войны приходилось безмолвно мыслить — и нравственно страдать.

*

Здесь неведомы жажда и то ощущение сухости, которое охватывает все твое существо после ходьбы под солнцем по пыльной дороге. Глотаешь лимонад — и не чувствуешь в горле жидкости, только обжигающие иголки газа.

*

Не создан для рассеяния.

*

15 января.

Болезнь — это крест, но, быть может, и опора. Идеально было бы взять у нее силу и отвергнуть слабости. Пусть она станет убежищем, которое придает силу в *нужный момент*. А если платить нужно страданиями и отречением — заплатим.

*

Небо голубое, поэтому заснеженные деревья, склоняющие свои белые ветви низко-низко надо льдом, кажутся похожими на цветущий миндаль. В этом краю глаз не может отличить весну от зимы.

У меня роман с этим краем, иначе говоря, у меня есть причины и любить его, и ненавидеть. А с Алжиром все наоборот — я люблю его беспредельно и сладострастно предаюсь этому чувству. Вопрос: можно ли любить страну, как женщину?

*

«Чума», второй вариант. Разлученные.

Разлученные замечают, что на первой стадии они, по сути дела, не переставали на что-то надеяться: на то, что придут письма, на то, что чума кончится, на то, что их близкие проберутся в город. Только когда наступает вторая стадия, они теряют надежду. В этот момент они, к счастью, утрачивают и жизненные силы (или жизнь ставит перед ними новые цели). Они должны либо умереть, либо предать.

То же: эти минуты, когда чума влечет их к себе и они мечтают только о том, как бы уснуть вечным сном. Коттар говорит: должно быть, в тюрьме хорошо. А горожане: чума, наверное, избавляет от всего.

*

Чистосердечие Киркегора. Сколько разглагольствований. Неужели гений так неспешен!

«Отчаяние — это граница, где встречаются, равно беспомощные, запальчивость подло-трусливого эгоизма и мужество упрямо-горделивого ума».

«Когда нечистый дух выйдет из человека, то ходит по безводным местам, ища покоя, и не находит» (Матф., XII, 43).

Его деление на людей действия и людей страдания.

То же применительно к Кафке: «Нужно истребить земную надежду, лишь тогда возможно спастись надеждой истинной».

Для К. Чистосердечие — это единство. Но это единство и добро. Нет чистоты вне Бога. Вывод: смириться с жизнью нечистой? Я далек от добра и жажду единства. И тут ничего не изменишь.

*

Эссе о Бунте. Раньше я выводил философию из тревоги — вывести ее теперь из счастья.

То же. Воскресить любовь в абсурдном мире — значит воскресить самое жгучее и брэнное из человеческих чувств (Платон: «Будь мы богами, мы не знали бы любви»). Но мы не вправе судить долгую любовь (земную) и любовь мимолетную. Верная любовь — *если она не скудеет* — для человека есть способ пестовать, насколько возможно, лучшее в себе. Так верность вновь поднимается в цене. Но эта любовь непричастна вечному. Это человечеснейшее из чувств, со всей вытекающей отсюда ограниченностью и восторженностью. По этой причине человек реализует себя только в любви, ибо в ней он находит ослепительное воплощение своей судьбы, лишенной будущего (а вовсе не потому, что, как утверждают идеалисты, в любви он хотя бы отчасти приближается к вечности). Пример: Хитклиф. Все сказанное — иллюстрация того факта, что абсурд сводится к противопоставлению *долговечного и недолговечного*. Подразумевается, что длиться что бы то ни было может только вечно. Мы принадлежим миру недолговечному. Все, что недолговечно, и только оно, принадлежит нам. Значит, нужно отобрать любовь у вечности или по крайней мере у тех, кто рядит ее в одежды вечности. Предвижу возражение: значит, вы никогда не любили. Оставим это.

*

«Чума», второй вариант.

Разлученные утрачивают здравый смысл. Даже самые умные из них начинают выискивать в газетах или радиопередачах доводы в пользу того, что чума вот-вот кончится, начинают питать беспочвенные надежды и испытывать беспричинные страхи при чтении заметок, которые настрочил, зевая от скуки, какой-нибудь журналист.

*

Вот что освещает мир и делает его сносным — привычное ощущение наших связей с ним, точнее, наших связей с людьми. Общение с людьми всегда помогает жить, потому что оно всегда предполагает продолжение, будущее, — кроме того, мы живем так, словно нашим единственным призванием является именно общение с людьми. Но бывают дни, когда мы осознаем, что это не единственное наше призвание, а главное, понимаем, что связью с людьми мы обязаны лишь своим собственным усилиям: стоит перестать писать или говорить, стоит обособиться и толпа людей вокруг вас растает; понимаем, что большая часть этих людей на самом деле готовы отвернуться от нас (не из злобы, а лишь из равнодушия), а остальные *всегда* оставляют за собой право переключить свое внимание на что-нибудь другое; в эти дни мы понимаем, сколько совпадений, сколько случайностей необходимы для рождения того, что называют любовью или дружбой, и тогда мир снова погружается во мрак, а мы — в тот лютой холод, от которого нас ненадолго укрыла человеческая нежность.

*

10 февраля.

Четыре месяца жизни аскетической и уединенной. Воле, уму это на пользу. А сердцу?

*

Вся проблема абсурда могла бы, пожалуй, сосредоточиться вокруг критики оценочного и констатирующего суждения.

*

Любопытный текст Книги Бытия (III, 22): «И сказал Господь Бог: вот, Адам стал [после грехопадения] как *один из нас*, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей и не взял также от древа жизни, и не *вкусил*, и не стал *жить вечно*».

И изгнал человека из Эдема пламенным мечом, «обращающимся, чтобы охранять путь к древу жизни». Снова повторяется история Зевса и Прометея. Человек получил возможность стать равным Богу, Бог испугался и принудил его к повиновению. *То же*. Об ответственности Бога.

*

Размышлять и писать по плану мне мешает воображение. Оно у меня беспорядочное, неумеренное, пожалуй, даже чудовищное. Трудно представить себе, какую огромную роль воображение сыграло в моей жизни. А между тем я заметил эту свою особенность только в тридцать лет.

Иногда в поезде или в автобусе, когда время тянется медленно, я запрещаю себе блуждать среди образов и построений, кажущихся мне бесплодными. Но постоянно направлять мысль на верный путь, возвращать ее к полезному источнику утомительно, и наступает минута, когда мысли мои разбредаются, вернее, растекаются во все стороны: тогда часы пролетают молниеносно и я, не успев оглянуться, прибываю к месту назначения.

*

Быть может, к скульптуре меня влечет любовь к камню. Скульптура возвращает человеческому облику весомость и равнодушие, без которых я не мыслю величия.

*

Эссе: глава о «плодотворности тавтологии».

*

Человек, хоть немного знакомый с гимнастикой ума, знает, подобно Паскалю, что мы всегда совершаем ошибку, исключая что-то из своего поля зрения. Ум, развив-

шийся до своего предела, твердо знает, что любая теория содержит в себе зерно истины и что любой опыт, накопленный человечеством, даже если он воплощен в таких противоположных фигурах, как Сократ и Эмпедокл, Паскаль и Сад, нельзя априорно отрицать. Однако обстоятельства вынуждают совершать выбор. Так, Ницше считал необходимым подвергнуть критике философию Сократа и христианство, хотя не мог привести серьезных аргументов. Нам же, напротив, необходимо встать на защиту Сократа или по крайней мере того, что он олицетворяет, ибо сегодня существует опасность, что на смену этим ценностям придет отрицание всякой культуры, так что Ницше рискует одержать здесь победу, которой он бы не пожелал.

На первый взгляд кажется, что это вносит в жизнь идей некоторый оппортунизм. Но это только кажется, ибо ни Ницше, ни мы сами не забываем о *другой стороне* вопроса; наши действия — просто защитная реакция. А в конечном счете опыт Ницше вместе с нашим опытом, опыт Паскаля вместе с опытом Дарвина, опыт Калликла вместе с опытом Платона воплощают все богатство человечества и возвращают нас нашему отечеству (но все это может быть верно, лишь если учесть дюжину дополнительных тонкостей).

Как бы там ни было, см. Ницше (Происхождение философии, Бьянки, с. 208): «Сократ, признаюсь честно, так близок мне, что я все время борюсь против него».

*

«Чума», второй вариант. У разлученных трудности с днями недели. В первую очередь, конечно, с воскресеньями. С субботними вечерами. И с некоторыми днями, к которым прежде были приурочены определенные ритуалы.

То же. Глава о страхе: «Люди, за которыми приходили по вечерам...»

В главе о лагерях: сначала родственников разлучает смерть — потом из соображений гигиены детей отделяют от родителей, мужчин от женщин. *И тогда разлука становится всеобщей.* Все обречены на одиночество.

Таким образом, тема разлуки должна стать главной темой романа. «Они ничего не просили у чумы. Они терпеливо выстроили себе в сердцевине непонятого мира свой собственный, очень человечный мирок, где дни текли

под знаком нежности и привычки. Но оказалось, что разлука с миром — это еще полбеды; пришла чума и разлучила их с их скромными привычными представлениями. Сначала она затмила их ум, а потом вырвала у них сердце». Практически: *в романе нет никого, кроме одиноких людей.*

*

«Чума», второй вариант.

Мы ищем покоя и идем за ним к людям. Но они сначала не могут дать нам ничего, кроме безумия и смуты. Покоя надо искать в другом месте, но небеса молчат. И вот тогда, и только тогда, можно возвратиться к людям, потому что, за неимением покоя, они навевают сон.

*

«Чума», второй вариант.

Хорошо бы иметь террасы, расположенные над чумой. Все они правы, говорит Риэ.

Тарру (или Риэ) прощает чуме.

*

Эссе о Бунте. Абсурдный мир *сначала* не поддается строгому анализу. Он открывается памяти и воображению. Таким образом, мир этот есть продукт *мысли вообще*, то есть конкретного воображения. Это приложение к жизненному поведению и к эстетике определенного современного принципа. Это не анализ.

Но как только вы очертите основные контуры этого мира, заложите первый (и единственный) камень, вы получите возможность рассуждать философски — а точнее, если вы все поняли правильно, у вас возникнет потребность рассуждать философски. Теперь необходим строгий анализ, и мы возвращаемся к нему. Торжествуют детали и описания. «Нас не интересует ничего, кроме...» превращается в «нас интересует все, кроме...» Отсюда точное и строгое — без выводов — исследование о бунте:

1) развитие бунта и внешний бунт;

- 2) состояние бунта;
- 3) метафизический бунт.

Развитие бунта: Неоспоримое право — впечатление, что дело затянулось, что другой превышает свои полномочия (отец, например). «Досюда да, а дальше нет» — продолжить анализ.

Ср. выписки: Происхождение Философии и Человек злопамятный в Эссе.

*

Эссе о Бунте: одно из направлений абсурдного ума — это бедность и нищета.

Единственный способ не дать абсурду «вселиться» в тебя — это не извлекать из него пользы. Не предаваться сексуальному рассеянию, лишенному целомудрия, и т.д.

То же. Вести тему колебания.

То же. Созерцание как одна из абсурдных целей, в той мере, в какой оно вызывает наслаждение, ничего не утверждая определенно.

*

Вообразим себе мыслителя, который говорит: «Вот, я знаю, что это правда. Но в конечном счете последствия этого мне отвратительны, и я отступаю. *Истина неприемлема даже для того, кто ее открывает*». Это и будет абсурдный мыслитель с его постоянной тревогой.

*

Станный ветер — он всегда дует на опушке леса. Любопытный человеческий идеал: устроить себе жилье в самом лоне природы.

*

Нужно решиться ввести в мыслительный аппарат необходимое различие между философией очевидной и философией приятной. Иначе говоря, мы можем прийти к философии, которая противна уму и сердцу, *но которая напрашивается*. Так, для меня очевидная философия заключена в абсурде. Но это не мешает мне иметь (или, точнее, учитывать) философию приятную. Напр.: точное рав-

новесие между умом и миром, гармония, полнота и т.д. Счастлив мыслитель, который отдается своей склонности, а тот, что отказывает себе в этом — из любви к истине, с сожалением, но решительно, — мыслитель-изгнанник.

Как далеко может зайти этот разрыв между мыслителем и его системой? Не возвращает ли это нас, по сути дела, окольными путями к реализму: истина, внеположная человеку, — принудительная. Возможно, но в таком случае это был бы реализм, не могущий нас удовлетворить. Не априорное решение.

*

Важный вопрос, который следует разрешить «на практике»: можно ли быть счастливым и одиноким.

*

Антология незначительности. Прежде всего, что такое незначительность? Этимология здесь обманчивая. Это не то, что не имеет значения. Иначе пришлось бы сказать, что незначителен наш мир. Бессмысленный и незначительный — не синонимы. Незначительный человек вполне может быть рассудительным. С другой стороны, незначительный не есть ничтожный. Существуют великие деяния, серьезные и грандиозные планы, являющиеся незначительными. Впрочем, это уже ближе к делу. Ибо деяния эти не кажутся незначительными тем, кто затевает их с истовой серьезностью. Следовательно, надо добавить, что они незначительны для кого-то... что некое лицо незначительно в чьих-то глазах... что некая мысль незначительна в определенном контексте... Иначе говоря, у незначительности, как у всех прочих вещей на этом свете, есть своя мера относительности. Что вовсе не означает, что незначительность — вещь относительная. Она имеет отношение к чему-то, что незначительностью не является, что имеет смысл — что важно, что «кое-что значит», что заслуживает интереса, что достойно внимания, заботы, поклонения, что занимает — и по праву — свое место, что поражает ум, западает в память, бросается в глаза... и проч. Но все это еще не определение. Незначительность будет относительной, лишь если удастся найти несколько определений этому эталонному метру значения. Иначе говоря, незначительность, как и всякая вещь, сравнима

с чем-то большим, и то скудное количество смысла, которым она наделена, — производное от значения более общего. Остановимся на этих словах. В определенной мере, с большой осторожностью и не забывая о множестве нюансов, можно сказать, что незначительная вещь — вовсе не обязательно вещь, лишенная *смысла*, но вещь, лишенная *сама по себе* общего значения. Выражаясь иначе и прибегая к естественной иерархии ценностей, если я женюсь, я совершаю поступок, который получает общее значение на уровне рода, еще одно значение — на уровне общества, религии, и, быть может, еще одно — в плане метафизическом. Вывод: женитьба не является поступком незначительным, во всяком случае согласно иерархии общепринятых ценностей. Ибо, если родовое, общественное или религиозное значение у нее отсутствует — а это происходит в тех случаях, когда женится человек, не уважающий все эти ценности, — женитьба становится в самом деле поступком незначительным. На этом примере по крайней мере видна связь незначительности с отсутствием значения.

Возьмем противоположный пример: если, открывая дверь, я двигаю защелку вправо, а не влево, я не могу связать этот жест ни с каким общепринятым значением. Обществу, религии, роду и даже Богу решительно начхать, двигаю я защелку налево или направо. Вывод: мой поступок незначителен, если только эта привычка не связана для меня с необходимостью экономить силы, с практической сметкой, истоки которой — в волевом характере или жизненных принципах, и т.д. В этом случае для меня будет гораздо важнее отодвинуть защелку определенным образом, чем жениться. Следовательно, незначительность — это всегда результат определенных отношений. Общий вывод из сказанного таков: в вопросе о незначительности всегда остается некоторая неясность.

Но, раз уж я задумал составить антологию незначительных поступков, значит, мне известно, какие поступки являются незначительными. Вероятно, так. Но понять, незначителен ли тот или иной поступок, и понять, что такое незначительность, вещи разные. В конце концов, может быть, я составляю эту антологию просто для очистки совести. Однако...

План.

1. Незначительные поступки: старик и кот, военный и девушка (примечание: не знаю, стоит ли включать эту

историю в антологию. Возможно, она исполнена большого смысла. Но я все-таки помещаю ее, чтобы показать исключительную сложность моего труда. Как бы там ни было, можно будет поместить ее *также* и в антологию вещей значительных — готовится к публикации), и проч., и проч.

2. Незначительные речи. «Как говорят у нас на родине», «Как говорил Наполеон» — и, шире, большая часть исторических изречений. Зубочистка Жарри.

3. Незначительные мысли. Потребуется множество гигантских томов.

*

Зачем нужна эта антология? В конце концов она должна показать, что незначительность почти всегда тождественна механической стороне существования людей и вещей — чаще всего незначительность тождественна привычке. Иначе говоря, поскольку все рано или поздно входит в привычку, можно быть уверенным, что величайшие мысли и величайшие деяния рано или поздно становятся незначительными. Цель жизни — незначительность. Тем и интересна антология. По сути, она не только воспроизводит большую часть нашего существования — ничтожные жесты, ничтожные мысли и ничтожные настроения, но и описывает наше общее будущее. У нее есть чрезвычайно редкое в наши дни преимущество — она имеет поистине пророческий характер.

*

Ницше, внешняя сторона жизни которого была более чем однообразна, доказывает, что мысль, работающая в одиночестве, сама по себе страшное приключение.

*

Мы покорно соглашаемся с тем, что Мольер должен был умереть!

*

9 марта. Первые барвинки — а еще неделю назад шел снег.

*

У Ницше тоже бывали приступы тоски. Но он ничего не хотел просить у неба. Его решение: потребовать от человека того, чего нельзя потребовать у Бога; это сверхчеловек. Странно, что в отместку за такое самомнение его самого не сделали Богом. Быть может, это вопрос времени. Будда проповедует мудрость без богов, а через несколько столетий ему самому поклоняются как Богу.

*

Европеец наслаждается собственной храбростью: он любит себя. Отвратительно. Истинная храбрость пассивна — это безразличие к смерти. Идеал: чистое познание и счастье.

*

Что может быть лучше для человека, чем бедность? Я говорю не о нищете или безнадежном труде современного пролетария. Но я не знаю, что может быть лучше бедности в сочетании с деятельным отдыхом.

*

Невозможно *полностью* исключить оценочные суждения. Это — довод против абсурда.

*

Древние философы размышляли гораздо больше, чем читали (и недаром). Вот отчего в их сочинениях так много конкретности. Книгопечатание все изменило. Теперь читают больше, чем размышляют. Вместо философии у нас одни комментарии. Именно это имеет в виду Жильсон, когда говорит, что философов, занимавшихся философией, сменили профессора философии, занимающиеся философами. В таком подходе — и скромность, и беспомощность. Мыслитель, который начнет свою книгу словами «Рассмотрим все с самого начала», вызовет насмешки. Дошло до того, что сегодня философский трактат, не ссылающийся ни на какие авторитеты, не подкрепленный

цитатами и комментариями, никто не принял бы всерьез. И все же...

*

Для «Чумы»: в людях больше черт, достойных восхищения, чем черт, достойных презрения.

*

Когда, несмотря на уверенность в том, что «все дозволено», преодолеваешь соблазн, в душе все-таки остается след — перестаешь судить других.

Многих людей влечет к роману то, что жанр этот по видимости лишен стиля. На самом же деле он требует стиля более виртуозного — такого, который полностью подчиняется предмету рассказа. Так что можно вообразить писателя, у которого каждый роман написан в своем стиле.

*

Предчувствие смерти, к которому я с некоторых пор привык: оно лишено поддержки болью. Боль привязывает к настоящему, она *вовлекает в борьбу*. Но предчувствовать смерть просто при виде окровавленного носового платка, не совершая никакого усилия, — это головокружительное погружение во время: страх перед изменчивостью бытия.

*

Облака поредели. Лишь только показалось солнце, над пахотой закурился дымок.

*

Смерть сообщает новую форму любви — а равно и жизни, она превращает любовь в судьбу. Твоя возлюбленная умерла в пору, когда ты любил ее, поэтому любовь твоя пребудет вечно — в противном же случае от нее не осталось бы и следа. Чем же был бы мир без смерти — вереницей исчезающих и воскресающих форм, мучительным бегством, миром, не знающим завершенности. Но, к счастью, она существует, — она, надежная опора. И лю-

бовник, оплакивающий прах возлюбленной, Рене на могиле Полины, проливает слезы чистой радости — ибо совершилось, — радости человека, сознающего, что судьба его наконец определилась.

*

Любопытная теория г-жи де Лафайет — брак как наименьшее из зол. Лучше неудавшийся брак, чем мучения страсти. Здесь налицо этика *Порядка*.

(Французский роман психологичен, потому что сторонится метафизики. Он всегда избирает мерилом человека из *осторожности*.) Тот, кто считает «Принцессу Клевскую» классическим романом, невнимательно читал ее. Напротив, она очень плохо выстроена.

*

«Чума». Разлученные: Дневник Разлуки? «Ощущение разлуки было всеобщим, и представление о нем можно составить по беседам, признаниям и сообщениям, появившимся на страницах газет».

То же. Разлученные. Тот вечерний час, когда верующие заглядывают в свою душу, — час, тяжкий для узников, — это пора обманутой любви.

«Чума». *То же*. Голод заставляет одних задумываться, других — запастись продовольствием. Следовательно, мало того, что одно и то же явление приносило с собой не только зло, но и добро; то, что было злом для одних, обращивалось добром для других. Было от чего потерять голову.

?Стефан. Дневник разлуки.

Три плана в книге:

Тарру, который описывает мелочи;

Стефан, который говорит о главном;

Риз, который объединяет их и поднимает на новую высоту в *относительном диагнозе*.

*

Разлученные. *То же*. В самом конце эпидемии они уже не могли представить себе ту домашнюю атмосферу, в которой прежде существовали, не могли представить себе,

что рядом с ними жило существо, на которое они могли в любую минуту поднять руку.

*

Эпиграф для «Недоразумения»? «Рожденное не достигает совершенства, но никогда не останавливается». Монтень.

*

Нетрудно представить себе европейца, обратившегося в буддийскую веру, ибо это обеспечивает ему жизнь после смерти — которую Будда считает непоправимым злом, но которой человек желает изо всех сил.

*

Сент-Этьенн и его пригород. Подобное зрелище — обвинительный акт породившей его цивилизации. Мир, где нет места живому существу, радости, деятельному отдыху, — это мир, обреченный на гибель. Ни один народ не может существовать без красоты. Он может какое-то время продержаться, и все. А между тем Европа, где подобных городов множество, с каждым днем все дальше уходит от красоты. Вот отчего она корчится в конвульсиях, вот отчего она умрет, если, заключив мир, не вспомнит о красоте и не возвратит любовь на подобающее ей место.

*

Всякая жизнь, посвященная погоне за деньгами, — это смерть. Воскрешение — в бескорыстии.

*

Сам процесс письма дает ощущение уверенности в себе, которой мне начинает недоставать. Уверенности, что тебе есть что сказать, а главное, что нечто вообще может быть сказано, уверенности, что твои чувства и твое существование годятся для примера, уверенности, что ты неза-

меним и не знаешь страха. Все это я постепенно утрачиваю и начинаю думать о том времени, когда перестану писать.

*

Иметь силу выбрать то, что тебе по душе, и не отступать. Иначе лучше умереть.

*

Разлученные: «Чтобы вновь пережить свою любовь, они с нетерпением ждали часа, когда в их душах проснется беспредметная ревность».

*

То же. Их просят составить список близких людей, с которыми они разлучены. Они удивляются, что за этим ничего не последовало. А все дело было в том, чтобы выяснить, кого извещать, «если что-то случится». «Короче, мы записались».

*

То же. Третья часть. «Но, когда они встретились снова, им еще долгое время было очень трудно поставить реального человека на место того, кого создало их воображение... и можно сказать, что чума кончилась только в тот день, когда один из них смог снова посмотреть на ту, кто рядом, скучающим взглядом».

*

Всякую мысль следует оценивать по тому, что она сумела извлечь из страдания. Несмотря на мое отвращение, страдание — это действительность.

*

Я не могу жить без красоты. И этим объясняется моя слабость в отношении некоторых людей.

*

Когда все будет кончено, *устраниться* (Бог или женщина).

*

Главное, что отличает человека от животного, — воображение. Поэтому у нас половое влечение не может быть по-настоящему естественным, то есть слепым.

*

Абсурд — это трагическая фигура перед зеркалом (Калигула). Значит, он *не один*. Тут есть почва для довольства собой или снисхождения к себе. Теперь нужно убрать зеркало.

*

Время идет медленно, когда за ним следишь. Оно чувствует слезку. Но оно пользуется нашей рассеянностью. Возможно даже, что существуют два времени: то, за которым мы следим, и то, которое нас преобразует.

*

Эпиграф для «Недоразумения»: «Отсюда же проистекает и созданный поэтами вымысел, будто несчастная мать Ниобей, потеряв сначала семерых сыновей, а затем семерых дочерей и не выдержав стольких утрат, в конце концов превратилась в скалу... Они создали этот образ, чтобы передать то мрачное, немое и глухое оцепенение, которое овладевает нами, когда нас одолевают несчастья, превосходящие наши силы». Монтень.

То же. О печали. «Я принадлежу к числу людей, наиболее свободных от этой страсти, и не питаю к ней ни любви ни уважения, хотя все кругом как нарочно расхваливают ее наперебой».

То же. О лжецах. А ведь нет лучшего способа узнать силу коня, чем испытать его уменье останавливаться сразу и плавно.

*

Абсурд. Восстановить нравственность с помощью «Ты». Я не верю в существование иного мира, где мы должны «дать отчет». Но в этом мире мы обязаны дать отчет — всем, кого мы любим.

*

То же. О языке. (Парен: аргументы, доказывающие, что человек не мог изобрести языка, непроверяемы.) Стоит только копнуть, повсюду натыкаешься на метафизические проблемы. Таким образом, куда ни глянь, человек одинок, словно на острове, а реальность со всех сторон омывает его грозным морем возможностей и вопросов. Отсюда можно сделать вывод, что мир наделен смыслом. Ибо, если бы он попросту грубо существовал, смысла в нем бы не было. Счастливые миры не имеют разумных оснований. Поэтому смешно спрашивать: «Возможна ли метафизика?» Метафизика существует.

*

К счастью, мир наш устроен так, что страдания не длятся вечно. Боль отпускает, и возвращается радость. Они уравновешивают друг друга. В этом мире одно компенсирует другое. А если мы сами мучим себя и возводим это добровольное страдание в ранг силы, дабы длить его без конца, сам выбор наш доказывает, что страдание это для нас — благо, и в данном случае именно оно является компенсацией.

*

Третье «Несвоевременное размышление». «Шопенгауэр скорбно отвращал взгляд от образа великого основателя траппистского монастыря Рансе, говоря: «Для этого потребна благодать».

*

По поводу М. [нрзб.]. Я не отказываюсь идти к Верховному Существо, но я не хочу следовать путем, уводя-

шим от обычных, смертных существ. Узнать, можно ли обрести Бога, предавшись сполна своим страстям.

*

«Чума»: очень важно. «Они сперли у вас провизию и боль от разлуки — вот вы и подчинились им, не ропща».

*

20 мая.

Впервые: странное чувство удовлетворения и покоя. Вопрос, которым я задавался, лежа в траве, теплым и душным вечером: «Что, если эти дни последние...» Ответ: спокойная улыбка. Меж тем мне нечем гордиться: ничего не решено, и даже веду я себя не так уж стойко. Что это — бесчувственность, приходящая с опытом, предзакатная кротость или, напротив, начало всеприемлющей мудрости?

*

Июнь. Люксембургский сад.

Ветреное и солнечное воскресное утро. Ветер разносит брызги вокруг большого фонтана; по воде, на которой качаются крошечные парусники, идет рябь, над высокими деревьями летают ласточки. Двое молодых людей спорят: «Ты ведь у нас веришь в человеческое достоинство».

*

Пролог: Любовь...

Познание...

Это одно и то же.

*

Днем полет птиц всегда кажется бесцельным, но к вечеру движения их становятся целенаправленными. Они летят к чему-то. Так же, быть может, и с людьми, достигшими вечера жизни...

Бывает ли у жизни вечер?

Гостиничный номер в Валансе. «Не делай этого, прошу тебя. Как я смогу жить с этой мыслью? Что скажут обо мне твоя мать, твои сестры, Мари-Роланда, я поклялся не говорить тебе этого, ты ведь знаешь. — Я умоляю тебя, не делай этого. Мне так необходимы были эти два дня покоя. Я не дам тебе этого сделать. Я пойду до конца. Мы поженимся, если нужно. Но я не могу взять на себя такой груз. — Я поклялся не говорить тебе этого. — Это слова. А для меня имеют значение только поступки... — Все решат, что это несчастный случай. Поезд... и т.д. (Она плачет. Она кричит: «Ненавижу тебя. Ненавижу тебя за то, что ты со мной делаешь»). — Я знаю, Роланда, я это отлично знаю. Но я не хотел тебе этого говорить. И т.д. и т.д.» Он дает обещание. Продолжительность: полтора часа. Монотонность. Топтание на месте.

Ван Гога поразила одна мысль Ренана: «Умереть для самого себя, осуществить великие деяния, стать благородным и отринуть пошлость, в которой тонет существование почти всех людей».

«Если продолжать искренне любить то, что в самом деле достойно любви, и *не растрчивать свою любовь по мелочам, по пустякам, по глупостям*, можно понемногу сделать свою жизнь светлее и стать сильнее».

«Выучившись в совершенстве какой-нибудь одной вещи и поняв ее до конца, начинаешь вдобавок понимать и знать множество других вещей».

«Я — человек, постоянный в своем непостоянстве».

«Если я рисую пейзажи, они всегда хранят следы присутствия человека».

Он приводит слова Доре: «Я терпелив, как бык».

Ср. на с. 340 письмо о поездке в Звело.

Дурной вкус великих художников: он ставит на одну доску Милле и Рембрандта.

«Я все больше и больше убеждаюсь, что не следует судить о Господе Боге по нашему миру, это его неудачный набросок».

«Я прекрасно могу и в жизни, и в живописи обойтись без Господа Бога, но в страдании я не могу обойтись без того, что сильнее меня, что лежит в основе моей жизни, — без способности творить».

Блуждания Ван Гога, долго искавшего свой путь и только в двадцать семь лет обнаружившего, что он — художник.

*

Когда ты уже сделал все, что нужно, чтобы как следует понять, принять и снести бедность, болезнь и собственные недостатки, остается сделать еще один шаг.

*

«Чума». Сентиментальный профессор в конце эпидемии приходит к выводу: самое умное, что остается, — начать переписывать книгу с конца (развить текст и смысл).

Тарру умирает молча (мигает и т.п.).

Административный лагерь-изолятор.

Последний разговор между профессором и доктором: Они снова вместе. Потому что им так мало нужно. А у меня не было, и проч.

Еврейский квартал (мухи). Те, кто хотят соблюсти благопристойность. Приглашают гостей на цикорий.

Разлученные. 2. И все, с чем им и прежде было очень трудно смириться (старость), они вынуждены были теперь сносить за двоих.

Тем не менее текущие вопросы по-прежнему решались. Именно в эту пору выяснилось, чем кончилось дело, привлекавшее в свое время внимание знатоков. Юный убийца... был помилован. Газеты высказывали предположение, что он отделается десятью годами примерного поведения, а затем сможет зажить своей обычной жизнью. По правде говоря, игра не стоила свеч.

*

Вера в слова — это классицизм, но, дабы сохранить эту веру, он расходует их очень бережно. Сюрреализм, который не доверяет словам, ими злоупотребляет. Вернемся к классицизму — из скромности.

*

Те, кто любят истину, должны искать любви в браке, то есть в любви без иллюзий.

*

«В чем особенность провансальской культуры?» Специальный выпуск «Кайе дю Сюд». В общем и целом мы мало чего стоили в эпоху Возрождения, в XVIII веке и во время Революции. Мы кое-что создали в X — XIII веках и в ту пору, когда как раз и не были нацией, — в пору, когда вся цивилизация стала интернациональной. И так, целые столетия человеческой истории, слава и бесславие, сотня великих имен, которые они нам завещали, традиции, жизнь нации, любовь — все это пустяки, все это ничего не значит. И нас же называют нигилистами.

*

Гуманизм пока еще не наскучил мне: он мне даже нравится. Но он мне тесен.

*

Брюк, доминиканец: «Они мне осточертели, эти христианские демократы».

«Г. ужасно похож на кюре, он держится с епископской елейностью. А я с трудом переносу ее даже у самих епископов».

*

Я: «В юности я считал всех священников счастливыми».

Брюк: «Страх потерять веру сужает круг их чувств. Они отрекаются от своих склонностей. Они не смотрят жизни в лицо». (Его идеал — церковь великая и могущественная, но славная своей бедностью и отвагой).

Разговор о проклятом Ницше.

*

Баррес и Жид. Оторванность от родной почвы — для нас вопрос решенный. А когда вопрос больше не волнует

нас, мы говорим меньше глупостей. В конечном счете мы нуждаемся и в отечестве, и в странствиях.

*

Недоразумение. Женщина после смерти мужа: «Как я люблю его!»

*

Агриппа д'Обинье: вот человек, который верит и сражается за то, во что верит. В конечном счете он доволен. Это видно по гордости, с которой он рассказывает о своем доме, своей жизни, своих успехах. Если он гневается, то лишь на тех, кто не прав — с его точки зрения,

*

Трагедию порождает столкновение двух равно законных, имеющих равное право на жизнь сил. Следовательно, слабая трагедия — та, что вводит в действие силы незаконные. Следовательно, сильная трагедия — та, что узаконивает *все*.

*

На Мезенкских плато ветер со свистом рассекал воздух сильными ударами шпаги.

*

Жить страстями может только тот, кто подчинил их себе.

*

Вечное Возвращение предполагает примирение со страданием.

*

Жизнь полна происшествий, которые заставляют нас с нетерпением ждать, когда мы станем старше.

*

Не забыть: болезнь и связанное с нею ничтожество. Нельзя терять ни минуты — что, быть может, вовсе не означает, что «надо торопиться».

*

Мораль: невозможно жить рядом с людьми, если знаешь их сокровенные мысли.

Упорно отказываться от любого коллективного суждения. Хранить невинность, несмотря на склонность общества к «толкам».

*

В жару люди зреют, подобно плодам. Они созревают, не успев начать жить. Они все знают, еще ничего не изучив.

*

Б.Б.: «Никто не подозревает, что некоторые люди прилагают геркулесовы усилия, чтобы остаться просто нормальными».

*

«Чума». Если записные книжки Тарру занимают так много места, то лишь оттого, что он умер в доме рассказчика (вначале).

— Вы уверены, что болезнь в самом деле заразная, что изоляция необходима? — Я ни в чем не уверен, но я твердо знаю, что брошенные без погребения трупы, скученность и проч. нежелательны. Теории могут меняться, но есть нечто, остающееся в силе всегда, в любое время, — это логика.

*

Занятые борьбой, санитарные отряды уже не интересуются известиями о чуме.

Чума отменяет оценочные суждения. Никто больше не говорит о качестве одежды, продуктов и пр. Все все приемлют.

Разлученный хочет получить у доктора пропуск на выезд из города (так они знакомятся), он рассказывает о своих хлопотах... Он регулярно приходит снова.

Поезда, вокзалы, часы ожидания.

Чума обрекает на разлуку. Но сама совместная жизнь — лишь дрящущая случайность. Правило — чума.

*

1 сентября 1943 г.

Тот, кто не верит в ход вещей, — трус, но тот, кто верит в человеческий удел, — безумец.

*

15 сентября.

Он все забросил — свою работу, деловые письма и проч., — чтобы ответить тринадцатилетней девочке, вложившей в письмо всю душу.

*

Поскольку слово «существование» обозначает какую-то реальность, реальность нашей тоски, но при этом не может не подразумевать некоей высшей реальности, мы сохраним его лишь в обращенной форме — мы будем говорить о философии несуществования, что не означает отрицания, но должно указать на состояние «человека, который лишен...». Философия несуществования будет философией изгнания.

*

Сад: «Люди осуждают страсти, забывая, что философия зажигает свой факел от их огня».

*

У искусства случаются приступы стыдливости. Оно не может назвать вещи своими именами.

*

Во время революций погибают лучшие. По закону жертвоприношений последнее слово остается за людьми

трусливыми и осторожными, ибо остальные лишились слова, пожертвовав лучшим, что у них было. Говорят те, кто совершили предательство.

*

Только художники творят добро. Нет, говорит Парен.

*

«Чума». Все борются — каждый на свой лад. Трусость — только в том, чтобы упасть на колени... Явилась масса новых моралистов, и все они пришли к одному выводу: нужно встать на колени. Но Риэ отвечает: нужно бороться, и объясняет, как именно.

Изгнанник часами сидит на вокзалах. Передать атмосферу вымершего вокзала.

Риэ: «Всякому борющемуся сообществу необходимы люди убивающие и люди лечащие. Я сделал выбор и намереваюсь лечить. Но я знаю, что веду борьбу».

*

«Чума». А где-то в далеких портах вода розовеет в лучах заходящего солнца.

*

«Обращаться к Богу оттого, что вы разочаровались в земной жизни, а боль отъединила вас от мира, бесполезно. Богу угодны души, привязанные к миру. Ему по нраву ваша радость».

*

Тот, кто воспроизводит этот мир, как он есть, предает его, возможно, гораздо больше, чем тот, кто преображает его. Лучшая из фотографий — уже предательство.

Против рационализма. Если бы чистый детерминизм имел смысл, достаточно было бы одного верного утверждения, чтобы, переходя от одного следствия к другому, узнать истину во всей ее полноте. Но этого не происходит. Значит, либо мы никогда не произнесли ни одного верного суждения и суждение о всеобщей детерминированнос-

ти тоже неверно, либо мы сказали правду, но правду *бесполезную* и, следовательно, детерминизм лжет.

*

Для моего «творения против Творца». Одному католическому критику (Станисласу Фюме) принадлежит мысль, что искусство, *какова бы ни была его цель*, всегда вступает в преступное соперничество с Богом. То же: Роже Секретен, «Кайе дю Сюд», август — сентябрь 43-го г. И Пеги: «Есть даже такая поэзия, которая извлекает свою мощь из отсутствия Бога, которая не спекулирует ни на каком спасении, которая рассчитывает только на самое себя, человеческое стремление заполнить пустоту пространства, вознаграждаемое еще на земле».

Следовательно, между апологетической литературой и литературой, вступившей в соперничество, середины нет.

*

Долг состоит в том, чтобы делать то, что ты считаешь справедливым и добрым — «предпочтительным». Легко ли это? Нет, ибо даже то, что считается предпочтительным, всегда делается с трудом.

*

Абсурд. Убивая себя, человек отрицает абсурд. Не убивая себя, он с помощью абсурда открывает в повседневности источник удовлетворения, отрицающий сам этот абсурд. Это не значит, что абсурда не существует. Это значит, что абсурд *действительно* лишен логики. Поэтому на нем *действительно* нельзя строить жизнь.

*

Париж. Ноябрь 1943 г.

Сурена. В 4-м акте возле всех дверей — охрана. И Эвридика, которая прежде находила такие замечательные слова, смолкает, безуспешно пытаясь выговорить слово, которое принесет ей свободу. Она будет молчать до конца — и потому умрет. А Сурена:

«Зачем ты растравляешь рану?»

Я сердцем размягчусь, в борьбе с собой устану»¹.

Великолепный трюк классического театра, где смеющиеся друг друга актерские дуэты рассказывают о событиях, не показывая их, — и, несмотря на это, интрига развивается, а волнение нарастает.

*

Парен. Они все схитрили. Им ни разу не удалось подняться выше своего отчаяния. И все из-за литературы. Коммунист для него — это человек, отказавшийся от речей и заменивший их *бунтом на деле*. Он избрал для себя путь, который презрел Христос, — спасти проклятых, обрекая на проклятие самого себя.

*

У всякого страдания, волнения, страсти есть пора, когда они принадлежат самому человеку с его неповторимой индивидуальностью, и другая пора, когда они начинают принадлежать искусству. Но в первые мгновения искусство бессильно что-либо сделать с ними. Искусство — расстояние, на которое время удаляет от нас страдания.

Это — трансцендентность человека по отношению к самому себе.

*

Благодаря Саду систематическая эротика сделалась одним из направлений философии абсурда.

*

Для Кафки смерть не является избавлением. Его смиренный пессимизм, по Маньи.

*

«Чума». Любовь приняла у них форму упорства.

Добавить в гранки «Калигулы»: «Ну что ж, трагедия окончена, поражение бесспорно. Я отворачиваюсь и ухожу.

---

¹ Перевод Э.Г. Линецкой.

Я сделал все, что мог, в этой битве за невозможное. Подождем смерти, хотя она ни от чего не избавляет».

*

«Быть может, Христос и умер за кого-нибудь, но не за меня». Человек виновен — но виновен он в том, что не смог справиться со всем самостоятельно, и вина эта со временем стала еще тяжелее.

*

О справедливости — тип, который теряет веру в нее, с тех пор, как его поколотили.

То же. Вот в чем я упрекаю христианство — оно оправдывает несправедливость.

*

«Чума». Окончить изображением неподвижной женщины в трауре — ее страдания напоминают о пролитой крови и жизни, которой лишились мужчины.

*

Тридцать лет.

Главная способность человека — способность к забвению. Но справедливости ради следует заметить, что он забывает даже то добро, которое сам сотворил.

*

«Чума». Правилom стала разлука. Все остальное — дело случая.

— Но люди все равно живут вместе.

— Есть такие случайности, которые делят целую жизнь.

Купаться в море запрещено. Это знак. Запрещено тешить свое тело — прорваться к истинному смыслу вещей. Но чума кончается, и истинный смысл вещей возвратится.

Дневник разлученного?

*

Самая большая экономия, которая возможна в области мысли, — согласиться, что мир непознаваем, — и заняться человеком.

*

Когда в старости человек становится мудрым и нравственным, ему, вероятно, бывает стыдно вспоминать свои бывшие поступки, шедшие вразрез с предписаниями нравственности и мудрости. Слишком рано или слишком поздно. Середины нет.

*

Я бываю у Х., потому что у них память лучше, чем у меня. Они обогащают наше общее прошлое, возвращая моей памяти все, что из нее изгладилось.

*

Чтобы произведение прозвучало как вызов, оно должно быть завершено (отсюда необходимость «обреченности»). Оно противоположно божественному творению. Оно завершено, имеет свои пределы, ясно, замешано на человеческих потребностях. Единство в наших руках.

*

Парен. Может ли человек выбрать мгновение, когда он готов умереть за истину?

*

В этом мире люди делятся на свидетелей и подтасовщиков. Стоит человеку умереть, как его свидетельство начинают подтасовывать с помощью слов, проповедей, искусства и проч.

*

Успех может облагородить юношу, как счастье облагораживает человека зрелого. Убедившись, что его усилия

оценены по заслугам, юноша может вести себя спокойно и непринужденно — по-королевски.

*

Роджер Бэкон пробыл в тюрьме *двенадцать лет* за то, что утверждал первенство опыта в познании.

*

Есть мгновение, когда юность уходит. Это мгновение, когда мы теряем наших близких. И с этим нужно смириться. Но это тяжело.

*

Об американском романе: он стремится к универсальности. Как классицизм. Но если классицизм стремится к универсальности вечной, современная литература волею обстоятельств (прозрачность границ) стремится к универсальности исторической. Ее интересует не человек всех времен, а человек всех стран.

*

«Чума». «Он любил просыпаться в четыре утра и думать о ней. В этот час она принадлежала ему. В четыре часа утра люди *ничего не делают*. Они спят».

Театр продолжает работать: дают пьесу об Орфее и Эвридике.

*

Разлученные: Люди... Но кто я такой, чтобы судить их. Все они правы. Но выхода нет.

Разговор о дружбе между доктором и Тарру: «Я думал об этом. Но это невозможно. Чума *не оставляет времени*. — Внезапно: — Сейчас мы все живем для смерти. Есть над чем задуматься».

Там же. Чудак, выбирающий *молчание*.

*

— Защищайтесь, — говорили Судьи.

— Нет, — отвечал Обвиняемый.

— Почему? Так положено.

— Пока еще нет. Я хочу, чтобы вы приняли всю ответственность на себя.

*

О естественности в искусстве. Абсолютная естественность невозможна. Ибо невозможна действительность (дурной вкус, вульгарность, несоответствие глубинным потребностям человека). Именно поэтому все, что написано человеком о мире, всегда в конце концов оказывается направленным против мира. Романы-фельетоны плохи, потому что по большей части правдивы (то ли оттого, что действительность приспособилась к ним, то ли оттого, что мир условен). Искусство и художник воссоздают мир, но втайне всегда не удовлетворены им.

*

Портрет С., нарисованный А.: «Ее изящество, ее чувствительность, эта смесь томности и решимости, осторожности и дерзости, это простодушие, не мешающее ей судить трезво и искушенно».

*

Греки ничего не поняли бы в экзистенциализме — между тем христианство они, *хотя и со скандалом*, могли бы принять. Все дело в том, что экзистенциализм не предполагает определенного *поведения*.

То же. Не существует познания абсолютно чистого, то есть бескорыстного. Искусство — попытка чистого познания с помощью описаний.

*

Поставить вопрос об абсурдном мире — все равно что спросить: «Согласны ли мы предаться отчаянию и ничего не предпринимать?» Я полагаю, что ни один порядочный человек не ответит утвердительно.

*

Алжир. Не знаю, достаточно ли понятно я изъясняюсь. Но для меня вернуться в Алжир — все равно что

взглянуть в лицо ребенка. А между тем я знаю, что все не так уж безоблачно.

*

Мои произведения. Окончить книгой о сотворенном мире: «Исправленное творение».

*

Если произведение, рожденное бунтом, вмещает в себя совокупность человеческих устремлений, оно не может не быть идеалистическим(?). В таком случае чистейший продукт бунтарского творчества — это роман о любви, которая...

*

Эта поразительная путаница, приводящая к тому, что поэзию нам выдают за духовные упражнения, а роман — за результат аскезы.

*

Роман. Все типы отношения одного и того же человека к деянию или смерти. Причем всякое отношение подается как единственно правильное.

*

«Чума». Невозможно наслаждаться криками птиц и вечерней прохладой — миром, как он есть. Ибо он покрылся нынче толщей истории, сквозь которую пробивается к нам его речь. Это его искажает. Он утрачивает самоценность, ибо с каждой его деталью связывается целая вереница образов смерти или отчаяния. Ни одно утро не обходится без агонии, вечер — без тюрьмы, полдень — без ужасающей резни.

*

Мемуары палача: «Я чередую мягкость с жестокостью. Психологически это очень полезно».

«Чума». Субъект, который размышляет, участвовать ли ему в работе санитарных отрядов или поберечь себя для великой любви. Плодовитость! Где она?

То же. После наступления комендантского часа город обращается в камень.

То же. Их смущала ненадежность. Всякий день, всякий час, без передышки, в положении загнанного зверя, не уверенные в завтрашнем дне.

То же. Я стараюсь быть всегда наготове. Но днем или ночью всегда наступает такой час, когда человеком овладевает страх. Этого-то часа я и боюсь.

То же. Лагерь-изолятор. «Я знал, что это такое. Обо мне забудут, я в этом не сомневаюсь. Те, кто меня не знают, забудут потому, что им не до меня, а те, кто меня знают и любят, забудут потому, что выбьются из сил в поисках способа вытащить меня оттуда. Во всяком случае, никто не станет думать обо мне. Никто не станет представлять себе мою жизнь минута за минутой, и проч., и проч.».

(Послать туда Рамбера.)

То же. Санитарные отряды, или искупители. Все члены санитарных отрядов печальны.

То же. «Именно на этой террасе доктору Ризе пришлось в голову написать хронику событий, где ясно выразилась бы его близость с этими людьми. И этот рассказ, который теперь подходит к концу... и проч.»

То же. Во время чумы человеческое тело не живет, оно истощается.

То же. Начало: доктор провожает жену на вокзал. Но он вынужден потребовать закрыть город.

*

«Бытие и ничто» (с.135—136). Странная ошибка в суждении о наших жизнях, потому что мы пытаемся взглянуть на них извне.

*

Если тело тоскует о душе, нет оснований считать, что в вечной жизни душа не страдает от разлуки с телом — и, следовательно, не мечтает о возвращении на землю.

*

Мы пишем в минуты отчаяния. Но что такое отчаяние?

*

На любви ничего нельзя построить: она — бегство, боль, минуты восторга или стремительное падение. Но она не...

*

Париж, или самая видимость чувствительности.

*

Новеллы. В разгар Революции некто обещает сохранить жизнь своим противникам. После этого члены его партии приговаривают их к смерти. Он устраивает им побег.

То же. Священник под пыткой совершает предательство.

То же. Цианистый калий. Он решает не принимать яд, чтобы проверить, сможет ли он выдержать все до конца.

То же. Тип, который внезапно переходит к пассивной обороне. Он помогает пострадавшим. Но он не снял наруканной повязки. Его расстреливают.

То же. Трус.

*

«Чума». После окончания эпидемии он впервые слышит, как падают на землю дождевые капли.

То же. Поскольку ему скоро предстояло умереть, он должен был срочно убедиться, что жизнь бессмысленна. Он так думал до настоящего времени, пусть же это по крайней мере пригодится в трудную минуту. Неужели как раз тогда, когда ему так необходима поддержка, он встретит улыбку на лице, всегда хранившем суровость.

То же. Тип, которого кладут в больницу по ошибке. Это ошибка, говорит он. Какая ошибка? Не морочьте голову, ошибок не бывает.

То же. Медицина и Религия: два ремесла, которые на первый взгляд вполне сочетаются друг с другом. Но сегодня, когда все разъясняется, становится понятно, что они несовместимы — и что следует выбрать что-то одно: либо относительное, либо абсолютное. «Если бы я верил в Бога, я не стал бы лечить людей. Если бы я думал, что людей можно вылечить, я не стал бы верить в Бога».

Справедливость: понять, что такое справедливость, помогает спорт.

*

«Чума». Субъект, который философски воспринимает чужие болезни. Но если заболел его лучший друг, он всех поднимает на ноги. Следовательно, солидарность в борьбе — пустой звук, побеждают личные привязанности.

Хроника Тарру: бокс — Тарру завязывает дружбу с боксером. Тайные поединки — футбол — суд.

Этот превосходный утренний час, когда после превосходного легкого завтрака выходишь на улицу и закуриваешь сигарету. В жизни еще остались превосходные минуты.

Тарру: «Забавно, у вас мрачная философия и счастливое лицо». Следовательно, моя философия не мрачна.

В середине все герои попадают в один санитарный отряд. Глава о великом единении.

Воскресное времяпрепровождение футболиста, который больше не может играть; познакомить его с Тарру: Этьенн Виллаплан, с тех пор, как футбольные матчи запретили, скучает по воскресеньям. Как он проводил воскресенья раньше. И как проводит теперь: слоняется по улицам, поддевает ногой камни, стараясь забросить их прямо в водосточные люки («Один — ноль», — говорит он. И добавляет, что дело дрянь). Он вмешивается в игры детей, если те гоняют мяч. Выплевывает окурки и подкидывает их ногой (в начале, разумеется. Под конец он стал беречь окурки).

Риэ и Тарру.

Риэ: Судя по тому, что вы пишете, можно подумать, что людям уже ничем не поможешь.

— Да нет, — говорит Тарру, — это только кажется.

В. Все, чему она может дать определение, кажется ей отвлеченным. Она говорит: «Это мерзко. Это борьба полов». Меж тем борьба полов существует, и с этим ничего не поделаешь.

*

Человек, требующий, чтобы *другой* делал все за него, и, следовательно, существующий пассивно, начинает действовать, и притом весьма энергично, только когда нужно убедить другого по-прежнему всем жертвовать и все делать.

*

Эссе о Бунте: «Все бунтари, однако, действуют так, словно верят в окончание истории. Противоречие заключается...»

То же. О свободе мечтают немногие. О справедливости гораздо большее число людей, а самая большая часть даже путает справедливость со свободой. Но спрашивается: равна ли абсолютная справедливость абсолютному счастью? Постепенно перед людьми встает необходимость чем-то пожертвовать: либо свободой ради справедливости, либо справедливостью ради свободы. Художнику же приходится в определенных обстоятельствах делать выбор между своим искусством и счастьем человечества.

Может ли человек сам создать свои ценности? Вот в чем вопрос.

Вы благоразумны? Но я никогда не отказывал человеку в рассудительности. Я хочу только одного — отнять у него иллюзорное будущее и заставить признать, что без иллюзий существование его делается наконец ясным и цельным.

То же. Жертва, которая утверждает ценность. Но и эгоистическое самоубийство тоже: возвеличивает ценность, которая для самоубийцы важнее, чем его собственная жизнь, — а именно ощущение, что существует благородная и счастливая жизнь, которой он был лишен.

*

Считать героизм и храбрость второстепенными ценностями — *после того, как ты доказал свою храбрость.*

*

Роман об отложенном самоубийстве. Отложил на год — его потрясающая гордость тем, что смерть ему безразлична.

Связать это с романом о любви?

*

Бессмысленность жертвы: субъект, умирающий за что-то, *чего он не увидит.*

*

Я потратил десять лет, чтобы завоевать то, что кажется мне бесценным: сердце, не знающее горечи. И, как это часто бывает, преодолев горечь, я выплеснул ее в нескольких книгах. Следовательно, обо мне всегда будут судить по этой горечи, которой я уже не испытываю. Но это справедливо. Это плата за освобождение от нее.

*

Страшный и ненасытный эгоизм художников.

*

Любовь можно сохранить лишь по причинам, не имеющим отношения к любви. Например, по причинам морального порядка.

*

Роман. Что означает для нее любовь: эта пустота внутри, это легкое посасывание под ложечкой с тех пор, как они узнали друг друга, этот клич влюбленных, громко зовущих друг друга по имени.

*

Невозможно быть ангажированным во всем. Однако позволительно выбрать тот вид существования, где быть

ангажированным возможно. Существовать достойно — и только так. Подчас это заставляет отвернуться от людей даже (и в первую очередь) сердца, страстно любящие людей.

Как бы там ни было, это всегда мучительно. Но что это доказывает? Что тот, кто *всерьез* приступает к решению нравственной проблемы, неизбежно впадает в крайность. Можно быть за (Паскаль) или против (Ницше), главное — чтобы это было *всерьез*, и тогда становится ясно, что нравственная проблема — не что иное, как кровь, безумие и вопль.

*

Бунт. Глава I. Нравственность существует. Безнравственно христианство. Определение нравственности в противовес интеллектуальному рационализму и божественному иррационализму.

Глава X. Заговор как нравственная ценность.

*

Роман.

Та, которая все упустила по рассеянности: «А ведь я любила его всей душой».

— Значит, — говорит священник, — этого было недостаточно.

*

Воскресенье 24 сентября 1944 года. Письмо.

Роман: «Ночь признаний, слез и поцелуев. Постель, влажная от слез, пота и любви. Предел надрыва».

*

Роман. Прекрасное существо. И ему все прощается.

*

Те, кто любят всех женщин, движутся к абстракции. Вопреки очевидности, они воспаряют над миром. Ибо им неинтересны частности, отдельные случаи. Человек, чуждающийся всякой идеи и всякой абстракции, истинно от-

чаявшийся, предан одной женщине. Из упрямства он хранит верность этому единственному лицу, хотя оно и не может удовлетворить всех его притязаний.

*

Декабрь. Сердце полно мрака и печали.

*

«Чума». Находясь в разлуке, они переписываются, и он находит верный тон и сберегает свою любовь. Победа языка и умения писать.

*

Оправдание искусства: настоящее произведение искусства помогает быть искренним, укрепляет сообщество людей и проч.

*

Я не верю в безнадежные поступки. Я верю только в поступки обоснованные. *Но* я думаю, что обосновать поступок не так уж трудно.

*

Против тоталитаризма можно возражать только с позиций религии или морали. Если этот мир бессмыслен, они правы. Я не могу признать их правоту. Значит...

Это мы создаем Бога. А не он нас. Вот вся история христианства. Ибо у нас нет иного способа создать Бога, кроме как стать им.

*

Роман о Справедливости.

В конце. Бедная и больная мать:

— Я спокойна за тебя, Жан. Ты умница.

— Нет, мама, это не так. Я часто ошибался и не всегда был справедлив. Пожалуй, только одно...

— Конечно.

— Только одно: я ни разу не предал вас. Всю жизнь я хранил вам верность.

— Ты хороший сын, Жан. Я знаю, ты очень хороший сын.

— Спасибо, мама.

— Нет, это я говорю тебе спасибо. Будь таким всегда.

*

Человек не станет свободным, пока не преодолеет страха смерти. Но не с помощью самоубийства. Нельзя преодолеть, славшись. Суметь умереть, глядя смерти в глаза, без горечи.

*

Героизм и святость, второстепенные добродетели. Но нужно доказать, что ты ими обладаешь.

*

Роман о справедливости. Мятежник совершает поступок, зная, что в ответ на него будут убиты невинные заложники... А позже подписывает приказ о помиловании писателя, которого презирает.

*

Репутация. Ее создают вам посредственности, и вы делите ее с посредственностями и негодьями.

*

Помилование?

Мы должны служить справедливости, потому что существование наше устроено несправедливо, должны умножать, возвращать счастье и радость, потому что мир наш несчастен. Сходным образом, мы не должны приговаривать к смерти, раз уж мы сами приговорены к ней.

Врач, враг Бога: он борется со смертью.

*

«Чума». Риэ говорит, что был врагом Бога, потому что боролся со смертью, и что быть врагом Бога его ремесло.

Он говорит еще, что, пытаясь спасти Панлу, он одновременно хотел доказать священнику, что тот не прав и что, соглашаясь быть спасенным, он признает, что может оказаться неправым. Панлу отвечал ему только одно: что в конце концов он окажется прав, ибо, без сомнения, умрет, а Риэ возразил на это: главное — не смиряться и бороться до конца.

*

Смысл моего творчества: такое множество людей лишены благодати. Как жить без благодати? Нужно приложить усилия и сделать то, чего никогда не делало христианство: заняться проклятыми.

*

Классицизм — это подавление страстей. В великие эпохи страсти были индивидуальными. Сегодня они коллективны. Нужно подавлять коллективные страсти, точнее, придавать им форму. Но они истощают того, кем овладевают. Вот почему большая часть современных книг — репортажи, а не произведения искусства.

Ответ: если нельзя сделать все разом, надо от всего отказаться. Что это значит? Сегодня нам нужно больше силы и воли, чем прежде. Мы добьемся своего. Грядущий великий классик будет победителем, не имеющим равных.

*

Роман о Справедливости.

Тип, который был под судом или под подозрением, а после (во имя единения) переходит на сторону революционеров (Комм.) и ему сразу же дают задание, посылая его на верную смерть. Он соглашается выполнить задание, потому что таков порядок. И гибнет.

То же. Тип, который искренне проповедует единомыслие. Его бесконечное одиночество в финале.

То же. Мы убиваем самых дерзких из них. Они убили самых дерзких из нас. Остаются чиновники и подонки. Вот что значит иметь убеждения.

*

«Чума». Глава об усталости.

*

Бунт. Свобода — это право не лгать. Это верно и в социальном плане (подчиненный и начальник), и в плане нравственном.

*

Исправленное творение. История отложенного самоубийства.

*

»Чума«. «Вещи, стонущие в разлуке».

*

Этот тип (инспектор Национальной службы железных дорог) живет только железными дорогами.

Чиновник НСЖД живет на пленкообразной поверхности материи.

*

Кузен М.В. Он собирает воздушные шары (воздушные шары из фарфора, воздушные шары на трубках, пресс-папье, чернильницах и проч.).

*

Вселенский роман. Танк, который разворачивается и ползет как сороконожка.

*

Боб идет в наступление летом, на равнине. Его каска покрыта ботвой дикой редьки и сорной травой.

Исправленное творение.

Танк, который разворачивается и отбивается как сороконожка.

Боб летом, на нормандской равнине. Его каска покрыта сорной травой и ботвой дикой редьки.

Ср. в «Таймс» доклад английской комиссии о зверствах.

Испанский журналист де Сузи (достать его текст) — дети со смехом показывают ему трупы.

Целый час — острый нож в сердце.

Весь день разговоры о том, будут ли вечером давать молочный суп, от которого ночью приходится несколько раз бегать на двор. О том, что ватерклозеты в ста метрах от барака, что ночью холодно и проч.

Женщины из лагеря, попав в Швейцарию, хохочут при виде похорон: «Вот как здесь обходятся с покойниками».

Жаклина.

Два четырнадцатилетних мальчика-поляка, которых заставили сжечь дом, где были их родители. С четырнадцати до семнадцати лет в Бухенвальде.

Консьержка гестапо, занимающего два этажа в доме на улице Помп. Утром она убирает комнаты, где пытаются. «Я никогда не вмешиваюсь в дела моих жильцов».

Жаклина возвращается из Кенигсберга в Равенсбрюк — сто километров пешком. В большой палатке, разделенной подпорками на четыре отсека. Женщин столько, что они вынуждены спать прямо на земле, тесно прижавшись одна к другой. Дизентерия. Ватерклозеты в сотне метров. Но приходится перешагивать через тела и наступать на них. Привыкают и к этому.

Всемирный аспект диалога политики и морали. Против этого конгломерата огромных сил — (нрзб.). Синтес.

Х. — заключенная, вышла на свободу с татуировкой: в течение года служила в лагере СС в...

Доказательство. Что абстракция — зло. Она порождает войны, пытки, жестокость и проч. Спрашивается: как люди сохраняют абстрактный подход перед лицом физического зла — идеологию перед лицом пытки, производимой во имя этой же идеологии.

*

Христианство. Вы были бы жестоко наказаны, если бы мы приняли ваши постулаты. Ибо в этом случае мы бы не знали жалости.

*

Сад. Вскрытие произведено Галлем: «Череп, подобный всем старческим черепам. Шишки отцовской нежности и любви к детям развиты сверх меры».

Сад о г-же де Лафайет: «Изъясняясь более лаконично, она становится более трогательной».

Преклонение Сада перед Руссо и Ричардсоном, которые научили его, «что не только торжество добродетели может тронуть читателя».

То же. «Познать человеческое сердце» можно только в несчастье и в путешествиях.

То же. Человек XVIII века: «Когда, по примеру Титанов, он осмеливается поднять свою дерзкую руку на само небо и, вооруженный страстями, не страшится объявить войну тем, перед кем трепетал».

*

Бунт. В конечном счете политика порождает партии, которые препятствуют общению (содружеству).

*

— И само творение. Что делать? У бунтаря *меньше всего шансов* устранить сообщников. Но они будут устранены.

*

Глубокое отвращение ко всякому обществу. Соблазн спастись бегством и смириться с упадком своей эпохи. Одиночество приносит мне счастье. Но одновременно и ощущение, что упадок начинается с той минуты, когда ты с ним смиряешься. И приходится оставаться — чтобы человек оставался на должной высоте, чтобы не способствовать его падению. Однако отвращение, отвращение до тошноты. вызываемое этой людской разобщенностью.

*

Общение. Сковывает человека, потому что он не может выйти за границы известного ему круга лиц. Все остальное для него абстракция. Человек *должен жить* в границах, определенных плотью.

*

Сердце стареет. Любить и при этом ничего не уберечь!

*

Искушение второстепенными и повседневными делами.

*

К. и П.Г.: страсть к правде. Вокруг них весь мир распят.

*

Мы, французы, находимся нынче в авангарде цивилизации: мы разучились приносить смерть.
Мы свидетельствуем против Бога.

*

Июль 45-го г.

Шатобриан Амперу, в 1841 г. отправившемуся в Грецию: «Прощайтесь за меня с горой Гимет, где я оставил пчел, с мысом Суниум, где я слышал кузнечиков... Мне скоро придется отказаться от всего. Пока я еще блуждаю среди своих воспоминаний, но вскоре они сотрутся из памяти... Вы не найдете в Аттике ни одного оливкового листка, ни одной виноградной косточки из тех, что видел там я. Мне жаль каждой былинки тех лет. У меня не хватило сил продлить жизнь даже кустику вереска».

*

Бунт.

В конечном счете я выбираю свободу. Ибо благодаря свободе человек, даже не добившись торжества справед-

ливости, сохраняет право протестовать против несправедливости и поддерживает связь между людьми. Справедливость в безмолвном мире, справедливость в мире немых разрушает содружество, отрицает бунт и восстанавливает согласие, но на этот раз в самой низменной форме. Вот когда становится очевидным главенство, которое постепенно завоевывает понятие свободы. Но самое трудное заключается в том, чтобы все время помнить: свобода обязана *одновременно* требовать справедливости, как уже было сказано. В таком случае можно признать и существование справедливости, хотя и совсем иной, которая должна послужить основой единственной незыблемой ценности в истории людей, испокон веков умиравших достойно только за свободу.

Свобода — это возможность защищать то, во что я не верю, даже в государстве или мире, который я принимаю. Это возможность оправдать противника.

*

«Кающийся человек велик. Но кто согласился бы сегодня на величие в безвестности?» («Жизнь Рансе»)

*

Каким человеком я стал бы, если бы не был таким ребенком!

*

Из неопубликованных вещей III.

«Никогда не испытывал я в объятиях женщины того полного слияния, той двойной близости, того пыла страсти, которых искал и которые стоят всей жизни».

«Бывают эпохи, когда характеры так вялы, что пороки рождают не преступления, но лишь развращенность».

То же. «Без страсти не было бы добродетели, а между тем нынешняя эпоха так жалка, что не имеет ни страсти, ни добродетели; она вершит зло и добро бесстрастно, как материя».

«Имея возвышенный ум и подлое сердце, люди пишут великие вещи и совершают мелкие поступки».

*

Роман. «Я отдал дань людям. Иными словами, я лгал и жаждал вместе с ними. Я метался от одного к другому, я делал то, что нужно. С меня довольно. Я в долгу перед этим пейзажем. Я хочу остаться с ним наедине».

*

30 июля 45-го г.

В тридцать лет человек должен держать себя в руках, иметь точный счет своим недостаткам и достоинствам, знать свой предел, предвидеть свое поражение — быть тем, кто он есть. А главное, все принимать. Мы входим в область положительного. Нужно все совершить и от всего отказаться. Стать естественным, не снимая маски. Я испытал достаточно много, чтобы суметь почти от всего отказаться. Остается совершить громадное усилие, каждодневное, упорное. Усилие тайное, без надежды, но и без горечи. Больше ничего не отрицать, потому что есть возможность все утверждать. Быть выше боли.

ТЕТРАДЬ № V
СЕНТЯБРЬ 1945 ГОДА — АПРЕЛЬ 1948 ГОДА.

Главный вопрос в наши дни: можно ли изменить мир, не веря в абсолютное могущество разума? Несмотря на рационалистические, в том числе и марксистские, иллюзии, вся история мира — история свободы. Разве можно подчинить детерминизму пути свободы? Без сомнения, неверно утверждать, что то, что детерминировано, мертво. Но детерминированным может быть лишь то, что уже прожито. Сам Бог, если бы он существовал, не мог бы изменить прошлое. Но будущее принадлежит ему не больше и не меньше, чем человеку.

*

Политические антиномии. Мы живем в мире, где необходимо выбирать, кем быть, жертвой или палачом — третьего не дано. Выбор не из легких. Мне всегда казалось, что, в сущности, палачей не существует, все люди — жертвы. В конечном счете, разумеется. Но мало кто разделяет это мнение.

Я страстно люблю свободу. А для всякого интеллектуала свобода в конце концов сводится к свободе выражения. Но я прекрасно отдаю себе отчет в том, что очень многих европейцев свобода волнует мало, ибо только справедливость может дать им тот минимум материального благополучия, в котором они нуждаются, и правы они или нет, но они охотно пожертвовали бы свободой ради этой элементарной справедливости.

Я знаю это уже давно. Если я считал необходимым отстаивать союз справедливости и свободы, то лишь оттого, что видел в этом последнюю надежду Запада. Но этот союз может осуществиться лишь при определенных условиях, которые нынче представляются мне едва ли не уто-

пическими. Значит, придется пожертвовать одной из этих ценностей? Какую же из них выбрать?

*

Политика (продолжение). Все дело в том, что людям, выступающим от имени народа, свобода всегда была глубоко безразлична. Когда они пускаются в откровенности, то даже хвастают этим. А ведь довольно было бы простого безразличия...

Следовательно, одиночки — а их очень мало, — которых это положение тревожит, должны рано или поздно погибнуть (есть разные варианты гибели во имя свободы). Если натура у них благородная, они не сдадутся без боя. Но как бороться против своих братьев, против справедливости? Говорить правду, вот и все. И спустя два тысячелетия мы снова станем свидетелями жертвенной гибели Сократа, повторенной многократно. Программа на завтра: торжественное и знаменательное предание смерти людей, говорящих правду о свободе.

*

Бунт: творить, дабы воссоединиться с людьми? Но по-немногу творчество отлучает нас от них и отбрасывает вдаль, не оставив и тени любви.

*

Люди всегда полагают, что самоубийцы кончают с собой по какой-то одной причине. Но ведь можно покончить с собой и по *двум* причинам.

*

Мы не рождены для свободы. Но и детерминизм — заблуждение.

*

Чем могло бы быть (Что есть) для меня бессмертие? Жизнь до тех пор, пока на земле останется хоть один человек. Ничего больше.

Х. Это странное существо никогда ничего не говорит толком, но тут нет ничего похожего на легкомыслие. Она говорит, а затем опровергает себя или охотно признает, что не права. Все оттого, что она уверена: это не имеет значения. Она не думает всерьез о том, что говорит, ибо мысли ее заняты другой, гораздо более горькой обидой, которую она будет втайне носить в душе до самой смерти.

Эстетика бунта. Если для классицизма главное — подавление страстей, то классическая эпоха — та эпоха, искусство которой отливает в формы и формулы страсти современников. Сегодня, когда коллективные страсти возобладали над индивидуальными, место любви заняла политика в ее чистейшем виде. Человек проникся страстью, созидательной либо разрушительной, к собственному уделу.

Но насколько усложняется задача — 1) оттого, что, прежде чем вывести формулу страсти, ее надо пережить, а коллективная страсть поглощает все время художника; 2) оттого, что теперь художнику гораздо чаще грозит гибель, более того, единственный способ по-настоящему проникнуться коллективной страстью — пойти за нее на смерть. Таким образом, чем больше у художника шансов достичь неподдельности переживания, тем больше у искусства шансов потерпеть поражение. Следовательно, новый классицизм, скорее всего, невозможен. Вероятно, смысл человеческого бунта в том и заключается, чтобы дойти до этого предела. В таком случае выходит, что Гегель прав и история конечна, но конец ее — в поражении. А это означало бы, что Гегель прав не во всем. Но если, как нам кажется, этот классицизм возможен, то очевидно, что его может создать не одиночка — но лишь целое поколение. Иначе говоря, шансу потерпеть поражение, о котором я говорю, можно противопоставить только вероятность больших чисел, то есть шанс, что из десяти настоящих художников один уцелеет и сумеет найти в своей жизни время и для страстей, и для творчества. Художник больше не может быть отшельником. А если он становится им, то лишь благодаря победе, которой он обязан целому поколению.

*

Октябрь 45-го г.

Эстетика бунта.

Человек не способен отчаяться полностью. Вывод: вся литература отчаяния — лишь крайний и не самый показательный случай. Замечательно в человеке не то, что он приходит в отчаяние, но то, что он это отчаяние преодолевает или забывает. — Литература отчаяния никогда не станет вселенской. Вселенская литература не может исчерпываться отчаянием (как, впрочем, и оптимизмом — достаточно вывернуть приведенное выше рассуждение наизнанку), она должна лишь принимать его в расчет. Добавить: причины, по которым литература является или не является вселенской.

*

Эстетика бунта. Высокий стиль и прекрасная форма, выражение самого непримиримого бунтарства.

*

Исправленное творение.

«Люди вроде меня не боятся смерти, — говорит он. — Она случайность, доказывающая их правоту».

*

Почему я художник, а не философ? Потому что я мыслю словами, а не идеями.

*

Эстетики бунта.

Э. М. Форстер: «(Произведение искусства) — единственный материальный предмет в мире, наделенный внутренней гармонией. Все остальные обязаны своей формой внешнему давлению и распадаются, лишившись подпорок. Произведение искусства существует самостоятельно, а все остальные на это не способны. Оно осуществляет то, что общество часто сулило, но еще ни разу не выполнило».

«...Оно (искусство) — единственный упорядоченный продукт, который породило наше беспорядочное племя. Этот крик тысячи часовых, эхо тысячи лабиринтов, маяк, который невозможно погасить, это лучшее доказательство нашего достоинства».

*

То же. Шелли: «Поэты — непризнанные законодатели мира».

*

Трагедия.

С. и Л.: Меня привело к тебе особое обстоятельство. Итак, я посылаю тебя на смерть.

— Все они правы, — восклицает один из героев.

С.: Я посылаю тебя на верную смерть. Но я требую, чтобы ты понял меня.

Л.: Я не могу понять бесчеловечности.

С.: Значит, мне придется отказаться еще и от надежды быть понятым теми, кого я люблю.

С.: Я не верю в свободу. В этом моя человеческая мука. Сегодня свобода стесняет меня.

Л.: Почему?

С.: Она мешает установлению справедливости.

— Я убежден, что они не противоречат друг другу.

— История показывает, что убеждение твое ложно. Я уверен, что примирить их нельзя. В этом моя человеческая мудрость.

— Но почему ты выбираешь справедливость, а не свободу?

— Потому что я хочу сделать счастливыми как можно большее число людей. А свобода — это цель, заветная цель единиц.

— А если твоя справедливость окажется обманом?

— Тогда меня ждет ад, какого ты не можешь вообразить даже сегодня.

— Я скажу тебе, что произойдет (картина).

— Каждый человек ручается за то, что он полагает истиной...

— Повторяю еще раз, свобода меня стесняет. Мы должны устранить тех, кто помнит свободу.

С.: Л., ты уважаешь меня?

Л.: Какое тебе до этого дело?

С.: Ты прав, это бессмысленная слабость.

Л.: Однако именно благодаря ей я по-прежнему уважаю тебя. Прощай, С. ... У таких людей, как я, на лице написано, что они умирают в одиночестве. Именно так я и поступлю. Но, по правде говоря, я хотел бы сделать так, чтобы люди не умирали в одиночестве.

Л.: Переделать мир — задача незначительная.

С.: Переделать нужно не мир, а человека.

С.: Глупцы есть повсюду. Но рядом с ними, как правило, есть еще и трусы. Среди нас ты не найдешь ни одного труса.

Л.: Героизм — добродетель второстепенная.

С.: Что до тебя, то ты имеешь право так говорить, ибо показал свою храбрость. Но какова же, по-твоему, высшая добродетель?

Л. (глядя на него): Дружба. Если мир трагичен, если мы живем в муках, то не только и не столько по вине тиранов. Ты и я знаем, что существуют свобода, справедливость, глубокая и разделенная радость, наконец, единение в борьбе против тиранов. Если верх берет зло, выбора нет. Когда человек сражается с несправедливостью, он спокоен и свободен. Мучительный разлад наступает тогда, когда люди, в равной степени желающие человечеству добра, расходятся в сроках: одни требуют, чтобы добро восторжествовало немедленно, а другие через три поколения, и этого оказывается довольно, чтобы сделать их лютыми врагами. Когда обе стороны правы, мы вступаем в область трагедии. А знаешь ли ты, чем кончаются трагедии?

С.: Да, смертью.

Л.: Именно смертью. И все же я никогда не соглашусь убить тебя.

С.: Я бы согласился, если бы это было необходимо. Таковы мои убеждения. И поэтому я считаю, что ты заблуждаешься.

Л.: А я считаю, что заблуждаешься ты.

С.: Я выгляжу победителем, потому что жив. Но я, как и вы, блуждаю во тьме, не имея другой опоры, кроме моей человеческой воли.

Конец. Приносят тело Л. Один из партизан говорит о нем неуважительно. Пауза. С.: «Этот человек пал смертью храбрых за наше дело. Мы почтим его память и отмстим за него».

С.: Вглядитесь [нрзб]. Вглядитесь в эту ночь. Она огромна. Ее безмолвные светила плывут над отвратительными человеческими бойнями. Тысячелетиями вы поклонялись этому небу, упорно хранившему молчание, вы считали, что ваша жалкая любовь, ваши желания и страхи — ничто в сравнении с Божеством. Вы верили в ваше одиночество. Неужели сегодня, когда от вас требуют той же жертвы, но на этот раз во имя человека, вы откажетесь?

С.: Не считайте меня человеком, чья душа совершенно слепа.

Л. возвращается раненный.

С.: Нужно было все-таки прорваться.

Л.: Это было невозможно.

С.: Раз ты сумел вернуться, значит, сумел бы и пройти.

Л.: Это было невозможно.

С.: Почему?

Л.: Потому что я умираю.

Х.: Вам туда идти не следует.

С.: Командир здесь я, и решать мне.

Х.: В том-то и дело, что вы нужны нам. Мы здесь не для того, чтобы делать красивые жесты, а для того, чтобы побеждать. А победа зависит от хорошего командира.

С.: Верно, Х. Но мне не по душе истины, которые оборачиваются к моей выгоде. Поэтому я пойду.

Ф.: Но кто же прав?

Лейт[енант].: Тот, кто выжил.

Входит человек.

— Он тоже умер.

Ах, нет, нет! Я-то знаю, кто был прав. Это он, да, он, тот, кто мечтал о единении.

*

Бунт.

Коллективные страсти оттесняют страсти индивидуальные. Люди разучились любить. Судьба человечества волнует их больше, чем судьбы отдельных личностей.

*

Свобода — последняя из индивидуальных страстей. Вот почему сегодня она безнравственна. Безнравственна в обществе, а строго говоря, и сама по себе.

*

Философия — современная форма бесстыдства.

*

Когда мне исполнилось тридцать лет, ко мне, как говорится, в один прекрасный день пришла слава. Я не жалею об этом. Позже меня это, пожалуй, лишило бы покоя. Теперь я знаю, что такое слава. Пустяк.

*

Тридцать статей. Похвалы так же неоправданны, как и порицания. Справедливых или взволнованных откликов один-два, не больше. Слава! В лучшем случае — недоразумение. Но я не стану делать вид, что высокомерно презираю ее. Она такой же знак, подаваемый людьми, как и их равнодушие, дружба, ненависть. В конечном счете, какое мне до всего этого дело? Тому, кто сумел разобраться в этом недоразумении, оно приносит свободу. Мое тщеславие, если оно у меня есть, связано с совсем другими вещами.

*

Ноябрь — 32 года.

Самая естественная склонность человека — губить себя и вместе с собою весь мир. Сколько непомерных усилий, чтобы остаться просто нормальным! А насколько большие усилия требуются тому, кто вознамерился овла-

деть самим собою и сферою духа. Сам по себе человек ничто. Он всего лишь бесконечная возможность. Но он несет бесконечную ответственность за эту возможность. Сам по себе человек мягок, как воск. Но стоит его воле, его совести, его авантюрному духу взять верх, и возможность начинает расти. Никто не вправе сказать, что достиг предела человеческих возможностей. Последние пять лет убедили меня в этом. От зверя до мученика, от духа зла до готовности к безнадежному самопожертвованию — все было явлено нам, надрывая душу. Каждому из нас полезно использовать свою самую большую возможность, свою высшую добродетель. В тот день, когда выяснится, на что способен человек, встанет вопрос о Боге. Но не раньше, ни в коем случае не раньше того дня, когда возможность будет исчерпана до конца. Великие деяния преследуют единственную цель — умножить творческие силы человека. *Но прежде всего нужно научиться владеть собой.*

*

Трагедия — не выход.

*

Парен. Бог не создал себя сам. Он порождение человеческой гордыни.

Понять — значит сотворить.

*

Бунт. Если человек не способен примирить справедливость и свободу, значит, он не способен ни на что. Тогда получается, что права религия? Нет, если он согласен на приблизительность.

*

Чтобы в уделе человеческом произошла еле заметная перемена, должны пролиться моря крови и истечь столетия истории. Таков закон. Годами головы слетают с плеч одна за другой, царит Террор, народ славит Революцию, и в результате на смену легитимной монархии приходит монархия конституционная.

*

Все молодые годы я прожил с сознанием собственной невинности, иными словами, совсем несознательно. А сегодня...

*

Я не создан для политики, ибо не способен ни желать смерти противника, ни смириться с ней.

*

Я могу творить только ценою постоянного усилия. Сам по себе я скатываюсь к неподвижности. Самая глубинная и неотъемлемая моя склонность — молчать и действовать по привычке. Чтобы избавиться от рассеянности, от автоматизма, мне понадобились годы упорного труда. Но я знаю, что стою на ногах исключительно благодаря своим усилиям, а перестав в это верить хоть на секунду, скачусь в пропасть. Благодаря этому я и не поддаюсь болезни и унынию, изо всех сил стараясь не склонять головы, чтобы дышать и побеждать. Таков мой способ предаваться отчаянию и излечиваться от него.

*

Наше призвание: созидать всеобщее или по крайней мере всеобщие ценности. Вернуть человеку его кафоличность.

*

Исторический материализм, абсолютный детерминизм, отрицание всякой свободы, этот ужасный мир отваги и безмолвия, все это законнейшие следствия философии, отрицающей Бога. В этом Парен прав. Если Бога нет, ничто не дозволено. В этом отношении все преимущества на стороне христианства. Потому что обожевлению истории оно всегда будет противопоставлять сотворение истории: столкнувшись с экзистенциальной ситуацией, оно обратится к ее происхождению и т.д. Но в основе ответов, которые оно дает, не разум, а мифология, мифология же требует веры.

Что избрать? Какой-то голос подсказывает мне, убеждает меня, что я не смогу порвать со своей эпохой, не совершив подлости, не признав себя рабом, не отрекшись от моей матери и моей правды. Я мог бы сделать это, мог бы связать себя обязательством чистосердечным, но не абсолютным, лишь если бы был христианином. Не будучи им, я обязан идти до конца. Но идти до конца — значит избрать историю во всей ее полноте, а с нею убийство человека, раз уж без убийства человека истории не бывает. В противном случае я — всего лишь свидетель. Вот в чем вопрос: могу ли я быть только свидетелем? Иначе говоря: имею ли я право быть только художником? Я не могу в это поверить. Если я не совершаю выбора, мне нужно молчать и признать себя рабом. Если я совершаю выбор, идя и против Бога, и против истории, я становлюсь свидетелем, который дает показания в пользу чистой свободы и которого история обрекает на гибель¹. Сегодня мой удел — молчание или смерть. Если я решу сделать над собой усилие и поверить в историю, моим уделом станут ложь или убийство. Остается еще один путь — религия. Я понимаю тех, кто предается ей слепо, дабы избежать этого безумия, этой нестерпимой боли (да, поистине нестерпимой). Но я не могу этого сделать.

Вывод: имею ли я право, оставаясь художником, все еще приверженным свободе, пользоваться преимуществами, которые дает эта профессия, — такими, как деньги, известность? Ответить мне было бы несложно. Бедность позволяла и всегда позволит мне, если я виновен, по крайней мере не стыдиться своей вины и не терять гордости. Но должен ли я обречь на бедность моих детей, отказать им даже в том весьма скромном достатке, который я им обеспечиваю? И верно ли я поступил, взяв на себя в этих условиях самые простые человеческие обязанности и тяготы, например, став отцом? Если идти до конца, имеем ли мы право рожать детей, совершать то, что предписывает человеческий удел², если не верим в Бога (добавить промежуточные рассуждения)?

---

¹ Или на необходимость плутовать и жить, извлекая материальные преимущества из положения баловня художника.

² Да и совершал ли я все это по-настоящему, я, действовавший с таким отвращением и такой неохотой? Разве сердце, скупое на верность, может избежать этого противоречия?

Как легко стало бы мне, если бы я поддался ужасу и отвращению, которые внушает мне этот мир, если бы я еще мог поверить, что призвание человека — творить счастье! По крайней мере молчать, молчать, молчать до тех пор, пока я не почувствую право...

*

Исправленное творение.

Во время оккупации: сборщики лошадиного навоза. Сады в предместьях.

Сент-Этьенн-Дюньер: Рабочие в одном купе с немецкими солдатами. Пропал штык. Солдаты не выпускают рабочих из купе до самого Сент-Этьенна. Верзила, которому нужно было сойти в Фирмини, злится до слез. На лице — печать усталости и, что еще мучительнее, унижения.

*

Нас заставляют выбирать между Богом и историей. Отсюда это непреодолимое желание выбрать землю, мир и деревья, хотя я и знаю наверняка, что человеческое существование не исчерпывается историей.

*

Всякая философия — самооправдание. Оригинальной была бы только философия, оправдывающая другого человека.

*

Против ангажированной литературы. Человек *не только* общественное существо. По крайней мере он властен над своей смертью. Мы созданы, чтобы жить бок о бок с другими. Но умираем мы по-настоящему только для себя.

*

Эстетика бунта. Тибоду о Бальзаке: «Человеческая комедия» — это подражание Богу-отцу». Тема бунта, попрания законов у Бальзака.

*

80 процентов разводов у репатриированных узников. 80 процентов человеческих привязанностей не могут вынести пятилетней разлуки.

*

Тома: Э-э... о чем это я говорил? Ладно, сейчас вспомню... В общем, Рупп мне сказал: «Так вот, я менеджер боксера. И хотел бы работать еще и с художником. Так что, если хочешь...» Я-то не хотел, я люблю свободу. Но потом Рупп предложил мне перебраться в Париж. Я, конечно, согласился. Он меня кормит. Снял мне номер в гостинице. И платит за меня. А теперь заставляет работать.

*

Х. Скромная и милосердная чертовщина.

*

Трагедия о проблеме зла. Лучший из людей обречен на вечные муки, если служит только человеку.

*

«Мы любим людей не столько за добро, которое они сделали, сколько за добро, которое сделали мы им». Нет, в худшем случае мы равно любим их и за то, и за другое. И в этом нет ничего плохого. Естественно, мы признательны тому из них, который позволил нам хотя бы ненадолго сделаться лучше, чем мы есть. Так мы чтим и одобряем лучшее представление о человеке.

*

По какому праву коммунист или христианин (если ограничиться почтенными формами современной мысли) стали бы упрекать меня в пессимизме? Ведь не я изобрел земные страдания и ужас Господнего проклятия. Не я постановил, что человек не способен спастись самостоятельно и что в своем ничтожестве он может надеяться

только на милость Божию. Что же до пресловутого марксистского оптимизма, позвольте мне посмеяться над ним. Мало кто из людей зашел так далеко в недоверии к себе подобным. Марксисты не верят ни в убеждение, ни в диалог. Буржуа не превратишь в рабочего, а экономические условия исполняют в их мире роль рока, еще более страшного, чем Божественное своеволие.

А г-н Эррио и публика из «Анналов»!

Коммунисты и христиане скажут мне, что их оптимизм шире, что он возвышается над всем остальным и что в Боге или в истории — смотря по тому, кто говорит, — диалектика находит удовлетворительное завершение. Так же могу рассуждать и я. Христианство пессимистично применительно к отдельному человеку, но оптимистично применительно к судьбам человечества. Марксизм пессимистичен применительно к судьбам человечества и человеческой природе, но оптимистичен применительно к ходу истории (его противоречие!). Я же скажу о себе, что, будучи пессимистом по отношению к человеческому делу, я оптимист по отношению к человеку.

Как могут они не видеть, что никто еще не был исполнен такого доверия к человеку? Я верю в диалог, в искренность. Я верю, что они ведут к психологической революции, не имеющей себе равных, и проч., и проч. ...

*

Гегель. «Только современный город предоставляет уму почву для самоосознания». Показательно. Эпоха больших городов. От мира отрезали часть его истины, источник его постоянства и равновесия: природу, море и проч. Сознание живет только на улицах!

(Ср. Сартр. Все современные философии истории и проч.)

*

Бунт. Человек стремится к свободе, но впадает в обычное противоречие: сам убивает и дисциплину, и свободу. Революция должна смириться со своим собственным насилием или погибнуть. Следовательно, она не может остаться незапятнанной: или кровь, или расчет. Мое стремление: показать, что логика бунта отрицает кровь и расчет.

И что диалог, доведенный до абсурда, дает хотя бы один шанс остаться незапятнанным. — С помощью сострадания (страдать вместе)?

*

«Чума». «Не будем преувеличивать, — говорит Тарру. Чума существует. Нужно защищаться от нее, и мы это делаем. По правде говоря, это мало что дает и, уж во всяком случае, ничего не доказывает».

Аэродром слишком далеко от города, чтобы установить регулярное сообщение. Лишь изредка на парашютах сбрасывают посылки.

После смерти Тарру приходит телеграмма с сообщением о смерти г-жи Риэ.

Чума подражает природе. У нее есть своя весна, когда она пускает росток и бурно стремится вверх, свое лето и своя осень, и проч.

*

К Гийу: «Все беды случаются оттого, что люди не умеют говорить просто. Если бы герой «Недоразумения» сказал: «Вот. Это я, ваш сын», персонажи смогли бы вступить в диалог и не кричали бы в пустоту, как они это делают в пьесе. Трагедии бы не произошло, ибо вершина всех трагедий — глухота героев. В этом отношении правота — на стороне Сократа, а не на стороне Иисуса и Ницше. Истинный прогресс и величие — в диалоге, ведущемся на равных, а не в Евангелии — монологе, продиктованном с вершины уединенной горы. Вот мое убеждение. Единственное, что можно противопоставить абсурду, — это сообщество людей, объединившихся в борьбе против него. И если мы решаем служить этому сообществу, мы решаем служить диалогу, пусть даже доводя его до абсурда, и вести борьбу против всякой политики лжи и молчания. Это способ вести себя свободно с себе подобными».

*

Пределы. Вот что я скажу: есть тайны, которые подobaет перечислить и обдумать. И ничего больше.

*

Сен-Жюст: «Поэтому я полагаю, что нам следует действовать вдохновенно. Это не исключает ни здравого смысла, ни мудрости».

*

Для того, чтобы мысль преобразила мир, нужно, чтобы она сначала преобразила жизнь своего творца. Нужен пример.

*

Когда ей было двенадцать лет, ее взял кучер фиакра. Один раз. До семнадцати лет она помнила о чем-то грязном.

*

Исправленное творение. Еврейская пара из Вердело во время оккупации. Жуткий страх ареста. Обезумев от ужаса, она доносит на него. Потом возвращается сказать ему об этом. Когда за ними пришли, оба были уже в петле. Собака выла всю ночь, как в пошлейшем романе-фельетоне.

Исправленное творение: «Мне всегда говорили, что надо воспользоваться первой же возможностью бежать. Чем бы это ни грозило, все равно хуже не будет. Но легче остаться в заключении и ждать ужасного конца, чем бежать. Потому что в последнем случае нужно действовать самому. А в первом действуют другие».

То же. «Если хотите знать, я никогда не верил в гестапо. Потому что никогда не видел гестаповцев. Конечно, я старался держаться осторожно, но как бы вообще, на всякий случай. Время от времени кто-нибудь из приятелей исчезал. Однажды около Сен-Жермен-де-Пре я увидел двух верзил, которые били какого-то человека кулаками по лицу и заталкивали его в такси. И все молчали. Официант в кафе сказал мне: «Сидите тихо. Это они». Тут у меня родилось подозрение, что они в самом деле существуют и что однажды... Но пока только подозрение. Все дело в том, что я бы не поверил в гестапо до тех пор, пока

не получил удара ногой в живот. Так уж я устроен. Поэтому не думайте, что я такой уж большой храбрец, раз я участвую в Сопротивлении. Нет, моей заслуги тут нет, просто у меня бедное воображение».

*

Политика бунта. «Таким образом пессимистическая революция превращается в революцию счастливую».

*

Трагедия. С. Л. С.: Я прав и потому должен убить его. Я не могу останавливаться перед такой мелочью. Я исхожу из законов мира и истории.

Л.: Когда мелочью является человеческая жизнь, эта мелочь равна для меня всему миру и всей истории.

*

Истоки нынешнего безумия. Не что иное, как христианство отвратило человека от мира. Оно ограничило интересы человека им самим и его историей. Коммунизм — логическое следствие христианства. Это христианская история.

То же. После двух тысячелетий существования христианства — бунт тела. Потребовалось две тысячи лет, чтобы тело снова смогло показаться обнаженным на морском берегу. Отсюда крайности. В реальной жизни тело вновь обрело свое место. Остается помочь ему сделать то же в философии и метафизике. В этом — одна из причин нынешних конвульсий.

*

Справедливая критика абсурда Альбертом Уайльдом: «*Чувство тревоги несовместимо с чувством свободы*».

*

Греки учитывали существование божества. Но *не все исчерпывалось божеством.*

*

«Но да будет слово ваше: «да, да», «нет, нет», а что сверх этого, то от лукавого» (Матф., 5, 37).

*

Кёстлер. Крайняя доктрина: «Тот, кто сопротивляется диктатуре, должен смириться с гражданской войной как средством. Тот, кто не может согласиться на гражданскую войну, должен отказаться от сопротивления и смириться с диктатурой». Типичное «историческое» рассуждение.

*

То же. «Она (партия) отрицала свободу воли индивида — и в то же время требовала от него добровольного самоотречения. Она отрицала, что индивид имеет возможность выбирать между двумя решениями, и в то же время требовала, чтобы он постоянно выбирал решение правильное. Она отрицала, что индивид способен самостоятельно отличить добро от зла, и в то же время патетически рассуждала о вине и предательстве. Партия считала, что индивид — этот винтик часового механизма, заведенного навечно, который ничто не может ни остановить, ни разладить, — подчинен экономическому року, и при этом требовала, чтобы винтик восстал против часового механизма и изменил его ход».

Типичное «историческое» противоречие.

*

То же. «Самое сильное искушение для людей вроде нас — это возможность отказаться от насилия, покаяться, примириться с самим собой. Искушения, посланные Богом, всегда были для человечества более опасны, чем те, что посланы Сатаной».

*

Роман о любви: Джессика.

Смерть старого актера.

Утро в слякотном, заснеженном Париже. Самый старый и унылый квартал города, тот, где находятся тюрьма Санте, богадельня Святой Анны и больница Кошена. Черные, обледенелые улицы — пристанище умалишенных, больных, бедняков и обреченных. А что такое больница Кошена: казарма для нищих и убогих, где сырые грязные стены сочатся несчастьем.

Там он и умер. В конце жизни он еще играл на выходах (театральные словечки!), меняя свой единственный костюм, некогда черный, а теперь пожелтевший и совершенно истрепавшийся, на более или менее новые костюмы из театрального гардероба, которые как ни крути, а все-таки причитаются исполнителям второстепенных ролей. Ему пришлось прервать работу. Он не мог пить ничего, кроме молока, которое, впрочем, невозможно было достать. Его отвезли к Кошену, и он сказал товарищам, что ему сделают операцию и все пройдет (я помню одну фразу из его роли: «Когда я был маленьким», — а когда ему стали объяснять, каким тоном ее произносить, он возразил: «О нет, я чувствую это иначе»). Операцию ему делать не стали и выписали, сказав, что он поправился. Он даже снова стал играть маленькую комическую роль, которую исполнял прежде. Но он исхудал. Меня всегда поражало, насколько явственно определенная степень худобы, выступающие вперед скулы и обнажившиеся десны предвещают скорый конец. Только тот, кто худеет, никогда, кажется, «не отдает себе отчета». А если и «отдает отчет», то не до конца; впрочем, откуда мне знать. Я знаю только то, что вижу, а видел я, что Льесс скоро умрет.

И он в самом деле умер. Он снова ушел из театра. Вернулся в больницу. Оперировать его все равно не стали, но он умер и без операции — ночью, незаметно. А утром жена как обычно пришла его проведать. Никто из администрации не предупредил ее: они и сами ничего не знали. Жене сообщили о смерти соседи покойного. «Знаете, — сказали они, — это случилось ночью».

А сегодня утром он лежит здесь в маленьком морге, выходящем на улицу Санте. Несколько старых его товарищей пришли туда вместе со вдовой и дочерью вдовы —

падчерицей покойного. Когда я подошел к моргу, распорядитель (почему-то у него на рукаве была трехцветная повязка, как у мэра) сказал мне, что я еще успею проститься с покойным. Мне этого вовсе не хотелось, меня угнетало это грязное, промозглое утро, с которым я никак не мог сладить. Но я вошел туда. Видна была только голова. Полотно, служившее саваном, закрывало все тело до подбородка. Он еще больше исхудал. Казалось, ему уже некуда было худеть. Но тем не менее ему это удалось, и стало заметно, как он широк в кости, стало понятно, что эта большая шишковатая голова была создана для того, чтобы нести на себе тяжелый груз плоти. Плоти не было, и я увидел страшный оскал зубов. Но к чему описывать все это. Покойник есть покойник, это всем известно; пусть они все вместе уходят в землю. Но как жаль, однако, как нестерпимо жаль!

Тут люди, которые стояли у него в головах, положив руки на края гроба, и будто демонстрировали тело всем входящим, заработали. Заработали — иначе не скажешь, потому что эти неловкие наемные автоматы в грубой одежде внезапно бросились кто к савану, кто к крышке, кто к отвертке. В одну секунду крышка легла на гроб, и двое мужчин начали закручивать винты, устрашающе надавливая на них и грубо играя мускулами. «Нет уж, — казалось, говорили они, — ты отсюда не выйдешь!» Живые люди хотели отделаться поскорее — это было видно с первого взгляда. Гроб вынесли. Мы пошли следом. Вдова с дочерью сели в фургон с гробом. Мы влезли в машину, которая шла следом. Ни у кого ни единого цветочка, кругом только черный цвет.

Мы ехали на кладбище Тие. Вдова считала, что это слишком далеко, но администрация настояла на своем. Мы выехали из города через Итальянскую заставу. Никогда еще, казалось мне, небо не нависало так низко над парижскими пригородами. Мимо мелькали среди грязного снега крыши лачуг, сваи, редкие черные деревья и кусты. Проехав километров шесть, мы очутились перед монументальными воротами безобразнейшего в мире кладбища. Сторож с багровым лицом остановил погребальную процессию и потребовал входной талон. Завладев причитающимся ему добром, он сказал: «Проезжайте». Минут десять мы ехали по снежному месиву. И наконец остано-

вились позади другой процессии. От могил нас отделял заснеженный склон. Из снега косо торчали два креста: один, судя по надписи, для Льесса, а другой — для одиннадцатилетней девочки. Люди, стоявшие впереди нас, хоронили девочку. Но они уже снова влезали в свой фургон. Тот тронулся с места, и мы смогли продвинуться еще на несколько метров. Потом мы вышли из машины. Высокие мужчины в синих куртках и болотных сапогах, наблюдавшие за происходящим, отложили лопаты. Они подошли поближе и начали вытаскивать гроб из фургона. Тут к нам подскочил какой-то человек, похожий на почтальона, в сине-красной форме, с продавленным кепи на голове; в руках он держал квитанционную книжку с вложенной в нее копиркой. Могильщики вслух прочли номер, стоящий на гробе, — 3237 С. Почтальон, водя кончиком остро отточенного карандаша по строчкам, отыскал нужный номер, сделал в книжке пометку и сказал: «Ладно». После этого вынесли гроб, и мы двинулись вперед. Ноги наши сразу увязли в жирной, густой глине. Яма была вырыта между четырьмя другими могилами, окружавшими ее со всех сторон. Рабочие довольно быстро опустили гроб. Но мы все находились еще очень далеко от ямы, потому что идти можно было только по узкому проходу между могилами, где были свалены инструменты и возвышалась куча земли. Когда гроб достиг дна, наступило молчание. Все смотрели друг на друга. Не было ни священника, ни цветов, и никто не произнес ни слова утешения, ни слова скорби. Все ощущали, что минуту эту надо сделать более торжественной — что нужно как-то ее отметить, но никто не знал, как. Тогда один из могильщиков сказал: «Может, господа и дамы хотят бросить горсть земли?» Вдова кивнула утвердительно. Он поднял на лопате немного земли, вынул из кармана скребок и зачерпнул им горстку земли. Вдова протянула руку над кучей земли. Она взяла скребок и бросила землю в сторону ямы, почти наугад. Земля глухо стукнула по крышке гроба. А дочь промахнулась. Земля перелетела через яму. Она махнула рукой, словно говоря: «Тем хуже».

Итог: «И за умопомрачительную цену его закопали в глину».

Знаете, здесь хоронят приговоренных к смерти. Лаваль немного подальше.

*

Роман. Если ужин запаздывал, это означало, что на завтра назначена казнь.

*

В. Окампо идет к Бекингемскому дворцу. Солдат у входа спрашивает ее, куда она идет. «К королеве». — «Проходите». Привратник (?) *То же*. «Проходите». Покои королевы. «Поднимитесь на лифте». И т.д. Ее приняли без всяких формальностей.

*

Нюрнберг. Под обломками погребено 60 000 трупов. Запрещается пить воду. Но даже и купаться в ней желания не возникает. Это вода из морга. Вдобавок к гнили — процесс.

На абажурах из человеческой кожи — очень древняя танцовщица с татуировкой между грудей.

*

Бунт. Начало: «Единственная истинно серьезная нравственная проблема — это убийство. Остальное вторично. Но знать, могу ли я убить другого человека, стоящего передо мной, или дать согласие на то, чтобы его убили, знать, что я ничего не знаю, пока не узнаю, способен ли я убивать, — вот что главное».

Люди хотят привести нас к *своим* выводам. Если они вас судят, то всегда по своим собственным законам. Но мне-то безразлично, так они думают или эдак. Мне важно знать одно: способен ли я убивать. Если мысль ваша достигла предела, положенного всякой мысли, они потирают руки. «Что-то он теперь будет делать?» И держат наготове свою правду. Но мне, в общем-то, безразлично, есть в моих рассуждениях противоречие или нет, я не стремлюсь стать гением от философии. Я вообще не стремлюсь стать гением, мне достаточно трудно быть просто человеком. Я хочу прийти к согласию и, зная, что я не способен убить себя, понять, способен ли я убить или позволить

убить другого, а поняв это, вывести из своего знания все возможные следствия, пусть даже это не избавит меня от противоречий.

*

Кажется, мне остается обрести гуманизм. Я, конечно, ничего не имею против гуманизма. Просто мне он тесен, вот и все. Греческая философия, например, отнюдь не исчерпывалась гуманизмом. Это была философия всеприемлющая.

*

Террор! А они уже начали забывать.

*

Роман Справедливость.

1) Бедное детство — несправедливость от природы.

При первой жестокости (драка) несправедливость и отроческий бунт.

2) Туземная политика. Партия (и т.д.).

Истории
любви

3) Революция в целом. Не думает о принципах. Война и Соппротивление.

4) Чистки. Справедливости с насилием не по пути.

5) О том, что правды не бывает без праведной жизни.

6) Возвращение к матери. Священника? «Не стоит». Она не сказала «нет». Сказала, что не стоит. Он знал, она всегда считала, что не стоит беспокоить кого бы то ни было ради нее. И даже когда к ней пришла смерть...

*

Бунт и Революция.

Революция как миф — окончательная революция.

То же. Исторический подход не может объяснить феномен красоты, то есть отношения с миром (чувство природы) и с отдельным человеком (любовь). Что же говорить об объяснении, претендующем на абсолютность, которое...

*

То же. Все усилия немецких философов были направлены на то, чтобы подменить понятие человеческой природы понятием человеческой ситуации и, следовательно, поставить на место Бога историю, а на место древнего равновесия современную трагедию. Современный экзистенциализм идет еще дальше, вводя в понятие ситуации ту же неопределенность, что и в понятие природы. Остается одно движение. Но я, подобно грекам, верю в природу.

*

«Чума». Никогда в жизни я не испытывал подобного чувства провала. Я даже не уверен, что дойду до конца. И все же иногда...

*

Все взорвать. Придать бунту форму памфлета. Революция и те, что никогда не станут убивать. Бунтарская проповедь. Ни одной уступки.

*

«Какая безумная, непостижимая штука: не существует таких обстоятельств, при которых автор мог бы быть честным со своими читателями». Мелвилл.

*

С точки зрения нового классицизма «Чуму», пожалуй, можно считать первой попыткой изобразить коллективную страсть.

*

Для «Чумы». Ср. Предисловие Дефо к третьему тому «Робинзона»: Серьезные размышления о жизни и удивительных приключениях Робинзона Крузо: «Если позволительно изобразить тюремное заключение через другое тюремное заключение, то позволительно также изобразить любой действительно существующий в реальности предмет через нечто вообще несуществующее. Если бы я стал

писать историю жизни частного человека общепринятым образом... все сказанное мною нимало бы вас не развлекло...»

*

«Чума» — памфлет.

*

Как научиться умирать в пустыне!

*

Лурмарен. Первый вечер после стольких лет. Первая звезда над Любероном, мертвая тишина, трепещущая вершина кипариса и моя беспредельная усталость. Край торжественный и суровый — несмотря на свою потрясающую красоту.

*

История бывшего заключенного, который встречает в Лурмарене немецких пленных. «Первый раз его избили на допросе. Но это было в каком-то смысле нормально именно потому, что исключительно. Все началось в лагере, когда за мелкую провинность он получил две здоровенные оплеухи. Ибо тогда он понял, что для того, кто его ударил, это и есть вещь привычная, нормальная, естественная...» Он пытается обсудить это с немцем-пленным. Но тот — *пленный*, с ним нельзя говорить об этом. Потом немец исчезает, теперь с ним вовсе не поговоришь. Размышляя, он приходит к выводу, что нет человека, достаточно свободного, чтобы суметь объяснить это. Все они пленники.

Однажды, в лагере, охранники забавы ради заставили их вырыть себе могилу, но не расстреляли. Добрых два часа они копали черную землю и видели корни и все прочее по-новому.

*

«Не свершив ничего, смерть без смерти узнать,
Если просто пропасть
В черном чреве беды и барахтаться в нем».

Агриппа д'Обинье

*

Бунт. 1-я глава о смертной казни.

То же, окончание. Итак, начав с абсурда, невозможно пройти через бунт, не придя в результате, чем бы дело ни кончилось, к переживанию любви, которому остается найти определение.

*

Роман. Бедное детство. «Я стыдился моей бедности и моей семьи (да ведь это же чудовища!). И если сегодня я могу говорить об этом прямо, то лишь оттого, что больше не стыжусь этого стыда и больше не презираю себя за то, что ощущал его. Впервые я испытал этот стыд, когда поступил в лицей. До этого все кругом были такие же, как я, и бедность казалась мне непременным свойством человечества. В лицее я начал сравнивать.

Ребенок сам по себе ничего не значит. О нем судят по родителям. И невелика заслуга того, кто, повзрослев, перестает испытывать эти гнусные чувства. Ибо о взрослых людях судят по тому, каковы они есть, более того, иной раз по вашей карьере судят о ваших родителях. Теперь я знаю, что, только имея героическое и чистое сердце, я мог бы не страдать в ту пору, замечая на лице более обеспеченного товарища плохо скрытое удивление при виде дома, где я жил.

Да, я был слабодушен, что вполне заурядно. И если до двадцати пяти лет я вспоминал о своем слабодушии со стыдом и яростью, то лишь оттого, что не желал быть заурядным. Меж тем сегодня я знаю, что зауряден, и, не находя это ни хорошим, ни плохим, забочусь о другом...

Я любил свою мать отчаянно. Я всегда любил ее отчаянно».

*

Идея сопротивления в метафизическом смысле.

*

Подумать о зле, которое причиняет мне мир. Он вынуждает меня становиться критиканом, хотя мне это вовсе не по душе... Своего рода второе существование...

*

Мачадо. «Стук гроба, опускаемого в землю, — вещь очень серьезная».

«Господи, мы остались одни, моя мать и мое сердце».

«Когда придет час отправиться в мой последний путь,
Когда отплывет тот корабль, что не приходит назад,
Я буду стоять на борту без поклажи,
Полунагой, как все дети моря».

*

Перевести «Речи Хуана Майрены»¹.
Африканский романсеро?

*

Единственный великий христианский мыслитель, взглянувший в *лицо* проблеме зла, — это Блаженный Августин. Отсюда его ужасное *Nemo bonus*². С тех пор христианство всякий раз решало эту проблему временными средствами.

Результат налицо. Ибо это и есть результат. Сколько воды утекло, а люди и сегодня отравлены ядом, которому две тысячи лет. Они измучены злом или смирились с ним, что, в сущности, одно и то же. Впрочем, теперь они хотя бы не лгут в разговорах на эту тему.

*

19 февраля 1861 г. Отмена крепостного права в России. Первый выстрел (Каракозова) прозвучал 4 апреля 1866 г. Прочсть «Кто виноват?», роман Герцена (1847), и его же «О развитии революционных идей в России».

*

Я больше люблю ангажированных людей, чем ангажированную литературу. Храбрость в жизни и талант в книгах — это уже немало. К тому же писателя можно ангажировать, лишь если он этого хочет. Его заслуга — в том, что

¹ Прозаическое произведение Антонио Мачадо.

² Никто не добр (*лат.*)

он действует по велению сердца. А если им движут долг, навык или страх, в чем тогда заслуга? Получается, что тот, кто сегодня сочиняет стихотворение о весне, служит капитализму. Я не поэт, но я искренне порадуюсь такому произведению, если оно будет хорошо написано. Мы служим человеку в его целостности или не служим ему вовсе. И если у человека есть потребность в хлебе и справедливости, которую мы непременно должны удовлетворять, у него есть также потребность в чистой красоте, ибо это хлеб его сердца. Все прочее — не важно.

Да, я хотел бы, чтобы в творчестве они были ангажированы чуть менее, а в жизни — чуть более.

*

Экзистенциализм унаследовал от гегельянства его основную ошибку — он отождествляет человека с историей. Но он не унаследовал тех выводов, что делали гегельянцы, по сути полностью отказывавшие человеку в свободе.

*

Октябрь 1946 г. Через месяц мне тридцать три.

Память моя вот уже год как слабеет. Я не способен запомнить услышанную историю — вспомнить целые пласты прошлого, бывшие когда-то такими живыми. Очевидно, что, пока состояние мое не улучшится (если это вообще произойдет), мне придется делать здесь все больше и больше записей, пусть даже самых личных — тем хуже. Ибо в конечном счете все, что я вижу, застилает туман, и даже сердце теряет память. На мою долю остались только короткие вспышки эмоций, лишенные долгого эха, которым их одаряет память. Так чувствуют собаки.

*

«Чума»... «И всякий раз, когда я читал описание чумы, из глубины сердца, отравленного собственным бунтарством и чужим насилием, вырывался звонкий крик, убеждавший, что человек все-таки заслуживает скорее восхищения, чем презрения».

...«И что каждый носит чуму в себе, ибо нет в мире человека, которого бы она не затронула. И что нужно без усталости следить за собой, чтобы по рассеянности не дых-

нуть на соседа и не заразить его. Естествен только микроб. Все остальное — здоровье, честность, чистота, если хотите, — это результат волевого усилия, причем усилия, которое нужно совершать постоянно. Порядочный человек, тот, кто никого не заражает, — это человек, которому менее всего свойственна рассеянность.

Да, быть мерзавцем утомительно. Но еще более утомительно не желать быть мерзавцем. Оттого-то все крутом и устали, что все немного мерзавцы. Но некоторые из них устали до такой степени, что избавление им принесет только смерть».

*

Естественно, мне важно не сделаться лучше, но добиться признания. Но никто никого не признает. Признала она меня? Нет, это совершенно очевидно.

*

Перед кабинетом врача люди выглядят как загнанные животные.

*

Жак Риго: «Пример подан свыше. Бог создал человека по своему подобию. Какой соблазн для человека — уподобиться этому образцу».

«Решение, ответ, ключ, истина — это смертный приговор».

«Чего мог бояться этот гордец?»

«И чем больше мое бескорыстие, тем неподдельнее моя корысть».

«Одно из двух. Не говорить, не молчать. Самоубийство».

«Пока я не преодолею тягу к наслаждениям, самоубийство будет притягивать меня, я знаю это наверняка».

*

Разговоры с Кёстлером. Цель оправдывает средства, если речь идет о разумном соотношении величин: я могу послать Сент-Экзюпери на верную смерть ради спасения полка. Но я не могу сослать тысячи людей и лишить их

свободы ради количественно равноценного результата, не могу, все рассчитав, разом принести в жертву три или четыре поколения.

— Гений. Его не существует.

— Самые тяжелые испытания выпадают на долю творца, когда он получает признание (я уже не решаюсь публиковать свои книги).

*

Бывают часы, когда мне кажется, что я не смогу дольше выносить противоречия. Когда небеса холодны и ничто в природе не поддерживает нас... О! Быть может, лучше умереть.

*

Продолжение предыдущего. Мои мучения при мысли о необходимости писать эти статьи для «Комба».

*

Эссе о любви к природе — и наслаждении.

*

Искусство и бунт. Бретон прав. Я тоже не вижу пропасти между миром и человеком. Бывают минуты слияния с дикой природой. Хотя природа никогда не бывает дикой. Но пейзажи исчезают и забываются. Вот почему существуют художники. А сюрреалистическая живопись *по своему замыслу* есть выражение бунта человека против Творения. Однако ее ошибка состояла в том, что она хотела сохранить и скопировать только чудесную часть природы. Истинный художник-бунтарь не отрицает чудес, но он их покоряет.

*

Парен. О том, что суть современной литературы — отречение от прежних воззрений. Сюрреалисты, становящиеся марксистами. Рембо, ударившийся в благочестие. Сартр-моралист. И о том, что главная проблема эпохи — конфликт. Человеческий удел. Человеческая природа.

— Но если человеческая природа существует, где ее истоки?

*

Очевидно, мне придется прекратить всякую творческую деятельность до тех пор, пока я не буду знать истину. То, что принесло моим книгам успех, делает их в моих глазах лживыми. По сути, я средний человек + одно требование. Ценности, которые мне сегодня следовало бы защищать и прославлять, — это средние ценности. Для этого потребен такой строгий талант, какого я, боюсь, не имею.

*

Конец бунта — умиротворение людей. Всякий бунт оканчивается и продолжается в уяснении предела человеческих возможностей — и в утверждении сообщества всех людей, кто бы они ни были, действующих в этих пределах. Смирение и гений.

*

29 октября. Кёстлер — Сартр — Мальро — Шпербер и я. Между Пьеро делла Франческа и Дюбюффе.

К.: Необходимость определить минимальную политическую мораль. Следовательно, сначала избавиться от ложной шепетильности (он говорит — «вранье»): а) то, что мы говорим, может служить делу, которому мы служить не можем; б) самоанализ. Порядок несправедливостей. «Когда интервьюер спросил меня, ненавижу ли я Россию, у меня внутри, вот тут, что-то оборвалось. И я сделал усилие. Я сказал, что ненавижу сталинский режим так же, как ненавидел гитлеровский, и по тем же причинам. Но что-то во мне надломилось. «Столько лет борьбы. Я лгал ради них... а теперь похож на того товарища, который, придя ко мне, бился головой об стену и говорил, обернув ко мне залитое кровью лицо: «Никакой надежды, никакой надежды». Способы действия и проч.

М.: Временная невозможность затронуть пролетариат. Является ли пролетариат высочайшей исторической ценностью?

Я.: Утопия. Утопия сегодня обойдется им дешевле, чем война. С одной стороны. А с другой: «Не думаете ли вы, что все мы в ответе за отсутствие ценностей? И что, если все мы, у кого позади ницшеанство, нигилизм или исторический реализм, объявили бы публично, что ошиблись, что нравственные ценности существуют и отныне мы начнем делать то, что нужно, чтобы сохранить и возвеличить их, — не думаете ли вы, что этим мы заронили бы надежду?»

С.: Я не могу ограничить круг своих нравственных ценностей борьбой против Советского Союза. Конечно, высылка нескольких миллионов гораздо хуже, чем линчевание одного негра. Но линчевание негра — результат положения, которое длится уже сотню с лишним лет и за которым встают в конечном счете бедствия миллионов негров — их ничуть не меньше, чем высланных черкесов.

К.: Нужно сказать, что мы как писатели не выполним своего долга перед историей, если не разоблачим то, что достойно разоблачения. Заговор молчания опорочит нас в глазах потомков.

С.: Да, и проч., и проч.

И при этом постоянная невозможность определить, что движет каждым из говорящих — страх или убежденность в своей правоте.

*

Если мы верим в моральную ценность, значит, мы верим в мораль вообще, в том числе и сексуальную. Изменить все без исключения.

*

Прочсть Оуэна.

*

Написать историю современного человека, который излечился от мучительных противоречий долгим и неотрывным созерцанием пейзажа.

*

Робер, сочувствующий коммунистам и отказывающийся в 33-м году от военной службы. Три года тюрьмы.

Когда он выходит на свободу, коммунисты уже выступают за войну, а пацифисты сочувствуют Гитлеру. Он ничего не может понять в этом обезумевшем мире. Он отправляется в Испанию и *воюет* в республиканской армии. Гибнет на фронте под Мадридом.

*

Что такое знаменитость? Это человек, которого все знают по фамилии, и потому имя его не имеет значения. У всех других имя значимо.

*

Отчего люди пьют? Оттого, что после выпивки все наполняется смыслом, все достигает высшего накала. Вывод: люди пьют от беспомощности или в знак протеста.

*

Миропорядок может быть установлен не сверху, то есть посредством идеи, но снизу, то есть с помощью общей основы, которая...

*

Подготовить сборник политических текстов, посвященных Бразилию.

*

Гийу. Единственное связующее звено — боль. О том, что и величайший преступник принадлежит человеческой породе.

*

Встретил Тар. после доклада о диалоге. Вид у него нерешительный, но взгляд такой же дружелюбный, как когда-то, когда я снова привлек его в «Комба».

— Вы теперь марксист?

— Да.

— Значит, вы станете убийцей.

— Я уже был им.

— Я тоже. Но больше не хочу.

— А ведь вы были моим крестным отцом.

— Это правда.

— Послушайте, Тар., вот в чем вопрос: что бы ни случилось, я всегда буду защищать вас от направленных на вас автоматов. А вам придется согласиться, чтобы меня расстреляли. Подумайте об этом.

— Я подумаю.

*

Невыносимое одиночество — я не могу в это поверить, не могу с этим смириться.

*

Человек чувствует себя одиноким, когда он окружен трусами. Надо ли пытаться понять и этих трусов? Это выше моих сил. Но, с другой стороны, я не могу и презирать их.

*

Если все в самом деле сводится к человеку и к истории, тогда, спрашиваю я, как быть с природой — любовью — музыкой — искусством?

*

Бунт. Нам нужен герой — но не какой попало. Мотивы героического поведения важнее самого героизма. Следовательно, сначала причинно-следственная ценность, а затем уже ценность героическая. Ницшеанская свобода — экзальтация.

*

Исправленное творение. Фигура террориста (Равель).

*

Связь абсурда и бунта. Принять окончательное решение, отказаться от самоубийства, чтобы продолжить про-

тивоборство, — значит подспудно признать жизнь единственной подлинной ценностью, той, что делает противоборство возможным и сама *есть* противоборство, «той, без которой не обойтись». Из чего следует, что тот, кто в угоду этой абсолютной ценности отказывается от самоубийства, отказывается одновременно и от убийства. Наша эпоха, доведшая нигилизм до крайних проявлений, приемлет самоубийство. Это видно и по тому, с какой легкостью она приемлет убийства и оправдывает их. Человек, убивающий сам себя, уважает хотя бы одну ценность — чужую жизнь. Он *никогда* не использует свою свободу и страшную силу, которую дает ему решение умереть, для господства над другими людьми: всякое самоубийство в чем-то алогично. Но поклонники террора довели самоубийство до его крайних следствий — до узаконенного убийства, то есть коллективного самоубийства. Доказательство: нацистский апокалипсис 1945 г.

*

Бриансон. Январь 47-го г.

Вечер, затопляющий холодные горы, в конце концов леденит сердце. Есть только два места на земле, где этот вечерний час не кажется мне невыносимым, — Прованс или средиземноморские пляжи.

*

Дж. Оруэлл. *Burmese days*¹. «Многие люди вольготно чувствуют себя на чужбине, лишь презирая коренных жителей».

«...безмерное счастье, которое истекает из опустошенности и успеха и с которым ничто другое в жизни — ни одно наслаждение тела и ума — не может сравниться».

*

Прочсть Георга Зиммеля («Шопенгауэр и Ницше»). Комментарий к Ницше, переведенный на английский Бернери (убит в Испании коммунистами в пору борьбы с анархистами). Рассуждает о тяготении Ницше к Богу.

¹ Бирманские дни (англ.).

«Хотя это может показаться фантастическим преувеличением, здесь под оболочкой крайнего персонализма можно разглядеть чувство, которое, несмотря на формальные отличия, имеет немало общего с христианским представлением о внутренней жизни. Христианство, по сути дела, предполагает не только сознание бесконечной малости человека и его удаленности от Бога, но и идею богоравного человека. Мистик любого века и любого вероисповедания питает надежду воссоединиться с Богом или, точнее говоря, стать им. Схоластики рассуждают относительно обожествления, а по мнению Майстера Экхарта, человек способен сбросить свою человеческую оболочку и вновь стать Богом, каковым он и является по подлинной своей и естественной сути; о том же говорит и Ангелус Силезиус:

Я должен найти свой конец и начало,
Я должен найти Бога в себе и себя в Боге
И стать тем, что есть Он...

Та же страсть мучила Спинозу и Ницше: *каждый из них не мог смириться с тем, что он не Бог*».

Ницше говорит: «Бога не может быть, потому что, если бы он существовал, я не смог бы смириться с тем, что я не Бог».

*

Есть только одна свобода — выяснить свои отношения со смертью. После этого все становится возможным. Я не могу заставить тебя поверить в Бога. Верить в Бога — значит примириться со смертью. Если бы ты примирился со смертью, проблема Бога была бы разрешена — но не наоборот.

*

Радичи, полицейский, служивший в СС, которого судят за расстрел двадцати восьми заключенных в тюрьме Санте (он присутствовал при четырех массовых казнях), был членом Общества охраны животных.

*

Ребате и Морган. Справа и слева — или универсальное определение фашизма: за неимением характера они изобрели доктрину.

*

Заглавие на будущее: Система (1500 с.).

*

Подобно тому, как огромные пространства дремлющего мира были постепенно заполнены творениями рук человеческих, так что сама идея девственной природы связывается сегодня только с мифом об Эдеме (островов больше не осталось), ибо, населяя пустыни, разрезая на наделы морские побережья и перечеркивая само небо длинными самолетными следами, человек оставлял нетронутыми лишь те районы, где жить невозможно, — подобно этому и одновременно с этим (а также по причине этого) чувство истории заполонило постепенно сердца людей, вытеснив отсюда чувство природы, отняв у творца то, что прежде причиталось ему, и отдав это твари, и движение это было столь могущественно и непреодолимо, что можно вообразить день, когда безобразное творение человеческое — огнедышащее, сопровождающееся грохотом революций и войн, шумом заводов и поездов и ставшее в ходе истории окончательным победителем — полностью вытеснит из мира безмолвное творение природы, и тогда человечество выполнит свое призвание на земле, которое, быть может, в том и заключалось, чтобы доказать, что все грандиозное и ошеломительное, что оно могло свершить за тысячи лет, не стоит ни легкого аромата шиповника, ни оливковой роши, ни любимой собаки.

*

1947.

Как все слабые люди, он принимал решения крайне резкие и отстаивал их с упорством, достойным лучшего применения.

*

Эстетика бунта. Живопись совершает выбор. Она объединяет, «выделяя». Пейзаж выделяет в пространстве то, что при обычных условиях теряется в перспективе. Жанровая живопись выделяет во времени жесты, которые при

обычных условиях теряются среди всех других жестов. Великие художники — те, чьи полотна кажутся написанными *только что* (Пьеро делла Франческа), внезапно представшими в луче проекционного фонаря.

*

Пьеса о правлении женщин. Мужчины решают, что потерпели неудачу и следует передать бразды правления женщинам.

Акт I. Появляется мой Сократ и решает передать власть.

Акт II. Женщины хотят подражать мужчинам — неудача.

Акт III. Следуя мудрым советам Сократа, правят поженски.

Акт IV. Заговор.

Акт V. Капитулируют перед мужчинами.

Делают вид, будто объявляют войну. «Поняли вы теперь, каково это — оставаться дома и смотреть, как все, кого ты любишь на этой земле, отправляются на бойню?»

Теперь мы можем уйти. Мы сделали все, что можно сделать в борьбе против человеческой глупости — Что же вы сделали? — Дали небольшой урок.

«Женщины так же глупы, как мы, но не так злы».

Опыт продлится год.

Если все пойдет хорошо, договор продлят.

Все идет хорошо, но договор не продлевают. Им не хватило ненависти.

Все начнется сначала, говорит Сократ. Они уже готовятся. Великие идеи и мысли об истории. Через десять лет — груды трупов.

Слушайте:

Уличный торговец.

Статья I.

— Отныне ни богатых, ни бедных.

Статья II.

— Ты опять уходишь.

— Да, у меня собрание.

— Мне надо развлечься — и чтобы дома все было в порядке...

*

1947.

Vae mihi qui cogitare ausus sum¹.

*

После недельного уединения снова острое ощущение собственной несостоятельности перед произведением, начатым в порыве безумного честолюбия. Соблазн все бросить. Для этой долгой борьбы с истиной, которая сильнее меня, нужно более суровое сердце, более широкий и могучий ум. Но как быть? Без этого я бы умер.

*

Бунт. Свобода по отношению к смерти. Единственная свобода, которую можно противопоставить свободе убивать, — это свобода умереть, то есть освободиться от страха смерти и найти этому несчастному случаю место в природе. Постараться сделать это.

*

Монтень. Перемена интонации в главе XX первой книги. О смерти. Удивительные вещи говорит он о своем страхе смерти.

*

Роман. — Твинкль: «Я приехал, измученный страхом и лихорадкой. Я пошел взглянуть на расписание, чтобы узнать, когда она может приехать, если еще не приехала. Было одиннадцать вечера. Последний поезд с запада приходил в два ночи. Я вышел последним. Она ждала меня у выхода, рядом стояли два или три человека, у ее ног сидела овчарка, которую она где-то подобрала. Она пошла мне навстречу. Я не сумел как следует обнять ее, но сердце мое затопила радость. Мы вышли. Над городской стеной в небе Прованса светились звезды. Она была здесь с пяти часов вечера. Она встречала семичасовой поезд, но меня там не было. Она боялась, что я не приеду, ведь номер за-

---

¹ Горе мне, дерзнувшему рассуждать (*лат.*).

казан на мое имя и ее документы не годятся. Ее отказались поселить, и она не осмеливалась туда возвращаться. Когда мы дошли до городской стены, она прижалась ко мне, не обращая внимания на шедших мимо и оборачивавшихся людей, и обняла меня с той горячностью, в которой чувствовалось облегчение и не любовь, но надежда на любовь. Меня била лихорадка, а ведь мне так хотелось быть сильным и красивым. В гостинице я все разъяснил и устроил. Но мне захотелось выпить рюмку перед тем, как подняться в номер. А в жарко натопленном баре, где она заставляла меня пить еще и еще, я почувствовал, как уверенность возвращается ко мне, и покой охватил все мое существо».

*

Над верхней губой у него был длинный шрам. Зубы обнажались до самых десен. Казалось, он все время смеется. Но глаза смотрели серьезно.

*

Чего стоит человек? Что такое человек? После того, что я видел, у меня до конца жизни не исчезнет по отношению к нему недоверие и глубочайшая тревога.

*

Ср. в «Германских исследованиях» «Замечания и наблюдения о нацистских концентрационных лагерях» Марка Клейна.

*

Роман. Исправленное творение. «Повалив его на землю, он сразу приставил ему к горлу лопату. И, точно таким же движением, как если бы разрезал жирную землю, нажал на лопату ногой».

*

Немезида — богиня меры. Все, кто нарушили меру, будут безжалостно истреблены.

*

Исократ: В мире нет ничего более божественного, более царственного, более благородного, чем красота.

Эсхил о Елене: «Моря затихшего безмятежней, Сокровищ краше, мила, скромна, /Очам плененным — сладкая рана, / Сердцу — цветок любви томящей»¹.

Елена не преступница, она жертва богов. После катастрофы продолжает жить, как жила.

*

Лапательер. Тот миг (предсмертные полотна), когда вспыхивают времена года — когда из каждого угла картины таинственные руки протягивают цветы. Спокойная трагедия.

*

Терроризм.

Предельная чистота террориста в духе Каляева, для которого убийство граничит с самоубийством (ср. «Воспоминания террориста» Савинкова). За жизнь расплачиваются жизнью. Рассуждение неверное, но вызывающее уважение (жизнь, отнятая насильно, не стоит жизни, отданной добровольно). Сегодня убивают по договоренности. Никто не платит.

1905 год. Каляев: в жертву приносится тело. 1930 год: в жертву приносится дух.

*

Панелье, 17 июня 47-го г.

Чудесный день. Мягкий, сверкающий, нежный свет над высокими буками и вокруг них. Кажется, что его источают все ветви. Ворох листьев, медленно плывущий в этом голубом золоте, словно тысяча уст, из которых день напролет струится этот светлый, сладкий воздушный сок — или тысяча причудливых фонтанчиков из позеленевшей бронзы, которые беспрестанно выбрасывают в небо голубую сияющую струю — или еще... но довольно.

¹ Перевод С. Апта.

*

О том, что невозможно *назвать* кого-то абсолютно виновным и, следовательно, полностью осудить.

*

Критика идеи немедленной пользы — одна глава.

Немецкая философия наделила разум и мир движением — меж тем как древние сообщали им неподвижность. Невозможно будет превзойти немецкую философию — и спасти человека, — не отделив неподвижное от подвижного (и не определив вещей, относительно которых невозможно сказать, подвижны они или нет).

*

Цель абсурдного, бунтарского и т.д. порыва, а следовательно, цель современного мира — сочувствие изначальному смыслу, иными словами, любовь и поэзия. Но для этого потребна невинность, которую я уже утратил. Все, что я могу сделать, это правильно указать путь, который к этому ведет, и дожидаться наступления эры невинных. Как бы дожить до нее.

*

Гегель против природы. Ср. «Большую логику», 36 — 40. Отчего природа абстрактна. — Конкретен только дух.

Этот великий подвиг ума — в конце концов убивающий все вокруг.

*

Присовокупить к «Архиву Чумы»:

- 1) Анонимные доносы на целые семьи. Образец бюрократического допроса;
- 2) Типы арестованных.

*

Безысходность.

1-я серия. Абсурд: «Посторонний» — «Миф о Сизифе» — «Калигула» и «Недоразумение».

2-я серия. Бунт: «Чума» (с приложениями) — «Бунтующий человек» — Каляев.

3-я серия. — Суд. — Первый человек.

4-я серия. — Больная любовь: Костер — О любви — Соблазнитель.

5-я серия. — Исправленное творение, или Система + большой роман + пространное размышление + пьеса для чтения.

*

25 июня 47-го г.

Горечь успеха. Противодействие необходимо. Если бы все давалось мне с трудом, как прежде, я имел бы гораздо больше прав говорить то, что говорю. Все же — пока суд да дело — я смогу помочь многим людям.

*

Недоверие к показной добродетели — вот основа нашего мира. У тех, кто испытал это недоверие на себе и распространил его на других, осталась в душе вечная настороженность по отношению к тем, кто добродетелен на словах. Так недолго потерять доверие и к добродетели *действенной*. Тогда они решили назвать добродетелью то, что приближает наступление общественного строя, о котором они мечтают. Мотив (это недоверие) благороден. Вернали логика — вот что неясно.

Мне тоже необходимо свести счеты с этой идеей. Все, что я когда бы то ни было думал или писал, связано с этим недоверием (на нем построен «Посторонний»). Но если я не принимаю чистое и простое отрицание (нигилизм или исторический материализм) «добродетельного сознания», о котором говорит Гегель, мне нужно найти последующее звено. Разве возможно, позволительно, пребывая в истории, чтить ценности, лежащие вне истории? Разве самое понятие невежества не является всего лишь благовидным предлогом? Нет ничего незапятнанного, нет ничего незапятнанного — вот крик, отравивший наш век.

Искушение стать на сторону тех, кто отрицает и действует! Среди них есть такие, которые принимают ложь, как постриг. И уж наверняка в том же восторженном порыве. Но что такое порыв? Как, кого, за что станем мы судить?

Если ход истории в самом деле таков, если освобождение невозможно, а возможно только объединение, не принадлежу ли я к числу тех, кто тормозит историю? Освобождения не будет без объединения, говорят они, и если это правда, значит, мы отстаем. Но для того, чтобы идти быстрее, надо предпочесть гипотезу маловероятную, уже вызвавшую однажды страшные *исторические* опровержения, — предпочесть ее тем реальностям, которые состоят в горе, гибели и изгнании двух или трех поколений. Гипотеза, разумеется, более привлекательна. Не доказано, что освобождению должно предшествовать объединение. Не доказано также и противоположное: что освобождение может свершиться без объединения. Но разве объединение непременно должно быть насильственным? Насилие, как правило, создает лишь видимость единства, под которой скрывается мучительная разобщенность. Вероятно, и объединение, и освобождение необходимы, возможно, что объединение имеет шанс осуществиться с помощью познания и проповеди. Тогда слово сделалось бы поступком. Во всяком случае, этому делу нужно посвятить себя целиком.

О, эти часы сомнения! Кто может снести в одиночку сомнения целого мира.

*

Я слишком хорошо знаю себя, чтобы поверить в непорочную добродетель.

*

Пьеса. Террор. Нигилист. Повсюду насилие. Повсюду ложь.

Разрушать, разрушать.

Реалист. Нужно поступить в Охранку.

Ни то ни другое. — Каляев. — Нет, Борис, нет.

— Я люблю их.

— Почему ты так страшно говоришь об этом?

— Потому что любовь моя страшна.

То же. Янек и Дора.

Я. (мягко): А любовь?

Д.: Любовь, Янек? Любви не существует.

Я.: О Дора, как ты можешь так говорить — я ведь знаю, какое у тебя сердце!

— Слишком много крови кругом, слишком много жестокости. Те, кто слишком любят справедливость, не имеют права на любовь. Они все такие же нестигаемые, как я, с высоко поднятой головой, с пристальным взглядом. Что делать любви в гордом сердце? Любовь потихоньку склоняет головы, а мы, Янек, их отрубам.

— Но мы же любим наш народ, Дора.

— Да, мы любим его великой и несчастной любовью. Но любит ли народ нас и знает ли он, что мы его любим? Народ молчит. Какое молчание, какое молчание...

— Но это и есть любовь, Дора. Все отдать, всем пожертвовать, не надеясь на благодарность.

— Быть может, Янек. Это чистая, вечная любовь. Та самая, которая сжигает меня. Но бывают минуты, когда я задаюсь вопросом: а вдруг любовь — что-то совсем другое, а вдруг она иногда перестает быть монологом без ответа. Понимаешь, я представляю себе вот что: тихонько склоняющиеся головы, смирившее гордыню сердце, полуприкрытые глаза, руки, раскрывающиеся для объятий. Забыть об ужасной трагедии мира, Янек, позволить себе на один час, всего на один час стать эгоисткой, можешь ты это себе представить?

— Да, Дора, это называется нежность.

— Ты все понимаешь, милый. Это называется нежность. А нежно ли ты любишь справедливость?

Янек молчит.

— Любишь ли ты свой народ так же беззаветно, или же тобою движут жажда мести и бунта?

Янек молчит.

— Вот видишь. А меня, Янек, ты любишь нежно?

— Я люблю тебя больше всего на свете.

— Больше справедливости?

— Я не разделяю вас: тебя, Организацию и справедливость.

— Я знаю. Но скажи, скажи, прошу тебя, Янек, ответь мне. Когда ты остаешься один, ты любишь меня нежно, эгоистично?

— О Дора, я умираю от желания сказать «да».

— Скажи «да», милый, скажи «да», если ты так думаешь и если это правда. Скажи «да» перед лицом Организации, справедливости, трагедии мира, перед лицом пора-

ФОТОМАТЕРИАЛЫ

Катрин Синтес,
мать Альбера Камю

Лионская улица в Алжире; в доме №10 прошло детство Камю

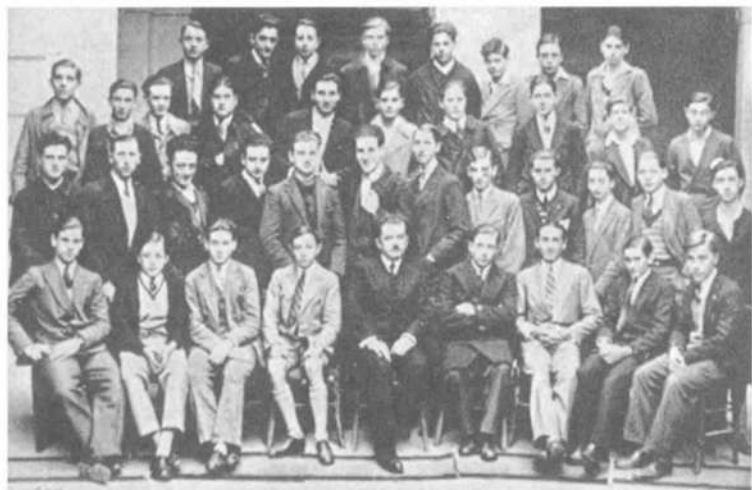
Люсьен Камю в форме зуава

Альбер Камю в возрасте четырех лет

Лицей Бюжо в Алжире

Школьные годы. 1927—28 гг.

Альбер Камю — вратарь футбольной команды Алжирского университета.
Около 1930 г.

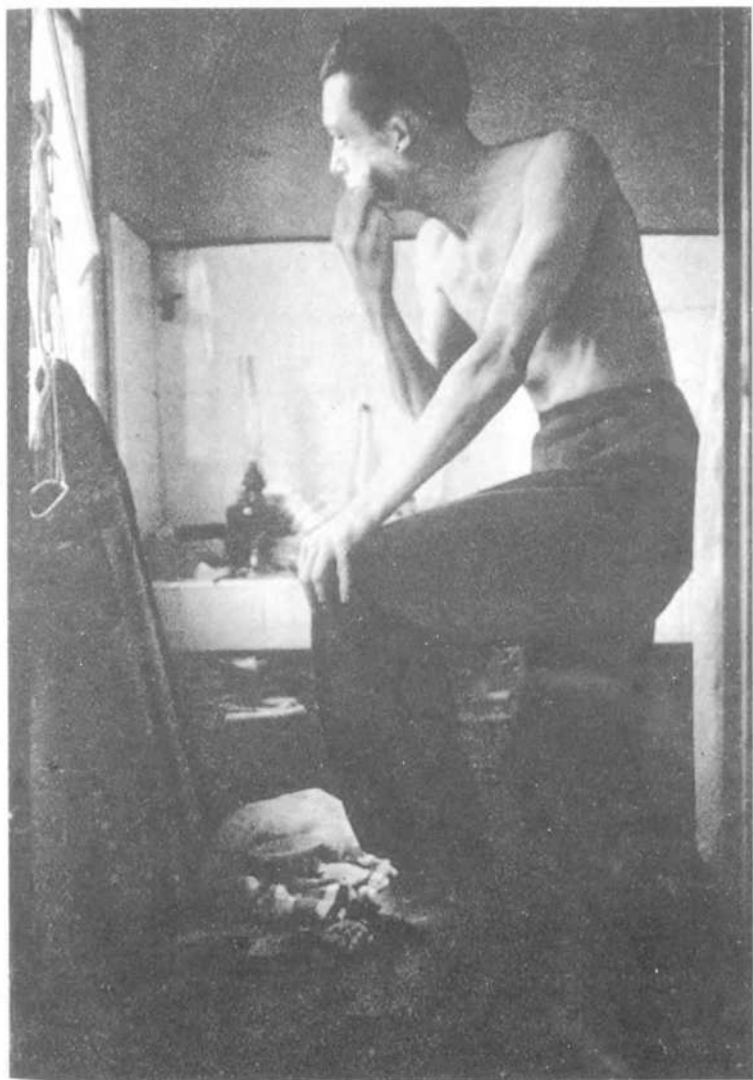

Альберик, «молодой-человек-который-думал-что-это-произошло-и-понял-что-это-не-происходило». Автокарикатура, отправленная Альбером Камю Маргерит Добренн

В Типаса. Слева направо: Робер Жюссо, Альбер Камю, Мадлен Жюссо, Ивон Маллон

Камю в одной из своих многочисленных алжирских квартир на улице Мишелье

Фотография
в удостоверении
журналиста

Лето 1937 г.

Альбер Камю и
Паскаль Пиа в Лионе.
1940 г.

Страница рукописи
«Мифа о Сизифе» на бланке
газеты «Пари-Сюар»

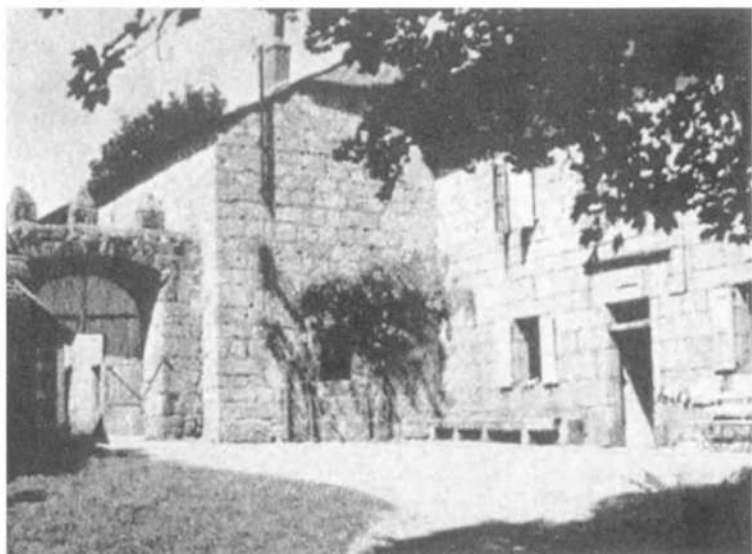
Франсин и Альбер Камю

Камю в Оране

Письмо Гастону Галлимару
по поводу публикации
«Постороннего»

Двор в Панелье

Камю в Панелье.
Рисунок Мари Витон

Редакция «Комба». Четвертый слева — Камю

Полковник Берже, известный под псевдонимом Анри Мальро, во время визита в «Комба». Стоят — Камю и Жак Бомель. 22 сентября 1944 г.

Фальшивые документы Камю

Возле редакции «Комба», ул Реомюр, 10

A mon pays Lolo, en souvenir d'une
année où lui et moi avons rivalisé
d'éloquence - me l'effection sans malentendu
J. H. Ottili

Автор наблюдает за залом во время генеральной репетиции «Недоразумения». Поль Оттли, которому адресована надпись на фотографии, исполнял в спектакле почти бессловесную роль старого слуги

Слева направо: Раймон Галлимар, Жанин Галлимар, Жозетта Клотис, Альбер Камю. Июнь 1944 г.

Альбер Камю и Мария Касарес во время репетиции

План «Недоразумения»

Plan de l'acte I de l'«Incompréhension»

1. Le dialogue de l'acte I est divisé en deux parties. La première est le dialogue de l'acte I et la seconde est le dialogue de l'acte II.

2. Le dialogue de l'acte I est divisé en deux parties. La première est le dialogue de l'acte I et la seconde est le dialogue de l'acte II.

3. Le dialogue de l'acte I est divisé en deux parties. La première est le dialogue de l'acte I et la seconde est le dialogue de l'acte II.

4. Le dialogue de l'acte I est divisé en deux parties. La première est le dialogue de l'acte I et la seconde est le dialogue de l'acte II.

5. Le dialogue de l'acte I est divisé en deux parties. La première est le dialogue de l'acte I et la seconde est le dialogue de l'acte II.

6. Le dialogue de l'acte I est divisé en deux parties. La première est le dialogue de l'acte I et la seconde est le dialogue de l'acte II.

7. Le dialogue de l'acte I est divisé en deux parties. La première est le dialogue de l'acte I et la seconde est le dialogue de l'acte II.

8. Le dialogue de l'acte I est divisé en deux parties. La première est le dialogue de l'acte I et la seconde est le dialogue de l'acte II.

9. Le dialogue de l'acte I est divisé en deux parties. La première est le dialogue de l'acte I et la seconde est le dialogue de l'acte II.

10. Le dialogue de l'acte I est divisé en deux parties. La première est le dialogue de l'acte I et la seconde est le dialogue de l'acte II.

Камю с детьми

На острове Сен-Оноре.
Рождество 1945 г.

Жанин Галлимар и Камю
в Каннах. Рождество 1945 г.

На борту «Орегона»

В гостях у Рене Шара
в Иль-сюр-ла-Сорг

В гостях у Бриса Парена. Слева направо: Жанин Галлимар,
Альбер Камю, Брис Парен, Франсин Камю, Натали Парен

Камю с Жаном и Катрин в Панелье. 1947 г.

Камю с Анн Галлимар и Аленом Ле Шевалье в Брефс

Альбер Камю с Жан Луи Барро и Балтюсом, автором декораций и костюмов к «Осадному положению»

Камю с актерами во время репетиции «Праведников»

«Праведники» в постановке Стрелера
с участием Пьерфедеричи и Карнабучи

Камю в Кабрисе

Франсин и Альбер
Камю в Кабрисе

Камю редактирует «Человека бунтующего» в Восгесе

В воскресенье
на блошином рынке

Выступление Камю
на антифашистском
митинге солидарности
с Испанией. 1952 г.

Альбер Камю
с Жаном Гренье,
которому посвящен
«Человек бунтующий»

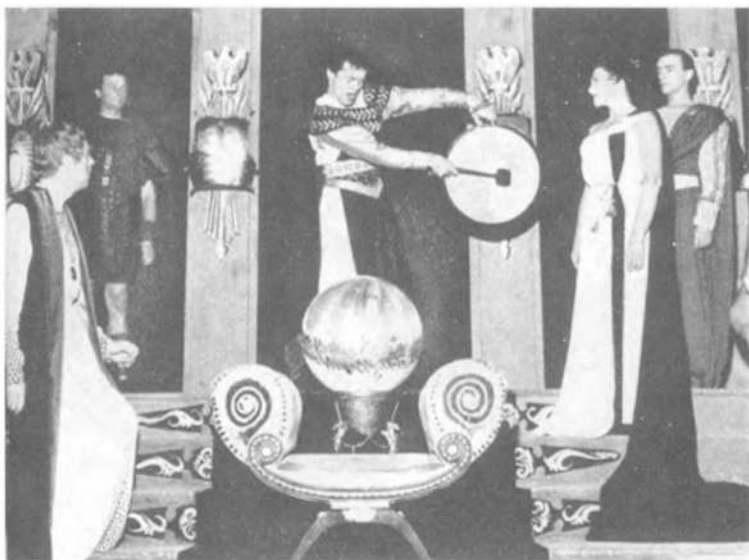

Камю на улице Шаналель

Камю с Жаном и Катрин в Багателе

Постановка «Калигулы» в Новом театре в Париже
с участием Жан Пьера Жорриса и Элен Боссис

Нобелевский лауреат перед шведской королевской семьей

Прием в честь праздника Святой Люсии в мэрии Стокгольма

Accidentement en Italie Morts, 80 blessés à Monza

selon le premier bilan

L'express Sondrio-Milou sort de ses rails sur un pont provisoire qui enjambe une rue

La locomotive et le premier wagon s'écrasent de huit mètres de haut sur la rue d'une usine à 40 mètres de là

Le train, pile balai, 1957, fut sur le coup, arrêté par le choc sur le pont. Le conducteur, M. Michel Galland, se tenna et se blessa, blessé, pendant six heures dans un coma. M. Galland (à gauche) est l'industriel de la rue. Regardez, couvert.

Le train, pile balai, 1957, fut sur le coup, arrêté par le choc sur le pont. Le conducteur, M. Michel Galland, se tenna et se blessa, blessé, pendant six heures dans un coma. M. Galland (à gauche) est l'industriel de la rue. Regardez, couvert.

Ces photos racontent la mort d'Albert Camus

- Lancée à une allure vertigineuse la voiture s'écrasa sur un platane
- Sous le choc elle éclata en trois morceaux éparpillés sur 150 m.

Dans l'avion Poin-Poin (Cathédrale-Paris)

Les voyageurs pour Francfort ont accepté de descendre à Lyon pour sauver une grande brûlée

Restée 10 jours dans le coma, elle devra être soignée pendant 10 mois

Elle a une blessure à la tête... (text continues with details of the accident and the victim's condition)

Sur le boulevard de la gare

Un accident... (text continues with details of the accident on the boulevard)

Sur le boulevard de la gare

Un accident... (text continues with details of the accident on the boulevard)

voir pages
communiqué des
**GRANDS MAGASINS
PARISIENS**

Могила Альбера Камю

Лурмарен,
улица имени
Альбера Камю

бощенного народа! Скажи «да», умоляю тебя, хотя умирают дети и людей без конца загоняют в тюрьмы, хотя их вешают и засекают до смерти.

Янек побледнел.

— Замолчи, Дора. Замолчи.

— О Янек, ты ведь еще ничего не сказал.

Пауза.

— Я не могу сказать тебе этого. А ведь сердце мое полно тобой.

Она засмеялась, и смех ее был похож на рыдание.

— Ну и прекрасно, милый. Ты сам видишь, это было неразумно. И я тоже не смогла бы этого сказать. Я тоже люблю тебя окаменевшей любовью, неотделимой от справедливости и тюрем. Мы не от мира сего, Янек. Наш удел — кровь и холодная веревка.

*

Бунт — это лай бешеной собаки (Антоний и Клеопатра).

*

Я перечел все эти тетради — начиная с первой. Мне бросилось в глаза: пейзажей становится все меньше и меньше. Нынешняя раковая опухоль гложет уже и меня.

*

Самая серьезная проблема, которая встает перед современными умами. — конформизм.

*

По поводу Лао-Цзы: чем меньше действий, тем больше власти.

*

Г. жил с бабушкой, торговавшей в магазине похоронных принадлежностей в Сен-Бриё готовил уроки на могольской плите.

*

Ср. Крапуйо: Анархия. Тайяд: Воспоминания следователя. Штирнер: Единственный и его достоинство.

*

Г.: Иронию вовсе не обязательно рождает злоба.

Я.: Но можно поручиться, что ее рождает и не доброта.

Г.: Конечно. Но, быть может, ее рождает боль, о которой мы всегда забываем, говоря *о других*.

*

В Москве, на которую наступает белая армия, Ленину, решившему мобилизовать заключенных уголовников, возражают:

— Нет, только не *вместе* с этими.

— *Для* этих, — отвечает Ленин.

*

Пьеса о Каляеве: невозможно убить человека *во плоти*, убивают самодержца. Но не того человека, который утром брился и т.д. и т.п.

*

Сцена: казнь провокатора.

*

Великий вопрос жизни — как жить среди людей.

*

Х.: «Я человек, который ни во что не верит и никого не любит, во всяком случае, таков я от природы. Во мне есть пустота, ужасная пустыня...»

*

Марк, приговоренный к смерти в Лоосской тюрьме. Не позволяет на Страстной неделе снять с себя кандалы, чтобы больше походить на Спасителя. Когда-то он стрелял из револьвера по придорожным крестам.

*

Христианам хорошо. Они взяли себе благодать, а нам оставили милосердие.

*

Гренье. О правильном использовании свободы: «Современный человек больше не верит в существование Бога, которому следует подчиняться (иудей и христианин), не верит в общество, которое следует уважать (индус и китаец), в природу, которой следует подражать (грек и римлянин)».

То же. «Тот, кто страстно любит какую-нибудь ценность, становится по этой причине врагом свободы. Тот, кто сильнее всего любит свободу, либо отрицает все ценности, либо вспоминает о них лишь изредка. (Терпимость, причина которой в ветшании ценностей.)»

«Если мы останавливаемся (на пути отрицания), то не столько для того, чтобы побережь других, сколько для того, чтобы сберечь самих себя». (Отрицание для себя, утверждение для других!)

*

Пьеса.

Д.: Печально, Янек, что все это нас старит. Больше никогда, никогда мы не будем детьми. Отныне мы можем умереть, мы испытали все, что суждено человеку (убийство — это предел).

— Нет, Янек, если единственный выход — смерть, тогда мы не на верном пути. Верный путь только тот, что ведет к жизни.

— Мы взяли на себя горести мира и понесем наказание за эту гордыню.

— Мы оставили позади ребяческую любовь; теперь перед нами первая и последняя любовница — смерть. Мы слишком спешили. Мы не люди.

*

Беда нашего века. Еще недавно в оправдании нуждались дурные поступки, теперь в нем нуждаются поступки добрые.

*

Роман. «Раз я люблю ее, то хочу, чтобы она знала, чем я был. Ибо она думает, что это восхитительное добродушие... Но нет, она — исключение».

*

Реакция? Если это означает повернуть историю вспять, я никогда не пойду так далеко, как они, — до Фа-раона.

*

Дефо: «Я был рожден, чтобы погубить себя».

Он же: «Я слышал о человеке, который в приступе чрезвычайного отвращения к несносной болтовне своих близких внезапно решил навсегда замолчать...» (пьеса).

Марьон о Дефо (с. 139). Двадцать девять лет молчания. Его жена сходит с ума. Дети уезжают. Остается дочь. Лихорадка, бред. Он начинает говорить. Впоследствии говорит часто, но с дочерью очень редко, «а с посторонними еще реже».

*

Пс. ХСІ: «Говорит Господу: «Прибежище мое и защита моя. Бог мой, на Которого я уповаю!» Он избавит тебя от сети ловца, от губительной язвы... Не убоишься ужасов в ночи, стрелы, летящей днем, язвы, ходящей во мраке, заразы, опустошающей в полдень»

*

Полное одиночество. В писсуаре большого вокзала в час ночи.

*

Человек (француз?), святой человек, который всю жизнь провел во грехе (не ходил к причастию, не женился на женщине, с которой жил), ибо — не в силах смириться с мыслью, что хотя бы одна душа будет проклята, — тоже хотел заслужить проклятие.

«То была величайшая любовь — любовь человека, отдающего свою душу за други своя».

*

Мерло-Понти. Научиться читать. Он жалуется, что его плохо прочли — и плохо поняли. Я прежде тоже был

склонен к таким жалобам. Теперь я знаю, что для них нет оснований. Неверных прочтений не бывает.

Распутники, добродетельные в душе. Воистину. Но практически в данный момент я предпочитаю повесу, который никого не убивает, пуританину, который убивает всех подряд. А уж кого я всегда терпеть не мог, так это распутника, который хочет убивать всех подряд.

М. П. или образец современного человека: тот, кто выжидает. Он объясняет, что никто никогда не бывает прав и не все так просто (надеюсь, что он пускается в эти рассуждения не ради меня). Но чуть ниже он восклицает, что Гитлер — преступник, и всякий, кто боролся против него, всегда будет прав. Если никто не прав, тогда никого нельзя судить. Все дело в том, что нужно бороться против Гитлера *сегодня*. Мы уже достаточно выжидали. И продолжаем выжидать.

*

Нынче поступок кажется нам оправданным, лишь если он совершен ради конкретных целей. Так говорит современный человек. Тут есть противоречие.

*

Двингер (в сибирском лагере): «Если бы мы были животными, нам давно бы пришел конец. Но мы люди».

Он же. Лейтенант, пианист, который живет ради своего искусства. Из досок от ящиков он сколачивает беззвучное пианино. И играет по шесть-восемь часов в день. Он слышит каждую ноту. Иногда лицо его светлеет.

Все мы в конце концов будем заниматься тем же.

Он же. Во время гражданской войны. Поезд в тылу. Д. и его товарищ входят в купе, где едет высокий капитан с воспаленными глазами. На полке напротив лежит кто-то накрытый шинелью. Наступает ночь. Купе заливают лунный свет. «Откройте глаза, братья. Вы сейчас кое-что увидите, вы это заслужили». Он осторожно откидывает шинель: под ней обнаженная женщина безупречной, поразительной красоты... «Смотрите, — говорит офицер. — Это придаст вам новые силы. И вы будете знать, за что мы сражаемся. Ибо мы ведь сражаемся еще и за красоту, не так ли? *Только никто об этом не говорит*».

*

Батай о «Чуме»: Сад также требовал отмены смертной казни, *узаконенного* убийства. Причина: убийцу оправдывают страсти, коренящиеся в его природе. У закона этого оправдания нет.

*

Этюд о Г.: Г. как противоположность Мальро. И каждый из них сознает искушение, олицетворяемое другим. Сегодняшний мир — диалог между М. и Г.

*

Пьеса. Янек — другому, Убийце.

Янек: Возможно. Но это лишит нас любви.

У.: Кто так думает?

Янек: Дора.

У.: Дора — женщина, а женщины не знают, что такое любовь... Этот ужасный взрыв, который меня уничтожит, это и есть порыв любви.

*

«Дни нашей смерти». 72 — 125 — 190.

«К.м.» [Концентрационный мир] 15 — 66.

*

Сохранить за насилием характер излома, преступления — то есть допустить его лишь при условии *личной* ответственности. В противном случае оно входит в *норму*, обращается в *привычку* — либо закон, либо метафизика. Оно перестает быть изломом. Оно обходит противоречие. Как ни парадоксально, оно разом создает массу удобств. *Насилие сделалось удобным.*

*

Друг М. Д., который приходит, как всегда, в маленькое кафе на улице Дофин, садится за тот же столик, что и всегда, и смотрит на тех же игроков в белот. У игрока, за спиной которого он сидит, на руках одни бубны. «Жаль, —

говорит друг М.Д., — что вы не играете без козырей». И внезапно умирает.

То же. Старая женщина, занимающаяся спиритизмом, потеряла сына на войне: «Куда бы я ни пошла, сын всегда за мной следом».

То же. Старый губернатор, управляющий одной из колоний, прямой, как палка, и требующий, чтобы его называли господин губернатор. Сравнивает григорианский календарь с другими. Единственная тема, которая его воодушевляет, — его возраст: «Восемьдесят лет! Никогда ни одного аперитива — и вот пожалуйста!» И после этого несколько раз подпрыгивает на месте, ударяя себя пятками по заду.

*

Палант. («И.ч. [Индивидуалистическая чувствительность]»). «Гуманизм — вторжение священнического духа во владения чувства... Это ледяной холод в царстве Духа».

*

Нас упрекают, что мы фабрикуем абстрактных людей. Но все дело в том, что абстрактен человек, служащий нам моделью. Упрекают, что мы не знаем любви, но все дело в том, что человек, служащий нам моделью, неспособен любить и т.д.

*

Лотреамон: Всей морской воды не хватило бы, чтобы смыть пятно крови, пролитой интеллектуалом.

*

Новелла или роман «Справедливость». Пытка: пять дней на ногах, без еды и питья, не прислоняясь к стене, и проч., и проч. Ему предлагают бежать. Он отказывается: нет сил. Чтобы остаться, сил требуется меньше. Пытки возобновятся, и он погибнет.

*

Иль-сюр-Сорг. Большая комната, а за окном — осень. Сама комната тоже осенняя, с причудливыми древесными

узорами на мебели и сухими листьями платанов, которые влетают в окно, проскальзывая под шторами, с выткан-ными на них папоротниками.

*

В мае 44 года Р. Ш. покидает партизанский отряд и летит из Нижних Альп в Северную Африку; над Дюрансой самолет пролетает ночью. В горах Р. Ш. видит целую линию огней — это его люди разожгли костры, чтобы проститься с ним.

В Кальви он ложится спать (врываються сны). Утром просыпается и видит террасу, заплыванную толстыми окурками американских сигарет. После четырех лет, проведенных в борьбе, со стиснутыми зубами, он чувствует, как к горлу подступают слезы, и целый час плачет, глядя на эти окурки.

*

Старый боец-коммунист, который не может привыкнуть к тому, что видит: «Сердцу не прикажешь».

*

Бейль: Различные размышления о комете.

«Не следует судить о жизни человека ни по тому, во что он верит, ни по тому, что он пишет в своих книгах».

*

Доносчик, содержащий в идеальном порядке свои бумаги. Пузырьки с разными чернилами. Подчеркнутые слова. Имена, выведенные рондо.

*

Как разъяснить, что сын бедняка может испытывать стыд, не испытывая зависти.

*

Старый нищий говорит Элеоноре Кларк: «Люди мы не плохие, но темные».

*

Сартр, или ностальгия по всеобщей идиллии.

*

Равашоль (допрос): «Те, кто несут человечеству истину, ясность, счастье, не должны останавливаться ни перед какими, абсолютно ни перед какими препятствиями, и пусть даже в результате их усилий на земле осталась бы только горстка людей, горстка эта по крайней мере была бы счастлива».

Он же (заявление суду присяжных): «Что же касается невинных жертв, которых я мог погубить, я искренне о них скорблю. Я скорблю о них тем более глубоко, что жизнь моя была очень горькой».

Показания свидетеля (Шомартена): «Он не любил женщин и пил только воду с лимоном».

*

Виньи (из письма): «Общественный строй всегда плох; временами он становится сносным. Ради того, чтобы поменять плохой строй на сносный, не стоит проливать даже каплю крови». — Нет, сносный строй стоит если не пролитой крови, то хотя бы напряженного труда всей жизни.

Индивидуалист ненавидит людей в целом, но щадит отдельного человека.

*

Сент-Бёв: «Я всегда полагал, что, если бы люди хоть на минуту перестали лгать и высказали вслух то, что думают, общество бы не устояло».

*

Б. Констан (пророк!): «Чтобы жить спокойно, нужно затратить не меньше усилий, чем для того, чтобы править миром».

*

Посвятить себя человечеству: по Сент-Бёву, такие люди хотят до самого конца быть в центре внимания.

*

Стендаль: «Я ничего не сделаю для своего личного счастья, пока не перестану страдать оттого, что плохо выгляжу в чьих-то глазах».

*

Палант верно говорит, что, если существует единая и всеобщая истина, отпадает нужда в свободе.

*

14 октября 47-го г. Время не ждет. В одиночестве, все силы напряжены, а вокруг — сухой воздух.

*

17 октября. Начало.

*

Как будто человек обязан выбирать между унижением и возмездием.

*

В детской больнице. Маленькая комната с низким потолком, окна закрыты, жарко натоплено — пахнет жирным бульоном и мазями... обморок.

*

Есть поступки мессианские, и есть поступки обдурманнные.

*

Написать все — как получится.

*

Мы можем все сделать наилучшим образом, все понять, а затем всем овладеть. Но мы никогда не сможем отыскать или создать ту силу любви, которую отняли у нас безвозвратно.

*

Смертная казнь. Меня вынуждают заявить, что я противник любого насилия. Это было бы так же умно, как объявить себя противником ветра, дующего в ту или иную сторону.

*

Но никто не бывает абсолютно виновен, следовательно, никого нельзя приговаривать к абсолютному наказанию. Никто не бывает абсолютно виновен ни 1) в глазах общества, ни 2) в глазах индивида. Каждый в чем-то несчастен.

Является ли смерть абсолютным наказанием? Для христиан — нет. Но наш мир — не христианский. Разве каторжные работы не хуже? (Полан.) Не знаю. Но тюрьма оставляет возможность избрать смерть (если только человек *из лени* не предпочитает, чтобы эту работу выполнили за него другие). Смерть не оставляет никакой возможности выбрать тюрьму. Меж тем Рошфор говорит: «Только вампиры могут требовать отмены смертной казни».

*

Поколение стариков. «Юноша, который вступает в свет в богатой одежде, но с бедной душой, тщетно старается заменить внутреннее богатство внешним, он хочет все получить извне, уподобляясь тем старикам, что пытаются набраться новых сил, целуя уста юных дев» (Афоризмы о жизненной мудрости).

Сократа пнули ногой. «Если бы меня лягнул осел, разве стал бы я подавать на него в суд?» (Диоген Лаэртский, II, 21.)

*

Гейне (1848): «Все, чего нынче добиваются люди, все, на что они надеются, совершенно чуждо моему сердцу».

*

Храбрость, по Шопенгауэру, — «просто-напросто добродетель младшего лейтенанта».

*

В IV книге «Эмиля» Руссо оправдывает (в 21-м примечании) убийство ради защиты чести.

«Полученные и оставленные без ответа пощечина и вызов влекут за собою гражданские последствия, которых не может предвидеть ни один мудрец, отомстить же за эти оскорбления не может ни один суд. Беспомощность законов возвращает оскорбленному независимость; в этом случае он сам — следователь и судья себе и обидчику; он сам — толкователь и исполнитель естественного закона; он один стоит на страже справедливости и один может восстановить ее... Я не говорю, что он должен драться на поединке, это нелепость; я говорю, что он стоит на страже справедливости и сам решает, что справедливо, а что нет. Я утверждаю, что если бы я был государем, то, не прибегая к стольким бесполезным указам против дуэлей, добился бы того, чтобы в моих владениях и слуха не было о пощечинах и вызовах, *причем добился бы самым простым образом без всякого вмешательства судей*. Как бы то ни было, Эмиль знает, что в подобном случае он обязан восстановить справедливость и этим показать пример честным людям. Самый мужественный человек не может помешать другому оскорбить его, но он может помешать обидчику хвастать своей оскорбительной выходкой».

*

Для Шопенгауэра: объективное существование предметов, их «представление» всегда приятно, тогда как субъективное существование, воля всегда сопряжены со страданием.

«Все предметы красивы с виду и отвратительны по существу, отсюда столь распространенная и столь для меня удивительная иллюзия цельности чужой жизни».

*

Шопенгауэр: «И слава и молодость разом — это слишком много для смертного».

Он же: «Наш мир дает знания, но не дает счастья». Следовательно, «ограничивая себя, мы становимся счастливее».

*

Давид засыпает Иегову мольбами о сыне, пока тот болеет. Но когда сын умирает, он щелкает пальцами и сразу перестает думать о нем.

*

Вольтер: «В этом мире люди побеждают только силой и умирают с оружием в руках».

*

Печерин, русский эмигрант XIX в., на чужбине ставший монахом, восклицает: «Как сладостно отчизну ненавидеть / И жадно ждать ее уничтоженья!»

Интеллигенция и *тоталитарное* видение мира.

Заговорщики-петрашевцы: идиллические люди (освобождение крепостных без революции — влияние Жорж Санд). Любовь не к ближнему, а к дальнему. «Не находя ничего достойным своей привязанности — ни из женщин, ни из мужчин, я обрек себя на служение человечеству» (Петрашевский). (За исключением Спешнева, прототипа Ставрогина.)

*

Индивидуалистический социализм Белинского. Против Гегеля, за личность человека. Ср. Письма Боткину: «Судьба субъекта, индивидуума, личности важнее судеб

всего мира и здоровья китайского императора (то есть гегелевской Allgemeinheit¹)».

Он же: «Кланяюсь вашему философскому колпаку (Гегелю). Но со всем подобающим вашему философскому филистерству уважением честь имею донести вам, что, если бы мне и удалось влезть на верхнюю ступень лестницы развития, — я и там попросил бы вас отдать мне отчет во всех жертвах условий жизни и истории, во всех жертвах случайностей, суеверия, инквизиции, Филиппа II и пр. и пр.: иначе я с верхней ступени бросаюсь вниз головою. Я не хочу счастья и даром, если не буду спокоен насчет каждого из моих братьев по крови — костей от костей моих и плоти от плоти моя...»

«Говорят, что дисгармония есть условие гармонии; может быть, это очень выгодно и усладительно для меломанов, но уж, конечно, не для тех, которым суждено выразить свою участью идею дисгармонии».

*

Петрашевский и его идиллические соратники.
Белинский и индивидуалистический социализм.
Добролюбов — аскет, мистик, совестливый человек.
Он теряет веру *при виде зла* (Маркион).

Чернышевский: «Что делать?»

Писарев: «Сапоги выше Шекспира».

Герцен — Бакунин — Толстой — Достоевский.

Чувство вины у интеллектуалов, далеких от народа.
«Кающийся дворянин» (кающийся в социальном грехе).

*

Нечаев и катехизис революционера (централизованная партия, прообраз большевизма).

«Революционер — человек обреченный. У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Все в нем поглощено единым исключительным интересом, единою мыслью, единою страстию — революцией».

Все, что служит Революции, нравственно.

Сходство с Дзержинским, создателем ЧК.

---

¹ Всесообщность (нем.).

Бакунин: «Страсть к разрушению есть творческая страсть».

Он же: Три принципа человеческого развития:
человек животный
мысль
бунт.

*

70-е годы. Михайловский, индивидуалистический социалист. «Если бы революционный народ вторгся в мою комнату и пожелал разбить бюст Белинского, то я боролся бы с ним до последней капли крови.

*

Проблема перехода. Должна ли была Россия пройти стадию буржуазной и капиталистической революции, как того требует логика истории? В этом пункте только Ткачев (и с ним Нечаев и Бакунин) — предшественник Ленина. Маркс и Энгельс были меньшевиками. Они предвидели только наступление буржуазной революции.

Постоянные разговоры первых марксистов о необходимости развития капитализма в России и их готовность приветствовать это развитие. Тихомиров, старый народо-волец, обвиняет их в том, что они превратились в «рыцарей первоначального накопления».

*

Предсказание Лермонтова:
Когда чума от смрадных, мертвых тел
Начнет бродить среди печальных сел.
Ср. Бердяев, с 107.

*

Духовный коммунизм Достоевского — это ответственность всех за всех.

*

Бердяев: «Не может быть диалектики материи, диалектика предполагает логос, смысл, возможна лишь диалек-

тика мысли и духа. Но Маркс переносил свойства мысли и духа в недра материи».

В конце концов мир преобразует лишь воля пролетариата. Значит, в марксизме *действительно* содержится экзистенциальная философия, изобличающая ложь объективации и утверждающая победу человеческой активности.

*

По-русски *воля* означает и «волеизъявление», и «свобода».

*

Вопрос, стоящий перед марксизмом:

«Есть ли марксистская идеология такое же отражение экономической действительности, как и все другие идеологии, или она претендует на открытие абсолютной истины, не зависимой от исторических форм экономики и экономических интересов?» Иначе говоря, есть ли эта философия прагматизм или абсолютный реализм?

Ленин утверждает, что политика важнее экономики (вопреки марксизму).

Лукач: революционность есть целостность. Целостное миросозерцание, в котором теория и практика органически слиты.

Религиозное сознание, по Бердяеву.

*

В России существует свобода коллективная, «тотальная», но не личная. Но что такое тотальная свобода? Люди свободны *от* чего-то — и по отношению к чему-то. Кажется, будто предел — свобода по отношению к Богу. Но совершенно очевидно, что она означает порабощение человека.

*

Бердяев сближает Победоносцева (обер-прокурора Священного Синода, главного идеолога Российской империи) и Ленина. Оба *нигилисты*.

*

Вера Фигнер: «Согласовать слово с делом... требовать этого согласования от себя и от других... Это стало девизом моей жизни».

Она же: «Я находила совершенно недопустимым в тайном обществе заводить еще тайное сообщество».

Бюджет царской России на 80-90 процентов создавался трудом низших сословий.

*

Всякий член «Народной воли» торжественно клялся отдать все силы революции, забыть ради нее кровные узы, личные привязанности, любовь и дружбу...

*

Пьеса «Дора»: если ты ничего не любишь, это не может кончиться хорошо.

*

Сколько человек входило в «Народную волю»? 500. А сколько было подданных в Российской империи? Более ста миллионов.

*

Софья Перовская, поднявшись на эшафот вместе со своими товарищами по борьбе, обнимает троих (Желябова, Кибальчича и Михайлова), но сторонится четвертого, Рысакова, который действовал храбро, но затем, чтобы спасти свою жизнь, выдал один из адресов и погубил трех человек. Рысаков гибнет на виселице в одиночестве.

Бомбу в царя Александра II метнул Рысаков. Царь, оставшийся невредимым, сказал: «Слава Богу, все хорошо». «Посмотрим, хорошо ли», — ответил Рысаков. Вторая бомба, брошенная Гриневицким, убила императора.

*

Ср. Вера Фигнер, с. 190 о доносе.

Там же. Мария Калюжная. Ее выпустили из тюрьмы, и пошел слух, что она выдавала. Чтобы смыть с себя

пятно, она стреляет в жандармского офицера. Ее приговаривают к каторжным работам. В Каре она и еще две заключенные кончают с собой в знак протеста против телесного наказания, которому подвергли одну из их товарищ (с. 239).

*

Напомнить христианам. «Христианское братство». Призыв «ко всем, кто почитает святое учение Христово». «Нынешнее правительство, все законы, основанные на лжи, угнетении и запрещении свободного поиска истины, — все это следовало бы считать незаконным, противным божественной воле и христианскому духу».

*

Вера Фигнер: «Я должна была жить; жить, чтобы быть на суде — этом заключительном акте деятельности активного революционера».

*

Приговоренный к смерти: «За всю мою короткую жизнь я не видел ничего, кроме зла... Разве можно в таких условиях, при такой жизни любить что бы то ни было, *даже добро?*»

*

В 80-е годы был казнен солдат, убивший унтер-офицера. Перед смертью он поклонился всем четырем сторонам света со словами: «Прощай, Север. Прощай, Юг... Восток... Запад».

*

Никто не был так уверен, как я, в возможности завоевать мир честным путем. А теперь... В чем же была ошибка, что же внезапно дало слабину и привело к краху все остальное...

*

Мелкая деталь: люди часто утверждают, что «где-то меня уже видели».

*

Париж — Алжир. Самолет как одна из составных частей современного отрицания и абстрагирования. Природа исчезает; ни глубокого ущелья, ни рельефа местности, ни бурного потока — не видно ничего. Остается *чертеж* — план.

В общем, человек начинает смотреть на мир глазами Бога. И замечает, что Бог видит все лишь абстрактно. Ничего хорошего в этом нет.

*

Полемика как составная часть абстрагирования. Когда в человеке хотят увидеть врага, его начинают представлять абстрактно. Его отодвигают вдаль. Никому уже не интересно, что он оглушительно смеется. Он превращается в *силуэт*.

И проч., и проч. ...

*

Если для того, чтобы преодолеть нигилизм, следует вернуться к христианству, можно пойти еще дальше и, преодолев христианство, возвратиться к эллинизму.

*

Платон переходит от бессмыслиц к вещам разумным, а от них к мифу. В нем есть все.

*

Ослепительное утро в Алжирском порту. Ультрамариновый пейзаж врывается через окно и заполняет всю комнату.

*

Сократ: «Вы мне неприятны». — Возвращение из лагеря.

Конец II действия. Он показывает шрамы.

— Что это?

— Следы.

— Какие следы?

— Следы человеческой любви.

*

Упреки в том, что я пишу свои книги, не уделяя должного внимания политике. Иными словами: они хотят, чтобы я писал о партиях. Но я пишу только о личностях, противостоящих государственной машине, потому что я знаю, что говорю.

*

Мир станет более справедливым, если станет более целомудренным (Ж. Сорель).

*

В театре: необходимость, разнообразия ради, обнажать синтаксические конструкции.

*

Пьеса: Дора или другая женщина: «Обречены, обречены быть героями и святыми. Сделаны героями насильно. Потому что нас это не интересует, понимаете, нас вовсе не интересуют грязные делишки этого отравленного, тупого мира, липкого, как смола. — Признайтесь же, признайтесь, что вас интересует только одно — люди и их лица... И что на самом деле вы ищете не столько истину, сколько любовь».

*

«Не плачьте. Это день оправдания. Что-то рождается в этот час и свидетельствует в нашу пользу, в пользу бунтарей».

*

Роман. Человек, арестованный политической полицией, потому что ему лень было выправить себе паспорт. Он знал это. Но не позаботился и т.д.

*

«Я имел все, что только можно пожелать. А теперь я навеки стал рабом... и т.д.»

*

Руссе. Я должен молчать, потому что не был в лагере. Но знали бы вы, какой крик рвется из моей души.

*

Объяснение большевизма — в христианстве. Сохраним равновесие, чтобы не стать убийцами.

*

Современная литература. Оскорблять легче, чем убеждать.

*

Р. Ш. Во время оккупации, ранним утром в поезде. Немцы. Женщина роняет золотую монету. Ш. наступает на нее ногой, поднимает и подает владелице. Женщина: спасибо. Предлагает ему сигарету. Он берет. Она предлагает сигареты немцам. Р. Ш.: «Я передумал, сударыня, и возвращаю вам сигарету». Один из немцев смотрит на него. Тоннель. Чья-то рука сжимает его руку. «Я поляк». Когда поезд выезжает из тоннеля, Р. Ш. смотрит на немца. Глаза у того полны слез. На вокзале немец на прощанье оборачивается к нему и подмигивает. Ш. с улыбкой отвечает. «Сволочи», — говорит француз, наблюдавший эту сцену.

*

Форма и бунт. Придать форму тому, что ее лишено, — цель всякого творчества. Следовательно, здесь налицо не только созидание, но и исправление (см. выше). Отсюда важность *формы*. Отсюда необходимость особого стиля для каждой темы, хотя все они будут иметь нечто общее, ибо у каждого автора — свой язык. Но язык этот обнажает

не *единство* той или иной книги, а именно единство всего написанного этим автором.

*

Справедливости нет, есть только пределы.

*

Анархист-толстовец во время оккупации. Он написал на двери: «Кто бы вы ни были, добро пожаловать». Пожаловали полицейские-фашисты.

*

Словарь. *Гуманизм*: обычно пишется и приводится в исполнение с придыханием. Но кое-кто возражает... Переносное значение: *предлог*. Синонимы: Подстилка — Подножка — Полоскание для горла — Тупик.

Палинодия: род высокой литературы, во славу которой следует поднимать флаг, который ты только что оплевал, возвращаться к нравственности посредством пьяных оргий и шествовать по стопам старых пиратов. Все начинается с игры в погромы, а кончается орденом Почетного легиона. *Ист.*: 80 процентов писателей XX века восславляли бы имя Господне, если бы могли делать это анонимно. *Естественные науки*: Процесс трансформации полосатого строптивца в заурядного мэтра отеля и алтаря.

*

Трагедия. Его *подозревают* в предательстве. Этого подозрения оказывается довольно, чтобы он покончил с собой. Это единственный возможный ответ.

*

Лейзен. Вся долина сверху донизу — в снегу и облаках. Над неподвижными ватными просторами летают стаи галок, похожих на черных чаек, и снежные брызги попадают им на крылья.

*

Толстой: «Сильный западный ветер поднимал столбами пыль с дорог и полей, гнул макушки высоких лип и берез сада и далеко относил падавшие желтые листья» («Детство»).

Там же: «Если бы в тяжелые минуты жизни я хоть мельком мог видеть эту улыбку (матери), я бы не знал, что такое горе».

*

Я удалился от мира не потому, что имел врагов, а потому, что имел друзей. Не потому, что они вредили мне, как это обычно бывает, а потому, что они считали меня лучшим, чем я есть. Этой лжи я вынести не смог.

*

Высшая добродетель, заключающаяся в том, чтобы задушить свои страсти. Добродетель более глубокая, заключающаяся в том, чтобы привести их в равновесие.

*

Все, что ценит сегодняшней ум, принадлежит сфере иррационального. А между тем все, что берет верх в политике, проповедует, убивает и властвует именем Разума.

*

Покойнее всего было бы любить молча. Но в дело вступают сознание и личность; приходится разговаривать. И любовь превращается в ад.

*

Актер П. Б., набожный лентяй, слушает мессу по радио, лежа в постели. Ему нет нужды вставать. Он знает порядок.

*

Людмила Питоев: «Публика меня, пожалуй, раздражает. Без нее гораздо лучше». О Ж. П.: «Он никогда не переставал удивлять меня».

По египетским верованиям, праведник — тот, кто может сказать после смерти: «Я никому не причинил зла». Иначе его ждет кара.

*

Итак, история может достичь своей цели, лишь истребив духовные завоевания. Мы дошли до края...

*

Для христиан история начинается с Откровения. Для марксистов она им кончается. Две религии.

*

Маленький залив близ Тенеса, у подножия горной цепи. Идеальный полукруг. Когда наступает вечер, тихая водная гладь вселяет в душу тревогу. В этот миг понимаешь, что греческие представления об отчаянии и трагедии сложились *на основе* красоты и всего того гнетущего, что она таит в себе. Красота — кульминация трагедии. Современный же ум толкают к отчаянию уродство и посредственность.

Именно это, без сомнения, хочет сказать Шар. Для греков красота — исходная точка. Для европейца она — редко достигаемая цель. Я — человек несовременный.

*

Истина нашего века: пройдя сквозь суровые испытания, мы становимся лжецами. Покончить со всем прочим и высказать самое сокровенное.

ТЕТРАДЬ № VI
АПРЕЛЬ 1948 ГОДА — МАРТ 1951 ГОДА

В конце XIX века Антуан Орли, нотариус из Периге, внезапно покинул родной город, отправился в Патагонию и поселился там. Он сумел войти в доверие к туземцам и через несколько лет, исключительно благодаря своей дружбе с ними, получил титул Арауканского императора. Он чеканил монету, выпускал почтовые марки, одним словом, пользовался всеми правами законного монарха. Весть об этом достигла Чили, в чьем подчинении находились далекие патагонские владения; Антуан Орли предстал перед судом и был приговорен к смерти. Смертную казнь заменили десятью годами тюрьмы.

Через десять лет он выходит на свободу и возвращается в Патагонию; подданные по-прежнему видят в нем императора, и он снова соглашается принять этот титул. Но, чувствуя приближение старости, решает позаботиться о преемнике и завещает арауканский трон своему сыну Луи Орли, которому предстоит стать императором под именем Людовика I. Но Луи Орли отказывается. Тогда Антуан отрекается от престола в пользу своего племянника, Ашиля Орли, живущего в Периге; затем Антуан умирает, и подданные хоронят его с большими почестями. Однако Ашиль I не намерен переселяться в свои владения. Он перебирается в Париж, заводит светские знакомства, живет на широкую ногу, устраивает приемы с королевской щедростью. Деньги он добывает, раздавая за взятки посты арауканских консулов в разных странах. Поскольку потребности его постоянно растут, он организует сбор средств на строительство христианских церквей и соборов. Под этим предлогом он собирает настолько крупные суммы, что встревоженные иезуиты жалуются папе римскому. Выясняется, что в Патагонии не построено ни одной церкви, и Ашиль I предстает перед судом, который выносит ему суровый приговор. Разорившийся император

кончает свои дни на бульваре Монпарнас, проводя время всегда в одном и том же кабачке, где, по слухам, с ним встретила королева Ранавало.

*

Всякое самопожертвование — мессианство. Доказать, что можно возвыситься и до самопожертвования обдуманного (то есть не сводящегося к мессианству). Трагедия равновесия.

*

Современное искусство. Они возвращаются к вещам, потому что не знают природы. Они вновь создают природу, и ничего другого им не остается — ведь они ее забыли. *Когда она будет воссоздана, начнется великая эпоха.*

*

«Без неограниченной свободы печати, без абсолютной свободы собраний и ассоциаций власть широких народных масс немыслима» (Роза Люксембург. «Русская революция»).

*

Сальвадор де Мадарьяга: «Европа придет в себя лишь тогда, когда слово «революция» будет произноситься не с гордостью, а со стыдом. Хвастать своей прославленной революцией так же глупо и бессмысленно, как хвастать своим прославленным аппендицитом».

В каком-то смысле верно. Но спорно.

*

Стендаль (письмо к ди Фьоре, 34): «Но моя душа — огонь, который страдает, если не горит».

Он же: «Всякий романист должен стараться уверить читателей в том, что им владеет *пылкая страсть*, но ни за что не называть ее прямо: это нецеломудренно» (письмо к г-же Готье, 34).

Он же. Против Гёте: «Гёте дал доктору Фаусту в друзья Дьявола, и вот с этим-то могущественным помощником

Фауст делает то, что делали все мы в двадцать лет, — со-
близняет модистку».

*

Лондон. В моей памяти Лондон — город садов, где по
утрам меня будили птицы. Лондон совсем другой, и все-
таки память моя не ошибается. Целые фургоны цветов на
улицах. Потрясающие доки.

N. Gallery¹. Чудесный Пьеро и Веласкес.

Оксфорд. Аккуратно причесанный табун. Оксфорд-
ское безмолвие. Что там делать людям?

*

Раннее утро на шотландском побережье. Эдинбург: ка-
налы и лебеди. Город, располагающийся вокруг лжеacro-
поля, таинственный и тонущий в туманах. В Северных
Афинах нет ничего северного. Китаец и малаец на При-
нсесс-стрит. Это — порт.

*

По мнению Симоны Вейль, мысли о духовности труда
или их предвестия, разбросанные в книгах Руссо, Санд,
Толстого, Маркса, Прудона, — единственные оригиналь-
ные мысли, рожденные нашей эпохой и не заимствован-
ные у греков.

*

Германия: несчастье, причинившее слишком большие
муки. рождает предрасположенность к несчастью, из-за
которой мы губим и себя и других.

*

По мнению Ришелье, бунтовщики, пусть даже они ни
в чем не уступают защитникам господствующего строя,
всегда вполупину слабее. Из-за нечистой совести.

---

¹ Н[ациональная] галерея (англ.).

*

Отец Фуко, свидетель Христа, живший среди туарегов, считал вполне естественным для себя предоставлять французской разведке сведения об *умонастроении* этих самых туарегов.

*

С. В. Противоречие между наукой и гуманизмом. Нет. Между так называемым современным научным духом и гуманизмом. Ибо детерминизм и сила отрицают человека.

«Раз человеческое сердце нельзя лишить веры в справедливость, значит, справедливость существует. В таком случае не права наука».

*

С. В.: Римляне опошлили стоицизм, заменив мужественную любовь гордыней.

*

Г. Грин: «Люди, живущие счастливо, испытывают разочарование в человеческой природе лишь перед смертью. А нам приходится терпеть это разочарование в течение всей жизни»... «В наше время люди знают слишком много еще до совершеннолетия».

Он же. Самопожертвование... «Что же это за мир, если он не ценит подобных достоинств!»

Он же: «Он (тайный агент) опрометчиво дал обещание, словно в мире насилия можно что бы то ни было обещать и загадывать наперед».

Он же: «Тот, кто не верит в Бога, видит в мире, где людей не ценят по достоинству, только хаос и предается отчаянию».

*

Писатель обречен на *понимание*. Он не может быть убийцей.

*

Страсть к тюрьме у тех, кто борется. Чтобы избавиться от привязанностей.

*

Эпиграф к «Костру»:

«Если людям, снедаемым глубокой тоской, улыбается счастье, они не умеют скрыть этого: они набрасываются на счастье, словно хотят сжать его в объятьях и задушить из ревности...»

*

Июль 48-го г. — Комо:

«Небо без нашей любви — что делать нам с ним?
С ужасом жизни живем один на один».

*

Пьеса. Гордость. Гордость рождается посреди земель.

*

Траурный Прованс.

*

Ответственность перед историей освобождает от ответственности перед людьми. В этом ее удобство.

*

Звезды мерцают в том же ритме, в каком стрекочут цикады. Музыка сфер.

*

Друг Ш.: «Мы умираем в сорок лет от пули, которую послали себе в сердце в двадцать».

*

Мы слишком долго живем.

*

В «Критоне» диалоги Законов и Сократа напоминают московские процессы.

*

Бабочки под цвет скал.

Ветер, дующий в ущелье, шумит, словно чистый и быстрый ручей.

Сорга с цветущим шлейфом.

*

Наш век помешался на добродетели. Отвратив лицо от скептицизма, в котором немало смирения, человечество напрягло все силы в поисках истины. Оно расслабится, когда общество вновь отыщет жизнеспособное заблуждение.

*

Художники хотят быть святыми, а не художниками. Я не святой. Мы мечтаем о всеобщем согласии и не достигнем его. Как же быть?

*

Заглавие для пьесы. Инквизиция в Кадисе. Эпиграф: «Инквизиция и Иезуиты — два бича правды». Паскаль.

*

Мучительное ощущение: думаешь, что служишь справедливости, а на самом деле преумножаешь несправедливость. По крайней мере признаем это — и тем самым усугубим мучение; ведь это все равно что признать: всеобщей справедливости не существует. Отважившись на самый страшный бунт, в конце концов признать свое ничтожество — вот что мучительно.

*

Удача моей жизни заключается в том, что я общался только с существами исключительными, любил (и разочар-

ровывал) только их. Я узнал, что такое добродетель, достоинство, естественность, благородство — у других. Зрелище великолепное — и горестное.

*

Гобино. Мы не приходим от обезьяны, но стремительно превращаемся в нее.

*

Радость жизни рассеивает внимание, рассредоточивает, останавливает всякое стремление ввысь. Но жить без радости... Значит, выхода нет. Разве что черпать жизнь из великой любви, не опасаясь наказания рассеянием.

*

1 сентября 1948 г.

«Я близок к завершению целого ряда работ, которые я задумал десять лет назад. Благодаря им я выучился своему ремеслу. Теперь, когда я знаю, что рука моя не дрогнет, я могу дать волю моему безумию». Так говорил тот, кто знал, что делает. В итоге — костер.

*

Разве сознающий человек может сколько-нибудь себя уважать? — говорит Достоевский.

*

Д.: «А что, если так случится, что человеческая выгода иной раз не только может, но даже и должна именно в том состоять, чтоб в ином случае себе худого пожелать, а не выгодного?»

*

«Мы живем по-настоящему лишь несколько часов нашей жизни...»

*

Ночь в Воклюзе на вершине холма. Огни в долине кажутся продолжением Млечного Пути. Все перемешалось. В небе — деревни, в горах — созвездия.

*

Первой должна прийти любовь, а за ней — мораль. Обратное мучительно.

*

Невозможно сделать что-то для одного человека (но сделать всерьез), не ранив при этом другого. А если мы не можем решиться ранить людей, мы остаемся навеки бесплодными. В конечном счете любить одного человека — значит убивать всех остальных.

*

Я выбрал творчество, чтобы избежать преступления. А тут их уважение! Что-то здесь не так.

*

- Х.: Вы пьете кофе по вечерам?
— Вообще-то нет.
— Десять доз сульфамидов в день.
— Десять? Не многовато ли?
— Или десять, или ни одной.

*

Андре Б. и его тетка, подарившая ему шарф, слишком толстый и слишком яркий. Поскольку она каждое утро проверяет, надел ли он его, он приходит попрощаться с ней в рубашке, а потом быстро накидывает в прихожей пиджак и пальто.

*

Вначале сочиняешь в одиночестве и думаешь, что это трудно. Потом начинаешь писать и сочинять в компании.

И тогда понимаешь, какое это безнадежное предприятие и как хорошо было раньше.

*

Конец романа. «Человек — животное религиозное», — сказал он. А над безжалостной землей лил неумолимый дождь.

*

Исправленное творение: Он единственный представитель этой старой, как человек, религии, и тем не менее все гонят его.

*

Зная свои слабости, я изо всех сил старался быть человеком нравственным. Нравственность убивает.

*

Ад — особая милость, которой удостоиваются те, кто упорно ее домогались.

*

Согласно Бейлю, не следует судить о человеке ни по тому, что он говорит, ни по тому, что он пишет. Я добавлю: ни по тому, что он делает.

*

С плохой репутацией жить легче, чем с хорошей, ибо хорошую репутацию тяжело блюсти, нужно все время быть на высоте — ведь любой срыв равносителен преступлению. При плохой репутации срывы простительны.

*

Обед у Жида. Письма молодых сочинителей, которые спрашивают, стоит ли писать дальше. Жид отвечает: «Как? Вы можете не писать и еще сомневаетесь?»

*

Сначала мы не любим никого. Затем любим всех людей. Затем только некоторых, затем одну, затем одного.

*

Алжир десять лет спустя. Лица, которые я узнаю, но не сразу, — постарели. Похоже на вечер у Германтов. Но в масштабах целого города, где я теряюсь. Никакого возвращения к себе. Я — часть этой огромной толпы, которая безостановочно движется к дыре, куда упадут все — одни чуть раньше, другие чуть позже, теснимые сзади новой толпой, которая и сама...

*

Ночью, в самолете, — огни Балеарских островов, словно цветы в море.

*

М.: «Когда у меня счастливый вид, это их разочаровывает. Они расспрашивают меня, они хотели бы вытянуть у меня признание, что это неправда, привлечь меня к себе, вернуть в их мир. Они чувствуют себя обманутыми».

*

Жить — значит проверять.

*

Греньё. Не-делание — это приятие будущего — но и отчаяние перед лицом прошлого. Это философия смерти.

*

Речь о «Дон Жуане» или «Пармской обители». И постоянное требование французской литературы, отстаивающей гибкость и стойкость духа отдельного человека.

Александр Блок:

«О, если б знали, дети, вы
Холод и мрак грядущих дней».

И еще:

«Как тяжело ходить среди людей
И притворяться непогибшим».

И еще:

«Несчастливы мы все, что наша родная земля пригото-вила нам такую почву — для злобы и ссоры друг с другом. Все живем за китайскими стенами, полупрезирая друг друга, а единственный общий враг наш — российская государственность, церковность, кабаки, казна и чиновники — не показывает своего лица, а натравливает нас друг на друга. Изю всех сил постараюсь я забыть... все болота, чтобы стать человеком, а не машиной для приготовления злобы и ненависти...»

Люблю я только искусство, детей и смерть».

При виде невежества и бессилия бедняков:

«Кровь стынет от стыда и отчаянья. Пустота, слепота, нищета, злоба. Спасение — только скит... Конечно, я воспринимаю так, потому что у меня совесть не чиста... Знаю все, что надо делать: отдать деньги, покаяться, раздарить смокинги, даже книги. Но не могу, не хочу».

«О сволочь, родимая сволочь!»

«Хочу ли я вновь повторить и вернуть те минуты, когда искусство открывало передо мной бесконечность? Нет, не могу хотеть, если бы даже сумел вернуть. Того, что за этим... нельзя любить, но: «Мы умираем, а искусство остается».

Прокош. «Семь беглецов»: «Все ненавидели его, но все завидовали его ослепительной улыбке, и он был почти убежден, что самая большая драгоценность в глазах большинства людей, сокровище, которым они в глубине души страстно желают обладать, — это недоступный и недолговечный блеск красоты».

*

«Часовые: скалы; внизу огромное плато, наверху — звезды. Всюду только сила; врагом, которому эти вечные часовые преграждали путь в здешние края, была слабость, то есть нечистота и брэнность духа».

«...те, кто когда-то, в пылкую пору детства и юности, утратили всякую способность любить».

Великолепно на с. 106.

«...его мать — единственное существо, к которому он когда-либо испытывал если не любовь, то хотя бы некую сердечную привязанность».

«Люди! Они говорят о войне и деньгах, о голоде, несправедливости и всем прочем. Но за этим скрывается нечто куда более серьезное, глубокое, страшное. Хотите знать, что это? Вот что: любовь к смерти».

«Я предвижу большой пожар... Все сгорит. Все. Уцелеют только те, кто очистятся от скверны и удостоятся вечной жизни благодаря огню духовному. Благодаря любви.

— Какой любви?

— Любви разрушающей! Любви неослабной и бесконечной».

*

Новелла, действие которой будет происходить в день желтого тумана.

*

В этом мире можно жить, лишь отказавшись от части его? Против *amor fati*¹. Человек — единственное животное, которое отказывается быть таким, как оно есть.

*

«О! Я непременно покончил бы с собой, если бы не знал, что даже смерть не дает покоя и что ужасная тревога последует за нами в могилу».

*

Прокурор входит в камеру приговоренного. Тот молод. Он улыбается. Прокурор спрашивает, не хочет ли заклю-

---

¹ Любовь к судьбе (*лат.*).

ченный что-нибудь написать. Тот говорит, что хочет. И пишет: «Победа!» И продолжает улыбаться. Прокурор спрашивает, нет ли у заключенного каких-нибудь желаний. Есть, отвечает молодой человек. И с размаху дает прокурору пощечину. Тюремщики бросаются на него. Прокурор колеблется. Ненависть, старая как мир, подступает к горлу. Но он стоит неподвижно, до него постепенно доходит истина. *С ним ничего не сделаешь.* А узник глядит на прокурора с улыбкой. Нет, говорит он весело, ничего не сделаешь. Прокурор у себя дома. И что же ты сделал? — спрашивает жена. Неужели ты не...

— Что?

— Ты прав. Ничего не сделаешь.

С каждым новым процессом прокурор свирепствует все больше. От каждого обвиняемого он ждет унижения. Но ничего не происходит. Они покорны.

Наконец он начинает действовать слишком жестоко. Он сбивается с пути. Впадает в ересь. Его приговаривают к смерти. И тут все возвращается на круги своя. Впереди свобода. Он даст прокурору пощечину. Повторяется прежняя сцена. Но он не улыбается; вот перед ним лицо прокурора. «Нет ли у вас каких-нибудь желаний...»

Он глядит на прокурора. Нет, говорит он. Действуйте.

*

Предел бунтарского сознания: согласиться на самоубийство, чтобы не стать соучастником какого бы то ни было убийства.

*

Светские развлечения можно выносить только по долгу дружбы.

*

Костер: «В этом втором периоде меня поражало, как мало знал я о ней в первом периоде, хотя она навсегда вошла в мою жизнь и озарила ее своим светом».

*

Там же: «Я рисовал ее в своем воображении. Я знал, что утром образ существа, встреченного накануне, и выб-

кая прелесть первых признаний внезапно предстают в новом свете и вчерашний невнятный хмель сменяется солнечной радостью, рожденной чистойшей из побед».

*

Шар. Глыба спокойствия, обломок неведомой катастрофы.

*

У меня есть две-три страсти, которые можно счесть предосудительными, которые я считаю таковыми и от которых стараюсь избавиться волевым усилием. Иногда мне это удается.

*

Макс Жакоб: «Хорошая память — залог раннего опыта». Отложить все дела и развивать память.

— Недолговечность и жестокость — следствия лени.

— Не презирайте ни мелких людишек, *ни великих людей* (важно для меня).

*

Роман. Возвращение из лагеря. Он приезжает, немного оправившийся, он тяжело дышит, но твердо стоит на своем. «Я удовлетворю ваше любопытство раз и навсегда. Но потом вы оставите меня в покое». Дальше — холодный отчет.

Напр. Я вышел оттуда.

Говорит жестко, не сбиваясь. На этот раз уже без нюансов.

Я хотел бы покурить. Первая затяжка. Он оборачивается и улыбается.

Простите меня, говорит он с тем же спокойным и замкнутым видом.

И больше никогда к этому не возвращается. Он ведет самый заурядный образ жизни. Только одно: он не спит со своей женой. А когда она начинает выяснять отношения, кричит: «Все человеческое мне отвратительно».

*

Программа на февраль — июнь.

1) Веревка.

2) Человек бунтующий.

Подготовить три тома эссе:

1) Литература. *Предисловие* — Минотавр + Прометей в аду + Изгнанничество Елены + Города Алжира +...

2) Критика. *Предисловие* — Шамфор + Разум и эшафот + Агриппа д'Обинье + Предисловие к Итальянским хроникам + Комментарии к «Дон Жуану» + Жан Гренье.

3) Политика. *Предисловие* — Десять передовиц + Разум и отвага + Ни палачи, ни жертвы + Ответ д'Астье + Почему Испания? + Художник и свобода.

18—28 февраля: Закончить первую редакцию «Вережки».

Март — апрель: Закончить первую редакцию «Человека бунтующего».

Май: Эссе.

Июнь: Перечитать «Вережку» и «Ч.Б.»

Вставать рано. Душ до завтрака.

Ни одной сигареты до полудня.

Упорный труд. Упорство одолевает слабости.

*

Портреты. Она глядит из-под вуали во все свои прекрасные глаза. Спокойная, немного тяжелая красота. Внезапно заговаривает, и губы тут же кривятся, складываясь в параллелограмм. Она некрасива. Светская женщина.

*

С ним говорят. Он говорит. Внезапно взгляд его делается отсутствующим, он договаривает фразу, по инерции продолжая смотреть на вас, но думая уже о чем-то другом. Дамский угодник.

*

Последние слова Карла Герхарда, который был врачом Гимmlера (и знал о Дахау):

«Я сожалею, что в мире еще осталась несправедливость».

*

Отдаваться может лишь тот, кто владеет собой. Бывает, что отдаются, чтобы избавиться от собственного ничтожества. Дать можно только то, что имеешь. Стать хозяином самому себе — и лишь после этого сдаться.

*

Х.: «Это случилось в тот год, когда у меня был перитонит». «Это было сразу после моего прободения...» и проч., и проч. Утробный календарь.

*

Процесс. Как подумаешь о том неповторимом, что таится в благородном сердце, о том, как много знает великодушный человек; сколько раз он одерживал победы в борьбе с самим собой и с жестокостью судьбы; и как вспомнишь, что довольно трех служителей правосудия, чтобы...

*

В мире, где никто не верит в существование греха, обязанности проповедника берет на себя художник. Но речи священника достигали цели оттого, что были подкреплены его собственным примером. Следовательно, художник пытается стать примером для других. За что его расстреливают или высылают за границу, к его великому негодованию. К тому же добродетели нельзя выучиться так же быстро, как стрельбе из пулемета. Борьба тут неравная.

*

После убийства Александра II Исполнительный комитет обратился к Александру III:

«Мы лучше, чем кто-либо другой, понимаем, как печальна гибель стольких талантов, такой энергии — на деле разрушения...»

«Мирная идейная борьба сменит насилие, которое противно нам более, чем Вашим слугам, и которое практикуется нами только из печальной необходимости».

См. любопытное показание Рысакова, готового служить осведомителем ради спасения собственной жизни. Но он оправдывает себя. [«Знаменитые судебные процессы в России», с. 137].

Лейтенант Шмидт: «Моя смерть все довершит, и тогда увенчанное казнью, мое дело станет совершенным».

*

Г.: Эти губы, изъязвленные грязным наслаждением.

*

Бунт. Глава о том, что такое казаться (себе и другим). Дендизм — движущая сила многих деяний, вплоть до революционных.

*

До тех пор, пока человек не совладал с желанием, он не совладал ни с чем. Меж тем ему почти никогда не удается совладать с ним.

*

Винавер. В конечном счете писатель несет ответственность за то, что он делает для общества. Но он должен (и это область, где ему следует держаться очень скромно, быть очень нетребовательным) не знать поначалу о своей ответственности, не ведать, *пока он пишет*, об условиях, на которых он подрядился служить обществу, — должен рисковать.

*

Эссе. Введение. К чему отвергать доносительство, полицию и т.д. ...если мы не христиане и не марксисты. У нас для этого недостает ценностных ориентиров. Пока мы не отыщем ценностной основы, мы будем вынуждены выбирать добро (если мы выбираем его) наугад. До этих пор добродетель будет вне закона.

*

Первый цикл. Во всех моих книгах, начиная с первых («Брачный пир») и кончая «Веревкой» и «Человеком бунтующим», я стремился к безличности (всякий раз на свой лад). Позже я смогу говорить от своего имени.

*

Меня привлекают люди великодушные — и только они. Но сам я не великодушен.

*

Предисловие к сборнику статей. «Среди прочего я сожалею о том, что слишком многим жертвовал ради объективности. Подчас объективность — слабость. Сегодня все разъяснилось, и следует называть концентрационное концентрационным, даже если речь идет о социализме. В определенном смысле я никогда больше не стану церемониться».

Я принуждал себя к объективности, чуждой моей природе. Все оттого, что я не доверял свободе.

*

Желябов, подготовивший убийство Александра II и арестованный за двое суток до покушения, требует, чтобы его казнили одновременно с Рысаковым, метнувшим бомбу.

«Только трусостью правительства можно было бы объяснить одну виселицу, а не две».

*

Зыбин, непревзойденный дешифровщик Охранки, оставлен на той же должности в ГПУ. *То же*. Комиссаров, сотрудник Охранки и организатор погромов, переходит на службу в ЧК. «Уйти в подполье» (на нелегальное положение).

«Террористические акты должны быть тщательно подготовлены. Моральную ответственность берет на себя партия. Это сообщит героическим бойцам необходимое спокойствие духа».

Азеф — могила 10 466 на кладбище в берлинском предместье.

За несколько дней до покушения на Плеве он «намекает» на опасность начальнику Охранки Лопухину и просит вознаграждения. Он выдает южных террористов, чтобы развязать руки петербургским. Плеве погибает; Азеф так и сказал: «Опасность грозит вам с другой стороны (не от Гершуни)».

*

Начальник Зубатов. Защищал обвиняемого перед поддельной следственной комиссией. И превращал его в осведомителя.

Девяти из десяти революционеров ремесло осведомителя приходилось по вкусу.

*

Революция 1905 г. началась с забастовки рабочих одной из московских типографий, которые требовали, чтобы при сдельной оплате точки и запятые считались за буквы.

Санкт-Петербургский совет в 1905 г. призывает к забастовке с требованием «Долой смертную казнь!».

*

При Московской коммуне на Трубной площади перед развалинами здания, разрушенного при обстреле, была выставлена тарелка с куском человеческой плоти и надписью, гласившей: «Внесите свою лепту в помощь пострадавшим».

*

Провокация. История Малиновского. Ср. Лапорт, с. 175—176.

Встреча Бурцева с Азефом во Франкфурте — после приговора. Ср. с. 221, Лапорт.

*

Дмитрию Богрову, убийце Столыпина, была оказана милость — дано разрешение быть повешенным во фраке.

*

Закончить 1 июня. Потом — путешествия. Дневник. Жизненная сила. Не киснуть.

*

Эссе об алиби.

*

Всю историю русского терроризма можно рассматривать как борьбу между интеллигенцией и абсолютизмом на глазах безмолвствующего народа.

*

Роман. Среди бесконечного лагерного страдания — мгновение невыразимого счастья.

*

В конечном счете Евангелие реалистично, хотя считают, что жить по нему невозможно. Оно исходит из того, что человек не может быть безгрешным. Но оно может постараться признать его греховность, то есть простить. Виноваты всегда судьи... Выносить абсолютный приговор могут только те, кто абсолютно безгрешен... Вот почему Бог должен быть абсолютно безгрешным.

*

Приговорить человека к смерти — значит лишить его возможности исправиться.

*

Как жить, не имея серьезных причин для отчаяния!

*

Предисловие. Сказать о себе, что ты революционер, выразив, впрочем, несогласие со смертной казнью (про-

цитировать предисловие Толстого — мало кто знает как следует это предисловие Толстого, которое я ныне читаю с безграничным почтением), с ограничением свобод и с войнами, — значит ничего не сказать. Следовательно, нужно объявить, что ты не революционер, но просто скромный сторонник реформ. Убеденный реформатор. В конце концов, *как следует все взвесив*, можно сказать, что ты — бунтарь.

*

(Вы погубите свою репутацию, — говорят мне.
— Тем лучше, если она создается подобным образом.)

*

Чайковский имел привычку в рассеянности жевать бумагу (включая очень важные документы в министерстве юстиции).

Жажда творчества была в нем так сильна, что лишь его огромная работоспособность позволяла утолять ее (Н. Берберова).

«Если б то состояние души артиста, которое называется вдохновением, продолжалось бы непрерывно, нельзя было бы и одного дня прожить» (Чайковский).

«Как только я предамся праздности, меня начинает одолевать тоска, сомнения в своей способности достигнуть доступной мне степени совершенства, недовольство собой, даже ненависть к самому себе. Мысль, что я никуда не годный человек, что только моя музыкальная деятельность искупает все мои недостатки и возвышает меня до степени человека в настоящем смысле этого слова, начинает одолевать и терзать меня. Только труд спасает меня» (Чайковский).

А между тем музыка его по большей части посредственна.

*

Вербовка. Большинство несостоявшихся литераторов идут в коммунисты. Это единственный статус, позволяющий смотреть на художников свысока. В этом смысле коммунисты — партия неудачников. Естественно, у них отбоя нет от желающих.

*

Май 49-го г. А теперь: отречься от «человеческого», как они выражаются.

*

Придуманные мною сюжеты были просто предложениями, чтобы заставить самого себя говорить.

*

Предисловие к книге политических эссе. Последнее эссе довольно точно выражает мои мысли, а именно убежденность в том, что современный человек обязан заниматься политикой. Я занимаюсь ею скрепя сердце, оттого, что, хотя это скорее недостаток, чем достоинство, я никогда не уклонялся ни от одной из своих обязанностей.

*

Психология мешает поверить в доброту, нравственность и бескорыстие. Но история мешает поверить в зло.

*

Роман. Любовники из камня. И теперь он знал, что мучило его все время их любви и чему могло бы помочь лишь одно... если бы в тот самый момент... некий вихрь небесный превратил бы их в камень и они навсегда застыли в порыве любви лицом к лицу, расставшиеся наконец с этой безжалостной землей, не ведающие желаний, бушующих вокруг, и тянущиеся друг к другу, словно к сияющему лику взаимной любви.

*

Мы не говорим и четверти того, что знаем. Иначе все пошло бы прахом. Стоит сказать самую малость, и они уже поднимают вой.

*

Тот, кто хоть раз видел, как сияет от счастья лицо любимого существа, знает, что у человека нет иного призва-

ния, кроме как приносить радость окружающим... а между тем самым фактом своего существования мы приносим горе людям, с которыми нас сталкивает жизнь, и погружаем во мрак их сердца; мысль об этом невыносима.

*

Когда северные варвары разрушили пленительное королевство Прованс и превратили нас во французов...

*

Мунье в «Эспри» советует мне бросить политику, ибо я (тут он прав) не создан для нее, и ограничиться вполне благородной ролью предсказателя, которая мне будет очень к лицу. Но что значит быть созданным для политики? Этого «Эспри» не объясняет. Что же до «благородной» роли предсказателя, для нее потребна незапятнанная совесть. А мое единственное призвание — говорить людям, что совесть их нечиста, а разум несовершенен.

*

Июль 49-го г. См. «Южноамериканский дневник» с июня по август 1949 г.

*

Сентябрь 49-го г. В заключение по-новому взглянуть на убийство, противопоставив его безличному и бездушному абстрактному разрушению. Апология убийства человека человеком — один из этапов на пути к бунту.

*

Единственное, к чему я всегда стремился, — всем остальным (кроме богатства, которое мне безразлично) меня наделила, и наделила щедро, природа — это жизнь нормального человека. Я не хотел быть человеком бездны. Я стремился к нормальной жизни изо всех сил — и ничего не добился. Вместо того, чтобы мало-помалу приближаться к цели, я с каждым днем подхожу все ближе к краю бездны.

*

Георгиу справедливо замечает, что Христа осудили (и казнили) вместе с двумя разбойниками. Подобные смещения были в ходу уже на заре нашей эры.

По Г., прогресс состоит только в том, что сегодня вместе с двумя виновными казнят десять тысяч невинных.

*

...фасады домов, построенные Потемкиным вдоль дорог, по которым проезжала, путешествуя по своим владениям, Екатерина II.

*

Надо полюбить жизнь больше, чем смысл ее, говорит Достоевский. Да, а когда любовь к жизни проходит, нам становится безразличен и ее смысл.

*

Великий имам Али: «Мир — падаль. Кто пожелает себе хоть кроху от этого мира, тому место среди собак».

*

Стендаль: «Отличие немцев от других народов: размышления не успокаивают их, а возбуждают. Еще одна особенность: они сгорают от желания иметь характер».

*

Шпербер: «Да покарает Господь святош, которые, вместо того чтобы ходить в церковь, вступают в революционную партию, дабы превратить ее в церковь».

Коммунизм, скептический фанатизм.

Об учителе (Гренье?): «Встреча с этим человеком была огромным счастьем. Стать его последователем было бы скверно, никогда не расставаться с ним — прекрасно».

*

Он же. Смерть Розы Люксембург: «Для других она умерла двенадцать лет назад. Для них она все двенадцать лет умирала».

*

«Единичных самопожертвований не бывает. За каждым человеком, приносящим себя в жертву, стоят другие, которых он, не спрашивая их согласия, приносит в жертву вместе с собой».

Они желают народу добра, но не любят народ. Они не любят никого, даже себя.

*

Октябрь 49-го г.

Роман. «Каким-то потаенным уголком своей души он любил их. Он любил их по-настоящему, но был так далек от них, что слово «любовь» приобретало новый смысл».

«Он желал двух вещей, первой из которых было абсолютное обладание. Второй — абсолютная власть воспоминания, которое он хотел бы оставить в ее душе. Люди слишком хорошо знают, что любовь смертна, и изо всех сил стараются оставить о своей любви наилучшее воспоминание. Он хотел, чтобы она запомнила его великим человеком; тогда, думал он, любовь их в конце концов тоже станет великой. Но теперь он знал, что он — не великий человек, что однажды, рано или поздно, она поймет это и на смену абсолютной власти воспоминаний придет абсолютная власть смерти. Победить, победить наверняка можно было бы, только признав, что любовь может быть великой, даже если любовник таковым не является. Но к такому страшному смирению он еще не был готов».

«Память ему раскаленным железом жгло воспоминание о ее лице, истерзанном болью... Именно в эту пору он постепенно утратил уважение к себе, поддерживавшее его прежде... Она была права: он недостоин любви».

«Любовь может презреть цепи, крепостные стены толщиной в несколько метров и проч. Но стоит только под-

чинить крошечную часть души долгу, и настоящая любовь становится невозможной».

«Он рисовал себе одинокое будущее, полное страданий. И эти картины доставляли ему мучительное наслаждение. Ведь страдание казалось ему благородным и гармоническим. То есть, по сути, он рисовал себе будущее без страданий. Меж тем, когда боль настигала его, это была уже не жизнь».

«Он говорил ей, что мужская любовь — это воля, а не благодать и что ему нужно победить самого себя. Она клялась ему, что любовь совсем не такая».

«Он утратил все, даже одиночество».

«Он кричал ей, что для него это смерть, но его слова не трогали ее. Ибо в своей беспредельной требовательности она полагала, что раз он не устоял, то должен умереть».

«Все нуждается в прощении, и прежде всего сам факт существования. Существование в конце концов всегда оказывается дурным поступком».

«В тот день он ее и потерял. На первый взгляд беда стряслась позже. Но он знал, что все произошло в тот день. Чтобы удержать ее, ему следовало устоять. Требовательность ее была так велика, что он не смел ошибиться, не смел дрогнуть. Любому другому она бы это простила, прощала и готова была прощать и впредь. Но не ему. Таковы преимущества любви».

«У любви есть своя честь. Стоит потерять ее — и любви приходит конец».

*

«Пока я не полюбил, я был ничтожен именно потому, что подчас очень хотел считать себя великим» (Стендаль. «О любви»).

*

Тонкий ум и посредственное сердце. Или, говоря иначе: добродетели от ума, а не от сердца. Ему нравилось

в ней все внешнее: романический характер, склонность к игре и комедии.

*

Отчаяние охватывает, когда не знаешь, почему ты вступаешь в борьбу и стоит ли вообще в нее вступать.

Воспоминание на улицах Парижа: костры в бразильской деревне и дурманящий запах кофе и пряностей. Жестокие и печальные вечера, спускающиеся в такую пору на эту бескрайнюю землю.

*

Бунт. Абсурд предполагает отсутствие выбора. Жить — значит выбирать. Выбирать — значит убивать. Отрицание абсурда — убийство.

*

Гийу. Несчастье художника в том, что он живет и не совсем в монастыре, и не совсем в миру — причем его мучат соблазны и той и другой жизни.

*

Самая главная проблема сейчас — возмездие.

*

Кто сможет выразить отчаяние человека, который принял сторону твари против творца, однако, утратив сознание собственной невинности и невинности окружающих, считает виновными не только творца, но и тварей, не исключая себя самого.

*

Монро: «О плодотворности работы мыслителя (речь идет о Гегеле) свидетельствует множественность возможных переводов (толкований)».

Разумеется, нет. Это верно по отношению к художнику и совершенно неверно по отношению к мыслителю.

Роман. Приговоренный к смерти. Но ему передают цианистый калий... И вот, один в своей камере, он разражается смехом. Его переполняет огромная радость. Глухая стена, стоявшая перед ним, исчезла. В его распоряжении целая ночь. У него есть свобода выбора... Сказать себе: «Ну», а после: «Нет, еще минуту» — и наслаждаться этой минутой... Какой реванш! Какой ответ!

*

За неимением любви можно попытаться обзавестись честью. Безрадостная честь.

*

Ф.: Безумец тот, кто что-то строит на любви, безумец тот, кто что-то ломает ради любви.

*

Бог завидовал нашей боли — вот почему он низошел на землю, чтобы умереть на кресте. Этот странный взгляд, которого у него не было прежде...

*

Конец октября 49-го г. Ухудшение.

Больной должен содержать себя в чистоте, чтобы о нем забыли, чтобы ему простили. Да и то, даже чистота его несносна. Она подозрительна — как те огромные орденские ленточки, что торчат в петлицах жуликов.

*

Я так долго был уверен в своем выздоровлении, что это новое обострение должно было бы подействовать на меня удручающе. Оно в самом деле удручает меня. Но, поскольку позади непрерывная цепь удручающих событий, мне почти смешно. В конце концов, теперь я свободен. Безумие — тоже освобождение.

*

«Такой чуткий, что мог бы коснуться боли своими руками» (Эми Лоуэлл — о Китсе).

А вот из Китса: «Нет большего греха, чем считать себя большим писателем. Впрочем, это преступление влечет за собою суровое наказание».

*

«Ступай в монастырь, Офелия!» Да, ибо единственный способ овладеть ею — устроить так, чтобы ею не смог овладеть никто. Кроме Бога, с чьим соперничеством легко смириться: ведь он не посягает на тело.

*

Если душа существует, неверно было бы думать, что она дается нам уже сотворенной. Она творится на земле, в течение всей жизни. Сама жизнь — не что иное, как эти долгие и мучительные роды. Когда сотворение души, которым человек обязан себе и страданию, завершается, приходит смерть.

*

«Я счастлив, что в земной жизни существует такая вещь, как могила» (Китс).

*

Честертон. Справедливость — тайна, но не иллюзия.

*

О Браунинге: средний человек — такой, какой меня занимает.

*

Клейст дважды сжигал свои рукописи... Пьеро делла Франческа к концу жизни ослеп... Ибсен в старости утратил память и заново учил алфавит... Не падать духом! Не падать духом!

*

Красота, помогающая жить, помогает также и умирать. В течение тысячелетий мир был похож на те полотна художников эпохи Возрождения, где одни люди на холодных каменных плитах страдают от пыток, а другие с великолепным безразличием смотрят вдаль. Число людей «бесчувственных» было головокружительно огромным по сравнению с числом людей сочувствующих. История кишела людьми, не сочувствовавшими несчастьям других людей. Подчас приходилось плохо и «бесчувственным». Но и это случалось в обстановке всеобщего безразличия и не меняло дела. Сегодня все делают вид, что полны сочувствия. В залах дворца правосудия свидетели внезапно обращают взор в сторону бичуемого.

*

Пер Гюнт рассказывает своим согражданам, что дьявол обещал толпе хрюкнуть, точь-в-точь как свинья. Он появляется и исполняет обещанное. Но зрители недовольны. Одни находят голос слишком тонким, другие — слишком искусственным. Все осуждают подражателя за преувеличение. А между тем хрюкал настоящий поросенок, которого дьявол спрятал под плащом и щипал.

*

Конец Don Giovanni: голоса ада, дотоле молчавшие, внезапно заполняют сцену мира. Они невидимо присутствовали тут, превосходя числом живых.

*

Процесс Райка: идея объективного преступника, в котором сталкиваются две стороны человеческого характера, — идея распространенная в теперешнем судопроизводстве, но *преувеличенная*.

*

Марксизм — философия, где в избытке сутяжничества, но нет юриспруденции.

*

Обдумать: в течение всего процесса Райк сидел, наклонив голову вправо, чего никогда не делал прежде.

*

То же. Приговоренные к смерти, но не казненные и проживающие в Сибири или в каком-то ином месте *другую жизнь* (герои романа).

*

Против смертной казни. Фихте. «Система естественного права».

*

Роман (*окончание*). Он вспоминал то время, когда глотал биографии великих людей, стремясь поскорее добраться до описания их смерти. В ту пору ему страстно хотелось знать, что могут гений, величие, чувствительность противопоставить смерти. Теперь же он знал, что эта его страсть была напрасной и что жизнь великих людей ничему не может научить его. Гений не умеет умирать. А старая нищенка — умеет.

*

Величие состоит в том, чтобы попытаться стать великим. И ничего более. (Вот почему М. — великая женщина.)

*

Там, где хотят иметь рабов, надо как можно больше сочинять музыки. Так по крайней мере полагал, по словам Толстого, один немецкий князь.

*

Слушайте, говорил Фридрих Прусский. Но, умирая, сознался: «Я устал управлять рабами».

*

Роман. «Я искал средство не погибнуть из-за ее свободы. Если бы я нашел его, то возвратил бы ей эту свободу».

*

Горький о Толстом: «Он — человек, взыскующий Бога не для себя, а для людей, дабы он его, человека, оставил в покое пустыни, избранной им».

«Не сирота я на земле, пока этот человек есть на ней!»

*

Когда Яна Гуса жгли на костре, славная старушка принесла свою охапку хвороста, чтобы подбросить в огонь.

*

Минуты, когда отдаешься страданию, как физической боли: лежишь недвижимый, безвольный, лишенный будущего, во власти бесконечной муки.

*

Превозмочь? Но страдание — это именно то, выше чего стать невозможно.

*

Роман. «Когда она была рядом и мы мучили друг друга, мои страдания и слезы имели смысл. *Они могла их видеть*. Но после того, как она уехала, эти страдания сделались тщетными, лишенными всякой надежды. А истинное страдание и есть страдание тщетное. Страдать у нее на глазах было сладостно. Но страдать в одиночестве и безвестности — вот чаша, которую нам постоянно преподносит жизнь, чаша, которую мы упорно отстраняем, но которую нам придется однажды испить, и день этот будет страшнее, чем день нашей смерти».

*

После ночей, проведенных в страдании, чувствуешь себя как с похмелья.

*

Роман. «Последнее слово. Дело не в том, чтобы начать сладостный и одновременно горький разговор с исчезнувшим прекрасным образом. Дело в том, чтобы старательно, безжалостно изгнать из своей души этот образ, изуродовать это лицо, иначе воспоминания по-прежнему будут тревожить мое отчаявшееся сердце... Убить эту любовь, о любовь моя».

То же. «Уже десять лет он не мог войти в театральный зал...»

*

Эссе о море.

У отчаявшегося человека нет родины. Но я — я знал, что на свете есть море, и это помогло мне пережить роковое время.

Так люди, любящие друг друга, могут страдать в разлуке. Но, что бы они ни говорили, они не испытывают отчаяния: они знают, что на свете есть любовь.

*

Люди упорно путают брак и любовь, с одной стороны, счастье и любовь — с другой. Между тем это совершенно разные вещи. Именно поэтому, хотя любовь — вещь очень редкая, среди браков бывают и счастливые.

*

Невольно ангажированный.

*

Физическая ревность есть в большой мере приговор самому себе. Зная, о чем способен помыслить ты сам, ты решаешь, что и *другой* помышляет о том же.

*

Дни на море, эта жизнь, «неподвластная забвению, неподвластная памяти», — по Стивенсону.

*

Ламбер: «Теперь я жалею только самого себя».

*

Гийу: «В конечном счете пишут не для того, чтобы сказать, а для того, чтобы *не сказать*».

*

Роман. «Истерзанный этой мучительной болью, я искал спасения в той части своего существа, что не любит никого. Боль отпускала. А затем я снова понуро возвращался в терновые заросли».

*

Нынче добродетель достойна похвалы. Великие жертвы не встречают поддержки. Мучеников постигает забвение. Они стараются привлечь к себе внимание. На них смотрят. Но стоит им оступиться, и газеты берутся за свое.

*

Мерль, журналист, занимающийся шантажом, целый год печатал в своей газете клеветнические статьи об Х., но так ничего и не добился. Тогда, изменив тактику, Мерль принялся превозносить свою жертву до небес — и тут же получил деньги.

*

Во время суда над Шибуниним Толстой выступил защитником этого несчастного солдата, ударившего офицера, а когда Шибунина приговорили к смертной казни, ходатайствовал о помиловании через свою тетку, которую просил обратиться к военному министру. Министр ответил, что не может ничего предпринять, потому что Толстой забыл указать название полка. Тетка написала об этом Толстому, но на следующий день после того, как пришло ее письмо, Шибунин был казнен *по вине Толстого*.

*

Последнее, незаконченное сочинение Толстого, оставшееся лежать на его письменном столе: «Нет в мире виноватых».

*

Он родился в 1828 г. «Войну и мир» писал в 1863 — 1869 гг. В начале работы ему было 35 лет, в конце — 41 год.

*

По Грину, жизнь чересчур длинна. «Разве не могли бы мы совершить первый смертный грех в семь лет, разориться из-за любви или ненависти в десять лет, а в пятнадцать молить о прощении на смертном одре?»

*

Скоби. Адюльтер. «Честь, чистая жизнь искушали его по ночам, как искушает грех».

Там же. «В любви человеческой не бывает ничего, что заслуживало бы названия победы, разве что несколько мелких стратегических удач перед финальной катастрофой — смертью или равнодушием».

Там же. «Любовь не есть понимание. В ней живет желание понять, но вскоре, под влиянием постоянных неудач, желание это угасает, и тогда любовь...»

*

Мари Дорваль — Альфреду де Виньи: «Ты меня не знаешь! Ты меня не знаешь!» После долгой разлуки, не узнавая себя: «Скажи, неужели правда, что у меня могут вырваться стоны сладострастия!»

Паспорт, выданный ей в Тулузе: «Стан согбенный, волосы растрепанные, поступь величаявая».

«Я не порвала с г-ном де Виньи, а оторвала себя от него».

*

Нынче Христос умирает во дворцах. Он царит за окошечками банков — с кнутом в руках.

*

Стрептоцид — 40 граммов с 6 ноября по 5 декабря 49-го года. ПАСК — 360 граммов с 6 ноября по 5 декабря 49-го года + 20 граммов стрептоцида с 13 ноября по 2 января.

*

Роман. «Оттого, что она спрашивала его, любит ли он ее, а главное, оттого, что в вопросах этих сквозила тревога, в душе его зарождались сомнения. И по мере того как сомнения эти росли, он все сильнее напрягал свою волю, приказывая себе любить ее. Таким образом, чем громче она взывала к его сердцу, тем отвлеченнее становилась его любовь».

*

Всякое убийство может быть оправдано только любовью. Для террористов эшафот был новым доказательством любви.

*

В 1843 году американцы освобождают Гавайские острова, захваченные англичанами. Это происходит на глазах Мелвилла. Король позволяет своим подданным «в ознаменование радостного события забыть обо всяких соображениях морали, законности, религии и предаться ликованию; он торжественно объявляет, что в течение десяти дней все законы в его владениях будут недействительны».

*

Заблуждения радостны, истина страшна.

*

Эта священная неуверенность, о которой говорит Мелвилл, та, из-за которой люди и народы постоянно находятся на распутье.

*

Заметка Мелвилла на полях «Опытов» Шелли: «В нравственном отношении Сатана Мильтона намного превос-

ходит его Бога, как всякий, кто хранит верность своим убеждениям, невзирая на пытки и превратности судьбы, превосходит того, кто, будучи твердо уверен в победе, хладнокровно обрушивает на головы противников самые ужасные кары».

*

Горьки воды смерти...

*

Мелвилл в 35 лет: «Я согласен на уничтожение».

*

Готорн о Мелвилле: «Он не верил, но не мог довольствоваться неверием».

*

Л. Г. — хороша собой, но, как говорит Стендаль, оставляет желать лучшего по части мыслей.

*

В день, когда он ушел от жены, ему страшно захотелось шоколада, и он не отказал себе в этой прихоти.

*

История деда г-на де Боканде. Когда он учился в лицее, его обвинили в каком-то проступке. Он отрицал свою вину. Три дня карцера. Он продолжает отрицать. «Я не могу сознаться в проступке, которого не совершал». Извещают отца. Он дает сыну три дня срока. Если через три дня он не сознается, его отдадут во флот юнгой (семья богата). Три дня карцера. Он выходит оттуда. «Я не могу сознаться в том, чего не совершал». Неумолимый отец записывает его во флот. Мальчик вырастает, проводит всю жизнь в море, становится капитаном. Отец умирает. Приходит старость. На смертном одре все то же: «Это не я».

*

Во время парижского восстания кругом свистят пули. Ах! Ах! — вскрикивает Гастон Галлимар. Робер Галлимар, обезумев от ужаса, бросается к нему. А Гастон чихает.

*

Она льстила его тщеславию. И потому он не изменял ей.

*

Ф.: «У меня все не как у людей. Я могу понять, что люблю, только когда начинаю страдать. А до этого я еще не уверен».

*

Предисловие к «Изнанке и лицу».

У меня есть художнические запреты, как у других бывают запреты моральные или религиозные. Сознание недозволенности, мысль, что «так не делают», чуждые мне как существу, свободолюбивому от природы, присущи мне как рабу (причем рабу восторженному) суровой художественной традиции. (Я преодолел эти табу лишь в «Осадном положении», чем объясняется нежность, которую я испытываю к этому мало кем оцененному сочинению.)

...Возможно также, что это недоверие противостоит моему глубинному анархизму, и в этом его польза. Я знаю свою разбросанность, силу некоторых своих инстинктов, способность впадать в ярость. Все эти непредсказуемые силы должны быть пущены в ход, когда создается произведение искусства (я имею в виду будущее). Но необходим и барьер, их сдерживающий. Мои барьеры еще и сегодня слишком крепки. Но и то, что им приходилось сдерживать, было слишком мощным. В тот день, когда я достигну равновесия, я попытаюсь написать книгу, о которой мечтаю. Она будет похожа на «Изнанку и лицо», иными словами, в ней будет много любви.

Я думаю, мне это по силам. Мой обширный опыт, знание ремесла, мое неистовство и мое смирение... В центр новой книги также будет поставлено великолепное без-

молвие матери, искания человека, который стремится обрести любовь, подобную этому безмолвию, обретает ее, затем утрачивает и, пройдя войну, познав страдание и безумную страсть к справедливости, возвращается к уединению и покою, к счастливому безмолвию смерти. Я напишу там...

*

Маритен. Взбунтовавшийся атеизм (абсолютный атеизм) ставит историю на место Бога и заменяет бунт абсолютным повиновением. «Долг и добродетель для него суть не что иное, как полное подчинение и полное принесение себя в жертву святыне ненасытного становления».

«Святость — тоже бунт: святой отвергает вещи как они есть. Он принимает на себя все горе мира».

*

Манжетка для «Праведников»: террор и справедливость.

*

Роман. «У нее была привычка повторять трижды: «Я люблю тебя» — быстрым шепотом, словно признание это у нее вырвали силой...»

*

«Хотя со стороны это незаметно, главным, что занимало меня, всегда была любовь (долгое время то были ее наслаждения, а под конец — мучительное исступление страсти). У меня романическая душа, и мне всегда трудно было увлечься чем-либо иным».

*

Весной, когда все будет закончено, описать *все мои ощущения*. Выбранные наугад мелочи.

*

Роман. «С большинством женщин он мог удачно притворяться. С ней -- никогда. Некая гениальная интуиция

позволяла ей угадывать, что творится в его сердце, видеть его насквозь».

*

Критика о «Праведниках»: «Ни малейшего понятия о любви». Если бы я имел несчастье не знать, что такое любовь, и был настолько смешон, что захотел выяснить это, я стал бы брать уроки не в Париже и не у газетчиков.

*

Холодный вечер, ледяные призрачные сумерки... это выше моих сил.

*

Предисловие к «Политическим эссе»: «После падения Наполеона автор нижеследующих страниц, считая, что глупо тратить молодость на политику с ее распрями, пустился путешествовать» (Стендаль. «Жизнь Россини»).

*

То же. Стендаль («О любви»): «Человек не волен не делать того, что приносит ему наибольшее наслаждение».

То же. «Женщины безупречной красоты при втором свидании поражают куда меньше. Это большое несчастье... и т.д.»

Герцог Поликастро, который «каждые полгода проделывал сотню лье, чтобы провести четверть часа в Лекке у любовницы, которую он обожал и у которой был ревнивый муж».

Ср.: История Донны Дианы. Театральный финал (с. 108, Гарнье).

*

Когда все будет закончено, начать смесь. Записывать все, что взбредет в голову.

*

Бунт: бунт без Бога приводит к филантропии. Филантропия приводит к процессам. Гл[ава] о филантропах.

*

Пока он был безупречным мужем, он не верил в Бога; изменив жене, уверовал.

*

Лучше быть свободным бедняком, чем богатым невольником. Конечно, люди хотят быть и богатыми и свободными — и из-за этого подчас становятся бедными рабами.

*

Делакруа: «Реальны во мне лишь те иллюзии, которым я даю жизнь на своих полотнах. Все прочее — зыбучие пески».

*

Могадор.

*

Делакруа: «Гениев рождают не новые идеи, но неотступная мысль, что сказанного прежде недостаточно».

Он же. «Этот край (Марокко) вечно будет стоять у меня перед глазами. До скончания моих дней я сохраню в памяти людей из этого могучего племени. Глядя на них, я понял, что такое настоящая древняя красота».

Он же: «...они ближе к природе во всем: в одежде, форме обуви. Поэтому все их действия прекрасны. А мы, с нашими корсетами, нашими тесными башмаками, смехотворными шнуровками, выглядим жалко. Красота презирает нашу премудрость».

С. 212 — 213 (Плон), т. 1, великолепные страницы о таланте.

Он причисляет Гёте (вполне основательно доказывая свое суждение) к «умам мелочным и напыщенным».

«Человек, который вечно смотрит на себя со стороны...»

*

10 января 1950 г.

Я никогда не читал в своем сердце достаточно ясно. Но инстинктивно я всегда следовал за невидимой звездой...

В глубине моей души — анархия, ужасный хаос. Творчество стоит мне тысячи мучений, ибо оно требует собранности, а все мое существо противится ей. Но без нее я до самой смерти не избавился бы от разбросанности.

*

Солнечный свет, заливающий после полудня мою комнату, небо в голубой дымке, ребячьи крики, доносящиеся из деревни, плеск воды в бассейне... — как будто я снова в Алжире. Как двадцать лет назад...

*

Л., о маме: «Это хлеб, и какой хлеб!»

*

Беспалов: «Совершая бунт за бунтом, революцию за революцией, люди думали, что идут к свободе, а пришли к Империи».

*

Бунт. Ахилл, бросающий вызов мирозданию после смерти Патрокла.

*

Гл[ава]. Мы, ницшеанцы.

*

Генри Миллер: «Я восхищен грандиозным крушением мира». Но есть люди, которых это крушение не восхищает: в нем больше мерзости, чем грандиозности.

*

Подчинить произведение своей власти, не забывая, однако, о *дерзости*. Творить.

*

Кувре. Приезжает, просит оказать ему любезность и поймать программу новостей Би-Би-Си, которая, по его мнению, всегда интересна, усаживается и засыпает.

*

Семья. «Зачем вы беспокоились!»
«Вы напрасно стесняете себя!»
«Он свой человек».

*

Темы. Гостиница в провинции. Влечение людей друг к другу.

*

Море. Несправедливость климата. Цветущие деревья в Сент-Этьенне. Еще ужаснее. В конечном счете, я мечтаю о совершенно черном лице. Так северные народы...

*

Февраль 1950 г.

Работать через силу до апреля. Затем работать со страстью. Молчать. Слушать. Дать выплеснуться.

*

Понятие «интеллектуал» (и соответствующая реальность) родились в XVIII веке.

*

Позже написать, без оглядок и недомолвок, эссе обо всем, *в чем я уверен* (делать то, что не хочется, желать того, что не делается).

*

Первородная ночь.

*

Читаю биографию Рашели. Всегдашнее разочарование при мыслях об истории. Все эти слова, которые она произносила, например, общаясь с близкими людьми, — они, как и многие другие, утрачены, навсегда забыты. Сравнительно с этой бесконечной массой забытых слов то, о чем сообщает нам история, капля в море.

*

В Дневнике Делакруа фраза (с чьих-то слов) о критиках, которые позволяют себе заниматься художественным творчеством: «Нельзя одновременно сечь и подставлять свой зад».

*

Делакруа — о расстояниях в Лондоне:

«Здесь счет нужно вести на мили: уже одно несоответствие между обширной территорией, которую населяют эти люди, и скромной величиной человеческой фигуры заставляет меня считать их врагами истинной цивилизации, сходной с цивилизацией аттической, которая ограничила Парфенон размерами современного дома и собрала столько ума, жизни, силы, величия в узких пределах своих владений, кажущихся смешными нашим варварам, которым тесно среди огромных просторов».

*

Делакруа: «В музыке, как, должно быть, и во всех других искусствах, стоит только стилю, характеру, одним словом, чему-то серьезному, проявиться, как все прочее исчезает».

Он же: Страшно подумать, сколько памятников и произведений искусства погубили революции.

Против прогресса. Т. I, с. 428: «Если мы хоть чего-нибудь стоим, то этим мы обязаны древности».

Делакруа.

Великий художник должен научиться избегать *того, за что не следует браться*. «Лишь безумцы да бездари мечтают о невозможном. И тем не менее *нужно быть очень дерзким*».

Он же: «Нужна большая дерзость, чтобы осмелиться *стать самим собой*».

Он же: «Трудиться нужно не только для того, чтобы создавать произведения, но и для того, чтобы недаром проводить время».

Он же: «Удовлетворение человека, хорошо потрудившегося и проведшего день с толком, огромно. В этом состоянии я получаю безмерное наслаждение от малейшей передышки. Я даже могу без малейшего сожаления провести время в обществе самых скучных собеседников».

Он же: «...не гнаться за пустяками, но наслаждаться трудом и восхитительными часами, следующими за ним...»

Он же: «Как я счастлив, что ничто более не принуждает меня быть счастливым на старинный лад (страсти)».

Великие итальянцы, в чьих полотнах «простодушие слито с величайшим мастерством».

Он же: О Милле: «Он, бесспорно, из числа тех бородастых художников, что совершили революцию 1848 г. или приветствовали ее, полагая, очевидно, что вместе с равенством состояний будет введено равенство талантов».

Он же: Против прогресса, с. 200 целиком: «...Что за благородное зрелище представляет нам лучший из веков — людские стада, откармливаемые философами».

Он же: Русские романы «источают поразительный аромат достоверности».

С. 341. «...несовершенное Творение...»

Самобытный талант — «в начале робость и сухость, в конце широта и пренебрежение деталями».

*

Крестьянин, который равнодушно выслушал молитву, исторгнувшую слезы у всех слушателей. Людям, упрекавшим его в бесчувственности, он отвечал, что он не этого прихода.

*

Февраль 50-го г.

Память слабеет с каждым днем. Надо решиться вести дневник. Делакруа прав: все дни, которые не описаны, словно бы и не прожиты. Может быть, начну в апреле, когда вновь обрету свободу.

*

Том: вопросы искусства — где я изложу свою эстетику.

*

Литературное общество. Людям чудятся коварные интриги, грандиозные честолюбивые замыслы. А на деле — одно лишь тщеславие, и притом весьма непритязательное.

*

Немного гордости довольно, чтобы держаться на должном расстоянии. Помнить об этом *несмотря ни на что*.

*

Удовольствие, переходящее в благодарность, — венец творения. Но есть и другая крайность — горькое удовольствие.

*

Мистраль расчистил небо, и оно стало совсем новенькое, синее и блестящее, как море. Со всех сторон доно-

сятся громкие птичьи трели — ликование, упоенная разноголосица, бесконечный восторг. День журчит и сияет.

*

Не мораль, но свершение. Для свершения же нужно только одно: полюбить, то есть отречься от себя и умереть для мира. Дойти до конца. *Исчезнуть*. Раствориться в любви. Тогда творить буду уже не я, творить будет сила любви. Сгинуть в бездне. Раздробиться. Уничтожиться в свершении и погоне за истиной.

*

Эпиграф: «Ничто не сравнится с жизнью смиренной, невежественной, упорной» («Обмен»).

*

Там же. «Теперь я знаю, как нужно было тебя любить, но я любила тебя иначе».

*

«Адольф». Перечитал. То же, что и прежде, ощущение обжигающей сухости.

*

«На нее (Э.) смотрели с интересом и любопытством, как на прекрасную грозу».

«Это сердце (А.), чуждое всем светским интересам».

*

«Стоило мне увидеть на ее лице выражение страдания, и я полностью подчинился ее воле: я был спокоен, лишь если она была довольна мной».

*

«...Два эти несчастные существа, которые одни в целом свете знали друг друга, *одни в целом свете могли оценить друг друга по достоинству*, понять и утешить, каза-

лись непримиримыми врагами, готовыми разорвать друг друга в клочья».

*

Вагнер, музыка рабов.

*

Роман. «Он был согласен, чтобы она страдала, но вдали от него. Он трусил».

*

Констан: «Нужно исследовать человеческие несчастья, причислив к ним и представления людей о средствах борьбы с этими несчастьями».

*

То же. «Страшная опасность: если политика американских дельцов и хрупкая цивилизация интеллектуалов объединят свои усилия».

*

Заглавия для солнечных эссе: Лето. Юг. Праздник.

*

Февраль 50-го г.

Владение собой: не разговаривать.

Обдумать: опыт — это память, но верно и обратное.

Теперь вернуться к деталям. Превыше всего — правда.

*

Ницше: *Я стыдился этой лживой скромности.*

*

Расцвели розмарины. У подножия оливковых деревьев — венки фиалок.

*

Март 50-го г.

Протестанты-филантропы отрицают все неразумное, потому что разум, как они полагают, может дать им власть над всем, даже над природой. Над всем, кроме Красоты. Красота неподвластна этим расчетам. Поэтому художнику так трудно быть революционером, хотя всякий художник — бунтарь. Поэтому он не может стать убийцей.

*

Ждать, ждать, пока один за другим погаснут дни, огоньки которых еще светят мне. В конце концов последний погаснет, и настанет полная тьма.

*

1 марта.

Один месяц абсолютного владения собой — во всем. Потом начать заново — но не терять *правды, реальности* предшествующего опыта, и *принять все последствия*, решившись преодолеть их и преобразить в крайнюю (но сознательно избранную) позицию творца. Ни от чего не отказываться.

*

(Иметь право сказать: это было трудно. С первого раза мне это не удалось, и я вел изнурительную борьбу. Но в конце концов я победил. И этой страшной усталости я обязан большей прозорливостью и большим смирением, но одновременно и большей уверенностью в победе.)

*

Бунт. Записав все, снова все обдумать, *исходя* из расположенных таким образом документов и идей.

*

В искусстве абсолютный реалист был бы абсолютным божеством.

Вот отчего те, кто желают обожествить человека, стремятся усовершенствовать реализм.

*

Море: я не терялся в нем, а обретал себя.

*

Друг Виве, бросивший курить, снова начал курить, узнав о создании водородной бомбы.

*

Семья.

Алжир создали ломовые извозчики.

Мишель. 80 лет. Прямой и сильный.

Х., его дочь. Ушла от них в 18 лет, чтобы «начать жить». Вернулась в 21 год с полным кошельком и, распродав свои драгоценности, купила отцу лошадей взамен тех, что пали в эпидемию.

*

«Хитрый человек» Гурджиева. Сосредоточенность. Вернуться к самому себе (взглянуть на себя глазами другого).

*

Яков Генсс, управляющий Вильнюсского гетто, согласился на эту полицейскую должность, чтобы облегчать положение людей. Постепенно три четверти обитателей гетто (48 тысяч) были уничтожены. В конце концов расстреляли и его самого. Расстрелянный ни за что — и ни за что лишившийся чести.

*

Заглавие: Лукавый Гений.

*

Ей следовало умереть. Тогда наступило бы мучительное счастье. Но вот в чем беда: «они» никогда не умирают вовремя.

*

Китайцы утверждают, что империи, близящиеся к гибели, изобилуют законами.

*

Ослепительный свет. Мне кажется, будто я просыпаюсь после десятилетнего сна — еще связанный по рукам и ногам путами несчастья и ложной морали, но вновь нагой и устремленный к солнцу. Блестящая, размеренная сила — и суровый, острый ум. Я возрождаюсь и телом тоже...

*

Комедия. Человек получает официальную благодарность за добродетельное поведение, которое до тех пор было инстинктивным. Теперь он осознанно стремится к добродетели — полный крах.

*

Стиль XVII века, по словам Ницше: четкий, точный и свободный.

Современное искусство: искусство тираническое.

*

В определенном возрасте столкновения между людьми начинают осложняться борьбой со временем. И это уже безнадежно.

*

Словно с первым лучом любви скопившиеся в ее сердце снега начали постепенно таять, давая дорогу буйному, неостановимому потоку радости.

*

4 марта 1950 г.

Душа твоя была во мне, и отдалось
Открыто сердце, вот как ты, земля,

Страдалище суровой. Часто в ночь
Я клялся ей, в святую ночь любить
Тревожную бесстрашно, верно — в смерть
И передумать темные загадки.
Так смертью я скрепил союз с землей.

(Гёльдерлин. «Эмпедокл»)¹

*

Слишком поздно находишь в себе мужество смириться
с тем, что знаешь.

*

Художники и мысли, лишенные солнца.

*

«Недоразумение с нежностью, — говорит Ницше. —
Есть раболепная нежность, которая повинуется и подличает,
идеализирует и заблуждается, — но есть нежность
божественная, которая презирает и любит, преобразует
и возвышает то, что любит».

*

Мир, где я чувствую себя *вольготнее* всего, — греческий миф.

*

Сердце — еще не все. Оно *должно быть*, ибо без него...
Но оно должно быть покоренным и преображенным.

*

Все мое творчество иронично.

*

Вечное искушение, против которого я непрестанно
веду изнурительную борьбу, — цинизм.

---

¹ Перевод Я. Голосовкера.

*

Быть язычником для себя, христианином для других — к этому инстинктивно склоняется всякий человек.

*

Существовать не трудно, а невозможно.

*

Любовь несправедлива, но одной справедливости недостаточно.

*

В человеке всегда есть нечто, отвергающее любовь. Это та часть его существа, которая *хочет* умереть. Именно ей необходимо прощение.

*

Заглавие для «Костра»: Деянира.

*

Деянира. «Я хотел бы, чтобы она навсегда осталась такой, как в тот уже далекий день, когда она возникла передо мной в Тюильри, — черная юбка и белая блузка с закатанными рукавами, открывающими золотистые руки, распущенные волосы, твердая поступь и точеный профиль».

*

«В этот последний вечер я сделал то, что собирался сделать уже давно: попросил ее поклясться, что она никогда не будет принадлежать другому мужчине. Я не хотел того, что может внушить и разрешить религия, если на это неспособна земная любовь. Она дала мне клятву, не требуя от меня того же. В страшной радости и гордыне моей любви я с восторгом дал ей обет верности. Так мы обрекли на смерть нас обоих».

*

Там, где любовь — роскошь, как не быть роскошью и свободе? Впрочем, это еще одно основание для борьбы с теми, кто унижает и любовь, и свободу.

*

Вольтер догадывался почти обо всем. Правда, доказал он очень немного, но зато неопровержимо.

*

Роман. Мужские персонажи: Пьер Г., Морис Адрей, Никола Лазаревич, Робер Шатте, М.Д.Б., Жан Гренье, Паскаль Пиа, Раванель, Эрран, Эттли.

Женские персонажи: Рене Одибер, Симона С., Сюзанна О., Кристиана Галендо, Бланш Бален, Люсетта, Марселла Рушон, Симона М. Б., Ивонна, Кармен, Марселла, Шарлотта, Лора, Мадлен Бланшу, Жанина, Жаклин, Виктория, Виоланта, Франсуаза 1 и 2, Воклен, Лейбовиц.

Мишель, Андре Клеман, Лоретта, Патриция Блейк, М. Тереза, Жизель Лазар, Рене Томассе, Эвелина, Мамена, Одиль, Ванда, Николь Альган, Одетта Кампана, Иветта Птижан, Сюзанна Аньели, Виветта, Натали, Виржини, Катрин, Метт, Анна.

*

«Море и небо влекут к мраморным террасам толпу юных и сильных роз»¹. А. Рембо.

*

Тем, кто пишут темно, повезло: у них появятся комментаторы. У остальных будут только читатели, а это, судя по всему, вызывает презрение.

*

Жид отправляется в СССР, потому что ищет радости.

---

¹ Перевод М. Кудинова.

*

Жид: Сегодня примиряющей силой может быть только атеизм (!)

*

Диалог между Лениным и русским политзаключенным.

*

Париж начинает с того, что хлопчет о книге и поднимает ее на щит. Но самое приятное начинается, когда книга уже завоевала успех. Теперь главное — уничтожить ее. Париж в этом отношении похож на бразильские реки — в некоторых из них живут крошечные рыбки, которые тем и занимаются. Они малюсенькие, но их очень много. Они, если можно так выразиться, состоят из одних зубов. Им ничего не стоит в пять минут обглодать человека так, чтобы остались одни косточки. Потом они уплывают и, соснув немного, принимаются за следующего.

*

Боссюэ: «Единственный решительный шаг, на который способно большинство людей, — это возмущение тем, что их считают неспособными на решительные шаги». Он не был способен даже на это возмущение.

*

Словно те старые люди, которые, живя в большом доме, некогда полном жизни и голосов, сужают свое жизненное пространство сначала до одного этажа, затем до одной комнаты, затем до самой крошечной из комнат, которой и ограничивают свое существование, — живут, замуровав сами себя, в ожидании неизбежного переселения в обитель еще более тесную.

*

Апрель 50-го г. Снова Кабри.

В конце концов к этому приходишь. С трудом, но приходишь. О! На вид они некрасивы. Но им прощаешь. Что

же до двух-трех существ, которых я люблю, они лучше меня. Как смириться с этим? Пренебречь.

*

Туманная и теплая ночь. Вдали — огни на побережье. В долине — громкий хор жаб; поначалу их голоса звучат певуче, а затем как будто хрипнут. Эти светящиеся деревни, дома... «Вы поэт, а я на стороне смерти».

*

Самоубийство А. Потрясен — потому, конечно, что я любил его, но еще и потому, что я внезапно понял, что хотел поступить так же.

*

В отличие от нас женщины по крайней мере не обязаны стремиться к величию. У мужчин даже вера, даже смирение призваны доказывать величие. Это так утомительно.

*

Рано или поздно всегда наступает момент, когда люди перестают бороться и мучить друг друга, смиряются наконец с тем, что надо любить другого таким, как он есть. Это — царствие небесное.

*

Довольно сознания вины — довольно раскаяния.

*

Клодель. Жадный старик, рвущийся к алтарю, чтобы хапнуть побольше почестей... Какое ничтожество!

*

Новелла. Погожий день. Одинокая дама в самом соку. Канн.

*

В большой роман. Лазаревич. Адрей. Шатте (его комедии с первыми встречными).

*

Стареть — значит переходить от чувств к сочувствию.

*

Дама, лечащаяся фосфатом извести. За столом. «И вы думаете, что за все подвиги, которые совершила в Индокитае эта несчастная собака (отличный спаниель, уже умерший), ее наградили? Ничего подобного, оказывается, у нас собак не награждают. Между прочим, в Англии собак, отличившихся на войне, награждают. А у нас нет! А ведь сколько раз он разнюхивал засады, устроенные этими китайцами, — и никакой благодарности. Несчастное животное!»

*

Девушка из бара: «Переписываться? Ну уж нет. Не хочу, чтоб голова трещала».

*

XIX столетие — столетие бунта. Почему? Потому что оно началось неудавшейся революцией, нанесшей смертельный удар только идее Бога.

*

27 мая 1950 г.

В одиночестве. А пламя любви опалит мир. Ради этого стоит страдать, рождаясь и взрослея. Но стоит ли жить после этого? Всякая жизнь находит в любви свое оправдание. А доживание?

*

После «Человека бунтующего» — творчество на свободе.

*

Сколько ночей в жизни, где нас уже нет!

*

Мое творчество в первые два периода: люди нелгушие, значит, нереальные. В жизни таких не бывает. Вот почему, без сомнения, я до сих пор не стал романистом в общепринятом смысле. Я скорее художник, творящий мифы по воле своей страсти и тревоги. Вот почему существа, восхищавшие меня в жизни, всегда обладали мощью и исключительностью этих мифов.

*

Безрассудство любви в том, что любящий стремится ускорить время, чтобы дни ожидания поскорее прошли и *пропали*. Так он стремится приблизить конец. Так любовь одной из граней соприкасается со смертью.

*

Лагерь. Невежественный надзиратель измывается над интеллигентом. «Все книжки читаешь! Ты, значит, умник...» и т.д. В конце концов интеллигент просит прощения.

*

Людские лица искажены знанием (эти встречающиеся подчас лица тех, кто знает). Но иногда из-под шрамов проступает лицо отрока, благословляющего жизнь.

*

Близ них я не чувствовал ни бедности, ни лишений, ни унижения. Отчего не сказать прямо: я чувствовал и чувствую до сих пор свое благородство. Близ моей матери я чувствую, что принадлежу к благородному племени: к тем, кто ничему не завидует.

*

Я жил, не зная меры красоты: вечного хлеба.

*

Для большинства людей война означает конец одиночества. Для меня она — окончательное одиночество.

*

Один-единственный удар кинжала, стремительный, как молния, — совокупление быка целомудренно. Это совокупление божества. Не наслаждение, а ожог и священное самоуничтожение.

*

Вогезы. Из-за красного песчаника церкви и придорожные распятия цветом напоминают спекшуюся кровь. Вся кровь, пролитая завоевателями и владыками в этом краю, засохла на стенах его святилищ.

*

Мораль бесполезна: жизнь и есть мораль. Тому, кто не отдает всего, всего не получить.

*

Если тебе выпало счастье жить в мире ума, какое безрассудство — искать доступ в страшный, полный криков мир страсти.

*

Я люблю все или не люблю ничего. Значит, я не люблю ничего.

*

Конец Деяниры. Он убивает ее прилежно, постепенно (она постепенно таяла у него на глазах, и он следил за тем, как заострялись черты ее лица, с жуткой надеждой и мучительными всхлипами любви). Она умирает. Он находит другую, снова юную и прекрасную. Восхитительное чувство снова рождается в его сердце. «Я люблю тебя», — говорит он ей.

*

Духовные упражнения Святого Игнатия — чтобы не дремать во время молитвы.

*

Все могущество науки направлено сегодня на укрепление Государства. Ни одному ученому не пришло в голову использовать свои знания для защиты личности. Здесь, пожалуй, полезным оказалось бы франкмасонство.

*

Если бы наша эпоха была только трагична! Но она еще и гнусна. Вот отчего ей надо бросить обвинение — и даровать прощение.

*

I. Миф о Сизифе (абсурд). — II. Миф о Прометее (бунт). III. Миф о Немезиде.

*

Ж. де Местр: «Я не знаю, какова душа подлеца, но, пожалуй, представляю себе, какова душа порядочного человека — она ужасна».

*

Откройте ворота тюрем или докажите собственную непорочность.

*

Местр: «Горе поколениям, мечтающим о переломных эпохах». Слово тот китайский мудрец, который желал своим врагам пожить в «интересную эпоху».

*

Бодлер. Мир стал так непроходимо туп, что умный человек презирает его с неистовством страсти.

*

Унтерлинден; «Всю жизнь я мечтал о монастырском покое». (И, разумеется, не смог бы выдержать его больше месяца.)

*

Европа лавочников — удручающая.

*

Ангажированность. Мои представления об искусстве возвышенны и страстны. Слишком возвышенны, чтобы я согласился подчинить его пустяку. Слишком страстны, чтобы я захотел лишить его даже пустяка.

*

Любовь была ему заказана. Он имел право только на ложь и адюльтер.

*

Клодель. Вульгарный ум.

*

Савойя. Сентябрь 50-го г.

Люди, подобные М., — вечные эмигранты, которые ищут родину и не могут найти ее нигде, кроме как в страдании.

*

Страдание и его лик, подчас такой подлый. Но нужно терпеть его и жить им — это расплата. Гибнуть в страдании за то, что посмел губить других.

*

Роман. «Он вспомнил, что однажды, во время одной из этих душераздирающих сцен, внушавших ему ужасные предчувствия, она сказала, что поклялась не принадле-

жать никому, кроме него, и что, даже если он ее бросит, ей никто не будет нужен. Ей казалось, что в эту минуту она дает ему наивысшее и неопровержимое доказательство своей любви, да так оно и было, но именно в эту минуту, которая, как она думала, навсегда связала его и слила с нею, ему, напротив, пришла в голову мысль, что он получил свободу и пора бежать — ведь можно не сомневаться, что она будет вечно верна ему и абсолютно бесплодна. Но в тот день — как и во все последующие — он остался».

*

Париж. Сентябрь 50-го г.

То, что я хочу сказать, гораздо важнее того, что я есть. Устраниться — и *устранить*.

*

Прогресс: решиться не рассказывать любимому существу о боли, которую оно нам причиняет.

*

Боязнь страдания.

*

Фолкнер. На вопрос, что он думает о молодых писателях, отвечает: «Они не создадут ничего значительного. Им нечего больше сказать. Чтобы писать, нужно проникнуться простыми и великими истинами и посвятить свое творчество одной из них или всем им вместе. Те, кто не умеют говорить о гордости, чести, страдании, — посредственные писатели, и сочинения их умрут вместе с ними, если не раньше. Гёте и Шекспир выстояли, потому что верили в человеческое сердце. Бальзак и Флобер тоже. Они вечны».

— В чем причина охватившего литературу нигилизма?

— В страхе. В тот день, когда люди перестанут бояться, они снова начнут создавать шедевры, то есть произведения, которым суждена долгая жизнь.

*

Сорель: «Ученики вынуждают учителя отбросить сомнения и принять окончательные решения».

*

Без сомнения, всякая мораль нуждается в *толике* цинизма. Но где предел?

*

Паскаль: «Долгое время я жил, веря в существование справедливости, и не ошибался, ибо она существует постольку, поскольку Господу было угодно открыть нам ее. Но я ошибался, ибо полагал, что наша справедливость справедлива сама по себе, независимо от Господней воли, и что я смею познать ее и судить о ней».

*

Н. (эллины): «Отвага благородных племен, безумная, бессмысленная, стихийная отвага... их безразличие и презрение к телесной безопасности, к жизни и благополучию».

*

Роман. «Любовь либо крепнет, либо вырождается. Чем она несчастнее, тем сильнее она калечит. Если любовь лишена творческой силы, она навсегда отнимает у человека возможность творить по-настоящему. Она — тиран, причем тиран посредственный. Поэтому П. было тяжело сознавать, что он полюбил, не имея возможности целиком отдаться этой любви. Он безрассудно растрачивал время и душу и видел в этом некую справедливость, в конечном счете единственную, какую ему довелось встретить на этой земле. Но признать существование этой справедливости значило бы признать себя обязанным поднять свою любовь над уровнем посредственности, обязанным претерпевать самую страшную, но самую честную боль, ту, перед которой он всегда отступал с бьющимся сердцем, не помня себя от страха. Он не мог ни сделать больше, ни

стать другим, и единственная любовь, которая могла бы все спасти, была любовь существа, которое приняло бы его таким, как он есть. Но любовь не может смириться с тем, что есть. Не для того раздается во всех уголках земли ее зов. Она отвергает доброту, сострадание, ум, все, что ведет к примирению. Она зовет к невозможному, к абсолютному, к небу в огне, к вечной весне, к жизни, преодолевающей смерть, и смерти, преображенной в вечную жизнь. Как можно было, полюбив, примириться с ним — в определенном смысле не более чем ничтожеством, причем сознающим свое ничтожество. Только он сам мог бы примириться с собой — примирившись с долгой, бесконечной и жестокой болью, настигающей человека, который потерял свою любовь и знает, что сам виноват в этом. Так мог он обрести свободу, правда, свободу страшную, истекающую кровью. Так, признав свое собственное ничтожество и ничтожество жизни любого человека, но одновременно ощутив в душе порыв к великому, который один только и мог его оправдать, обретал он и возможность творить в меру отпущенных ему сил.

Без этой попытки любовь, столкнувшись с любой слабостью, превращается в глупое ребячество, становится тем бесполезным и безрадостным принуждением, против которого в конце концов восстает всякое хоть сколько-нибудь требовательное сердце. Да, надо было сказать именно так: «Я люблю тебя — но я полное или почти полное ничтожество, и ты не можешь вполне примириться со мной, несмотря на всю твою любовь. Глубинам твоей души, тайным истокам твоим потребна цельность, а во мне ее нет. Прости мне, что душа моя меньше моей любви, возможности — меньше желания, прости, что любовь моя стремится к цели, мне недоступной. Прости меня и не унижай меня больше. Когда ты уже не сможешь любить меня, ты сможешь быть ко мне справедливой. Однажды ты поймешь, какой ад я ношу в себе, и полюбишь меня, помимо нашей воли, любовью, которая никогда не сможет насытить не только тебя, но и меня, но которую я тем не менее посчитаю даром жизни и еще раз примирюсь с нею в своей муке». Да, сказать нужно было именно так, но тут-то и начиналось самое трудное. В ее отсутствие дни стонали, а каждая ночь зияла раной».

*

Самая сильная страсть XX века: холуйство.

*

В Бру две лежащие фигуры — надгробные памятники Маргарите Австрийской и Филиберу Савойскому — вместо того, чтобы смотреть в небо, вечно смотрят друг на друга.

*

Тем, кто не требовал от мира и людей абсолютного целомудрия и не выл от тоски и беспомощности, осознав неисполнимость этого требования, тем, кто не губил себя в попытках опуститься до уровня существа, не способного творить любовь и умеющего лишь копировать ее, тем не понять, что такое бунт и его неистовая страсть к разрушению.

*

«Аксьон франсез». Умонастроение парий, отторгнутых историей: злоба. Расизм политического гетто.

*

Я не люблю чужих секретов. Но мне интересны чужие признания.

*

Пьеса. Человек, не имеющий характера. Он меняется в зависимости от того, что думают о нем окружающие. Жалкий рохля с женой. Умница и храбрец с любимой женщиной и проч. ...Однажды два образа сталкиваются. Конец:

Горничная: Вы очень добры, сударь.

Он: Возьмите, Мари, это вам.

*

Мало кто способен *понять* искусство.

*

Во времена Рембрандта изображением битв занимаются фабриканты.

*

Париж. Дождь и ветер усыпали улицы осенними листьями. Идешь по влажному рыжему меху.

*

Шофер такси, негр, с учтивостью, какой не встретишь в Париже в 1950 году, сказал мне, когда мы проезжали мимо «Комеди Франсез», перед которой стояло множество машин: «Дом Мольера нынче вечером полон».

*

Уже две тысячи лет люди непрестанно и упорно лгут, говоря о греческой культуре. Марксисты в этом отношении — наследники христиан. И эти же две тысячи лет греческая культура защищается так успешно, что в идеологии XX столетия различимо больше греческих и языческих черт, чем христианских и русских.

*

Интеллектуалы творят теории, массы — экономику. В конечном счете интеллектуалы пользуются трудом масс, то есть теория пользуется экономикой. Вот почему им необходимо поддерживать блокаду и экономическое рабство — чтобы массы оставались на черной работе. Очень верно, что плоть истории составляет экономика. Идеи довольствуются тем, что управляют ею.

*

Отныне я знал правду о себе и о других. Но не мог принять ее. Я корчился под ее тяжестью, она жгла меня огнем.

*

Творцы. Когда разразится катастрофа, им придется драться первыми. Если они проиграют, те, кто выживут, доберутся до стран, где можно будет возродить культуру: Чили, Мексики и проч. Если победят — это опаснее всего.

*

XVIII век: утверждение, что человек способен совершенствоваться, само по себе уже спорно. Но утверждение, что человек добр, звучащее из уст человека пожившего...

*

Да, у меня есть родина: французский язык.

*

Роман.

1) Взятие Веймара, или чего-то подобного, полосатыми.

2) В лагере гордый интеллеktуал попадает в камеру пленков.

Смысл всей его последующей жизни: выжить, чтобы иметь возможность убивать.

*

Роспуск группы. Лазаревич: «Мы любим себя, вот и все. Мы не способны пальцем пошевелить ради того, что мы любим. Нет, мы не бессильны. Но мы отказываемся сделать даже то небольшое, что в наших силах. Если на улице дождь, если мы поругались с домашними, нам уже не до собрания, и проч., и проч. ...»

*

Бесчестность художника, который делает вид, что верит в принципы демократии. Ибо в этом случае он отрицает самую глубинную сущность своего опыта, великий урок искусства: иерархию и упорядоченность. Неважно,

что эта бесчестность продиктована чувством. Она ведет к рабскому труду на фабриках или в лагерях.

*

С. Вейль права, защищать надо не человеческую личность, а таящиеся в ней возможности. К тому же, говорит она, «нельзя постичь истину, не пережив собственной гибели: не прожив долгое время в состоянии полного и крайнего самоуничужения». Несчастье (я могу исчезнуть случайно) — именно в этом состоянии самоуничужения, а не в страдании. И еще: «Дух справедливости и дух истины един».

*

Революционный ум отрицает первородный грех. И погрязает в нем. Греческий ум о нем не думает. И избегает его.

*

Сумасшедшие в концентрационных лагерях. На свободе. Жертвы жестоких шуток.

*

В Бухенвальде фашисты избивают людей, а оперного певца заставляют петь при этом знаменитые арии.

*

То же. Свидетели Иеговы в Бухенвальде отказались вязать шерстяную одежду для немецких солдат.

*

В Гинцерте французские заключенные носили на одежде две заглавные буквы: HN — Hunde-Nation — Нация собак.

*

Коммунизм во Франции имеет шансы на успех, потому что французы — нация солдат.

*

Пьеса.

— Такова честность. Думая, что творит добро, она творит зло.

— Но она их различает.

*

Принцип права — это государственный принцип. Римский принцип, который 89-й год возродил насильно и противозаконно. Следует вернуться к греческому принципу — автономии.

*

Описание моря. Волны — слюна богов. Морское чудовище, море-соперник и проч. Мое беспорядочное влечение к наслаждению.

*

Александр Жакоб: «Видишь ли, мать — это человечество».

*

Лейбниц: «Я не презираю почти ничего».

*

23 января 51-го г. Валанс.

Я кричал, требовал, злорадствовал, отчаивался. Но, дожив до тридцати семи лет, я узнал однажды, что такое несчастье, и понял все то, чего, как выяснилось, не понимал до сих пор. В середине жизни мне пришлось заново, с трудом учиться жить одному.

*

Роман. «Я, который уже давно жил, стеная, в мире тел, восхищался теми, кто, подобно С.В., сумел, казалось, освободиться от их власти. Что до меня, я не мог вообразить любви без обладания и, следовательно, без унижительного

страдания, неизменного удела тех, кто живет по велению плоти. Я доходил до того, что соглашался, чтобы любящее меня существо изменяло мне душой и сердцем, лишь бы оно оставалось верным мне физически. Впрочем, прекрасно зная, что у женщин физическая верность зависит от духовной, я домогался и этой последней, но лишь как условия плотского обладания, которое было для меня важнее всего остального, — отсутствие его причиняло мне неисчислимые муки, а наличие было моим спасением. Мой рай заключался в непорочности окружающих».

*

Грас — столица парикмахеров.

*

Вернуться к переходу от эллинизма к христианству, единственному подлинному перевороту в истории. Опыт о судьбе (Немезида).

*

Сборник философских эссе. Философия выражения + комментарий к первой книге Этики + размышления о Гегеле (лекции о философии истории) + эссе о Гренье + комментарий к «Апологии» Сократа.

*

«Свобода — дар моря». Прудон.

*

То, чего я так долго искал, наконец появляется. Готовность к смерти.

*

5 февраля. Умереть, ничего не решив. Но кто умирает, все решив, кроме...? Решить по крайней мере, как не потревожить покоя тех, кого ты любил... Себе самим мы ничего не должны, даже — и в особенности — предсмертного умиротворения.

*

Февраль 1951 г. Человек бунтующий. Я хотел сказать правду, оставаясь великодушным. В этом мое оправдание.

*

Работа и проч. 1) Эссе о море. Собрать книгу эссе: Праздник. 2) Предисловие к американскому изданию пьес. 3) Предисловие к американскому изданию эссе. 4) Перевод Тимона Афинского. 5) Любовь к дальнему. 6) Вечный голос.

*

Игнатий Лойола: «Беседа, лишённая порядка, греховна».

*

После «Человека бунтующего». Яростный, упрямый отказ от системы. Впредь — афоризмы.

*

Лойола. Род человеческий: «Все эти толпы людей, стремящихся в ад».

*

Новелла. Страх смерти. И он кончает с собой.

*

Ничтожные парижские писаки, взращивающие в себе то, что они считают дерзостью. Слуги, которые и подражают господам, и смеются над ними в лакейской.

*

Я желал насильственной смерти — такой, когда протительно закричать от боли, потому что у тебя из груди вырывают душу. В другие дни я мечтал умирать долго и в полном сознании — чтобы по крайней мере никто не мог

сказать, что смерть застала меня врасплох, что она пришла в мое отсутствие, — одним словом, чтобы знать... Но в земле так душно.

*

1 марта 51-го г. Мыслитель движется вперед, если не спешит с выводами, пусть даже они кажутся ему очевидными.

*

Добродетель напоказ, заставляющая отрицать собственные страсти. Более глубокая добродетель — заставляющая уравнивать их.

*

Моя могучая воля к забвению.

*

Если бы мне было суждено умирать вдали от мира, в холодной тюремной камере, море в последний момент затопило бы мою темницу, подняло бы меня на неведомую мне доселе высоту и помогло бы мне умереть без ненависти.

*

7 марта 1951 г.

Окончил первый вариант «Человека бунтующего». Эта книга венчает два первых цикла. 37 лет. Может ли теперь творчество стать свободным?

*

Всякое свершение обрекает на рабство. Оно обязывает к более высоким свершениям.

ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ

«Записные книжки» (писатель называл их «тетрадами») велись Альбером Камю на протяжении многих лет — с 1935 г. до смерти. Среди этих записей, не предназначавшихся автором для печати, — дневниковые заметки различного содержания, планы произведений и наброски отдельных фрагментов, перечни литературы, конспективные выписки из прочитанных книг.

«Записные книжки» изданы во Франции в трех томах (издательство «Галлимар»). В настоящее издание полностью включены два первых тома, вышедшие соответственно в 1962 и 1964 гг. и охватывающие период с 1935 по 1951 г.

ТЕТРАДЬ № 1

Май 1935 — сентябрь 1937 г.

Стр. 8. *Гренье, Жан* (1898—1971) — философ и писатель, преподавал в 30-е годы философию в Алжирском университете. В 1935 г. Камю учился у Ж. Гренье.

Стр. 10. *Пленник пещеры, я стою один перед тенью мира* — подразумевается известный образ Платона («Государство», кн. VII): человек познает мир идей по их несовершенным материальным подобиям, подобно тому как заключенный в пещере узник познает внешний мир по теням вещей.

Стр. 12. *II часть* — здесь и далее многие заметки относятся к первому роману Камю «Счастливая смерть». Написанный в 1936—1938 гг., этот роман при жизни писателя остался неопубликованным и был напечатан лишь в 1971 г. Фабула его вкратце такова. Молодой алжирский служащий Патрис Мерсо (его фамилия, с небольшим фонетическим изменением, впоследствии перешла к главному герою повести «Посторонний») узнает, что его любовница Марта была когда-то возлюбленной богатого человека по фамилии Загреус. Движимый «сексуальной ревностью» к нему, Мерсо проникает в дом Загреуса, который после несчастного случая стал беспомощным калекой, и убивает его. Завладев деньгами убитого и скрывшись с места преступления, он порывает с Мартой, путешествует по Европе (по Чехословакии, Германии, Австрии), потом вновь возвращается в Алжир.

Некоторое время он живет там в «Доме перед лицом Мира» (на господствующем над городом холме) в компании трех девушек, своих давних приятельниц, — Роз, Клер и Катрин. Затем, женившись на другой своей старой подруге, Люсьене, он поселяется в приморской деревне Шенуа, где в конце концов умирает от болезни сердца, сохранив внутреннюю цельность и «невинность», несмотря на совершенное им преступление. В процессе работы над романом его фабула и еще более того композиция глав и эпизодов существенно и неоднократно изменялись.

Стр. 14. ...у Паскаля развлечения отдаляют нас от Бога — Блез Паскаль называл «развлечениями» все внешние занятия и впечатления, которые способны отвлечь человека от сознания своей смертности (см. его «Мысли», гл. V).

Стр. 15. *Non ridere, non lugere...* — перефразированная цитата из «Политического трактата» Спинозы (у Спинозы: «*Non indignari, non admirari, sed intellegere*» — «Не негодовать, не удивляться, но понимать»). Камю, вероятно, заимствует ее из книги Л. Шестова «Киркегард и экзистенциальная философия» (1936, франц. перевод 1936), где она неоднократно повторяется именно в таком виде.

Стр. 19. *M.* — в дальнейшем так обозначается Мерсо, герой романа «Счастливая смерть»; однако мотивы, излагаемые в данном фрагменте, в роман не вошли.

Стр. 20. *Солнце и смерть* — заметки к роману «Счастливая смерть».

Стр. 22. *Бог — Средиземное море...* — одна из любимых идей Камю о «средиземноморской культуре» (ср., например, статью «Рене Шар»).

Стр. 23. *Философское произведение: абсурд* — имеется в виду замысел книги «Миф о Сизифе».

Литературное произведение — по-видимому, «Счастливая смерть».

Эссе о смерти и Философии — Мальро — ср. главу «Завоевание» в «Мифе о Сизифе».

Стр. 24. *Едва нарушилось религиозное единство Священной Римской империи...* — Священная Римская империя, управляемая германскими императорами, пережила свой расцвет в X—XIII вв., после чего она утратила власть над Италией и стала приходить в упадок.

Нынешний гуманизм... лишь усугубляет пропасть между Востоком и Западом (вспомним Мальро) — в первых романах А. Мальро — «Завоеватели» (1928), «Королевская дорога» (1930), «Удел человеческий» (1933) — изображаются приключения европейских авантюристов и революционеров в странах Востока.

Калигула, или Смысл смерти — пьеса «Калигула» была впервые поставлена в 1945 г., но написана, как полагают, еще в 30-е гг.

...ср. *Светония* — имеется в виду жизнеописание императора Калигулы в «Жизни двенадцати цезарей» Светония.

Стр. 26. *Гастроли (театр)* — в 1936—1937 гг. Камю работал актером в театральной труппе Алжирского радио и много гастролировал по стране.

Оран — город в Алжире; ему посвящен очерк Камю «Минотавр» (1939, опублик. 1946; вошел в сборник «Лето», 1954). В Оране происходит также действие романа «Чума» (1947).

Касба — цитадель, старинный район в арабских городах (в частности, в Алжире).

Стр. 27. *Эссе о развалинах* — очерк «Ветер в Джемила» (сб. «Брачный пир», 1939; другой перевод названия сборника — «Бракосочетания»).

Сахель — область на востоке Туниса.

...к теме «смерть в душе» — так называется один из очерков в первой книге Камю «Изнанка и лицо» (1937).

Стр. 29. *Родс, Сесил (1853—1902)* — английский колониальный завоеватель.

Культура неизбежно превращается в цивилизацию (ср. Шпенглер) — согласно Освальду Шпенглеру («Закат Европы», 1918—1922), всякая культура как органически-творческое существо, умирая с ходом истории, превращается в цивилизацию — механическое индустриально-завоевательное образование.

Стр. 30. *Сражение под Шарлеруа глазами Марселя* — в романе «Счастливая смерть» этот рассказ вложен в уста Эмманюэля, приятеля главного героя. Сражение под Шарлеруа (в Бельгии) произошло летом 1914 г., в начале первой мировой войны.

Стр. 31. *Прага. Бегство от себя* — фрагмент для романа «Счастливая смерть».

Стр. 32. *Лион* — далее следуют заметки о поездке самого Камю в Австрию, Чехословакию и Италию летом 1936 г.

Стр. 34. *Для Романа об игре* — подзаголовок «Игрок» имеется в рукописи пьесы «Калигула».

«*Плеяды*» — роман Ж.-А. де Гобино (1874).

Стр. 35. *Мэнсфилд, Кэтрин (1888—1923)* — новозеландская писательница, работала в Европе. Как и Камю, болела туберкулезом; Камю, вероятно, имеет в виду ее посмертно опубликованный «Дневник».

Стр. 36. *...вдруг обнаруживает, насколько ему чужда эта жизнь* — в оригинале буквально «что он был посторонним в жизни»; здесь впервые формулируется замысел повести «Посторонний».

Стр. 37. *Проект плана* — имеется в виду роман «Счастливая смерть».

Стр. 39. *В Марселе, счастье и грусть...* — следуют заметки о новой поездке в Италию (сентябрь 1937 г.), частично вошедшие в очерк «Пустыня» (сб. «Брачный пир»).

Стр. 40. *Дuomo (итал.)* — собор.

Кампо Санто — название исторических некрополей в Италии.
Стр. 41. *Гоццоли и Ветхий завет...* — очевидно, речь идет о фресках на пизанском Кампо Санто художника Беноччо Гоццоли (1420—1497), впоследствии сильно пострадавших во время Второй мировой войны.

ТЕТРАДЬ № II
Сентябрь 1937 — апрель 1939 г.

Стр. 48. *Киркегор в «Философских пустыях»* — книга Киркегора «Философские пустышки» (или «Философские крохи») датируется 1844 г.

«*Он проснулся в поту...*» — набросок к роману «Счастливая смерть».

Стр. 49. *Рамакришна* (наст. имя Гададхар Чаттерджи, 1836—1886) — индийский религиозный мыслитель-мистик, общественный деятель.

«*Теолого-политический трактат*» — сочинение Б. Спинозы (1670).

Сорель, Жорж (1847—1922) — французский социалист, теоретик анархо-синдикализма.

«*Иллюзия прогресса*» (точнее, «Иллюзии прогресса», 1908) — книга Ж. Сореля.

Стр. 50. «*Эко де Пари*» — в 30-х гг. парижская консервативная газета.

Стр. 51. *...как только я получил назначение в Бель-Аббес...* — в сентябре 1937 г. Камю был приглашен работать преподавателем в коллеже алжирского города Сиди-Бель-Аббес, но отказался от этой должности.

Стр. 52. *Жироду, Жан* (1882—1944) — французский писатель. *Блида* — город в окрестностях Алжира, у подножья гор.

Стр. 53. *Кабилля* — горная местность к востоку от г. Алжира.

Хаксли, Олдос Леонард (1894—1963) — английский писатель.

«*Потребность в счастье...*» — набросок к роману «Счастливая смерть».

Стр. 54. *...Жид и Монтерлан... не ездили по железной дороге со скидкой...* — оба эти писателя были известны как путешественники (А. Жид выпустил книги о поездках в Черную Африку и в Советский Союз, А. де Монтерлан — об Испанской корриде).

Стр. 55. *Персонаж А. М. калека...* — Загреус из романа «Счастливая смерть».

Каиклински — алжирский врач, друг Камю по его философским занятиям.

Стр. 56. «*Aedificabo et destruiam*», — сказал Монтерлан — см.: А. де Монтерлан, «Бесполезное служение» (1935), предисловие.

«*Воля к счастью*» — речь идет вновь о романе «Счастливая смерть».

Стр. 58. *«Vita nuova»* («Новая Жизнь») — автобиографическая повесть в стихах и прозе Данте (ок. 1292).

Стр. 59. *Ночью он почувствовал...* — набросок к роману «Счастливая смерть».

Стр. 63. *Мелвилл*, Герман (1819—1891) — американский писатель. Как признавал сам Камю, на его творчество оказала большое влияние тема борьбы с природным злом и экзистенциального бунта в романе Мелвилла «Моби Дик» (1851).

Ницше. Осуждение Реформации... — см.: Ф. Ницше, «Антихристианин», фрагмент 61. Ницше рисует картину триумфа ренессансного язычества, представляя себе образцового «антихристианина» Цезаре (Цезаря) Борджиа на папском престоле (на самом деле папой Александром VI был его отец).

Стр. 65. *В богадельне умирает старая женщина* — набросок первого эпизода повести «Посторонний».

Стр. 66. *Закончить Флоренцию и Алжир* — имеются в виду очерки для сборника «Брачный пир»: «Пустыня» и «Лето в Алжире».

Стр. 67. *Жинью*, Клод-Жозеф (1890—1966) — французский экономист и политический деятель.

Стр. 69. *Романы-фельетоны* — романы «с продолжением», публикуемые в газете; легкое чтение.

Стр. 70. *Вассерман*, Якоб (1873—1934) — немецкий писатель.

Закон Ману (Законы Ману) — древнеиндийский религиозно-наставительный текст, приписываемый мифическому прародителю людей Ману. Камю, вероятно, цитирует через посредство Ницше («Антихристианин», фрагмент 56).

Стр. 71. *«Человеческое, слишком человеческое»* — книга Ницше (1878).

Работы об этрусках — судя по заметкам Камю (ср. ниже, стр. 132), он собирал материалы для большой работы по истории культуры, включающей раздел об этрусках. Замысел не был реализован.

Стр. 72. *Белькур* — район г. Алжира, где Камю провел детские годы.

Стр. 74. *Вернуться к работе над Платином* — Платин (204/205—270) — позднеантичный философ, основатель неоплатонизма. Ему посвящена глава в дипломной работе Камю по философии «Христианская метафизика и неоплатонизм» (1936). К философии Платина Камю вновь обратился в «Мифе о Сизифе».

Стр. 77. *Сегодня умерла мама...* — набросок начала «Постороннего».

Стр. 80. *Жанна* — персонаж, упоминаемый много позже в романе «Чума» (жена служащего мэрии Грана).

Стр. 83. *«Брачный пир»* — см. прим. к стр. 27.

Стр. 84. *Константина* — город в Алжире.

Об Абсурде? — следуют наброски к книге «Миф о Сизифе» и к повести «Посторонний».

Стр. 86. *Гурвич*, Жорж (1894—1965), французский философ и социолог.

«*Риваж*» — журнал, основанный Камю в Алжире в 1939 г.; вышло всего два номера.

Микель, Луи — алжирский архитектор, друг Камю.

Шарло — издатель журнала «Риваж».

Стр. 88. *Стюарт Милль* — Джон Стюарт Милль (1806—1873), английский философ.

«*Когда я оказался в купе первого класса...*» — набросок к роману «Счастливая смерть».

Стр. 90. *Толпа и драки* — фрагмент для «Постороннего» (приведенные слова вложены в уста Раймона, соседа героя повести).

Мобилизация — вероятно, имеется в виду частичная мобилизация, объявленная французским правительством в сентябре 1938 г., во время германо-чехословацкого («судетского») кризиса. Мобилизация была вскоре отменена после заключения Мюнхенского соглашения с Гитлером.

ТЕТРАДЬ № III

Апрель 1939 — февраль 1942 г.

Стр. 93. *Сюжет для пьесы* — первый набросок пьесы «Недоумение» (1943, поставлена в 1944).

Стр. 95. *Бодлер*: «*В Декларации прав...*» — цитата из статьи Ш. Бодлера «Эдгар По, его жизнь и творчество» (1856).

Госпожа дю Барри — графиня Жанна дю Барри (1743—1793), фаворитка французского короля Людовика XV, казнена во время революции.

Стр. 96. *Корес и Каллироя* — согласно греческой легенде, царская дочь Каллироя отвергла домогательства жреца Кореса, и разгневанный бог Дионис наслал бедствия на ее город; оракул потребовал принести Каллирою в качестве искупительной жертвы богу, но Корес предпочел убить себя, и Каллироя последовала его примеру.

Стр. 98. *Пакту крышка* — в оригинале говорится об «Антикоминтерновском пакте», в 1939 г. объединявшем Германию, Японию и Италию.

На вокзале запасники... — имеются в виду резервисты, отправляющиеся на фронт.

Стр. 101. *...освобожденный от воинской повинности...* — Камю, еще до войны признанный негодным к военной службе, пытался вступить в армию добровольцем; здесь, очевидно, отра-

жены его впечатления о новом медицинском освидетельствовании.

Стр. 102. *Гретьюизен по поводу Дильтея...* — Бернар Гретьюизен (1887—1946) — французский философ и критик. Здесь, очевидно, идет речь о его книге «Дильтей и его школа» (1912).

Стр. 105. *Жарри*, Альфред (1873—1907) французский писатель, предшественник дадаизма.

«*Но этот малыш очень болен...*» — Камю был вновь признан негодным к военной службе.

...*Полян на страницах «Нувель ревью франсез»...* — писатель и критик Жан Полян (1884—1968) в 1925—1940 гг. возглавлял журнал «Нувель ревью франсез».

Стр. 106. *Смерть Людовика XVI* — Камю, по-видимому, делает заметки о смертной казни для книги «Миф о Сизифе» (см. главу «Абсурдная свобода»).

Экзистенциальный скачок — понятие, введенное Киркегором и подхваченное экзистенциалистами XX века; означает иррациональный прорыв человека к высшему порядку бытия, к высшему знанию о мире.

Стр. 107. *...не больше поводов для отчаяния, чем было в 1928 г.* — вероятно, имеются в виду какие-то личные обстоятельства неизвестного корреспондента Камю.

Стр. 109. *...Грином в его «Дневнике»* — имеется в виду французский писатель Жюльен Грин (род. 1900). К 1939 г. вышло два тома его «Дневника».

...чтобы я попала в первую десятку — имеются в виду результаты школьных или университетских экзаменов.

Монтерлан поставил эпиграфом к «Бесполезному служению»... — эта книга эссе А. де Монтерлана вышла в 1935 г.

Монсеньор Дарбуа — Жорж Дарбуа (1813—1871), архиепископ Парижский; расстрелян коммунарами.

...урок, оправдывающий Диогена и Эрнеста Ренана — эти два философа поставлены рядом как представители скептической мысли.

Стр. 111. *Ла Палис* (Жак де Шабан, сеньор де ла Палис, ок. 1470—1525) — маршал Франции, погибший в битве при Павии. Народная молва увековечила его в образе легкомысленного, бесшабашного храбреца, который, по словам народной песенки, «за четверть часа до смерти был еще жив».

Веды — древнейшие памятники индийской религиозной литературы (конец второго — начало первого тысячелетия до н. э.).

Фонтан, Луи де (1757—1821) — французский поэт и критик, в годы империи Наполеона I встал во главе Французского университета.

Стр. 114. *Перед Борджиа, избранным папой...* — имеется в виду папа Александр VI (Родриго Борджиа, 1431—1503, на престо-

ле с 1492). Здесь и ниже следуют заметки о цивилизации итальянского Возрождения, связанные с неосуществленным замыслом Камю написать историко-культурное исследование (см. прим. к стр. 71).

Бурхард, Иоганн (между 1450 и 1455—1506) — церемониарий при папской курии в Риме; оставил дневник, впервые изданный полностью в 1885 г.

Иннокентий VIII (Джованни Батиста Чибо, 1432—1492) — папа римский с 1484 г.

Стр. 115. *Фердинанд Неапольский* — Фердинанд (Ферранте) I (1423—1494), неаполитанский король с 1458 г.

Александр и Лукреция Борджиа — папа Александр VI и его дочь Лукреция (1480—1519), сестра Чезаре Борджиа.

Aut Caesar, aut nihil (то есть «все или ничего») — девиз Чезаре (Цезаря) Борджиа, заимствованный у римского императора Калигулы.

Стр. 116. *Трюк, Гонзаг-Жозеф* (1877—?) — французский писатель, историк, эссеист.

Стр. 120. *«Душа, не стремись к вечной жизни...»* — строки Пиндара, поставленные в эпиграф «Мифа о Сизифе».

Персонажи — заметки к повести «Посторонний».

Стр. 121. *Трувиль* — морской курорт в Нормандии.

Стр. 124. *Когда смотришь на Париж с вершины Холма...* — имеется в виду Монмартрский холм.

Стр. 125. *Эйзенштейн и праздника Смерти в Мексике* — речь идет о киноматериалах, отснятых С. Эйзенштейном в Мексике в 1930—1931 гг., которые должны были составить киноэпопею «Да здравствует Мексика!». Завершить работу режиссеру не удалось; из отснятой им пленки на американской студии «Парамаунт» были без его участия смонтированы несколько фильмов, которые демонстрировались в странах Запада.

Леже, Фернан (1881—1955) — французский художник.

Стр. 128. *«Пари-Суар»* — парижская газета, где Камю в 1940 г. проработал несколько месяцев секретарем редакции.

Террачини, Энрико (1909—?) — итальянский писатель.

Стр. 129. *Для Дон Жуана* — по-видимому, заметки к главе «Дон Жуан» в книге «Миф о Сизифе».

Ларусс — обиходное название энциклопедических словарей, выпускаемых с середины XIX в. издательством «Ларусс».

«Мизантроп» — комедия Мольера (1666).

Стр. 130. *Исход* — отступление французской армии и эвакуация населения в июне 1940 г. под натиском германского вермахта.

Закончена первая часть Абсурда — имеется в виду «Миф о Сизифе».

Святой Фома Аквинский (будучи подданным Фридриха)... — средневековый философ и теолог Фома Аквинский (1227—1274)

был итальянским монахом, т.е. подданным императора Священной Римской империи Фридриха II (1194—1250), боровшегося с папой римским за власть над Италией. Здесь и ниже Камю вновь делает выписки по итальянской истории (см. прим. к стр. 71).

Стр. 132. *Бандоль* — морской курорт на Лазурном берегу.

Стр. 133. *...оранцев пожирает Минотавр* — это *скука* — Камю перерабатывает свой очерк «Минотавр», написанный в 1939 г.

Стр. 134. *«Неволя и величие солдата»* — книга Альфреда де Виньи (1835). Следуют выписки из этой книги.

Стр. 135. *Монтекукулли... после гибели Тюренна...* — речь идет о сражении при Засбахе (Эльзас) в 1675 г. между армией Священной Римской империи под предводительством итальянского князя Р. Монтекукколи (1609—1680, у Виньи и Камю Монтекукулли) и французскими войсками, которыми командовал маршал де Тюренн (1611—1675).

В поезде — набросок к роману «Чума».

Стр. 137. *Розанов* — до второй мировой войны ни одна книга В.В. Розанова не переводилась на французский язык. Камю, очевидно, берет цитату из вторых рук.

Шакья-Муни — одно из имен Будды.

Стр. 138. *«Аббат: Зачем не жить...»* — Байрон, «Манфред» (1816), акт третий.

«Будеёвице» — первоначальное название пьесы «Недоразумение» (Ческе-Будеёвице — город в Чехословакии).

Преподаватель греческого и латыни — этот персонаж, Стефан, исключен из окончательной редакции романа «Чума».

Обнаруживает, что до сих пор не понимал Фукидида и Лукреция — в «Истории» Фукидида и в поэме Лукреция «О природе вещей» содержатся яркие картины чумы, поразившей Афины.

Стр. 139. *Брошюрка об Оране* — отдельное издание «Минотавра», которое должно было выйти в 1942 г., но не было пропущено цензурой.

Греки — Камю собирает материал для критического исследования о театре, в частности о греческой трагедии (ниже обозначается как «Опыт о трагедии»). Замысел не был осуществлен.

Стр. 141. *«Стон по морю...»* — Эсхил, «Персы» (ок. 472 г. до н.э.), эпизодий первый.

Делосский союз — союз греческих приморских городов под гегемонией Афин; существовал в 478/477 — 404 гг. до н.э.

Токвиль, Алексис де (1805—1859) — французский историк и политический мыслитель.

Стр. 142. *«Ифигения в Тавриде»* — название многих литературных и оперных произведений; в числе авторов Еврипид, И. Пиндемонтте, И.-В. Гёте, Гимо де Латуш, Жан Мореас, К.-В. Глюк и др.

Красота — главная моя забота... — перефразированная хрестоматийная цитата из стихотворения Франсуа де Малерба (1552—1628) «Намерение оставить некую даму...».

Стр. 143. *Копо*, Жак (1879—1949) — французский писатель и театральный деятель.

Шансерель, Леон (1886—1965) — французский драматург и режиссер, автор ряда книг по театроведению.

Барро, Жан-Луи (род.1910) — французский актер и режиссер.

Стр. 144. *Уэбстер*, Джон (ок. 1580—ок. 1624) — английский драматург.

«*Испанская трагедия*» — сочинение английского драматурга Томаса Кида (1589).

...*Марло... убитый сыщиком* — английский драматург Кристофер Марло (1564—1593) погиб в трактирной драке, затеянной, как утверждали, полицейскими агентами.

Уорбертон, Уильям (1698—1779) — английский писатель, епископ.

Мессинджер, Филип (1583—1640) и *Флетчер*, Джон (1579—1625) английские драматурги.

Бонзельс — вероятно, имеется в виду немецкий писатель Вальдемар Бонзельс (1881—1962).

Стр. 145. *Катары* — приверженцы ереси, распространенной в XI—XIII вв. в Западной Европе, особенно в Южной Франции, Фландрии и Италии.

Торквемада, Томас де (1420—1498) — великий инквизитор Испании с 1483 г.

«*Идеи к философии истории человечества*» — философско-исторический труд И.-Г. Гердера (1784—1792).

Стр. 146. *Бёрд*, Ричард Ивлин (1888—1957) — американский летчик, полярный исследователь.

Стр. 147. *Т.Э. Лоуренс* — Томас Эдвард Лоуренс, «Лоуренс Аравийский» (1888—1935), английский разведчик, позднее писатель. После окончания первой мировой войны он действительно под вымышленной фамилией записался рядовым в королевские военно-воздушные силы.

Фабр-Люс, Альфред (1899—1983) — французский писатель и публицист.

«*Записки Мальте Лауридса Бригге*» — роман Р.-М. Рильке (1910).

Винуват Париж — в 1900-х гг. Рильке много жил в Париже, испытывая влияние его духовной атмосферы.

Итье, Жан — литератор, товарищ Камю по алжирскому журналу «Риваж» в 1939 г.

«*Жан из Сентре*» — «Маленький Жан из Сентре», куртуазный роман Антуана де ла Сая (ок. 1456).

Стр. 148. *Пьер де Лариве: переводчик. «Духи», перевод из Лоренцино Медиччи* — Пьер де Лариве (ок. 1540—ок.1612) — фран-

цузский драматург. В 1940 г. Камю обработал для современного театра его пьесу «Духи», в свою очередь переведенную из итальянского драматурга (и политического деятеля) Лоренцино Медичи (1514—1548). Постановка состоялась уже после войны.

Сент-Эврмон, Шарль де Маргетель де Сен-Дени де (ок. 1615—1703) французский писатель-моралист и литературный критик.

Эссе о трагедии — см. прим. к стр. 139.

Польенса — город на острове Мальорка (Балеарские острова).

Стр. 149. *Фокион* (ок. 402—ок. 318 до н.э.) — афинский оратор и военачальник.

Стр. 150. *Солон* (между 640 и 635—ок. 559 до н.э.) — афинский государственный реформатор; был знаменит также как поэт.

Стр. 151. *Коэн* — вероятно, имеется в виду историк античности Робер Коэн (1889—1939).

О. Флаке о Саде — имеется в виду книга немецкого писателя Отто Флаке (1880—1963) «Маркиз де Сад» (1930, франц. перевод 1933). О маркизе де Саде Камю писал позднее в книге «Человек бунтующий» (1951).

«*Жюльетта*» — «Жюльетта, или Преуспевания порока», роман маркиза де Сада (1797).

Шарантон — психиатрическая лечебница близ Парижа.

«*Моби Дик*» — см. прим. к стр. 63.

Антестерии — празднества в древних Афинах, посвященные богу Дионису.

После того как Афины сдались Лисандру... — Камю делает выписки из «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха (ниже он обозначается инициалом П.).

Стр. 152. *Деметрий Полиоркет* (337—283 до н.э.) — племянник Александра Македонского, полководец и авантюрист.

Антисфен (444—365 до н.э.) — греческий философ, основатель школы киников.

ТЕТРАДЬ № IV

Январь 1942 — сентябрь 1945 г.

Стр. 153. «*Все, что не убивает меня, придает мне силы*» — слова Ницше; ср. выше, стр. 104.

...*маленькая станция, как у Толстого* — очевидно, подразумевается смерть Л. Толстого на станции Астапово.

Стр. 153. *Рец* — Поль де Гонди, кардинал де Рец (точнее, де Рэ, 1613—1679), один из лидеров Фронды в 1648 г. Автор мемуаров, из которых Камю делает далее выписки.

Стр. 154. *Иностранные ориентиры* — речь идет о работе над романом «Чума».

Д. Дефо — имеется в виду документальная книга Даниеля Дефо «Дневник чумного года» (1722).

...для враждебного отношения к Англии... — речь идет об официальной пропаганде вишистских властей в оккупированной Франции.

...революционные привычки и традиции — вариант в рукописи: «традиции возвышенной мысли».

Эпиграф к «Орану, или Минотавр» — в печатном тексте «Минотавра» эпиграф отсутствует.

Стр. 155. Для моего эссе о бунте — речь идет о замысле книги «Человек бунтующий», которая вышла только в 1951 г. В дальнейшем не раз упоминаются отдельные эссе, составляющие эту книгу.

Отшельница из Пуатье — героиня одноименной документальной книги Андре Жида (1930).

Баррес, Морис (1862—1923) — французский писатель-националист. Камю противопоставляет его воинственному пафосу сдержанную аналитичность Стендаля.

Беатриче Ченчи — здесь имеется в виду героиня новеллы Стендаля «Ченчи» (1837) из цикла «Итальянские хроники».

Тиртей — греческий поэт VII в. до н.э., известный своими воинственными песнями.

Люцифер Мильтона. «Подальше от Него!..» — Дж. Мильтон, «Потерянный рай» (1667), книга первая.

Стр. 157. Ф. Александер и Х. Штауб. «Преступник» — книга двух немецких психиатров «Преступник и его судьба» вышла во французском переводе в 1938 г.

Стр. 158. Дед А. Б... — набросок к роману «Чума».

Стр. 159. «Сельский священник» — роман Бальзака (1839). Ниже в этой заметке упоминаются другие произведения и персонажи Бальзака: Вероника де Грален, героиня «Сельского священника»; «Лилия» — роман «Лилия в долине» (1835); новелла «Этюд о женщине» (1830); «Феррагус» — первая часть (1833) романа «История Тринадцати»; роман «Герцогиня де Ланже» (1834) и его герой Монриво.

Стр. 160. Г-жа де Лафайет — Мари-Мадлен Пиош де Лавернь, графиня де Лафайет (1634—1693) французская писательница.

Морган, Чарлз (1894—1958) — английский писатель.

Стр. 162. Эпитафия Г. Гейне... — здесь и далее Камю делает выписки из писем Гюстава Флобера.

Стр. 163. Надо вернуться к Бодлеру — имеется в виду художественная критика Шарля Бодлера.

...проповеди о «возврате» — имеется в виду вишистская пропаганда, провозглашавшая лозунги «возврата к корням».

Стр. 165. «Вечное возвращение» — идея Ницше, противопоставленная понятию прогресса.

Страсти по Иоанну — название многих музыкальных произведений (И.-С. Баха, Г. Шютца и др.).

Брюлар — герой автобиографической книги Стендаля «Жизнь Анри Брюлара» (1835, опубликована посмертно).

Стр. 167. *Критика о «Постороннем»* — повесть «Посторонний» вышла в свет в июле 1942 г.

«Моралин» — словечко Ницше, презрительное обозначение для любой проповеди христианско-гуманистических добродетелей.

Стр. 170. *Брис Парен. Эссе о платоновском логосе* — эта книга французского философа и писателя Бриса Парена (1897—1971) вышла в 1942 г.

Бессмысленный поступок Жида — постоянный мотив в творчестве А. Жида: герой совершает бесполезный, ни с чем не сообразный, даже разорительный для себя поступок, чтобы таким образом освободиться от механической заданности жизни.

Стр. 174. *Панелье* — деревушка в Севеннах, в 60 километрах от г. Сент-Этьенн, где Камю прожил несколько месяцев в 1942—1943 гг.

Бедное детство — одна из частей предполагаемого «Романа о Справедливости».

Роман — судя по всему, имеется в виду большой роман, связанный с событиями войны и Сопротивления (в дальнейшем в «Записных книжках» обозначается по-разному — «Вселенский роман», «Роман о Справедливости», «Исправленное творение», «Система»); Камю работал над ним, параллельно с «Чумой», в военные и послевоенные годы; роман так и не был написан.

Авакум и его жена идут пешком... — «Житие протопопа Авакума» было издано во французском переводе в 1939 г.

Чжуан-Цзы (ок. 369—286 до н. э.) — древнекитайский философ, один из основателей даосизма.

...точку зрения Лукреция... — вероятно, имеются в виду риторические пассажи в поэме Лукреция «О природе вещей», в которых поэт представляет себя обзирающим землю с высоты.

Стр. 180. *«Грозовой перевал»* — роман английской писательницы Эмили Бронте (1847).

Стр. 182. *11 ноября. Точь-в-точь как крысы!* — речь идет о вторжении немецких войск в южную, до тех пор свободную от оккупации зону Франции, начавшемся 11 ноября 1942 г. Оккупация на два года лишила Камю связи с семьей, остававшейся в Алжире, где высадились англо-американские войска; он оказался как бы в «мышеловке».

Стр. 186. *Паскаль: Мы всегда совершаем ошибку, исключая что-то из своего поля зрения* — см.: Б. Паскаль, «Мысли», глава VIII, фрагмент XIV.

Стр. 187. *Гарнье* — подразумевается, по-видимому, восьмитомное собрание сочинений Шекспира (перевод Ф. Гизо), выпущенное издательством «Гарнье».

Стр. 188. «*Принцесса Клевская*» — роман г-жи де Лафайет (1678).

«*Адольф*» — роман Бенжамена Констан (опубл. 1816).

«*Принцесса де Монпансье*» — ранний роман г-жи де Лафайет (1662).

«*Графиня де Ганд*» — ее новелла (опубл. посмертно, 1724).

Стр. 189. *Эссе о бунте* — «Человек бунтующий».

Стр. 191. *Метафизические романы Мориса Бланшо* — Морис Бланшо (род. 1907) французский писатель и критик; ниже упоминаются его романы «*Загадочный Тома*» (1941) и «*Аминадаб*» (1942).

Стр. 192. *Изначально...* — следуют заметки к роману «*Чума*».

Стр. 193. *Стефан* — см. прим. к стр. 138.

Стр. 194. *Странная чума?* — несомненная аллюзия на «странную войну» (осень 1939—весна 1940 г.), когда Англия и Франция избегали широких военных действий против Германии; Камю сравнивает это с бездействием городских властей в начале эпидемии, о котором рассказывается в его романе «*Чума*».

Стр. 197. *Чистосердечие Киркегора* — имеется в виду трактат Киркегора «*Чистота сердца*».

Стр. 198. *Хитклиф* — герой романа Эмилии Бронте «*Грозовой перевал*».

Стр. 199. *Четыре месяца жизни аскетической и уединенной* — речь идет о вынужденном уединении Камю в деревне Панелье, где он поселился осенью 1942 г. и надолго застрял там из-за немецкой оккупации южной зоны.

Стр. 200. *...знает, подобно Паскалю...* — см. прим. к стр. 186.

Стр. 201. *Калликл* — персонаж диалога Платона «*Горгий*».

...см. Ницше (Происхождение философии, Бьянки...) — имеется в виду книга работ Ницше «*Происхождение философии в эпоху греческой трагедии*», вышедшая в 1938 г. во французском переводе Женевиэвы Бьянки.

Стр. 203. *Человек злопамятный в Эссе* — речь идет о книге Макса Шелера (1874—1928) «*Человек злопамятный*», вышедшей во французском переводе в 1933 г. Идеи Ницше и Шелера анализируются в «*Человеке бунтующем*» Камю, первоначально обозначавшемся писателем как «*Эссе о бунте*».

Стр. 204. *Антология незначительности* — позднее, в 1959 г., Камю опубликовал небольшой очерк «*О незначительности*», развивая в нем свой замысел.

Стр. 205. *...старик и кот...* — мотив, использованный в одном из эпизодов «*Чумы*» (часть I).

Стр. 206. *Зубочистка Жарри* — см. прим. к стр. 105.

Стр. 207. *Жильсон, Этьен* (1884—1978) — французский философ, историк философии.

Стр. 209. *Рене на могиле Полины...* — имеются в виду Франсуа-Рене де Шатобриан и графиня Полина де Бомон (1768—1803). Об их любви Шатобриан рассказал в первом томе своих «Замогильных записок» (опубл. 1848—1850).

Стр. 213. *Третье «Несвоевременное размышление»* — Ф. Ницше, «Несвоевременные размышления» (1873—1876).

Рансе, Арман-Жан Лебутилье де (1625/1626—1700) — аббат монастыря Нотр-Дам-де-ла-Трапп; в 1664 г. реформировал монашеский орден цистерцианцев, создав новый орден траппистов, отличающийся особо строгим уставом.

Стр. 215. *Валанс* — город в департаменте Дром, приблизительно в 50 километрах от деревни, где жил Камю.

Ван Гога поразила... — следуют выписки из переписки Винсента Ван Гога (впервые издана в 1911—1914 гг.).

Стр. 217. *«Кайе дю Сюд» («Южные тетради»)* — литературный журнал, выходивший с 1926 г. в Марселе.

Оторванность от родной почвы — подразумеваются идеи, развитые М. Барресом в романе «Оторванные от корней» (1897).

Стр. 218. *Агриппа д'Обинье* — Теодор-Агриппа д'Обинье (1552—1630), французский поэт, активный участник религиозных войн XVI века на стороне протестантов.

Стр. 222. *Для моего «творения против Творца»* — заметки к книге «Человек бунтующий» (глава «Бунт и искусство»).

Фюме, Станислас (1896—1983) — французский критик, эссеист.

Пегги, Шарль (1873—1914) — французский поэт и публицист.

Париж. Ноябрь 1943 г. — в ноябре 1943 г. Камю поступил на работу в издательство «Галлимар».

Сурена — «Сурена, парфянский полководец», последняя трагедия Пьера Корнея (1674).

Стр. 223. *Маньи*, Клод-Эдмонд (1913—1966) французский литературный критик.

Добавить в гранки «Калигулы»... — пьеса «Калигула» была издана в 1944 г. Предполагавшееся дополнение в ее текст не вошло.

Стр. 224. *Тридцать лет* — Камю исполнилось тридцать лет 7 ноября 1943 г.

Стр. 226. *Бэкон*, Роджер (ок. 1214—1292) английский монах, философ и естествоиспытатель.

Стр. 229. *«Бытие и ничто» («Бытие и небытие»)* — философский трактат Ж.-П. Сартра (1943). Личное знакомство Камю с Сартром состоялось в 1944 г.

Стр. 230. *Священник под пыткой совершает предательство* — мотив, использованный позднее в новелле «Ренегат» (сб. «Изгнание и царство», 1957).

Стр. 235. *Роман о Справедливости* — см. прим. к стр. 174.

Стр. 238. *Исправленное творение* — по-видимому, также одно из обозначений «Романа о Справедливости».

Боб идет в наступление... — заметки к «Роману о Справедливости» (речь идет об англо-американской высадке в Нормандии в 1944 г.).

Стр. 240. *Сад. Вскрытие произведено Галлем...* — выписки из работ о маркизе де Саде для книги «Человек бунтующий». Галль, Франц Йозеф (1758—1828) — немецкий врач, практиковавший в Париже, основатель френологии.

Стр. 241. *Шатобриан Амперу...* — Ампер, Жан-Жак (1800—1864) французский филолог и историк, постоянный посетитель, как и Шатобриан, знаменитого салона г-жи Рекамье. Шатобриан побывал в Греции во время своего восточного путешествия 1806—1807 гг.

Стр. 242. «*Жизнь Рансе*» — биография основателя ордена траппистов, написанная Шатобрианом (1844).

Ш. — очевидно, Шатобриан.

ТЕТРАДЬ № V

Сентябрь 1945 — апрель 1948 г.

Стр. 244. *...пути свободы...* — возможно, намек на романную трилогию Сартра «Дороги свободы» (или «Пути к свободе»), первый том которой вышел в 1945 г.

Стр. 247. *Форстер*, Эдвард Морган (1879—1970) — английский писатель и критик.

Стр. 248. *Трагедия* — речь идет вновь о «Романе о Справедливости», который Камю, видимо, пытался преобразовать в пьесу для театра.

Стр. 251. *... ко мне... в один прекрасный день пришла слава* — имеется в виду громкий успех «Калигулы», поставленного осенью 1945 г. в театре Эберто в Париже с Жераром Филипом в главной роли.

Тридцать статей — речь идет об откликах на премьеру «Калигулы».

Стр. 254. *...связать себя обязательством...* — в оригинале употреблено слово «ангажированность».

Стр. 255. *Тибодэ о Бальзаке...* — цитируется книга Альбера Тибодэ «История французской литературы с 1789 г. до наших дней» (1936), часть II, гл. XI.

Стр. 256. *...упрекать меня в пессимизме?* — здесь и ниже имеются в виду суждения критики о Камю, основанные преимущественно на анализе «Мифа о Сизифе».

Стр. 257. *Эррио*, Эдуар (1872—1957) — французский политический деятель и литературно-художественный критик.

«*Анналы*» — журнал, основанный в 1929 г. французскими историками М. Блоком и Л. Февром. Вокруг журнала сложилась

школа видных историков (Ф. Бродель, Ж. Ле Гофф, Э. Леруа Ладюри и др.).

Стр. 258. *Гийю*, Луи (1899—1980) — французский писатель.

Стр. 261. *Кёстлер*, Артур (1905—1983) журналист и писатель, издавший в 1940 г. в Англии роман «Слепящая тьма»; следуют выписки из этой книги.

Стр. 264. *Лаваль*, Пьер (1883—1945) — глава коллаборационистского правительства Виши, расстрелянный после освобождения Франции.

Стр. 265. *Окампо*, Виктория (1891—1979) — аргентинская писательница.

...процесс — речь идет о Нюрнбергском процессе 1945—1946 гг.

Стр. 266. *Чистки* — этим словом в первые послевоенные годы обозначался процесс чистки государственного аппарата Франции от людей, скомпрометировавших себя сотрудничеством с нацистами.

Стр. 267. *Ситуация* — понятие философии Сартра, подразумевавшего под ним условия экзистенциального выбора, осуществляемого человеком в жизни (включая сюда условия как исторические, так и вневременные, метафизические).

Стр. 268. *Лурмарен* — селение в департаменте Воклюз на юге Франции, у подножия горной цепи Люберон. Камю побывал там в гостях у писателя Анри Боско. Позднее он окончательно поселился в Лурмарене; там находится и его могила.

Стр. 270. *Мачадо*, Антонио (1875—1939) — испанский поэт.

«*Речи Хуана Майрены*» — эссеистическая книга А. Мачадо (1936—1938).

19 февраля 1861 г. Отмена крепостного права в России... — занятия Камю историей русского освободительного движения отразились частично в книге «Человек бунтующий», частично — в пьесе «Праведники» (1949).

Стр. 272. *Риго*, Жак (1899—1929) — французский писатель-дадаист, автор афоризмов.

Стр. 273. «*Комба*» — левая парижская газета, возникшая в период оккупации как подпольное издание Сопротивления. В 1944—1947 гг. Камю был ее главным редактором.

Бретон, Андре (1896—1966) — французский писатель, лидер и теоретик сюрреализма.

Сюрреалисты, становящиеся марксистами... — два виднейших поэта-сюрреалиста 20-х гг., Арагон и Элюар, в дальнейшем стали коммунистами.

Рембо, ударившийся в благочестие — религиозное «обращение» Артюра Рембо состоялось только на смертном одре.

Стр. 274. *Шнербер*, Манес (1905—1984) — писатель, эмигрант из Чехословакии, автор книг на французском и немецком языках.

Между Пьеро делла Франческа и Дюбюффе — судя по всему, имеются в виду какие-то картины этих двух художников (в помещении, где происходила беседа?).

Стр. 275. *...высланных черкесов* — имеются в виду народы СССР, репрессированные в 40-х гг.

Стр. 276. *Бразийак, Робер* (1909—1945) — французский писатель, расстрелянный после освобождения Франции как активный коллаборационист. Камю, осуждая всякие репрессии против творческой интеллигенции, подписал письмо с просьбой о его помиловании.

Стр. 278. *«Бирманские дни»* — первая книга Джорджа Оруэлла (1933), где описывается его служба в английской колониальной полиции.

Зиммель, Георг (1858—1918) — немецкий философ; его книга *«Шопенгауэр и Ницше»* вышла в 1907 г.

...переведенный на английский Бернери... — вероятно, речь идет об испанском публицисте-анархисте Камилло Бернери (1897—1937). О его переводческих работах сведений, однако, нет.

Стр. 279. *Майстер Экхарт* (ок. 1260—1327/1328) — немецкий монах, философ-мистик.

Ангелус Силезиус (в миру — Иоганнес Шеффлер, 1624—1677) — немецкий монах, теолог и мистический поэт, родом из Бреслау (Силезия).

Санте — парижская тюрьма.

Ребате и Морган — два противоположных по своим позициям публициста: крайне правый Люсьен Ребате (1903—?) и редактор коммунистической газеты Клод Морган (1898—?).

Стр. 280. *Заглавие на будущее: Система* — см. прим. к стр. 174.

Стр. 284. *Исократ* (ок. 436—ок. 338 до н.э.) афинский оратор, политический деятель.

Эсхил о Елене... — см.: Эсхил, *«Агамемнон»* (458 до н.э.), стасим II.

Ланательер, Амеде Дюбуа де (1890—1932) — французский живописец.

Каляев, Иван Платонович (1877—1905) русский эсер, убивший в 1905 г. московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича и казненный за это. Камю сделал его главным героем своей пьесы *«Праведники»*.

Стр. 285. *«Большая логика»* — *«Наука логики»* (1812—1816), капитальный философский труд Гегеля.

«Архив Чулы» — материалы к роману, которые Камю опубликовал в 1947 г. в издании *«Кайе де ла Пляяд»*. Перечисляемые здесь фрагменты среди них отсутствуют.

Стр. 286. *Горечь успеха* — речь идет о Премии критиков, которая была присуждена Камю за роман *«Чума»*.

Стр. 287. *Пьеса. Террор. Нигилист* — Камю работает над пьесой *«Праведники»*.

Стр. 289. *Крапуйо. Анархия* — речь идет о специальном номере парижского журнала «Крапуйо» (январь 1938 г.), посвященном анархизму.

Тайяд. Лоран (1854—1919) французский поэт-сатирик; был известен своими симпатиями к анархизму.

«*Воспоминания следователя*» — книга французского юриста Мартена Ленеф де Невилля (1883).

Штирнер: Единственный и его достояние — книга немецкого философа, левого гегельянца Макса Штирнера (наст. имя Иоганн Каспар Шмидт, 1806—1856), вышла в 1845 г.

Стр. 290. *Лоосская тюрьма* — в городке Лоос, близ Лилля.

Стр. 291. *Гренье. О правильном использовании свободы* — эта книга Жана Гренье вышла в 1948 г.

Стр. 292. *Марьон о Дефо...* — вероятно, имеется в виду книга французского литератора Дени Марьона (наст. имя Марсель Дефосс, 1906 — ?) «Даниель Дефо» (1948).

Мерло-Понти, Морис (1908—1961) — французский философ, близкий к экзистенциализму. Здесь речь идет о его политическом эссе «Гуманизм и террор» (1947), вызвавшем разрыв с ним Камю.

Стр. 293. *Двингер, Эдвин Эрих* (1898—1981) — немецкий писатель. В 1915 — 1918 гг. находился в русском плену; о плене и о гражданской войне в России рассказывается в его книгах «Армия за колючей проволокой. Мой сибирский дневник» (1929) и «Между красными и белыми» (1930); французские переводы — соответственно 1930 и 1931 гг.

Стр. 294. *Батай, Жорж* (1897—1962) — французский писатель, эссеист.

Этюд о Г. — как предполагают, имеется в виду Жан Гренье.

«*Дни нашей смерти*» (1947), «*Концентрационный мир*» (1946) — книги французского писателя и журналиста Давида Руссе (род. 1912), посвященные расследованию условий концлагерного режима в нацистской Германии.

Стр. 295. *Палант, Жорж* (1862— ?) — французский философ; его книга «Индивидуалистическая чувствительность» вышла в 1909 г.

Лотреамон: «Всей морской воды...» — цитата из книги прозаических фрагментов французского поэта Лотреамона (наст. имя и фамилия Изидор Дюкасс, 1846—1870), вышедшей в 1870 г. под названием «Стихотворения» (как полагают, автор рассматривал этот текст в качестве предисловия к будущей поэтической книге).

Стр. 296. *Бейль, Пьер* (1647—1706) — французский философ; его книга «Различные размышления о комете» (речь шла о знаменитой комете Галлея) вышла в 1682 г.

Кларк, Элеонора (род. 1913) — американская писательница.

Стр. 297. *Равашоль* (наст. имя Ф.-К. Кенигштейн, 1859—1892) — знаменитый французский анархист, казненный за ряд террористических актов.

Стр. 299. *Меня вынуждают заявить...* — имеется в виду «Ответ Эмманюэлю д'Астье де ла Вижери», напечатанный в июне 1948 г. Эмманюэль д'Астье де ла Вижери (1900—1969) — один из руководителей французского Сопротивления, писатель и публицист, лауреат Ленинской премии мира (1957).

Рошфор — вероятно, имеется в виду французский политический деятель, знаменитый публицист Анри Рошфор (1830 — 1913).

Стр. 301. *Давид засыпает Иегову мольбами...* см.: II книга пророка Самуила, XII, 13-22.

Печерин, русский эмигрант XIX в... — здесь и далее следуют выписки из книги Н. А. Бердяева «Русская идея» (1946), которую Камю мог читать в английском переводе (1947).

Стр. 302. *Маркион* (ок. 85—ок. 160) — философ-гностик, основатель маркионитской ереси в раннем христианстве. Н.А. Бердяев сближал с этой ересью взгляды Добролюбова и других русских «нигилистов», которые, подобно Маркиону, отвергали Бога, будучи не в силах смириться с торжествующим в мире злом.

Стр. 304. *Лукач, Дьёрдь* (1885—1971) — венгерский философ и литературный критик-марксист, автор книги «История и классовое сознание» (1923).

Стр. 305. *Вера Фигнер* — следуют выписки из воспоминаний В.Н. Фигнер «Запечатленный труд» (1921—1924, франц. перевод под заголовком «Мемуары революционерки» — 1930).

Пьеса «Дора» — «Праведники» (Дора — героиня этой пьесы).

Стр. 307. *Конец II действия* — в окончательной редакции эти слова использованы в конце III действия «Праведников».

Стр. 309. *Руссе* — см. прим. к стр. 294.

Стр. 310. *Словарь* — в подлиннике труднопереводимая игра прямыми и переносными значениями французских слов.

Лейзен — горный курорт в Швейцарии.

Стр. 311. *Питоев, Людмила* (1896—1951) и *Жорж* (1884—1939) — французские театральные деятели, супруги, выходцы из России.

Стр. 312. *Тенес* — портовый городок к западу от г. Алжира.

ТЕТРАДЬ № VI

Апрель 1948 — март 1951 г.

Стр. 314. *Королева Ранавало* — Ранавалона III (1862—1917), последняя туземная королева Мадагаскара; в 1897 г. была свергнута французами и последние годы жизни провела в Алжире.

Мадарьяга, Сальвадор де (1886—1978) — испанский писатель.

Стр. 315. *Вейль, Симона* (1909—1943) — французский философ и социолог. Ее основные сочинения издавались посмертно, в 40—50-е годы, при активном участии Камю.

Стр. 316. *Отец Фуко* — Шарль-Эжен де Фуко (1858—1916), французский миссионер, исследователь Африки.

С. В. — Симона Вейль.

Г. Грин: «Люди, живущие счастливо...» — вероятно, имеется в виду роман Грэма Грина «Тайный агент» (1939, франц. перевод 1948).

Стр. 317. «*Костер*» — неосуществленный замысел новеллы.

Комо — город в северной Италии, на берегу одноименного озера.

Стр. 318. В «*Критоне*» диалоги *Законов и Сократа...* — имеется в виду диалог Платона «Критон», где осужденный на казнь Сократ доказывает необходимость для гражданина подчиняться законам государства, пусть даже и несправедливым.

Сорга — речка в департаменте Воклюз, приток Роны.

«*Инквизиция в Кадисе*» — первоначальное название пьесы «Осадное положение» (1948).

«*Инквизиция и Иезуиты — два бича правды*», Паскаль — см.: Паскаль, «Мысли», гл. XXIV, фрагмент LXII. В дальнейшем Камю отказался от идеи использовать эту фразу как эпитафию к своей пьесе.

Стр. 319. *Гобино, Жозеф-Артюр де* (1816—1882) — французский писатель, автор трактата «О неравенстве человеческих рас» (1853—1855).

Разве сознающий человек может... — Ф.М. Достоевский, «Записки из подполья» (1864), часть I, гл. IV.

Д. — Достоевский (цитируются вновь «Записки из подполья», ч. I, гл. VII).

Стр. 321. *Согласно Бейлю...* — здесь имеется в виду Анри Бейль (Стендаль).

Стр. 322. *Германты* — аристократический род, персонажи романа Пруста «В поисках утраченного времени».

Стр. 323. *Александр Блок* — далее цитируются стихотворения А. Блока «Голос из хора» (1914) и «Как тяжело ходить среди людей...» (1910—1914); письмо к матери от 12 апреля 1909 г.; запись в дневнике от 5 января 1918 г.; заметка «Непонимание или нежелание понять?» (1912); речь «О назначении поэта» (1921).

Прокош. «Семь беглецов» — этот роман американского писателя Фредерика Прокоша (1908—?) вышел в 1937 г. (франц. перевод 1948).

Стр. 324. *Amor fati* — выражение философов-стоиков; у Фридриха Ницше означает радостное принятие судьбы сверхчеловеком.

Стр. 326. *Шар* — имеется в виду поэт Рене Шар.

Жакоб, Макс (1876—1944) — французский поэт.

Стр. 327. *Вережки* — пьеса «Праведники».

«Итальянские хроники» — книга Стендаля (1837—1839).

Ответ д'Астье — см. прим. к стр. 299.

Стр. 329. «*Знаменитые судебные процессы в России*» — книга русского публициста-эмигранта Василия Сухомлина (1885—1963), вышедшая в 1937 г. в Париже на французском языке. Следует ряд выписок из нее.

Винавер, Мишель (род. 1927) — французский писатель.

Стр. 331. *Гершуни*, Григорий Андреевич (1870—1908) — руководитель боевой организации партии эсеров.

При Московской коммуне... — очевидно, речь идет о декабрьском восстании 1905 г. в Москве.

Лапорт — имеется в виду книга французского историка Мориса Лапорта «История охранки. Тайная полиция царей (1880—1917)» (1935).

Встреча Бурцева с Азефом во Франкфурте — после приговора — Е. Азеф был публично разоблачен как полицейский провокатор в 1908 г. известным публицистом В.Л. Бурцевым; приговоренный к смерти ЦК партии эсеров, он скрылся в Германии.

Стр. 332. *Закончить 1 июня* — видимо, речь идет о пьесе «Праведники».

Предисловие — имеется в виду фрагмент, включенный в книгу «Злободневные заметки. I» (1950) под названием «Неопубликованное интервью».

Стр. 333. *Чайковский имел привычку...* — Камю делает выписки из книги Н. Н. Берберовой «Чайковский. История одинокой жизни» (1936, франц. перевод 1948).

Стр. 335. *Когда северные варвары разрушили пленительное королевство Прованс* — графство (а не королевство) Провансальское было в средние века независимым государством с высокой культурой; в XIV-XV вв. оно перешло под власть королей Франции и стало французской провинцией.

Мунье в «Эспри...» — Эмманюэль Мунье (1905—1950), французский философ-персоналист, был редактором основанного им в 1932 г. католического философского журнала «Эспри».

См. «*Южноамериканский дневник*» — в июне—августе 1949 г. Камю совершил поездку в Южную Америку, во время которой вел дневник, не включенный в «Записные книжки».

Стр. 336. *Георгиу* — вероятно, имеется в виду румынский писатель Константин Вирджил Георгиу (род. 1916).

Великий имам Али (ум. 661) — четвертый халиф (с 656) Арабского халифата; мусульмане-шииты считают его «первым имамом».

Стр. 339. *Монро*, Жюль (1908—?) — французский социолог и писатель.

Стр. 341. *Эми Лоуэлл — о Китсе* — имеется в виду книга «Джон Китс» (1924) американской писательницы Эми Лоуэлл (1874—1925).

Стр. 342. *Пер Гюнт рассказывает...* — см.: Г. Ибсен, «Пер Гюнт» (1866), действие пятое.

Don Giovanni — «Дон Жуан» (1787), опера Моцарта, либретто Да Понте.

Процесс Райка — фальсифицированный процесс в Будапеште в сентябре 1949 г. над министром иностранных дел Венгрии Ласло Райком (1909—1949), который был обвинен в шпионаже и приговорен к смерти.

Стр. 343. *...по словам Толстого, один немецкий князь* — здесь и далее (включая запись о Фридрихе II) Камю делает выписки из мемуарного очерка М. Горького «Лев Толстой» (1919—1923).

Стр. 345. *Эссе о Море* — «Море вблизи» (сб. «Лето», 1954).

Стр. 346. *Ламбер, Э.* — друг Жана Гренье и Луи Гийу.

Во время суда над Шибуниним Толстой... — об этих событиях, относящихся к 1866 г., см., например: Л. Толстой, [Воспоминание о казни солдата] (1908).

Стр. 347. *По Грину...* — следуют выписки из романа Грэма Грина «Суть дела» (1948, франц. перевод 1949); ниже упоминается герой этого романа полицейский Скоби.

Дорваль, Мари (наст. имя и фамилия Мари Делоне, 1798—1849) — ведущая актриса французского романтического театра; возлюбленная поэта Альфреда де Виньи.

Стр. 350. *Во время парижского восстания...* — речь идет о восстании 19—24 августа 1944 г., освободившем Париж от немецкой оккупации.

Галлимар, Гастон (1881—1975) — основатель издательства «Галлимар».

Галлимар, Робер (род. 1914) — сын Г. Галлимара, его преемник на посту генерального директора издательства.

Предисловие к «Изнанке и лицу» — речь идет о переиздании юношеской книги Камю (первое издание вышло в 1937 г.).

Стр. 351. *Маритен, Жак* (1882—1973) — французский религиозный философ.

Манжетка для «Праведников» — манжеткой называется бумажная полоска с короткой рекламной надписью, в которую оборачивается книга; книжное издание «Праведников» вышло в 1950 г.

Стр. 352. *Предисловие к «Политическим эссе»* — имеется в виду книга «Злободневные заметки. I» (1950).

Гарнье — парижское издательство.

Стр. 353. *Делакруа* — следуют выписки из двухтомного издания «Сочинения Эжена Делакруа. Фрагменты дневника, писем и литературных произведений», выпущенного в 1942 г. парижским издательством «Плон».

Могадор (совр. название Эс-Сувейра) — портовый город в Марокко, на берегу Атлантического океана. Э. Делакруа посетил Марокко в 1832 г.

Стр. 354. *Беспалов*, Рашель — французский критик.

Миллер, Генри (1891—1980) — американский писатель.

Стр. 356. *Рашель* (наст. имя и фамилия Элизабет-Рашель Феликс, 1821—1858) — французская трагическая актриса.

Стр. 358. *Мистраль* — холодный северо-западный ветер на юге Франции.

Стр. 359. *«Адольф»* — роман Б. Констана «Адольф». Ниже инициалами обозначаются его герои Адольф и Элеонора.

Стр. 360. ...*для солнечных эссе...* — вариант рукописи: «средиземноморских эссе». Речь идет о сборнике «Лето».

Стр. 362. *Гурджиев*, Георгий Иванович (1872—1949) — русский философ-мистик, работал во Франции и США.

Стр. 365. *Заглавие для «Костра»: Деянира* — см. прим. к стр. 317. По греческому мифу, жена Геракла Деянира передала ему отравленную одежду; пораженный ядом, Геракл, чтобы прекратить свои мучения, сжег себя на костре.

Стр. 366. *Роман* — следует, по-видимому, список людей, которые должны были послужить прототипами персонажей задуманного писателем романа.

«Море и небо влекут к мраморным террасам...» — из стихотворения в прозе Артюра Рембо «Цветы» (сб. «Озарения»).

Жид отравляется в СССР... — имеется в виду книга А. Жида «Возвращение из СССР» (1936).

Стр. 367. *Боссюэ*, Жак-Бенинь (1627—1704) — французский религиозный писатель и проповедник, епископ.

Кабри — местечко близ Грасса (в Провансе), куда Камю ездил отдыхать.

Стр. 372. *Духовные упражнения Святого Игнатия* — Лойола, Игнатий (ок. 1491—1556), испанский монах, основатель ордена иезуитов, автор религиозно-наставительной книги «Духовные упражнения».

Стр. 373. *Унтерлинден* — доминиканский монастырь в Кольмаре (Эльзас).

Стр. 377. *В Бру две лежащие фигуры...* — речь идет о монастыре Бру в г. Бург-ан-Бресс к северо-востоку от Лиона, в церкви которого похоронены герцог Савойский Филибер II (1480—1504) и его жена Маргарита Австрийская (1480—1530).

«Аксьон франсез» — шовинистическое движение, основанное писателем-националистом Шарлем Моррасом (1868—1952).

Стр. 379. *Взятие Веймара... полосатыми* — под «полосатыми» подразумеваются, очевидно, узники нацистских концлагерей; лагерь Бухенвальд находился близ города Веймара.

...*в камеру плевков* — этот мотив встречается в повести «Падение» (1956).

Роспуск группы — имеется в виду группа «Международная связь», созданная для помощи политическим заключенным в разных странах мира.

Лазаревич, Николай (1895 — ?) — французский литератор, выходец из России.

Стр. 381. *Александр Жакоб* — вероятно, имеется в виду французский памфлетист XIX века А. Жакоб (1826—1878).

Стр. 382. «*Этика*» — трактат Б. Спинозы.

«*Апология Сократа*» — диалог Платона, содержащий защитительную речь Сократа на суде над ним.

Стр. 383. *Перевод Тимона Афинского* — имеется в виду трагедия Шекспира «Тимон Афинский» (1608).

Любовь к дальнему — мотив «любви к далекому» встречается у Достоевского в «Братьях Карамазовых» (часть вторая, слова Ивана), у Ницше в книге «Так говорил Заратустра».

Стр. 384. *7 марта 1951 г. Окончил первый вариант «Человека бунтующего»* — книга вышла в свет в октябре 1951 г.

С. Зенкин

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕТРАДЬ № I. Май 1935 года — сентябрь 1937 года	7
ТЕТРАДЬ № II. Сентябрь 1937 года — апрель 1939 года	47
ТЕТРАДЬ № III. Апрель 1939 года — февраль 1942 года	92
ТЕТРАДЬ № IV. Январь 1942 года — сентябрь 1945 года	153
ТЕТРАДЬ № V. Сентябрь 1945 года — апрель 1948 года	244
ТЕТРАДЬ № VI. Апрель 1948 года — март 1951 года	313
Комментарии	385

Литературно-художественное издание

КАМЮ
Альбер

СОЧИНЕНИЯ
В пяти томах

Том 5

Главный редактор В. И. Галий
Ответственный за выпуск В. В. Гладнева
Художественный редактор Б. Ф. Бублик
Технический редактор Е. В. Триско
Корректор В. С. Цыпина

Сдано в набор 20.11.97. Подписано в печать 27.01.98.
Формат 84x108 1/32. Бумага офсет.
Гарнитура Тип Тайме. Печать офсет.
Усл. печ. л. 21,84. Усл. кр.-отг. 23,41. Уч.-изд. л. 20,28.
Тираж 25 000 экз. Заказ № 2-13

«Фолно».

310002, Харьков, ул. Артема, 8

Отпечатано с готовых позитивов
на Харьковской книжной фабрике «Глобус»,
310012, Харьков, ул. Энгельса, 11

Камю А.

- К 18 Сочинения. В 5 т. Т. 5. Пер. с фр. /Коммент. С. Зенкина; Художники М. Квитка, О. Квитка. — Харьков: Фолио, 1998. — 410 с. — (Вершины).
ISBN 966-03-0282-7 (т. 5).

В пятый том сочинений А. Камю вошли «Записные книжки» автора.